

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

Москва
2001

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

Подписано в печать ??,??4.2001 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем ??,?? уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № ??

Типография ЗАО «АСТИ»

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск десятый)
М., 2001, 362 стр.

Ответственные редакторы В.А.Исаев, А.О.Филоник

Редактор М.И.Штемпель

Сборник посвящен исследованию проблем общественно-политического и социально-экономического развития Ближнего Востока. В нем собраны материалы, которые освещают разные актуальные вопросы жизни и жизнеобеспечения указанного региона на основе самых последних данных. Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, а также тех, кто интересуется современным положением арабских стран.

ISBN 5- 89394-053-9

ISBN 5–89394–053–9

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

После подписанного в Осло соглашения все ожидали, что жизнь на Ближнем Востоке войдет в нормальное русло. Предполагалось, что после десятилетий непримиримой борьбы в прошлое уйдет проблема, являвшая собой основу многочисленных политических и экономических неурядиц, а ресурсы, тратившиеся на арабо-израильские войны и на подготовку к ним, можно будет направить на созидательные нужды. При этом существовала надежда, что высвободившиеся ресурсы послужат не только социально-экономическому развитию, но и развитию политическому, расширив возможности политического участия в арабских странах. Ведь мир ведет не только к росту благосостояния, но зачастую и к росту демократии.

Пока нельзя с уверенностью говорить о том, как в конечном счете скажется завершение арабо-израильского противостояния на ситуации в ближневосточном регионе в целом, включая зону Персидского залива. Неуступчивость израильских властей, их нежелание выполнять взятые на себя обязательства заставляют усомниться в том, что завершение конфликта реально приблизилось.

Вопреки распространенным прогнозам, окончание борьбы между арабами и Израилем не снизит значимости проблем в различных уголках этого обширного региона, в частности в зоне Залива. Прекращение открытого конфликта лишь изменит характер противостояния – от словесной перепалки к непосредственным контактам, причем это можно наблюдать уже сегодня. Цель Израиля состоит в том, чтобы на смену его военной гегемонии на Арабском Востоке (в Машрике) пришла его более широкая политическая и экономическая гегемония на Ближнем Востоке в целом.

Все сходятся на том, что окончание арабо-израильского конфликта изменит облик Ближнего Востока в ближайшие годы. Однако по поводу того, как именно будет выглядеть регион в XXI столетии, мнения расходятся. И самые серьезные проблемы возникают вокруг нынешней формулы «мирного процесса» (заметим, что сам этот термин за последние три десятилетия оказался сильно «потрепан»). Реальное начало этому процессу было положено в октябре 1991 г., когда на Мадридской конференции многочисленные представители арабского мира (одни – в роли участников, другие – в качестве наблюдателей) встретились с посланцами Израиля, США и Советского Союза, доживавшего свои последние месяцы, чтобы обсудить пути прекращения конфликта. Принятая тогда формула

урегулирования была сохранена и в соглашениях, подписанных в Осло Организацией освобождения Палестины и Израилем в 1993-1995 гг., и в иордано-израильском мирном соглашении 1994 г. Определенный прогресс в урегулировании был достигнут, однако значительным пока его назвать нельзя.

Существующий проект всеобъемлющего арабо-израильского урегулирования, согласно мадридской формуле, призван обеспечить региону экономическое процветание. Во-первых, как уже говорилось, его реализация позволит в целях социально-экономического развития использовать огромные ресурсы, тратящиеся ныне на нужды безопасности. Во-вторых, исчезнет ощущение нестабильности, всегда связанное с противостоянием между государствами, а значит, возрастет приток инвестиций – как внутренних, так и внешних. Благодаря этому будет достигнут экономический рост, который сделает регион еще более привлекательным для инвесторов. В силу этого сама собой усилится региональная экономическая интеграция, а это послужит дальнейшему укреплению мира, причем все стороны будут прочно заинтересованы в сохранении региональной стабильности. Короче говоря, мир принесет благосостояние, которое, в свою очередь, будет делать этот мир все более прочным. Однако случиться это может лишь в том случае, если Израиль реально выполнит обязательства, взятые им на себя за столом переговоров.

Подспудно здесь существует и еще одна тенденция, о которой официальные представители не часто говорят в открытую, а именно: региональная стабильность и экономический рост автоматически приведут к нарастанию внутреннего давления в направлении расширения демократии и большей ответственности правящих в арабском мире режимов. Практика указывает на существование взаимосвязи между устойчивым экономическим ростом и политической либерализацией. Помимо всего прочего, невозможно управлять современной рыночной экономикой в течение длительного времени, сохраняя строгие ограничения на потоки информации и принятие решений. Итак, мир приведет не только к экономическому преуспеванию, но и к демократизации политической жизни.

Согласно устоявшемуся взгляду, данный процесс будет способствовать укреплению безопасности всех стран региона. Например, в зоне Залива арабские государства не должны позволять, чтобы политические критерии, связанные с арабо-израильским конфликтом, влияли на экономические решения. Не нужно им беспокоиться и о том, что их может затронуть нестабильность, существующая на западном направлении; большее внимание в плане безопасности им следует уделять таким «традиционным» вопросам, как баланс сил в зоне Залива, в частности между Ираком и Ираном. Выражаясь современным языком Вашингтона, такой подход обеспечит преимущества с любой точки зрения и всем сторонам – как арабам, так и Израилю.

Вместе с тем это отнюдь не единственное, а лишь наиболее оптимистичное представление о последствиях прекращения арабо-израильского

конфликта, и именно оно преобладает в американском дискурсе на данную тему. В самом регионе существуют две иные точки зрения. Определенные круги в каждой арабской стране полностью отрицают право Израиля на существование на Ближнем Востоке и считают Палестину неотъемлемой исторической частью исламского мира, отказываться от которой не вправе ни один из арабских лидеров.

Такая непримиримая точка зрения весьма распространена в мусульманских кругах. Однако еще более распространено возражение против условий урегулирования. В этом контексте встречаются два основных подхода. Первый заключается в том, что весь процесс, начатый в Мадриде, призван оказать поддержку Израилю, между тем как мусульмане в целом и арабы в частности – особенно после кризиса в Заливе – ослаблены. Данный мирный процесс не является результатом честного торга в ходе переговоров и не может быть оправдан на основе исламских принципов (заметим, что то же самое говорили в свое время крупные египетские улемы относительно Кэмп-Дэвидских соглашений, подписанных между Египтом и Израилем). Процесс Мадрид-Осло, по мнению сторонников данного подхода, – это всего лишь механизм для навязывания израильских притязаний при поддержке США и в условиях, когда арабские страны оказались неспособными действовать сообща.

Другая точка зрения – это логическое продолжение первой. Согласно ей, израильская агрессия лишь примет другие формы: Израиль будет стремиться подорвать исламский мир изнутри, навязывая мусульманам порочные нравы, позаимствованные им у Запада. Существует большая разница между согласием на существование Израиля как мощного, но изолированного государства, и согласием на мир, который позволит израильским туристам и бизнесменам свободно чувствовать себя в мусульманских странах, подрывая нравственные устои мусульманской молодежи.

Второй подход, не согласующийся с официальной позицией, – это подход арабских националистов и некоторых политизированных исламистов, которые полагают, что нынешний мирный процесс лишь усугубит положение арабов, и без того незавидное в силу целого ряда причин. Националистическая оппозиция, равно как и исламисты, считает, что процесс Мадрид-Осло означает победу Израиля и поражение арабского мира. Вместо того, чтобы привести к справедливому урегулированию, этот процесс нацелен на трансформацию военного превосходства Израиля в регионе в его экономическую и политическую гегемонию при поддержке США. Националисты и исламисты считают предлагаемый мир несправедливым и односторонним, не способным привести ни к чему хорошему, и полагают, что не следует заключать какие бы то ни было соглашения сейчас, когда арабы столь слабы, частично вследствие распада Советского Союза, который играл роль их международного покровителя, и разброда и шатаний в арабском мире, вызванных Второй войной в Заливе. Между тем Израиль, пользующийся безусловной поддержкой единственной оставшейся в мире сверхдержавы – США, оказался в выигрышном положении,

которое позволяет ему диктовать условия урегулирования. Современный период, с точки зрения националистов, – наихудший для стремления к миру. Израиль лишь усилит свою региональную гегемонию путем экономического завоевания арабского мира, в результате чего ослабить его господствующее положение станет просто невозможно. Таким образом, по мнению националистов, мир означает, что Израиль лишь расширит свои агрессивные поползновения при помощи новых методов, в первую очередь экономических, поскольку экономическая интеграция – средство достижения политического доминирования. Большинство арабов считает, что Израиль готовится к покорению Ближнего Востока не военной силой, а при помощи рыночных механизмов.

Итак, существуют три подхода к вероятным последствиям окончания арабо-израильского конфликта для будущности Ближнего Востока. Преобладающая точка зрения, выражаемая официальными кругами, характеризуется безграничным оптимизмом, а два оппозиционных подхода – исламистский и арабско-националистический – отличаются большей сдержанностью. В связи с этим возникает ряд гипотез, нуждающихся в рассмотрении.

Каждая из указанных точек зрения на ситуацию в регионе после достижения мира исходит из комплекса тесно переплетенных взаимоотношений и предположений, которые, возможно, порой не вполне реальны. Если сердцевина конфликта – палестинская проблема, то нынешняя ситуация действительно не сулит ничего хорошего в плане всеобъемлющего мира. Представляется, что в конечном итоге палестинцы, брошенные всеми на произвол судьбы, будут жить в нескольких изолированных казармах на Западном берегу р. Иордан и в Секторе Газа, пользуясь ограниченным суверенитетом, между тем как проблеме палестинской диаспоры, многочисленным беженцам на Ближнем Востоке не будет уделено ни малейшего внимания. Если так будет в действительности, то идея всеобъемлющего мира становится бесперспективной.

В целом здесь можно рассмотреть несколько гипотез.

Гипотеза первая: существует позитивная взаимная зависимость между внешним миром и внутренней демократией и стабильностью. Эта гипотеза противостоит идее демократического мира, которая была основной темой исследований международных отношений на протяжении минувшего десятилетия и которая вкратце сводится к тому, что демократические режимы не могут начать войну друг против друга; большая часть войн, которые велись в человеческой истории вплоть до новейшей эпохи, происходила между недемократическими режимами или между демократическими режимами, с одной стороны, и недемократическими – с другой; а причина здесь в том, что демократическая политика внутри страны – залог внешнего или регионального мира.

Позиция официальных кругов противоположна взгляду, опирающемуся на теорию такой причинной связи; она сводится к тому, что мир в регионе приведет к внутривнутриполитической либерализации и достижению большей стабильности. Если раньше задача противодействия внешнему

врагу, в частности Израилю, оправдывала громадные военные расходы и внутренние репрессии, то мир лишит правителей подобных оправданий, и внутри страны будет нарастать давление в направлении проведения политических реформ и либерализации. В то же время реформаторская политика в периоды мира между соседями создает условия для укрепления стабильности в масштабах региона в целом. Даже Израиль, считающийся уже сейчас демократическим государством, в условиях регионального мира будет подталкиваться к большей либерализации, особенно в том, что касается палестинцев, до сих пор подвергающихся репрессиям.

Однако пока данная гипотеза не подтверждается. Более того, на практике происходит скорее обратное: мир идет к большей нестабильности и нарастанию внутренних репрессий. Иными словами, существует обратная связь между миром и демократией. Так, после недавнего подписания мирного соглашения между тремя правящими ближневосточными режимами (Иорданией, властями палестинской автономии и Израилем) этот мир полностью перевернул демократическую политику с ног на голову и привел к нарастанию волнений и нестабильности.

Одним из косвенных результатов заключения иордано-израильского мирного соглашения в сентябре 1994 г. стала переориентация большинства программ демократических преобразований в Иордании в противоположном направлении. Преобразования эти были начаты в 1989 г., и уже были достигнуты немалые успехи. Так, в 1989-1993 гг. здесь проводились демократические парламентские выборы, был значительно ослаблен контроль за прессой, отменено чрезвычайное положение, действовавшее на протяжении ряда лет, легализованы политические партии, расширены политические и гражданские свободы. Хотя до достижения подлинной демократии Иордании предстояло проделать еще немалый путь, очевидно, что ряд практических шагов в этом направлении уже был предпринят.

Однако вслед за подписанием мирного соглашения с Израилем эта тенденция сменилась на противоположную, в частности, в двух областях. Во-первых, пресса вновь подверглась цензуре. Верно то, что иорданская пресса никогда не пользовалась неограниченной свободой, но официальная цензура, направленная против критики мирного процесса и его последствий, в 1996 г. стала более жесткой, чем три года назад. Во-вторых, после подписания соглашения с Израилем иорданское правительство стало более сурово вести себя по отношению к оппозиции, не прибегающей к насилию, в особенности оппозиции исламистской, к которой оно проявляло большую терпимость на протяжении длительного времени. Жесткая политика властей в отношении этой оппозиции проявлялась уже неоднократно. Так, осенью 1995 г. было арестовано несколько видных публичных оппозиционеров из числа исламистов, и среди них – пользующийся большой популярностью Лейс Шбейлят, руководитель Профсоюза инженеров Иордании, получивший на парламентских выборах 1989 г. больше голосов, чем любой другой кандидат. Дела оппозиционеров рас-

смаатриваются в военных трибуналах, где шансов на непредвзятое судебное разбирательство значительно меньше.

В политической жизни палестинцев также возникли проблемы в связи с мирным процессом. Пожалуй, палестинцы привержены демократии в большей степени, чем остальные арабские народы, поскольку уже довольно давно практикуют политический плюрализм – как внутри самих Западного берега и Газы, так и в органах Организации освобождения Палестины, действующих за пределами этих территорий в разных странах мира. После подписания в мае 1994 г. Каирского соглашения с Израилем, предусматривающего ограниченную автономию в Газе и Иерихоне и учреждение палестинской администрации, в политической жизни палестинцев наметился большой плюрализм, однако сейчас палестинские власти обвиняются в грубом произволе и диктаторских замашках.

Даже в Израиле, который, как считается, выигрывает от мирного процесса больше, чем остальные, нарастают волнения и нестабильность вследствие политических новаций, сформулированных в Осло. Израильское общество в целом подразделяется, если можно так выразиться, на два цивилизационных лагеря: один из них отличается глобальным взглядом на мир и придерживается демократии, а для второго характерен более узкий подход к еврейскому государству, исключающий все нееврейские элементы. Причем ряд исследователей полагает, что проблема различия этих подходов существовала еще до создания израильского государства и не нашла своего разрешения до сих пор. Прекращение же противостояния с арабами может обернуться тяжелыми последствиями, которые подорвут внутривнутриполитическую стабильность. Израиль с самого начала объявил себя демократическим государством, однако эта демократия распространяется только на евреев. С началом мирного процесса впервые появилась возможность расширить масштабы израильской демократии, и израильское общество наверняка столкнется с проблемой самоидентификации и станет свидетелем нарастания глубинной внутренней борьбы.

Хотя убийство представителем правых кругов Израиля премьер-министра И.Рабина можно считать единичным случаем, оно, тем не менее, является одним из предвестников будущей нестабильности, которая возникнет из-за обострения борьбы за политическую и социальную гегемонию. Таким образом, мирный процесс сулит Израилю не новую эпоху либерализма и стабильности, а нечто в корне противоположное.

Гипотеза вторая: мир приведет к ускоренному экономическому развитию региона. Это еще одна заметная тенденция в официальном подходе, согласно которой ценные ресурсы региона можно будет переключить с военных на гражданские нужды, а приток инвестиций позволит обеспечить крупный экономический рост. Наверное, можно сказать, что именно стремление повысить уровень благосостояния, а не желание добиться справедливости для той или иной стороны, явилось наиболее мощным стимулом для сторонников мирного процесса.

Нет сомнений в том, что Ближний Восток остро нуждается в экономическом росте, поскольку его экономические показатели – одни из худших в мире. Так, в 1985-1995 гг. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки наблюдался самый крупный в мире экономический спад, показатели которого превышали соответствующие аналоги в африканских странах южнее Сахары. Несмотря на существование ряда нефтеориентированных экономик в регионе, Ближний Восток по всем критериям можно назвать отсталым в экономическом отношении, особенно если сравнить его с государствами Восточной Азии. Так, если уровни накопления и инвестирования на Ближнем Востоке сопоставимы с отдельными регионами третьего мира, то в сравнении с государствами Восточной Азии они не достигают и половины. Если в целом масштабы мировой торговли в 80-е годы возрастали на 5% ежегодно, то торговый оборот Ближнего Востока и Северной Африки уменьшался на 1,5% в год.

Уровень преобладающих цен в регионе отражает отсутствие интеграции в систему мировой торговли. Эти цены удалены от мировых показателей в большей степени, чем в любом другом регионе мира, за исключением африканских стран южнее Сахары. На протяжении двух истекших десятилетий доля экспортируемой продукции перерабатывающей промышленности на душу населения в регионе не изменилась, между тем как в странах Восточной Азии она возросла в 7 раз. Средний уровень производительности труда на Ближнем Востоке за 1960-1990 гг. весьма низок по сравнению с Восточной Азией и даже ниже средних показателей по Латинской Америке и Карибскому бассейну. Поэтому неудивительно, что доверие инвесторов к региону невысоко. Наибольшую тревогу вызывает то обстоятельство, что Ближний Восток занимает последнее место в развивающемся мире по размерам прямых иностранных инвестиций. Так, в 1993 г. регион привлек лишь 3% от совокупных иностранных инвестиций, причем этот показатель не изменился с 1983 г. Что касается Латинской Америки, то ее доля в совокупном объеме прямых внешних инвестиций составила 26%, а Южной и Восточной Азии досталась их львиная доля – 58%. Даже Центральная Азия и Восточная Европа, все еще страдающие от неурядиц, связанных с социально-экономической трансформацией, получили в 3 раза больше внешних инвестиций, чем Ближний Восток.

Пожалуй, наиболее ярко свидетельствует об экономическом отставании Ближнего Востока за последние десятилетия сравнение этого региона с Юго-Восточной Азией. Так, в 1960 г. уровень душевого дохода в семи наиболее развитых странах Ближнего Востока был несколько выше, чем в семи государствах ЮВА (Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Малайзия, Индонезия и Таиланд), и равнялся 1500 долл. против 1450 долл. соответственно. На сегодняшний день положение в корне изменилось: душевой доход в странах ЮВА втрое выше, чем на Ближнем Востоке. Дело усугубляется тем, что пропасть между богатыми и бедными странами Ближнего Востока достигла колоссальных размеров; если исключить

группу очень богатых ближневосточных стран, то соответствующие показатели для остальных государств окажутся намного ниже.

Предполагается, что прекращение арабо-израильского конфликта изменит это тяжелое экономическое положение. Теоретически можно сказать, что стабильность и либерализация в регионе (первая гипотеза) позволят привлечь больше инвестиций, как внутренних, так и внешних; миллиарды долларов, которые утекли за рубеж, подальше от политических и экономических потрясений, вернутся благодаря миру на Ближний Восток, и региональная торговля позволит добиться экономического скачка. Как бы то ни было, на Ближнем Востоке присутствуют многие компоненты, нужные для развития: это и технические навыки, и зоны, богатые капиталами (нефтедобывающие государства), и зоны, изобилующие достаточно дешевой рабочей силой. Длящийся конфликт мешает интегрированию этих зон к их взаимной выгоде, а его прекращение может высвободить эти ресурсы, позволив им плодотворно и конструктивно объединиться.

Сторонники данного подхода указывают на израильские торговые миссии, развившие большую активность на Ближнем Востоке, на обсуждавшиеся правительствами проекты создания совместных коммерческих предприятий. В частности, ссылаются на подписанное в 1995 г. соглашение между Катаром и Израилем о совместной эксплуатации природного газа, на встречи между торговыми и правительственными представителями в регионе, утверждая, что все это служит предвестником приближающегося экономического скачка на Ближнем Востоке.

Хотя практика свидетельствует о существовании более прочной взаимозависимости между миром и экономическим ростом, чем между миром и демократией (согласно первой гипотезе), можно утверждать, что эта взаимная связь не доказана. Даже если предположить, что все стороны могут прийти к широкой кооперации и интеграции (что само по себе не просто с учетом исторического противостояния и связанных с ним психологических комплексов), все равно существует целый ряд факторов, не подверженных влиянию государств. Назовем два таких фактора.

1. Международная торговля и инвестиции могут в возрастающей степени концентрироваться в рамках тех или иных блоков, главные из которых – Европа (Евросоюз и подчиненные ему структуры), Северная Америка (НАФТА и участвующие в этом соглашении страны) и Восточная Азия (Япония, Китай и «азиатские тигры»). Весь Ближний Восток в целом может остаться вдали от этих блоков, между тем как отдельные его страны могут попытаться занять свою нишу в каком-либо из них. Понятно, что наиболее благоприятная альтернатива – создание схожего экономического блока на самом Ближнем Востоке. Однако такое объединение не сумеет соперничать с названными блоками, добившимися значительного индустриального прогресса. Понятно, что торговля в режиме наибольшего благоприятствования, не говоря уже об инвестициях, будет концентрироваться внутри самих блоков, ведя к интенсификации экономического роста в каждом из них в отдельности, между тем как отношения с любыми внешними сто-

ронами будут сокращаться. Возникновение таких ограниченных блоков не является неизбежностью, однако оно весьма вероятно. Могут возникнуть и относительно открытые блоки, однако действовать они будут главным образом в интересах своих государств.

2. Инвестиционный капитал, необходимый для поддержания экономического развития, может в предстоящие годы оказаться в дефиците. Как уже отмечалось выше, Ближний Восток привлекает лишь 3% совокупного международного инвестиционного капитала, и маловероятно, что это положение существенно изменится в ближайшем будущем. Есть мнение, что нефтяные монархии Залива могут выступить в качестве активного хозяйственного партнера, предоставив региону необходимые финансовые ресурсы. Однако нестабильность нефтяного рынка и дефицит госбюджета у большинства этих стран заставляют усомниться в том, что они окажутся в состоянии выделить достаточные средства для стимулирования экономического роста.

Третья гипотеза состоит в том, что экономическое развитие повлечет за собой политическую либерализацию. О такой взаимозависимости между экономическим развитием и демократией пишут многие политологи. Согласно официальной концепции, если мира окажется недостаточно, чтобы наиболее авторитарные режимы в регионе пошли на большую открытость, то экономическое развитие, которое последует за достижением мира, несомненно, приведет к такой открытости. В любом случае Ближнему Востоку предстоит новая эпоха политической свободы.

Нельзя отрицать справедливости утверждения о том, что между экономическим благосостоянием и политической демократией существует позитивная взаимосвязь. Однако детали в каждом отдельном случае сильно разнятся. Так, если обратиться к примеру ряда стран Латинской Америки эпохи 80-х годов, то можно увидеть, что весьма существенную роль в достижении демократии сыграл сильный экономический застой, вынудивший режимы расширить правящие коалиции, чтобы переложить на них ответственность за дурное состояние дел в экономике. Иначе говоря, экономическое развитие не является достаточным залогом демократических преобразований, а наиболее распространенный стимул таких преобразований – это наступление кризиса вслед за периодом благополучия, что и побуждает страну встать на путь большей демократической открытости.

Нет оснований для уверенности в том, что экономический рост непременно поведет к политической открытости еще и потому, что в ряде случаев все произошло с точностью до наоборот. Так, китайский политический режим усилился благодаря экономическому росту, достигнутому вследствие реализации программы экономической либерализации. Логика событий проста: рост экономики дает государству больше ресурсов, которые можно использовать для укрепления деспотического режима.

Даже если мирный процесс принесет ожидаемое благосостояние (хотя верится в это с трудом), то вряд ли оправдана надежда на то, что это благосостояние повлечет за собой открытость в авторитарных государ-

ствах Ближнего Востока. Наоборот, достижение благосостояния может лишь укрепить эти режимы и проложить путь новой эпохе авторитаризма.

Четвертая гипотеза: мирный процесс укрепит региональную безопасность. Однако идея, согласно которой региональная безопасность автоматически упрочится вследствие мирного процесса, не вполне ясна. На данный момент не видно, чтобы безопасность государств в регионе подверглась отчетливому влиянию мирного процесса – как позитивному, так и негативному, поскольку основной костяк сил на Арабском Востоке не претерпел каких-либо изменений. Изменилось лишь соотношение этих сил благодаря тому, что международное сообщество поощряет военную гегемонию Израиля и придает ей законность. Подобный дисбаланс гораздо опаснее, чем равновесие сил, сколь бы добрыми ни были намерения государств-гегемонов.

Существует и более серьезная проблема, связанная с личной безопасностью в ходе мирного процесса. Отдельные граждане в результате этого процесса стали подвергаться большей опасности, нежели до совещания в Мадриде. Больше других пострадали в результате мирного процесса палестинские беженцы, проживающие в соседних арабских странах; опасности, нависающие над ними, в последнее время заметно умножились. Одна из подспудных идей мирного процесса состоит в том, чтобы отделить палестинскую диаспору от палестинцев Западного берега и Газы. Если выражаться прямо и точно, можно сказать, что палестинская диаспора – а большинство в ней составляют беженцы – отстранена от мирного процесса, а судьба этих палестинцев находится в руках отдельных государств региона. Ливан уже заявил о своем желании освободиться от всех проявлений материального присутствия палестинцев, запретив выдавать им разрешения на трудоустройство и наложив жесткие ограничения на поселение палестинцев в определенных районах. В Иордании будущее палестинцев также сопряжено с проблемами, несмотря на то что эта страна дала палестинцам больше, чем любое другое арабское государство. В Иордании существует экстремистское течение, требующее изгнания из страны всех палестинцев, однако наиболее вероятно то, что они будут здесь полностью отстранены от политической жизни (с предоставлением им политических прав в Палестине вместо Иордании). В Сирии будущность палестинцев столь же неясна.

Угроза может затронуть не только палестинцев. Мирный процесс привел к наращиванию актов насилия и против израильтян. После подписания соглашения в Осло число израильтян, павших от рук террористов, значительно возросло, превывсив совокупное число жертв интифады. Вероятнее всего, это насилие продолжится, хотя и не достигнет той остроты, которая наблюдалась в феврале и марте 1996 г. Некоторые исследователи предполагают, что в предстоящие годы возрастет и число израильтян, которые будут подвергаться угрозе со стороны самих израильтян.

Подводя итоги, можно сказать, что основные явные и подспудные предположения, связанные с мирным процессом, вызывают серьезные

сомнения. Не вполне убедительны и некоторые постулаты, содержащиеся в тех или иных концептуальных подходах. Например, может ли такое государство, как Израиль с его ограниченными людскими ресурсами, осуществлять экономическую гегемонию по отношению к странам, значительно превосходящим его по численности населения, не говоря уже обо всем регионе в целом? Ведь Египет и Израиль достигли мирного соглашения больше двух десятилетий назад, однако первый не стал зависеть от последнего в экономическом отношении.

Вероятные последствия мирного процесса для Ближнего Востока в целом будут, разумеется, более сложными и неоднозначными, чем предполагают сторонники официального подхода и их противники. По какому же пути пойдет «новый» Ближний Восток?

Согласно преобладающему мнению, значимость арабо-израильского конфликта для зоны Залива и всего ближневосточного региона будет постепенно уменьшаться по мере достижения политического урегулирования. В случае, если стороны конфликта найдут взаимоприемлемые пути, монархии Залива и другие государства смогут в определенной степени освободиться от своих обязательств в отношении данной проблемы, а значит получат больше свободы действовать в собственных интересах. В результате ослабнет, а затем и вовсе исчезнет идеологический комплекс, побуждающий искать общеарабский консенсус по данному вопросу.

В противоположность этому мнению, существует предположение, что мир приведет к более тесному прямому взаимодействию между Израилем и его партнерами, с одной стороны, и государствами Залива – с другой. Проще говоря, продолжение мирного процесса может стимулировать возникновение региональной экономической системы, непосредственно связывающей страны Залива со странами Машрика. Согласно официальной концепции, эта система придет на смену хрупким экономическим коалициям ближневосточных государств, подняв хозяйственное взаимодействие между ними на более высокий уровень. Однако такое взаимодействие будет отличаться по своему характеру от региональной интеграции. Данная система будет строиться на основе гегемонии; силы и выгоды в ней будут неравны, поскольку она будет включать в себя страны центральные, посреднические и периферийные и строиться на принципе национальных интересов. Короче говоря, сильные различия между государствами региона с точки зрения их экономического потенциала будут напоминать раннюю стадию капитализма. Появятся главные государства региона – Израиль и богатые нефтью страны Залива, а Иордания, Египет и Палестина будут выполнять роль посредников.

Чтобы уяснить экономические перспективы региона, нужно учитывать три важных обстоятельства. Во-первых, в Израиле появился мощный буржуазный класс, стремящийся претворить израильскую военную гегемонию на Арабском Востоке в экономические выгоды. Израиль сегодня – это уже не социалистическое государство, живущее за счет щедрости Соединенных Штатов; это активная, быстро развивающаяся экономическая держа-

ва, производящая инвестиционные товары высокого уровня. После 1992 г. израильская экономика стала одной из наиболее динамично развивающихся экономик мира.

Именно буржуазное общество подтолкнуло израильскую Партию труда к началу мирного процесса с арабами в то время, когда по мощи Израиль достиг превосходства над всеми своими соседями. По мнению этого общества, устойчивое владение Израилем несколькими квадратными километрами на Западном берегу р. Иордан не столь полезно для безопасности и процветания страны (и для интересов буржуазного общества), сколь полезным может оказаться выход на арабские рынки, до сих пор не эксплуатировавшиеся. Поэтому принесение в жертву отдельных частей Западного берега было недорогой ценой для мира, который должен принести Израилю подлинное процветание. Однако на сегодняшний день неясно, в какой мере израильская буржуазия полна решимости развивать эту инициативу. Выборы 1996 г. показали, что консерваторы-сторонники жесткого курса могут воспрепятствовать реализации интересов буржуазного класса. Характерно, что после сообщения о победе Б.Нетаньяху на выборах стоимость акций на израильском фондовом рынке упала на 5%, что было связано с опасениями относительно перспектив мирного процесса. С одной стороны, буржуазное общество приветствует политику свободного рынка, проводимую Ликудом; с другой, – оно получит больше дивидендов от торговли с арабским миром и от инвестиций, поток которых возрастет в результате достижения мира.

Израиль обладает двумя относительными преимуществами, которые сделают его частью экономической сердцевины региона. Первое преимущество состоит в том, что он располагает достаточно развитой капиталоемкой промышленностью, производящей товары, необходимые для будущего Ближнего Востока. Поэтому ожидается, что он станет центром производства капиталоемкой высококачественной продукции в регионе – благодаря высокому образовательному уровню рабочей силы, развитой научной инфраструктуре, высокой способности привлекать инвестиции в эту сферу (например, компания «Интел», крупнейшая из фирм, работающих в области производства компьютерных плат, строит самое большое в Израиле инвестиционное предприятие). Второе преимущество состоит в том, что Израиль обладает уникальной способностью проникать на западные рынки. Такого преимущества нет ни у одной другой страны региона. Израиль поддерживает особые торговые отношения с США и Европой, причем это такие отношения, какие бывают только между ближайшими и наиболее доверенными торговыми партнерами. Способность Израиля проникать на эти рынки может содействовать проникновению на них других стран региона. Иными словами, использование израильских дистрибьюторных возможностей во всемирном масштабе может оказаться весьма привлекательным для арабских стран, если ограничения в области взаимодействия с мировыми торговыми блоками в целом ужесточатся.

Таким образом, появление мощной израильской буржуазии после нескольких десятилетий социалистического застоя в экономике предвещало начало переговоров о мире между Израилем и его соседями. Для Израиля характерно сочетание динамичной экономики, сильного государства и мощной военной организации, способной защитить фундаментальные израильские интересы в регионе. Все это означает, что Израиль в состоянии претворить свою военную гегемонию в регионе в экономические дивиденды.

Вторая составляющая регионального баланса на современном Ближнем Востоке, побуждающего к созданию региональной экономической системы, – это несколько арабских стран, играющих так называемую субподрядную роль. Слой посредников всегда играет главную роль в отношениях зависимости, возникающих между богатыми и бедными государствами. Эти посредники стремятся к осуществлению собственных интересов, поддерживая связь между мощными иностранными экономическими интересами и местными рынками. Вне зависимости от того, являются ли они гражданами наименее развитых стран или просто проживают в них, они хорошо подготовлены к обслуживанию торговых интересов центральных государств в так называемых периферийных социумах. Но на Ближнем Востоке есть не столько класс посредников, сколько государства-посредники. Называют их «субподрядчиками», согласно устоявшейся в регионе терминологии.

Функции этих государств сводятся к посредничеству между Израилем и периферийными арабскими государствами и между Израилем и центральными государствами Залива, а также к обслуживанию интересов самих государств-посредников. Хотя эти страны не будут иметь тех преимуществ, которые достанутся центральным государствам экономической системы на Ближнем Востоке, они все же окажутся в лучшем положении, нежели периферийные государства, в число которых войдет большинство арабских стран.

Страны, которые могут выполнять эту посредническую роль благодаря своим отношениям с Израилем, – это Иордания, Египет и палестинская администрация. Израильская экономика на порядок превосходит экономику Иордании или Западного берега и Газы и намного опережает экономику Египта, Иордании и Палестины, вместе взятых. Весьма вероятно, что палестинцы в той или иной форме возьмут на себя роль посредника, учитывая характер мирного процесса: совместные израильско-палестинские предприятия в регионе могут оказаться для арабов более приемлемыми, нежели непосредственное израильское присутствие.

Главный спор идет сейчас между Египтом и Иорданией. Емкость внутреннего рынка в Египте в 15 раз превышает емкость иорданского рынка; кроме того, в этой стране имеется устойчивый и обширный слой предпринимателей. Однако инфраструктура в Египте не слишком развита, и существенных улучшений в обозримой перспективе не предвидится. Что же касается Иордании, то она географически ближе к Израилю и к рынкам, которые тот намерен для себя открыть, – рынкам Залива. Кроме того,

Иордания стоит сейчас на пороге экономического подъема. Здесь улучшилась инфраструктура, правительство снизило уровень своего вмешательства в дела буржуазного общества и стремится поддерживать с ним дружественные отношения.

Соперничество за право выступать главным посредником для Израиля можно было воочию наблюдать на встрече в верхах в Аммане осенью 1995 г., когда Египет и Иордания завязали спор вокруг того, что лучше: мир с Израилем по-египетски или по-иордански? (Мол, мир по-иордански более искренний, а мир по-египетски старше по возрасту.) И какая из стран является наилучшим экономическим партнером для Израиля? В арабском мире эту открытую перепалку сочли тогда весьма постыдной.

Есть по меньшей мере две причины, побуждающие эти государства стремиться к роли посредника. Первая состоит в том, что страны-посредники, подобно социальной прослойке посредников, получают экономические выгоды, поскольку им достанется больше прибылей и инвестиций, чем самому Израилю по мере нарастания такого торгового оборота. Кроме того, может возникнуть поток обратной направленности: из стран Залива в Израиль и другие государства, так что страны-посредники смогут благодаря этому выйти на международные рынки.

Это подводит ко второй фундаментальной выгоде, которую получают страны-посредники, а именно: возрастание доходов от торговых операций, в результате чего уменьшится нужда этих стран в обложении своих граждан прямыми налогами с целью пополнения казны. Справедливо то, что получение доходов путем введения прямых налогов в конечном счете может подготовить почву для демократических преобразований. Однако в краткосрочной перспективе оно может вызвать политические волнения и потрясения. И наоборот, уменьшение потребности во введении прямых налогов на граждан обеспечивает государству свободу выбора при распоряжении своими доходами, и государства-посредники будут всячески стремиться к сохранению авторитарного курса в политике, так как преимущества демократических преобразований будут ничтожными. Именно так будут развиваться события, если буржуазное общество увидит, что оно пользуется выгодами от посредничества, и не сочтет, что его интересам отвечали бы демократические преобразования.

Третий элемент, который может привести к возникновению экономической системы в регионе, – это экономическое планирование в странах Залива на постнефтяной период. В настоящее время нефтедобывающие государства Залива – это часть мировой экономической системы, и нет никакого сомнения в том, что они наряду с Израилем станут центральным элементом региональной экономической системы. Залив будет обладать хозяйственной значимостью, пока он поставяет нефть на мировой рынок и остается относительно богатым, т.е. выступает в качестве источника капиталов, которые можно превратить в инвестиции. Несмотря на проблемы с дефицитом бюджета, испытываемые в последнее время этими странами, они могут сохранить за собой такую роль в обозримом буду-

щем. Вопрос здесь не в том, сохранят ли эти страны свое значение в рамках региональной экономической системы (ибо они его непременно сохранят), а в том, с какой целью они будут стремиться к интегрированию в региональную экономическую систему, и как именно это будет происходить.

И вновь можно назвать по меньшей мере две причины, побуждающие Израиль и страны Залива к укреплению сотрудничества между собой в будущем, исходя из собственных экономических интересов. Во-первых, правительства этих стран задумываются, что будет после исчерпания нефтяных ресурсов. Точнее говоря, они стремятся усовершенствовать свою нефтехимическую промышленность. Очевидно, что в перспективе эта промышленность должна соответствовать относительным характеристикам данных стран, т.е. ей следует быть капиталоемкой, а не трудоемкой в условиях этих малонаселенных стран и сосредоточиваться на выпуске высокотехнологичной продукции. Короче говоря, экономическое будущее Залива в значительной мере напоминает экономическое настоящее Израиля. Весьма вероятно, что государства Залива сочтут уместным обратиться к ряду стран, обладающих развитой технологической базой, – например, к Тайваню или Южной Корее. Не исключено, что в случае достижения урегулирования страны Залива могут установить отношения в этой области и с Израилем. Помимо прочего, сосредоточение усилий на капиталоемких отраслях промышленности позволит этим странам уменьшить свою зависимость от иностранной рабочей силы, учитывая, что эта задача – одна из их давних политических целей.

Здесь уместно задаться вопросом: почему именно Израиль? Разве страны Залива не могут обратиться к новым индустриальным государствам Восточной Азии, чтобы те помогли им развить различные отрасли промышленности? Тем более, что Саудовская Аравия уже на деле стала развивать экономические отношения с Японией, Китаем и Южной Кореей, в частности в области нефтепереработки. Но здесь надо учесть, что Израиль обладает способностью выходить на европейские и американские рынки, даже в условиях новых ограничений, вводимых экономическими блоками. Следовательно, он может принять участие в сбыте ненефтяной продукции стран Залива на западных рынках.

Возможно, главной основой нового Ближнего Востока станет формирование региональной экономической системы – впервые в истории региона. Если эта система будет близка к тому варианту, который обрисован, то ее выгоды для заинтересованных стран будут неодинаковыми, поскольку будет существовать пирамидальная структура распределения средств и прибылей. В первую очередь в выигрыше окажутся центральные страны региона – Израиль и нефтедобывающие государства Залива, которые окажутся иметь существенные преимущества перед остальными странами региона. Их относительные (а не абсолютные) преимущества возрастут, если в XXI в. ужесточатся ограничения, вводимые международными торговыми блоками. В этом случае возникнет второй эшелон государств, которые будут играть роль субподрядчиков и в число которых

войдет Палестина и либо Египет, либо Иордания. Главная функция этих стран, которая принесет им весьма существенные выгоды, будет состоять в поддержке экономических интересов Израиля в арабском мире. Такая поддержка будет свидетельствовать не о безусловной израильской экономической гегемонии на Арабском Востоке, как опасаются некоторые арабские националисты, а лишь о том, что Израиль, как основной игрок в регионе, будет стремиться, как указывалось, трансформировать свою военную мощь в экономические выгоды в рамках определенной хозяйственной системы.

Периферия этой региональной системы будет включать в себя другие арабские страны, в частности остальные страны Машрика, Йемен, Судан, большинство стран Северной Африки и части азиатского субконтинента. Эти государства в наибольшей степени проиграют от новой системы, как проигрывают они и на Ближнем Востоке в его нынешнем неинтегрированном состоянии; однако проигрыш этот будет относительным, а не абсолютным.

Все это – лишь предположения, которые могут осуществиться, если Израиль реально захочет этого, т.е. если он полностью будет привержен мирному процессу. До сих пор израильские власти выполнили лишь небольшую часть своих обязательств. Если они и дальше не проявят искреннего стремления к миру, то все арабские государства – и в первую очередь страны Залива – вероятно, пересмотрят свое отношение к мирному процессу, а следовательно, откажутся от всех форм нормализации отношений с Израилем, в частности в сфере экономики.

**США: ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ**

Вопрос об американских интересах в зоне Персидского залива – достаточно разветвленный и щепетильный. Эта тема поднимается в работах многих исследователей и специалистов. Эволюция интересов, обусловленных национальной безопасностью США в зоне Залива, развитие дву- и многосторонних оборонных связей между США и странами Залива носят долгосрочный характер. Ситуация, которая сложится в этой сфере в начале XXI в., будет, очевидно, в большей мере определять формы отношений между ними в области безопасности.

Хорошо известно, что оборонные институты планируют участие той или иной страны или группы стран в предстоящих войнах, исходя из опыта последней из войн, реально имевших место. Подобный подход не устраивает наиболее продвинутых аналитиков оборонной политики и в целом специалистов в области безопасности. Однако современные американские институты национальной обороны необычайно цепко придерживаются именно такого принципа. Администрация США планирует свою оборонную политику в регионе в свете идеи «главного регионального конфликта» и готовит войска к участию в возможном кризисе соответственно тому, что происходило в ходе операции «Буря в пустыне»¹.

Именно такое планирование предопределяет характер повседневных военных мероприятий и маневров США в Заливе и вокруг него; более того, военная деятельность стран ССАГПЗ, вероятно, также осуществляется без учета стратегической эволюции возможного противника в регионе и не ведет к упрочению внутренней безопасности в государствах этой зоны.

В начале 90-х годов многие видные аналитики, специализирующиеся на политике США в сфере обороны и безопасности, говорили о том, что на выработку и четкое формулирование принципов национальной безопасности в период после холодной войны Соединенным Штатам требуется от семи до десяти лет. Сейчас же лишь немногие аналитики полагают, что политика США в области национальной обороны поддается определению. Дело в том, что в настоящее время отсутствует консенсус между теми, кто принимает решения в данной сфере, который существовал во время холодной войны. Кроме того, различия в политике Республиканской и Демократической партий касаются сегодня не только внутривластных проблем².

Исчезновение консенсуса отчетливо сказалось на решениях, принимаемых органами национальной безопасности США. Правда, аналитики предполагают, что на протяжении всей истории США заметное единство взглядов по вопросам национальной безопасности существовало лишь эпизодически, и без этого консенсуса американская политика в данной сфере выглядит весьма произвольной и неуверенной, поскольку тесно увязана с преходящими обстоятельствами и событиями. В новых условиях испытывается жизненность американских интересов, определяется их характер, а также динамика международных отношений, без чего не обойтись при осуществлении этих интересов³.

Всегда было проще всего сказать, что политика США в области безопасности определяется их «жизненными интересами». Это само по себе проще, чем достичь консенсуса в отношении деталей этих интересов или, точнее говоря, в отношении тех или иных кризисов, влияющих на эти интересы. Некоторые полагают, что ядерная угроза, существовавшая в эпоху холодной войны, служила гарантией согласия между двумя основными партиями США по вопросам оборонной политики. Однако сторонники этого мнения не должны забывать событий, связанных с вьетнамской войной: хотя консенсуса тогда было больше, нежели сейчас, отдельные представители внешнеполитической элиты в обеих партиях всегда возражали против утверждаемой органами безопасности необходимости союза с рядом одиозных политических фигур, склонных к диктатуре. В таких случаях Конгресс принимал законодательные акты, признающие подобные союзы незаконными.

Таким образом, споры между представителями политических кругов и органов безопасности США относительно роли американских вооруженных сил, размещенных за рубежом, идут уже давно. После окончания холодной войны политика США в области международной безопасности стала более спорной, чем прежде. Президенты США, ожидающие получить поддержку со стороны народа и его политических представителей в Конгрессе сразу же после начала тех или иных силовых акций, должны понимать, что их решения, касающиеся национальной безопасности, будут подвергнуты тщательному изучению; зачастую политическая оппозиция накладывает на них ограничения, за исключением тех решений, которые предусматривают применение военной силы. Короче говоря, существенного консенсуса в отношении американской политики в области безопасности в эпоху после холодной войны может вообще не быть.

Несмотря на отсутствие постоянного прочного консенсуса, активная роль США в Заливе пользуется в настоящее время значительной поддержкой со стороны обеих основных партий страны. Более того, американские арабы и евреи, либералы и консерваторы, приверженцы много- и односторонних отношений, сторонники изоляционизма и нынешней мировой системы сходятся в поддержке непосредственных американских силовых акций в Заливе в случае любой новой агрессии Ирака против какой-либо из стран ССАГПЗ, Израиля или Иордании, а также в ответ на те или иные агрессив-

ные действия Ирана против любого из этих государств. Подобное единомыслие двух партий редко проявляется в отношении других составляющих нынешней политики США в области национальной безопасности. Например в Конгрессе идут острые дебаты по поводу политики в сфере нераспространения ядерного оружия или политики, требующей быстрой переброски американских войск в те или иные районы мира. Недавние дискуссии между представителями законотворческих кругов и исполнительной власти по вопросам национальной безопасности были достаточно острыми и отражали узкопартийные или личные подходы их участников⁴.

Согласие в поддержку активной политики США в Заливе сохраняет, несмотря на то что в политических кругах этой страны мало что известно о народах этого региона и их культуре, независимо от различий, существующих между общественно-политическими системами в государствах Залива и США.

Не учитывается и то обстоятельство, что военные и штатские лица из числа американских граждан (а их в Заливе относительно немного) могут в первую очередь подвергнуться опасности в случае развязывания какой-либо агрессии в регионе. По сути дела, существующий в американской политике консенсус относительно политики в Заливе не носит идеологического характера. В нем отсутствует также какая-либо семейственность или эмоциональность. Просто почти все представители американской элиты сходятся в том, что безопасность зоны Залива отвечает жизненным интересам США в силу технических причин, связанных с коммерческой деятельностью, и эмоции здесь не при чем.

Идея активной поддержки безопасности Залива со стороны США несколько раз подвергалась испытаниям. Так было, в частности, в 1995 и 1996 гг., когда имел место ряд инцидентов, связанных с внутривнутриполитическим насилием в Бахрейне и Саудовской Аравии. После теракта в Эр-Рияде против одного из объектов, принадлежащих Национальной гвардии, жертвой которого стали американцы, два государства предприняли ряд контрмер, чтобы положить конец внутреннему насилию. Однако правозащитникам эти меры показались излишне жесткими. Саудовскую Аравию обвинили в «нарушении прав человека». Но эти события не поколебали решимости сторонников той идеи, что американцам следует находиться в состоянии постоянной готовности защитить интересы своей безопасности; не нанесли они урона и политике в области безопасности.

Большинство наблюдателей, занимающихся проблемами Залива, согласны с тем, что в предстоящие годы этот регион непременно станет свидетелем существенных социальных и политических трансформаций. Причем многие аналитики полагают, что грядущие перемены подорвут стабильность в регионе. Так, один американский наблюдатель характеризует процесс трансформации как «огромный вал перемен, которые уже произошли или которые все еще происходят», и предсказывает «напряжение и развал политических и социальных систем в Заливе»⁵.

Не оценивая уровень оптимистичности или пессимистичности данного автора, можно отметить, что прогнозы относительно будущего стран Залива в значительной степени строятся на догадках. Нельзя однозначно говорить о том, что перемены в международной политике в эпоху после холодной войны непременно скажутся на основных принципах и практической жизни стран ССАГПЗ, а тем более о том, что политическая нестабильность в зоне Залива стала хронической и усилилась настолько, что с ней невозможно справиться, или уподоблять ее политической нестабильности в Египте либо в Алжире⁶.

Народы зоны Персидского залива вполне могут разочаровать тех, кто предсказывает грядущий политический хаос, так же, как были разочарованы те, кто предвещал региону неизбежную печальную участь в прошлом и настоящем.

Но как бы то ни было, справедливо предположить, что в зоне Залива, равно как и во всем мире, в XXI столетии грядут серьезные политические и социальные перемены. Тем, кто пытается сколько-нибудь достоверно предсказывать будущее Залива в долгосрочной перспективе, следовало бы учесть, что на всем протяжении XX в. аналитики почти никогда не давали верных прогнозов относительно крупных политических трансформаций в зоне Залива. На сегодняшний день не видно, что в регионе зреют масштабные чувства политического протеста. Кроме того, неофициальное участие разных представителей и структур в политическом процессе в странах ССАГПЗ значительно шире, чем представляется наблюдателям, отслеживающим деятельность официальных правительственных учреждений. Иначе говоря, большая вероятность революционных перемен, которые могут подорвать стабильность в зоне Залива, не делает эти перемены неизбежными. Кроме того, подобный ход событий не устроит, разумеется, правительства этих стран. Как не отвечает он и интересам США. Эти правительства вполне могут взять в свои руки управление процессом преобразований и сделать его не революционным, а эволюционным.

В противоположность позициям в поддержку американской роли в обеспечении безопасности Залива поддержка израильской политики в сфере безопасности опирается на мощное лобби, имеющее значительное финансирование. Здесь играют роль как кровные и национальные узы, так и моральная поддержка со стороны широких слоев американской общности. Произраильское лобби в Конгрессе весьма влиятельно; оно сумело обеспечить такую политическую и экономическую поддержку израильского правительства, которая, порой, переходит рациональные границы. Как бы то ни было, американцы всегда ставили интересы безопасности Израиля превыше прочих приоритетных интересов США в регионе; в результате подчас возникает ответная реакция в арабском мире, в том числе и в зоне Залива.

Соединенные Штаты неоднократно сталкивались с трудностями, вызванными совмещением задач обеспечения безопасности Израиля и защиты собственных интересов на Ближнем Востоке, особенно в том, что

касается нефти Залива. Наиболее наглядно эти трудности проявились во время арабо-израильской войны 1973 г., когда были прекращены поставки арабской нефти в США. Поэтому лучшим средством гармонизации этих задач для США было бы достижение мира между арабами и Израилем. США уже много раз пытались укрепить этот мир, чтобы обеспечить свои интересы в регионе. Достаточно вспомнить «челночную дипломатию» бывшего госсекретаря Генри Киссенджера и Кэмп-Дэвидские соглашения как многообещающие вехи на этом пути. Однако желаемые результаты так и не были достигнуты. Мирный процесс вновь активизировался после Мадридской конференции 1991 г. благодаря усилиям тогдашнего главы внешнеполитического ведомства США Джеймса Бейкера. Однако важнейшие сдвиги в этом направлении произошли не в результате смелой американской политики, а благодаря подписанному в Осло летом 1993 г. соглашению между министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом и руководителем Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом.

Не следует преуменьшать огромных трудностей, препятствующих переговорному процессу. Этот процесс заметно осложнился после того, как в середине 1996 г. на выборах в Израиле победил Б.Нетаньяху; негативную роль могут сыграть и события осени 2000 г. Однако на стратегическом уровне перспективы достижения постоянного соглашения, устраивающего все стороны, сохраняются, хотя готовность этих сторон подвергать себя тактическим политическим рискам, связанным с мирным соглашением, заметно уменьшилась по сравнению с бурным периодом 1993-1994 гг.

После избрания Билла Клинтона на второй президентский срок вновь назначенная на пост госсекретаря Мадлен Олбрайт подтвердила готовность США внести свой вклад в продвижение мирного процесса на дипломатическом уровне, а также обеспечивать выполнение мирных соглашений в регионе на военном уровне. Однако за последнее время никаких заметных положительных сдвигов на этом поприще не произошло; более того, вновь начавшаяся палестинская интифада грозит сорвать мирные усилия сторон.

Мирный процесс на Ближнем Востоке охватывает одновременно многие сферы, не ограничиваясь военно-политическими отношениями между противниками. Главная из этих сфер – экономическая. Характерно, что правительства арабских государств, включая страны Залива, проявляют готовность вступить в новые, нетрадиционные отношения с Израилем в случае успеха мирного процесса. И не случайно, что эту готовность выражают правительства тех стран Залива, которые наименее богаты нефтяными ресурсами. Таким образом, урегулирование арабо-израильского конфликта имело бы большое значение для безопасности Залива, не ограничивающееся ликвидацией военной угрозы со стороны Израиля.

Установление экономических отношений между Арабским Миром и Израилем в условиях глобализации и явных перспектив укрепления ново-

го мирового экономического порядка могло бы стать реальным фактором, стабилизирующим обстановку не только в регионе, но и на прилегающих территориях, хотя это и не означало бы мгновенного и одномоментного искоренения других проблем, которые создают напряженность на Ближнем Востоке.

¹ *Корн, Лоуренс.* Наши вооруженные силы с их избыточной численностью. – Foreign Affairs. – 1995. – Вып. 74. – № 6. – С. 22-34.

² Материалы научной конференции по национальной безопасности. – Школа управления им. Джона Кеннеди при Гарвардском университете, 29 марта – 2 апреля 1992 г. Выступая на конференции, декан школы Алберт Карнсейл и сопредседатель конференции Грэм Элисон уподобили американскую политику в области национальной безопасности «процессу сдвига пластов земной коры, который имеет место один раз в сто лет и продолжается от семи до десяти лет».

³ *Биллиндер, Карл и Карасик, Теодор.* Организация, подготовка и оснащение военно-воздушных сил для локальных кризисов и конфликтов. – Санта Моника: Рэнд Корпорейшн, 1995. – С. 9.

⁴ *Дорнан, Роберт.* Цель, которая не была достигнута. – Armed Forces Journal. – 1995. – № 5. – С. 4.

⁵ Объединенные Арабские Эмираты: геостратегические перспективы и угрозы. – Брошюра, изданная одним из консультативных центров по стратегическим вопросам, (б.м., б.г.).

⁶ *Бехджат, Джужит.* Региональный мир и стабильность в Заливе. – Security Dialogue, N.Y. 1995. – 26, № 3. – С. 317-330.

СИРИЯ: АКТИВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В одном из своих недавних интервью «Радио Дамаска» (12 сентября 2000 г.) вновь назначенный министр информации САР Аднан Умран, говоря о межарабской политике Сирии на современном этапе, достаточно ясно дал понять, что сегодня ее внешняя политика строится в значительной мере с учетом тех указаний и рекомендаций, которые оставил своему преемнику покойный президент Хафез Асад¹. Было бы, конечно, преждевременным на основании одного лишь заявления говорить в буквальном смысле о некоем «политическом завещании Асада». Но оставлять без внимания высказывания столь опытного политика, бывшего посла САР в Великобритании, заместителя генсека ЛАГ по меньшей мере опрометчиво. Тем более, что, как утверждают в осведомленных кругах Дамаска, А.Умран – один из ближайших соратников нового президента Сирии Башара Асада². Необходимо также учитывать, что несмотря на мощное продвижение западной цивилизации за последние десятилетия в арабском мире, она не смогла пока еще до конца разрушить мусульманский домострой, основным постулатом которого является безусловное подчинение и уважение младшими старших, особенно если речь идет об отцах и сыновьях. А покойный президент Х.Асад был для Башара больше чем отцом.

Известно, что Х.Асад был последовательным и искренним другом нашей страны. И даже в непростые моменты свертывания двусторонних отношений, когда происходившие в нашей стране в последнее десятилетие перемены неоднозначно воспринимались большинством политической сирийской элиты, Х.Асад как мудрый политик и стратег не спешил прислушиваться к голосам различного рода советчиков, будь то в самой Сирии или за ее пределами, и сбрасывать со счетов новую Россию, хорошо зная и веря в ее экономический, военный, а главное людской потенциал. Да и новый премьер-министр САР Мухаммед Мирот также не понаслышке знаком с нашей страной, где он некоторое время учился и бывал в составе партийно-правительственных делегаций³.

Подобные настроения, очевидно, послужили благоприятным фоном для работы российской экономической делегации, находившейся с официальным визитом в Сирии 16-17 сентября 2000 г. В целом достигнутые в ходе визита конкретные результаты и подписанные соглашения, наиболее важное из которых – Соглашение об избежании двойного налогообложения, могут быть оценены как положительные, обнадеживающие и откры-

вающие широкие возможности для восстановления и развития российско-сирийских торгово-экономических связей, причем не только по линии государственных, но и частно-коммерческих предприятий.

Конечно, общее прошлое в идеологии, совместные выступления на международной арене, стремление двигаться в направлении, указанном Х.Асадом, являются важным эмоциональным компонентом отношений, однако без конкретного наполнителя они вряд ли способны послужить прочной основой долговременных и эффективных связей.

Сегодня у власти в Сирии стоит новый руководитель – президент Башар Асад. Некоторые считают его слишком молодым и недостаточно опытным, чтобы руководить такой страной, как Сирия, в условиях сложной ситуации в регионе. Между тем, несмотря на молодость, за последние шесть лет Башар сумел, под неусыпным руководством своего отца-президента, превратиться из только еще подающего надежды врача-офтальмолога в достаточно зрелого, современного и целеустремленного политика, заняв достойное место в плеяде молодых арабских лидеров. В последние год-полтора Башар Асад с честью выдержал боевое (события в Латакии в октябре 1999 г.) и политическое (сирийско-израильские переговоры, вывод израильских войск с юга Ливана, обеспечение неконфронтационного перехода власти в стране) крещение и по праву занимает сегодня самые высокие посты в государстве⁴. Да и ближайшее окружение Башара, его «команда», новая правящая элита – это не столько так называемые бэби-бумеры, выращенные в тепличной среде западноевропейских университетов, а скорее жесткие технократы, высокообразованные профессионалы, достаточно ясно представляющие не только что, но и как нужно делать, чтобы обеспечить дальнейшее стабильное развитие Сирии⁵.

В последние два года сирийское правительство уделяло недостаточное внимание экономическим проблемам страны. И сегодня Сирия испытывает весьма серьезные хозяйственные и социальные трудности. Новое сирийское руководство осознает, что главная опасность для стабильности режима сегодня исходит не столько от его политических противников, сколько заключается в коррупции и проблемах экономики, которые, если не принять быстрых и решительных мер, могут уже в ближайшее время (особенно в постконфронтационный период) сделать реальной угрозой потери Сирией экономической самостоятельности⁶.

За годы сотрудничества при техническом содействии советских организаций в Сирии построено немало важных для ее экономики объектов, причем в базовых отраслях, прежде всего в области энергетики, добычи нефти, ирригационном и транспортном строительстве, черной металлургии и других отраслях. Сегодня по разным причинам многие из этих объектов фактически бездействуют. Сооружение некоторых приостановлено, другие нуждаются в переоснащении и модернизации оборудования. Несмотря на то что государственный сектор в Сирии постепенно утрачивает свои былые позиции, его роль в переходный для сирийской экономики период в качестве социального амортизатора и определенного средства

подпитки для национальной буржуазии остается весьма существенной⁷. Поэтому было бы оправданным сегодня не только продолжить сотрудничество по строящимся и построенным объектам, но и принять участие в сооружении новых объектов и выполнении работ в таких традиционных областях для российско-сирийского сотрудничества, как энергетика, сооружение ТЭС, ЛЭП, нефтяная и газовая промышленность, содействие в осуществлении разведочных и эксплуатационных буровых работ, строительстве нефтепродуктопроводов, газопроводов, нефтехранилищ, в металлургии, в области ирригационного и водохозяйственного строительства, освоения земель в Прибрежном районе и т.п. Тем более, что западные инвесторы неохотно вкладывают средства в эти области либо ставят обременительные для сирийской стороны условия.

Однако ограничивать сферу российско-сирийского сотрудничества только традиционными отраслями было бы неверным. Сегодня в Сирии активно развиваются новые для этой страны производства, прежде всего в областях связи, телекоммуникаций, информатики. Новый сирийский лидер лично курирует это направление деятельности и не только потому, что он раньше возглавлял Сирийскую компьютерную ассоциацию, некоторые руководители которой сегодня занимают высокие посты в новом правительстве, но и прежде всего потому, что без развития этих производств серьезно говорить о безопасности Сирии в XXI в. едва ли возможно⁸. С учетом имеющихся в России оригинальных «ноу-хау» в этой сфере, которые не уступают западным аналогам, а по некоторым параметрам даже превосходят их, при сравнительно недорогих затратах на производство и относительно дешевой и в то же время высококвалифицированной рабочей силе и специалистах соответствующие российские организации могли бы принять более активное участие в продвижении своих проектов на сирийский рынок. Тем более, что внесенные по инициативе Башара Асада в последние несколько месяцев изменения в валютно-финансовое, инвестиционное и налоговое законодательства Сирии (принятие закона о защите иностранных инвестиций в апреле, открытие трех частных банков в августе 2000 г.)⁹ не только создают благоприятные предпосылки внешне-экономической деятельности для российских организаций на сирийском рынке (участие в объявляемых международных торгах, выполнении ряда тендерных обязательств, создании смешанных предприятий и т. п.), но и открывают новые области сотрудничества с сирийцами в финансово-банковской, инвестиционно-кредитной сферах, туризме и др.

При этом нельзя забывать и о таком важном компоненте российско-сирийских связей, как военно-техническое сотрудничество. Поставки в САР современных российских ВВТ вряд ли могли бы кардинально изменить военный баланс в регионе и осложнить ход мирного процесса на Ближнем Востоке. При обладании надежным оборонительным щитом сирийцам психологически было бы проще договариваться с израильянами, а сирийское руководство получило бы для внутреннего потребления еще один весьма весомый аргумент в поддержку необходимости и

безопасности заключения мира с Израилем. В свою очередь Россия смогла бы более рельефно обозначить свою роль коспонсора мирного ближневосточного процесса и одновременно получить немалую финансовую прибыль.

Еще одна важная сфера приложения совместных усилий – сотрудничество в гуманитарной области. Это и обучение, и подготовка сирийских специалистов (в больших, нежели сегодня, объемах) в российских вузах, которые, если верить прогнозам отечественных демографов, могут уже в ближайшие несколько лет испытывать нехватку студентов, создание местных научных центров и ассоциаций, проведение научных симпозиумов и конференций, издание рекламно-книжной продукции по актуальным проблемам двусторонних отношений и положения в регионе.

Некоторые из указанных проектов могут оказаться весьма выгодными уже сегодня. Будучи малозатратными, они тем не менее могут сыграть важную роль в информационном обеспечении как российского, так и сирийского бизнеса, без чего невозможно представить налаживание любых нормальных деловых связей.

Сотрудничество двух стран – это дорога с двусторонним движением. От того, насколько серьезно и динамично обе стороны подойдут к использованию открывшихся возможностей, будут во многом зависеть перспективы наших отношений.

При этом необходимо иметь в виду, что обозначившийся успех нуждается в быстром и эффективном развитии и закреплении конкретными делами, поскольку в ближневосточном регионе как политический, так и экономический вакуум (особенно в постконфронтационный период) заполняется очень быстро. Еще при Х.Асаде с начала 90-х годов сирийское руководство взяло курс на широкое развитие сотрудничества в торгово-экономической области с западными странами, в первую очередь со странами-членами ЕС. Представители ЕС рассматривают сотрудничество с Сирией как часть своей средиземноморской политики. Примечательным событием в этой области было участие Сирии в конференции в Барселоне в 1994 г. по вопросу экономического сотрудничества ЕС и стран Средиземноморья. Сегодня Дамаск ведет переговоры с ЕС о вхождении САР в зону свободной торговли и принятия в ВТО к 2010 г.¹⁰ Особая роль в решении поставленной задачи отводится сирийцами Франции, которая имеет давние и традиционные интересы в Сирии. Назначенный Х.Асадом, как утверждают в осведомленных кругах Дамаска, по протекции Башара новый посол САР во Франции Ильяс Нажме (профессор, бывший декан политэкономического факультета Дамасского университета и негласный наставник Башара Асада в вопросах современной политэкономии) играет активную роль в развитии двусторонних сирийско-французских связей, в том числе и в экономической сфере. Находившийся в марте 2000 г. во Франции с официальным визитом председатель Торгово-промышленных палат Сирии (ТППС) Ратеб Шаллях во главе представительной делегации сирийских деловых кругов специально подчеркнул в интервью, что в Дамаске уделяют приоритетное внимание расши-

рению и углублению двусторонних связей с Францией в торгово-экономических, технических и гуманитарных вопросах¹¹.

Несмотря на известные сложности в сирийско-американских политических взаимоотношениях, американские бизнесмены рассматривают некоторые сегменты сирийской экономики (прежде всего нефтедобычу, новые системы связи и передачи информации) в качестве перспективного рынка и стремятся активизировать торгово-экономическое сотрудничество с Сирией. Характерно, что одним из активных сторонников развития американо-сирийских связей, как считают в сирийских политических кругах, являлся до недавнего времени бывший начальник Генштаба ВС САР Хикмет Шехаби (после смерти Х.Асада уехал из Сирии в США), чей сын Хазем (по образованию врач) был консулом САР в Сан-Франциско и имел там частную клинику кардиологического профиля. В ноябре 1999 г. сирийское руководство направило в США высокопоставленную сирийскую торговую делегацию во главе с председателем ТППС Р.Шалляхом для проведения переговоров о налаживании торгово-экономических связей и обмена опытом в области частного предпринимательства. Примечательно, что подобная делегация направлялась сирийцами в США впервые за последние 20 лет¹².

На этом фоне российским государственным организациям и частным коммерческим фирмам уже сейчас необходимо приложить максимум усилий и использовать имеющиеся благоприятные возможности для того, чтобы в условиях жесткой конкурентной борьбы сохранить российскую экономическую нишу в Сирии, а в дальнейшем укрепить и развить свои позиции на сирийском рынке.

¹ Radio Damascus, 16.00 GMT, 12.09.2000.

² MEIB, March 2000. – Vol 2. – № 3. С. 1.

³ Аль-Хаят. 08.03.2000; Liberation. 15.03.2000.

⁴ New week. 08.03.1999, с. 1; AL-Quds AL-Arabi, 20.03.2000.

⁵ Аль-Хаят. 07.03.2000; Ас-Сафир. 28.03.2000; APS. 18.03.1996. Vol. 31. – № 3. С. 5-6.

⁶ Там же.

⁷ Ближний Восток и современность. Сб. статей. – М., 1999. – № 8. – С. 28-32.

⁸ Аль-Мухаррир Ньюз. 02-08 may 1998. – № 138; MEIB, March 2000, – Vol. 2. – № 3. С. 2-3.

⁹ Radio «Monte Carlo», 6.00 GMT, 28.08.2000.

¹⁰ MEIB, March 2000, – Vol. 2. – № 3. – С. 1-4.

¹¹ APS. 18.03.1996. Vol. 31. – № 3. – С. 4; Radio «Monte Carlo», 15.00 GMT, 04.03.2000.

¹² BBC World Service. 8.00 GMT, 13.06.2000; Radio «Monte Carlo», 16.00 GMT, 27.11.1999.

О ПОЛОЖЕНИИ ВО ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ АМАЗИГ

Реплики сквозь зубы. Так можно охарактеризовать реакцию марокканских и алжирских СМИ на состоявшийся с 7 по 9 августа 2000 г. в Брюсселе 2-й съезд организации, именующей себя Всемирный конгресс амазиг (ВКА), в просторечье – Берберский интернационал. Почему, например, считающая себя весьма демократичной газета марокканской партии Социалистический союз народных сил (ССНС) «Либерасьон», не раз выступавшая на словах в поддержку культурной самобытности берберов, в комментариях к съезду не пожалела слов критики в адрес его участников? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться на три года назад.

Тогда с 28 августа по 2 сентября 1997 г. на Канарских островах прошел 1-й съезд ВКА. Его участники попытались ответить на следующие вопросы: Кто такие берберы? Откуда взялись они в Северной Африке? Почему они, как и курды, не имеют ни своей государственности, ни даже автономии? Попытаемся также ответить на них. Но для начала – маленькая справка.

ВКА был основан 4 сентября 1995 г. во Франции как первая транснациональная организация, выступающая за признание самобытности берберов – их языка и культуры в странах Северной Африки и Сахеля. Он провозгласил себя независимым от государств и каких-либо политических партий. В качестве основной цели ВКА было объявлено объединение всех берберских национальных движений и доведение их требований до международных организаций, в частности ООН.

Основателями ВКА выступило около 100 активистов берберских движений, представлявших 36 организаций из Марокко, Алжира, Ливии, Мавритании, Нигера, Мали, а также диаспору в Европе и Америке. Тогда же, в 1995 г., и возникла идея проведения съезда.

В руководящую совещательную структуру ВКА – Федеральный совет – до съезда входили 32 человека, представлявших четыре берберские национальные организации, в том числе Канарскую ассоциацию за развитие и защиту культуры амазиг. Текущее руководство ВКА осуществляло Всемирное бюро из 11 человек. В рамках ВКА были сформированы пять комиссий, которые готовили к съезду дискуссии по следующим направлениям: язык и культура берберов; берберский вопрос в международных отношениях; финансовое положение берберских культурно-просветительных организаций; история народа амазиг; социально-экономические вопросы существования берберских общин.

Амазиги, или берберы, считаются коренным населением Северной Африки. После завоевания севера африканского континента арабами началась ассимиляция берберов, распространение среди них ислама, арабского языка, письменности и культуры, их вытеснение в достаточно изолированные районы. Тем не менее, берберский язык присутствует во всех современных диалектах. Считается, что все слова, начинающиеся и заканчивающиеся на «т», пришли в них из тамазиг¹.

Ныне «берберская проблема» в той или иной степени характерна для всех без исключения стран региона. Ее решают по-разному.

В Марокко, например, при отсутствии официальной статистики считается, что на языке тамазиг говорит свыше 40% населения². Здесь он функционирует наравне с арабским. На берберском языке печатаются книги и газеты, вещают электронные СМИ. По версии официальной пропаганды, все это – свидетельство понимания местными властями того, что лучше придать берберскому культурно-просветительному движению управляемый характер, чем загонять его в подполье. Тем не менее, французская «Фигаро» констатировала, что несмотря на отличия в лучшую сторону в плане признания прав берберов, «брожение умов» не обошло и королевство. Так, марокканский еженедельник «Газетт дю Марок» в краткой информации про съезд утверждал, что он «призван привлечь внимание международного и магрибинского общественного мнения к необходимости позволить языку тамазиг занять подобающее ему место» в ... «арабской культуре вообще и магрибинской в частности»³. Вряд ли подобную формулировку разделяют даже самые умеренные из берберских активистов. Официальную точку зрения не разделяют и представители ряда берберских организаций.

По ряду моментов их можно понять. В условиях Марокко ярые противники признания культурной идентичности берберов – официальный ислам в лице улемов и исламисты. Их представители не могут и не хотят понять, что «марокканская идентичность не должна рассматриваться только в узком понимании», т.е. исключительно арабском⁴. Как считают относительно независимые наблюдатели, «если ошибочно говорить об этнических группах [в отношении берберов], еще более опасно отвергать различные особенности, под влиянием которых сформировалась марокканская идентичность. Вопрос о тамазиг в настоящее время ставится только как культурологический. Подобная постановка полностью адаптирована к марокканским реалиям. Но любые идеи о [марокканской] идентичности, исключая ее берберскую составляющую и сводящиеся исключительно к арабизму, несут в себе опасность. Опасность раскола нации». Но эту опасность не хотят замечать указанные группы. Тем самым они провоцируют подъем берберского радикализма.

Считается, что берберы составляют от 25 до 30% общей численности населения Алжира. После достижения независимости наибольший размах борьба берберов за свои права в этой стране получила в 1980 г.

Она вылилась в массовые выступления населения Кабилии, получившие название «берберская весна». Формально власти АНДР признают присутствие берберской общины в стране. В последней конституции Алжира «берберизм» признан в качестве одной из основ алжирской нации наряду с «арабизмом» и исламом. Начиная с 1995 г. берберский язык начали изучать «в экспериментальном порядке» в некоторых школах. Тем не менее, тамазиг в Алжире пока не получил равных прав с арабским языком.

Власти ряда стран региона намеренно не замечают существования «берберской проблемы» и искусственно занижают данные о численности берберского населения. Так, в Тунисе и Ливии местные законодательства отказывают берберам, составляющим менее 1% населения, даже в праве на создание культурно-просветительных ассоциаций.

По данным организаторов 1-го съезда, по состоянию на 1997 г. численность берберов оценивалась в 20 – 22 млн. человек. Места их наиболее компактного проживания находятся в горных районах Северной Африки. По данным алжирского исследователя Салема Шакера, примерно 1,2 млн. берберов проживает во Франции. Большинство из них имеет французское гражданство. Берберы – второй по численности после курдов этнос, не имеющий своих национально-автономных образований.

Автору этой работы приходилось даже слышать из уст берберов красивую теорию о том, что берберы – т.е. варвары – имеют европейские корни и родственны германским народам. Кстати, само существование этой теории привело к тому, что немало марокканских берберов в годы Второй мировой войны воевало в фашистском вермахте.

Некоторые историки считают, что слово «берберы» было введено в оборот римлянами в отношении населявших Северную Африку народов в ходе завоевания этого региона. В зависимости от места проживания их называют «леквала» (Кабилия, Алжир), «иагара» (туареги Хоггарского нагорья, Алжир), «рифайи» (горы Риф, Марокко).

Как отмечали организаторы 1-го съезда, выбор Канарских островов в качестве места проведения форума не был случайным. Он должен был напомнить «их принадлежность к земле тамазга». Это название относится к территориям, на которых исторически жили берберы – от Канарских островов вдоль южного берега Средиземного моря и до египетского оазиса Сива.

В работе форума на Канарах приняли участие, по разным данным, от 200 до 300 делегатов. Они представляли национальные культурно-просветительные организации берберов из Алжира, Буркина-Фасо, Мали, Марокко, Нигера, с Канарских островов. В Тафиру были приглашены ведущие ученые из числа берберов, видные деятели берберской культуры. До 60 человек представляли берберскую диаспору в Европе и Америке. На съезд прибыли также отдельные представители берберского населения из Туниса и Ливии.

Самую многочисленную делегацию на форум направили марокканские берберы. В ее состав вошли представители 19 организаций, в том

числе от партий Народное движение (НД), Национальное народное движение (ННД), а также Народное демократическое и социальное движение (НДСД), всего 70 человек⁵.

Значительный разброс в оценке числа участников съезда объясняется, скорее всего, тем, что в Тафиру в связи с проблемами материального свойства смогли прибыть всего несколько делегатов из Алжира вместо ожидавшихся почти 100 человек. В АНДР действуют влиятельные берберские партии Объединение за культуру и демократию (ОКД) и Фронт социалистических сил (ФСС), а также мощная общественная организация Берберское культурное движение (БКД).

Как указывалось некоторыми делегатами 1-го съезда перед его открытием, одной из целей форума в Тафире должно было стать «придание нового дыхания борьбе против насильственной ассимиляции амазигов». Провозглашалось, что активисты берберского культурно-просветительного движения будут добиваться, чтобы государства, на территории которых проживает «народ амазиг», признали их особую идентичность и прекратили заявлять о своей исключительной «приверженности арабо-исламским ценностям».

В распространенном в Лас-Пальмасе накануне открытия 1-го съезда коммюнике ВКА указывалось, что цель встречи на Канарах – оценка состояния культуры, языка и истории берберов, а также выработка путей внедрения соответствующих вопросов в национальные общеобразовательные программы. Участники конгресса заявляли о необходимости «разорвать барьеры, которые изолируют культуру и язык амазигов». Они также намеревались призвать международное сообщество признать самобытность берберов.

В выступлении на церемонии открытия 1-го съезда председатель ВКА алжирец Мебрук Феркал подчеркивал, что «впервые берберы собрались вместе на своей земле». Он опроверг существующие подозрения о том, что ВКА якобы подогревает раскольнические настроения среди берберов. Он утверждал, что основная цель ВКА – добиться признания идентификационной специфичности берберов в странах их проживания.

Понятно, что объявленная программа не могла вызвать особого восторга у властей стран региона, с опаской следящих за отмечаемым в последнее время ростом национального самосознания берберов. В отдельных из них (например, в Алжире) берберский фактор в последнее время даже рассматривается некоторыми как угроза стабильности существующему режиму наравне с радикальным исламом.

Подобные выкладки подтверждают и политологи из базирующегося в Каире Центра стратегических исследований «Аль-Ахрам». По их мнению, уже в не очень отдаленной перспективе рост национального самосознания берберов может даже привести к войнам нового типа в регионе – этническим.

Поэтому неудивительно, что тайно или явно, но официальные власти ряда стран попытались помешать работе форума и выработке его участниками общих подходов к современным проблемам берберского движения. Тем более, что сделать это было нетрудно путем раздувания проти-

воречий между умеренными деятелями, выступающими исключительно за культурную автономию берберов в рамках существующих государств, и радикалами. Наглядным свидетельством подспудной борьбы за умы берберов стал жест марокканской делегации, покинувшей зал заседаний накануне закрытия съезда. Как сообщала марокканская газета «Аль-Иттихад аль-Иштираки», формальным объяснением этого шага стали «разногласия между различными организациями марокканских берберов», представленных на форуме⁶.

Практически не было ни одного вопроса, по которому не столкнулись бы интересы национальных организаций берберов. Больше всего это проявилось, когда приходилось решать, что важнее: общее (берберское) или особенное (национальное). Показательно, что представители диаспоры показали себя более горячими поборниками идей защиты самобытности берберов, чем североафриканские участники форума⁷.

Очень долго депутаты не могли избрать преемника М.Феркала. Они с трудом избрали Федеральный совет, в который первоначально планировалось включить 10 алжирцев, 10 марокканцев, 10 представителей диаспоры, четырех выходцев с Канарских островов, трех туарегов и двух ливийцев. Именно в связи с выбором в Федеральный совет возник кризис в марокканской делегации, спровоцированный требованием организации «Таиманут» предоставить четыре места из 10 выходцам из региона Сус-са⁸. В связи с конфликтом между марокканцами, поддержанным двумя наиболее влиятельными фигурами в берберском движении – Узином Ахерданом (ННД) и Хасаном Ид Белькасемом, – было решено сформировать Федеральный совет без марокканцев. Выборы Всемирного бюро и председателя ВКА (им стал представитель Канарских островов писатель Антонио Феликс Мартин Хурминес) также проходили уже в отсутствие марокканцев. Все это дало возможность некоторым марокканским газетам, с одной стороны, отделить марокканских берберов от остальных, а с другой, – обвинить своих соотечественников в отсутствии патриотизма (уход марокканской делегации не позволил ей ясно выразить свое отношение к присутствовавшим на форуме представителям Фронта ПОЛИСАРИО).

Во Всемирное бюро вошли три алжирца, два представителя Канарских островов (в том числе и председатель ВКА), двое французов, по одному представителю от Германии, Ливии и Нигера.

Тем не менее, депутатам съезда удалось принять несколько резолюций. Две из них, в частности, требовали предоставления «права на самоопределение» туарегам Мали и Нигера, а также канарским берберам, еще две – призывали Марокко и Алжир признать тамазиг в качестве «официального языка» наравне с арабским. В документе, касавшемся положения туарегов в Мали и Нигере, участники съезда осудили использование силы властями этих стран. Они потребовали учредить международный трибунал, чтобы судить тех, кто принимал решение о применении силы, за «преступления против человечности»⁹, а также «интернационализировать вооруженную борьбу туарегов»¹⁰.

В целом можно констатировать, что замышлявшегося накануне съезда на Канарах объединения берберов не произошло. Тем не менее общее развитие ситуации не оставляло сомнений относительно неизбежности «берберского пробуждения». Это подтвердили события, происшедшие в период между двумя съездами ВКА. Они показали, что ВКА не смог остаться вне политики. Ряд деятелей ВКА сразу же сделал ставку на превращение этой структуры в элемент политической борьбы против «государств-наций Магриба»¹¹. Это не осталось незамеченным в столицах стран региона. Раскол в ВКА, проходивший под злорадный аккомпанемент официальной прессы, вынудил его председателя освободить по-тихому это место.

Неудачей завершились все попытки провести одно из заседаний Федерального совета ВКА на «земле амазигов», т.е. в одной из стран региона. Так, планировавшееся на 29-30 апреля 2000 г. заседание совета в Марокко было фактически сорвано марокканскими властями, отказавшимися выдать въездные визы алжирским берберам, несмотря на то что соответствующие досье были вовремя представлены в марокканское консульство в Алжире¹².

Согласно одной из версий, которая требует подтверждения, раскол ВКА на радикальную и умеренную составляющие стал отражением подспудной борьбы за представительство между организациями алжирских и марокканских берберов¹³. Целью этих маневров, призванных сделать из ВКА «карманную» организацию, было «сориентировать организацию согласно инструкциям, разработанным королевским дворцом»¹⁴.

Впрочем, говорить о марокканских берберах только как о сторонниках умеренного крыла представляется более чем ошибочным. Свое подтверждение это получило 1 марта 2000 г., когда группа марокканских берберов-интеллектуалов, недовольных узостью рамок существующих организаций, приняла так называемый Манифест амазигов. Этот документ (его другое название – Манифест за официальное признание берберской принадлежности Марокко) был передан в «самые высокие инстанции» Марокко. О его существовании долгое время ходили только слухи, притом, что ни одно из марокканских СМИ не опубликовало даже выдержек из него. На момент подготовки данной статьи, т.е. через шесть месяцев после передачи Манифеста, его авторы не получили какого-либо ответа на него от марокканских властей.

Авторы документа указали на необходимость придания официального статуса берберскому языку наравне с арабским. Предлагалось отказаться от существующей практики запрета использования берберских имен при наречении новорожденных. Отмечалась необходимость введения обучения берберскому языку на всех общеобразовательных циклах в школах, а также включения соответствующих положений в Хартию по образованию и профессиональной подготовке. Указывалось на важность создания печатных и электронных СМИ, вещающих на амазиг. В документе содержалось требование «прекратить фальсификацию истории путем

арабизации названий населенных пунктов и городов, ранее носивших берберские имена», а также выдвигался ряд других требований¹⁵.

Однако вернемся ко 2-му съезду ВКА. Судя по скучным сообщениям марокканской печати, сам факт проведения этого форума организационно оформил раскол берберского движения в целом на радикальное и умеренное. Представители первого крыла собрались в Брюсселе. По оценке марокканской «Либерасьон», которая едва ли может быть в данном вопросе беспристрастной, их платформой стал «политический экстремизм»¹⁶. В повестку дня 2-го съезда были включены, в частности, вопросы «национального освобождения амазигов» и «достижения ими настоящего суверенитета». По итогам съезда Всемирное бюро ВКА из семи человек вновь возглавил М.Феркал.

В то же время «организации и персоналии, враждебные линии на политизацию ВКА», еще годом ранее провели так называемый Лионский конгресс. Его организаторами выступили бывшие участники Всемирного бюро, выведенные из его состава Федеральным советом ВКА¹⁷. По мнению «диссидентов», целью берберов должна быть исключительно защита их культурно-языковой самобытности. Лионский конгресс собрал под свои «знамена» «наиболее представительные» берберские организации. Понятно, что под этим термином, использованным «Либерсьон», имелись в виду прежде всего партии и организации, не ставящие под сомнение устои правящих в настоящее время в регионе режимов. В Лионе было избрано параллельное Всемирное бюро, тут же получившее поддержку официальной прессы. По марокканской версии, в созыве «Лионского конгресса» и расколе ВКА большую роль сыграли организации марокканских берберов «Тилелли» (базируется в Гулимиме) и «Тидерт» (Эр-Рашидия)¹⁸. В то же время в алжирских СМИ указывалось, что «Тилелли» якобы осудила мероприятие в Лионе¹⁹.

По итогам съезда в Лионе председателем ВКА-2 стал Рашид Раха – испанец марокканского происхождения, проживающий в Мелилье²⁰. Своей главной целью он сразу же объявил воздействие на умы берберов через СМИ. Другая цель – проведение работы по стандартизации берберского языка. В отличие от ВКА-1 в новой структуре были учреждены три поста вице-председателей. Один из постов занял также марокканец, глава ассоциации «Тамайнут» Хасан Ид Белькасем. Дабы придать себе определенный международный «вес», Всемирное бюро ВКА-2 направило открытые письма президенту Алжира Абдельазизу Бутефлике и королю Марокко Мохаммеду VI²¹.

В частности, в письме, адресованном главе АНДР, указывалось, что несмотря на присоединение Алжира к Всеобщей декларации прав человека, в этой стране до сих пор «отрицаются права и чаяния» алжирских берберов – «ваших миллионов поруганных сограждан». В нем отмечалось, что берберский язык тамазиг остается в неравном положении с арабским. По мнению авторов письма, действия государства и администрации направлены на «регионализацию берберской идентичности».

В документе приводились примеры, когда изучение тамазиг в школах стремятся ограничить одной Кабилией*, когда запрещаются плакаты на тамазиг вне Кабилии. Все это, считали авторы письма, противоречит декларированному президентом намерению «покончить с табу» и открыть Алжир для истинной и всеобщей демократии. Они предлагали «окончательно порвать с исторической несправедливостью» в отношении места берберской идентичности в Алжире. «Прелюдией» к этому должно стать официальное признание национального статуса языка тамазиг.

В письме к марокканскому монарху указывалось на наличие «длящейся веками очевидной несправедливости, которая становится все больше и больше нетерпимой и заключается в отрицании права марокканцев выражать их берберскую идентичность». В нем подчеркивалось, что Марокко – самая берберская страна в тамазга. В документе утверждалось, что «вплоть до настоящего времени единственным ответом на стремление людей свободно жить в их культурном пространстве были запрет и репрессии». В качестве карикатуры авторы письма рассматривали действующий запрет на использование берберских имен для новорожденных.

В письме подчеркивалось, что определенную надежду марокканским берберам дало выступление покойного короля Хасана II 20 августа 1994 г. Однако с тех пор «не был зарегистрирован даже минимальный прогресс» в решении проблемы статуса берберского языка. В качестве последнего по времени примера дискриминационного отношения к берберскому языку авторы письма называли доклад Комиссии по реформе системы образования. Этот документ рассматривает тамазиг как «инструмент ... для лучшего понимания арабского языка».

Авторы письма предупредили, что существующее положение вещей «опасно для единства страны и недостойно Марокко, стремящегося стать в ряд современных наций». Они предложили придать берберскому языку статус официального и национального.

Между двумя фракциями берберского движения сразу же установились отношения «гражданской войны» или «войны коммунике». Всемирное бюро во главе с М.Феркалом тут же обвинило своего лионского двойника в том, что он «манипулируется». Насколько справедливы подобные обвинения – сказать пока трудно. В свою очередь берберские организации марокканского юго-востока отвергли эти обвинения. Попытки наладить диалог между двумя Всемирными бюро провалились²².

И все же теперь, как представляется, можно утверждать: останется ли берберский вопрос таковым или он перерастет в проблему – во многом будет зависеть не только и не столько от степени радикальности ВКА или отдельных его составляющих, а, в первую очередь, от гибкости, терпимости и прозорливости правящих в государствах региона режимов.

¹ Arabies. 04.1997.

* Географическая область, примерно совпадающая с провинциями Тизи-Узу и Беджая.

- ² Аль-Ватан. Алжир, 28.08.1997.
- ³ La Gazette du Maroc. Casablanca, 27.08.1997.
- ⁴ La Gazette du Maroc. 08.03.2000.
- ⁵ Liberation. Casablanca, 30.09.1997.
- ⁶ Аль-Иттихад аль-Иштираки. Касабланка, 02.09.1997.
- ⁷ Maroc hebdo international. Casablanca, 06.09.1997.
- ⁸ Аль-Иттихад аль-Иштираки. 02.09.1997.
- ⁹ Agence France-Presse. P., 29.08.1997
- ¹⁰ Agence France-Presse. 30.08.1997.
- ¹¹ Liberation. 26.07.2000.
- ¹² Liberation. 12.05.2000.
- ¹³ Аль-Ватан. 03.07.1999.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Manifeste Amazigh. [Б.м.], 2000.
- ¹⁶ Liberation. 16.08.2000.
- ¹⁷ La Tribune. Alger, 12.08.2000.
- ¹⁸ Liberation. 05.07.2000.
- ¹⁹ La Tribune. 15.08.1999.
- ²⁰ Liberation. 23.08.1999.
- ²¹ Tamazigh. [Б.м.], 23.12.1999.
- ²² Liberation. 26.06.2000.

**МИРОВОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ИРАНСКИЙ ГАЗ:
СТРАНОВОЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

В конце XX столетия энергетический баланс мира претерпевает заметные изменения. Это происходит под влиянием различных фундаментального значения факторов. К ним, прежде всего, надо отнести внедрение новейших технологий разведки месторождений ископаемого энергетического сырья, его транспортировки и утилизации. Заметно начинает меняться структура и в целом картина мировых рынков энергетического сырья. Резко возрастает, прежде всего в промышленно развитых странах и регионах, значение экологических стандартов, которые объективно действуют против расширения применения в качестве топлива таких традиционных энергоносителей, как нефть и каменный уголь, ограничивают распространение производства электроэнергии на атомных электростанциях. Возрастает внимание к проблемам безопасности международных артерий энергетического сырья и поиску эффективных путей их решения коллективными усилиями. Глобализация мировых экономических процессов создает новые условия для применения более рациональной стратегии и политики в области использования энергоресурсов Земли.

Все эти и другие вместе взятые факторы усиливают роль одного из важнейших видов углеводородного топлива – природного газа в обеспечении потребностей мирового сообщества в энергоресурсах. Не случайно, за последние два-три десятилетия, но в особенности в 90-е годы, именно данный вид топлива выдвинулся в число наиболее динамично растущего компонента, обеспечивающего энергетические потребности различных стран и регионов мира.

Анализ состояния этого важного сегмента мировой энергетики, особенностей его развития, ведущих и новейших тенденций, складывающихся в сфере мирового газового хозяйства, позволяет утверждать, что как обладатели значительных газовых месторождений в мире, так и потребители природного газа, в особенности крупные, прежде всего Россия, Союзные Штаты Америки, страны – члены Евросоюза, а также ближневосточные государства (на них приходится более четырех пятых всех мировых запасов газа и три четверти мирового потребления) столкнутся в самом ближайшем будущем с целым рядом проблем, от характера и степени решения которых во многом будет зависеть их экономическое благополучие, политический климат в различных точках земного шара.

Процессы, которые будут происходить в обозримой перспективе в сфере разведки, добычи и экспорта природного газа в странах Ближнего и Среднего Востока, включая Иран, а также в России, в ощутимой или даже в решающей мере будут влиять на состояние мирового энергетического хозяйства, и через него – на весь комплекс мирохозяйственных связей, международные экономические отношения. Связано это как с обладанием богатейшими месторождениями газа, так и с высокой долей в мировом потреблении данного энергоресурса. Из более чем 140 трлн. куб. м разведанных мировых запасов природного газа (данные на 1 января 1997г.) около 60 трлн. куб. м приходится на Россию, другие бывшие республики СССР, свыше 50 трлн. куб. м – на страны Ближнего и Среднего Востока, в том числе около 21 трлн. куб. м сосредоточено на месторождениях Ирана (табл. 1).

Таблица 1

Запасы и добыча природного газа в мире*

Страна	Запасы на 1 января 1997 г., трлн. куб. м	Добыча в 1996 г., млн. т эквив. нефти
Бывший СССР	57,3	602,1
Иран	21,0	34,3
Саудовская Аравия	5,4	37,2
Кувейт	1,5	5,4
Ирак	3,3	-
ОАЭ	5,8	31,5
Катар	7,1	12,2
Ливия	1,3	5,6
Алжир	3,7	59,3
Нигерия	3,0	4,2
Индонезия	2,1	59,9
Венесуэла	4,0	28,8
Эквадор	0,1	...
США	4,7	492,2
Канада	1,9	137,7
Мексика	1,9	28,1
Великобритания	0,7	76,1
Норвегия	1,4	36,8
Нидерланды	1,8	68,2
Италия	0,3	18,2
ФРГ	0,3	15,7
Страны АТР	9,1	204,7
Всего	141,3	2008,7
ОПЕК	58,2	278,4
Доля ОПЕК, %	41,2	13,9

*Источник: BP. Statistical Review of World Energy. 1997.

Но даже эта цифра рассматривается частью специалистов как чрезмерно осторожная. По некоторым оценкам, запасы природного газа на Ближнем и Среднем Востоке значительно выше, причем себестоимость его добычи здесь самая низкая в мире. Некоторые эксперты считают, что в этом регионе сосредоточена основная часть евразийских запасов углеводородного топлива. Именно здесь, полагают они, в обозримом будущем будет происходить наращивание разведанных мировых ресурсов этого энергоносителя. Распределение разведанных запасов природного газа в различных странах и регионах мира на начало 1997 г. свидетельствует о том, что на Иран приходится внушительная часть мировых доказанных запасов этого вида углеводородного топлива – около 15%.

Доказанные запасы природного газа в мире до последнего времени ежегодно увеличивались на значительную величину, составляющую 5%. Этот показатель среди всего круга различных видов энергоносителей – один из самых высоких. Причем в странах Ближнего и Среднего Востока, включая Иран, доказанные запасы с 1970 г. возросли в 4 раза. По имеющимся оценкам, их при нынешнем уровне потребления хватит как минимум на 600 лет, причем уровень добычи в этой стране также весьма значителен – порядка 34 млн. т в пересчете на нефть. Этот – один из самых высоких показателей среди всех обладателей крупных мирового значения запасов природного газа. Значительное превышение запасов над потреблением свидетельствует о столь же значительном экспортном потенциале Ирана.

Хотя львиная доля мировых разведанных запасов приходится лишь на два региона – территорию бывшего Советского Союза и страны Ближнего Востока, в которых проживает около 8% населения Земли, его месторождения обнаружены практически во всех районах мира. Однако, несмотря на последнее обстоятельство, большинство промышленно развитых регионов и стран испытывает, в особенности в 90-е годы, растущую потребность в импорте газа для удовлетворения своих быстро увеличивающихся промышленных и бытовых нужд. Это, в частности, относится к Европе, ряду государств Южной и Юго-Восточной Азии и некоторым другим. Иран, как и Россия, и арабские страны, владеющие значительными запасами газа, расположен географически весьма удобно для снабжения «голубым топливом» основных его потребителей. Это прежде всего Европа, а также Китай, Индия, Пакистан, Япония, Южная Корея и Тайвань, где в последнее десятилетие спрос на него увеличивается особенно динамично. Именно эти страны формируют будущий мировой рынок потребителей природного газа.

Как правило, это динамично и стабильно развивающиеся регионы и страны с высокой долей в мировом производстве и потому – тенденция к динамичному наращиванию потребления, импорта газа, демонстрируемая ими, довольно стабильна и, что особенно важно подчеркнуть, носит долгосрочный характер. Они располагают огромными финансовыми ресурсами, необходимыми не только для импорта в значительных объемах, но и для участия в сооружении добывающих, перерабатывающих и транспортных мощностей, в

чем заинтересованы все газодобывающие страны. Данные, характеризующие состояние мирового рынка газа во второй половине 90-х годов, говорят о том, что можно ожидать быстрого роста импорта этого вида топлива прежде всего такими странами, которые демонстрируют высокий потенциал экономического развития при пока сохраняющейся небольшой или незначительной доле в мировом потреблении. В первую очередь это относится к Китаю, на который приходится лишь около 16 млн. т потребления газа в год в пересчете на условное топливо. Это соответствует менее 1 % мирового потребления и сопоставимо с объемом потребляемого данного вида углеводородного топлива в малых европейских странах. Подобная оценка верна и в отношении таких растущих гигантов Южной Азии, как Индия и Пакистан, в особенности, если учесть их относительную географическую близость к основным мировым районам добычи. Не исключено, что со временем именно эти три страны станут своеобразными лидерами «в гонке потребителей» ближневосточного и российского газа, конечно, если проводимые в них геологоразведочные работы на газ не дадут желаемого результата.

Хотя Соединенные Штаты являются крупнейшим после России производителем газа, в то же время они – крупнейшие его потребители, которые, тем не менее, располагают весьма скромными его запасами. Стратегия США, направленная на резервирование не возобновляемых национальных энергоресурсов стимулирует обращение этой страны к внешним источникам энергоресурсов, как это имеет место с нефтью. Поэтому, вероятно, по мере роста потребностей или даже при сохранении нынешнего высокого уровня потребления углеводородного топлива США будут в большей мере, чем прежде, прибегать к его импорту.

Этот процесс будут стимулировать также ужесточение экологических стандартов, начавшийся динамичный процесс разработки газовых ресурсов в различных регионах мира. Конечно, такие латиноамериканские страны, как Мексика и в особенности Венесуэла, видимо, смогут частично удовлетворить растущий спрос со стороны США, но их запасы относительно невелики в сравнении с ресурсами, которыми обладает Иран и другие страны Ближнего и Среднего Востока. На эти две латиноамериканские страны приходится порядка 6 трлн. куб. м газа (около 30% иранских запасов или 10% запасов стран Ближнего и Среднего Востока вместе взятых).

Прогнозы говорят о том, что газ будет занимать все расширяющуюся нишу в потреблении энергоносителей всеми без исключения регионами мира, так как обладает двумя крупными качественными преимуществами перед другими ископаемыми видами топлива – экологической чистотой при его добыче и утилизации и высокой теплотворностью. В отличие от других видов углеводородного сырья – нефти и угля – он при сжигании выделяет значительно меньше серы, двуокиси углерода. Причем эффективность его при использовании в производстве электроэнергии составляет 50%, а угля или нефти – лишь 34%. По одним прогнозам предполагается, что объем спроса в мире на природный газ увеличится с 220 млрд. куб. футов в день в 1994 г. до 310 млрд. куб. футов – в 2010 г., или наполовину. При этом значительную его

долю составит сжиженный газ, на который уже в конце 90-х годов приходилась примерно пятая часть всего потребляемого «голубого топлива». Показательно, что в 1980-1997 гг. спрос на сжиженный газ в мире рос в среднегодовом исчислении на 8%, а в Республике Корея за десятилетие с начала первых поставок сжиженного газа потребление росло в среднегодовом исчислении на 20%. В целом, азиатские страны – Япония, Республика Корея и Тайвань – были крупнейшими в мире импортерами сжиженного газа, а на страны АТР приходилась львиная доля его экспорта (табл. 2).

Таблица 2

Мировая торговля сжиженным газом в 1996 г.

Регион, страна	Объем, млрд. куб. м	Доля в мировой торговле, %	Отношение к 1995 г., %
<i>Импорт</i>	92,0	100	7,7
Азия	71,3	77,5	8,8
Япония	56,0	60,9	4,5
Республика Корея	12,0	13,1	36,0
Тайвань	3,3	3,6	5,6
Европа	19,6	21,3	2,6
Испания	7,1	7,7	0,2
Франция	6,5	7,0	0,1
Франция/Бельгия	0,2	0,2	-77,0
Бельгия	3,6	3,9	-6,0
Турция	2,2	2,4	97,6
Северная Америка (США)	2,8	3,0	28,1
<i>Экспорт</i>	92,0	100	7,7
АТР	65,9	71,6	7,8
Индонезия	32,1	35,0	3,9
Малайзия	15,3	16,7	29,1
Австралия	9,1	9,9	2,2
Бруней	7,7	8,3	-0,6
Ближний и Средний Восток, Африка	26,1	28,4	7,4
Алжир	18,3	19,9	8,9
Ливия	1,1	1,2	-19,0
Абу-Даби	6,7	7,3	9,0

Источник: БИКИ, № 49, 23.4.1998 225 строк

Доля стран Ближнего и Среднего Востока и Африки составляла в 1996 г. примерно 28%, но уже в 1997 г. она заметно увеличилась за счет выхода на мировой рынок такого крупного поставщика, как Катар. Хотя азиатский финансовый кризис привел к замедлению темпов роста спроса, прежде всего на сжиженный газ, можно предполагать с большой долей уверенности, что высокие темпы будут восстановлены.

Возможно, и об этом говорит ряд прогнозов, рост мировой торговли газом будет еще более впечатляющим, нежели отмеченный выше. По некоторым оценкам, ее объем уже к 2000 г. должен был более чем удвоиться и составить порядка 700 млрд. куб. м. Оптимистические оценки исходят из учета тенденций последних десятилетий. Еще четверть века назад экспортировалось лишь 5% всего добываемого газа. За этот период объем экспорта вырос в 8 раз и ныне составляет, по разным данным, от 17 до 20% всей добычи. Хотя основной вклад в увеличение потребления этого вида энергоносителей, согласно имеющимся прогнозам, внесут прежде всего промышленно развитые страны, на государства Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии придется значительный сегмент увеличивающегося мирового рынка газа – что-то порядка одной пятой мировой торговли. Ведь уже во второй половине 90-х годов страны Ближнего Востока потребляли 128 млн. т газа в пересчете на нефть, или 6,5% мирового потребления.

Основными факторами, стимулирующими увеличение потребления этого вида энергоресурсов, помимо выше отмеченных в отношении промышленно развитых государств, станут сохраняющиеся высокие темпы роста населения в Иране и арабских государствах (2,5-3% в год) и увеличение его потребления на бытовые нужды, в также повышение спроса со стороны различных секторов экономики, увеличение темпов роста которой прогнозируют под влиянием проводимых – и небезуспешно – прорывных реформ, углубления процессов региональной и межрегиональной интеграции в хозяйственной жизни. Кроме того, все эти страны делают большую ставку на доходы от экспорта природного газа.

Сказанное выше дает веские основания полагать, что несмотря на внушительные запасы жидкого углеводородного топлива – нефти в странах Ближнего и Среднего Востока (на них приходится две трети мировых разведанных запасов) и исторически сложившуюся концентрацию мощностей в нефтяном секторе стран региона, иранский и арабский газ может начать уже в ближайшей перспективе динамично выходить на мировой рынок во все возрастающих масштабах. Тем более, что в целом ряде стран региона обнаружены большие запасы газа, а в некоторых государствах Ближнего и Среднего Востока – запасы мирового значения. Крупными месторождениями располагает наряду с Ираном, Алжиром и Катаром также Саудовская Аравия, значительными – Египет, Оман, Сирия.

Иран и арабские страны в недалеком прошлом уделяли более чем скромное внимание разработке собственных ресурсов природного газа. Объяснялось это не только обилием и дешевизной нефти, но и относительно скромными разведанными запасами природного газа, небольшим внутренним спросом на него, неразвитостью сети газопроводов, мощностей по его сжиганию. Кроме того, интенсивная разработка новых энергоресурсов могла подорвать ценовую базу на главный источник экспортных доходов – нефть в условиях крайней неустойчивости конъюнктуры мирового рынка. Причем львиную долю попутного газа, как правило, просто сжигали.

Но Иран и другие страны региона располагают необходимыми финансовыми ресурсами, чтобы в короткие сроки радикально изменить свою политику в области использования энергоресурсов. Некоторые государства, в первую очередь Иран, достаточно успешно это делают в течение относительно продолжительного периода, переходя к технологиям, позволяющим его использовать в качестве топлива, и уже в 90-е годы достигли в этом отношении впечатляющих результатов.

Развитие газодобычи и экспортный потенциал.

Влияние новейших технологий на добычу и утилизацию газа

В условиях, когда происходит быстрое наращивание разведанных запасов в ближневосточном регионе, появились широкомасштабные программы освоения новых месторождений на Ближнем и Среднем Востоке. Причем Иран и арабские страны обладают необходимыми значительными финансовыми ресурсами. Более того, внешние инвесторы проявили повышенный интерес к реализации многомиллиардных проектов в области добычи и транспортировки газа и, что не менее важно, к использованию новейших технологий его добычи и утилизации, которыми располагают компании промышленно развитых государств.

Шейх Ахмед Ямани, бывший министр нефтяных ресурсов Саудовской Аравии, а ныне председатель Лондонского центра исследований глобальных проблем энергетики, выступая на второй ежегодной конференции по проблемам природного газа в Дохе (Катар) в марте 1997 г., дал впечатляющую картину ближайших перспектив роста добычи и экспорта газа из района Персидского залива. Выступавшие на конференции отметили, что помимо Ирана, обладающего ресурсами чуть меньше половины российских запасов газа, целая группа стран, включая Саудовскую Аравию, Йемен, Ирак, Сирию, намерена значительно увеличить свою добычу и может начать в ближайшей перспективе его экспорт.

Пока стремительный рост экспорта иранского и арабского газа сдерживает ряд серьезных препятствий и среди них – неразвитость необходимой для этого промышленной и транспортной инфраструктуры, тесная зависимость перспектив разработки месторождений от весьма изменчивой конъюнктуры мирового рынка на основной энергоноситель – нефть и другие. Однако то обстоятельство, что практически все крупнейшие промышленные центры мира – Япония, Европа, Соединенные Штаты и Республика Корея – проявляют большую заинтересованность в диверсификации источников природного газа и наращивании объемов его поставок, может быстро изменить положение дел в этой области.

Для реализации планов в области расширения производства и экспорта газа ведущие компании промышленно развитых стран, действующие в сфере добычи, транспортировки и утилизации энергетического сырья, намерены реализовать широкомасштабные проекты по созданию сети газопроводов и строительству заводов по сжижению попутного газа с использованием ультрасовременных технологий. Применение последних,

по мнению специалистов, может произвести революцию в этой области, сделав рентабельной утилизацию газа на огромных месторождениях, где ранее это было экономически невыгодно. В свою очередь, страны региона, где расположены газовые месторождения, проявляют растущую заинтересованность в сотрудничестве с крупнейшими энергетическими компаниями мира в освоении своих газовых ресурсов и готовы проявить гибкий подход в вопросах привлечения иностранного капитала для разработки газовых месторождений.

Гигантские ресурсы, которые могут быть направлены ведущими индустриальными странами мира на развитие газовой промышленности и необходимой транспортной инфраструктуры на Ближнем и Среднем Востоке, в сочетании с новейшими технологиями извлечения из недр природного газа и финансовыми ресурсами самих его производителей в состоянии быстро «поставить на ноги» газовые гиганты региона.

Прежде всего на европейское направление во многом ориентированы перспективные планы Ирана в развитии своего газового хозяйства и экспорта его продукции. Уже сейчас европейский рынок газа оценивается в астрономическую сумму в 100 млрд. долл. Эксперты отмечают стремление восточноевропейских государств, а также ряда бывших советских республик, которые до распада СССР импортировали советский газ, разнообразить источники его поступления. В этой связи рассматриваются два варианта – заключение соглашения с Турцией о прокладке газопровода по ее территории или выход на восточноевропейский рынок с помощью газопровода, проложенного по территории Украины. В любом случае иранский газ привлекателен для его внешних потребителей из-за его относительной дешевизны (как отмечается в одном из исследований, выполненных Мировым банком).

Но европейское направление – традиционно главное и в экспортных планах «Газпрома». Последний до недавнего времени в основном поставлял газ в страны Восточной и Западной Европы. Алжир свои экспортные программы связывал главным образом с поставками на юг Европы – в Испанию и Португалию, а также Италию и Францию. Но времена меняются, и география поставок имеет тенденцию к расширению, тем более, что переживающий в 90-е годы серьезные экономические трудности Алжир сделал серьезную ставку на мобилизацию своих газовых ресурсов для выхода из затянувшегося кризиса.

Проекты развития инфраструктуры для транспортировки и экспорта газа и перспективы их реализации

В последние два десятилетия, главным образом в 90-е годы, были предложены и в настоящее время прорабатываются экспертами различных стран многочисленные проекты (порядка 15) прокладки газопроводов из стран Ближнего и Среднего Востока, в основном из Ирана, в перспективные районы потребления газа, а также строительства заводов по сжижению природного газа и созданию инфраструктуры, необходимой для его транспортировки морским путем.

По имеющимся прогнозам, примерно три четверти экспортируемого странами региона газа пойдет на мировые рынки по трубопроводам, остальная часть – в сжиженном виде – будет доставляться морскими судами. Эксперты отмечают, что каждый из проектов (а общие суммарные затраты оцениваются в астрономическую сумму – 80 млрд. долл.), активно лоббируется крупными международными энергетическими и подрядными компаниями, действующими при поддержке правительственных кругов, стремящихся получить свой кусок от этого огромного «пирога».

Среди предполагаемых ниток газопроводов необходимо выделить следующие: Иран – Азербайджан – Грузия; Иран – Туркменистан; Иран – Армения; Иран – Нахичевань; Иран – Турция – Европа; Иран – Пакистан; Иран – Индия; Катар – Пакистан; Катар – Пакистан – Индия; Катар – Израиль; Оман – Индия; Туркменистан – Афганистан – Пакистан; Туркменистан – Иран – Турция – Европа.

По ним будет перекачиваться ежегодно до 270 млрд. куб. м газа. Однако, как отмечают специалисты, вряд ли все эти проекты будут реализованы в ближайшем будущем, так как некоторые из них явно конкурируют друг с другом. Кроме того, они уязвимы в политическом плане: имеющиеся на сегодня межгосударственные трения и противоречия, несомненно, не будут способствовать ускоренной реализации дорогостоящих проектов.

Серьезная проблема, которая может заблокировать становление газовой промышленности в масштабах, имеющих мировое значение, – это отсутствие системы региональной безопасности и разрастание международного терроризма, несущего угрозу различным современным хозяйственным системам, в особенности коммуникациям, по которым идет снабжение углеводородным топливом. Имеются и другие факторы, которые будут оказывать самое непосредственное влияние на перспективы создания сети газопроводов, а также морских терминалов для приема сжиженного газа, которые свяжут регион Ближнего и Среднего Востока и страны-потребители. Прежде всего следует отметить, что в районе месторождения запасы должны, как минимум, обеспечить потребление в течение 25 лет эксплуатации газопровода. В расчет будут приниматься и удельные расходы на добычу и перекачку 1 куб. м газа, распределение затрат между производителем и потребителями и т.д.

Учитывая весь круг вышеперечисленных факторов и условий, определяющих основные характеристики реализации данных проектов, отдельные эксперты полагают, что такие проекты, как транспортировка газа из Ирана в Азербайджан и Грузию могли бы быть реализованы относительно легко, так как газопровод в данном регионе уже существует. Благоприятны перспективы и экспорта иранского газа в Туркменистан, поскольку местные подрядные компании вполне могут решить все технические задачи, имеется политическая воля развивать сотрудничество между двумя странами, причем при сооружении газопровода можно вполне обойтись и без внешних инвесторов. Столь же благоприятны перспективы и для экспорта газа в Нахичевань и Армению.

Среди проектов, осуществление которых связано с наибольшими трудностями, называются газопровод Катар-Израиль и Оман-Индия. С первым ассоциируются не столько даже трудности политического характера, а они значительны из-за колебаний политического климата в ближневосточном регионе, сколько наличие сильного конкурента, поскольку экспорт египетского газа в Израиль технически проще и дешевле. Кроме того, относительно невелик местный вклад в сооружение газопровода, который должен быть проложен по территории нескольких стран, что также увеличивает его цену. Под большим вопросом и проект транспортировки газа из Омана в Индию из-за повышенной технической сложности, предположительно его высокой реальной стоимости, ограниченных запасов месторождения и других факторов.

Остается открытым вопрос о том, в какой степени будет участвовать Иран в сооружении региональной сети газопроводов. Это связано не только с тем, что Иран располагает крупнейшими в регионе разведанными запасами газа, но и с его особым геостратегическим положением. Визит высшего руководителя Ирана в марте 1999 г. в Европу, знаменующий выход страны из периода длительной изоляции, вероятно, делает перспективы целого ряда ближневосточных газовых проектов, по крайней мере на европейском направлении, вполне реальными.

В любом случае реализация даже части проектов по развитию мировой сети газопроводов (а те из них, в которых принимает участие Иран, имеют реальные шансы на воплощение в жизнь), по мнению экспертов, существенно увеличит роль природного газа как одного из главных компонентов в мировом энергетическом балансе, каковым он и стал в 90-е годы, когда доля газа приблизилась к половине суммарного объема потребляемой в мире нефти.

Отдельно следует сказать о влиянии мирового финансового кризиса на программы освоения газовых месторождений на Ближнем Востоке и мировой рынок газа. Несомненно, он окажет сдерживающее влияние на повышательные тенденции в газовом секторе. Специалисты отмечают, в частности, что капитал промышленно развитых стран, принимающий участие в широкомасштабных планах развития промышленности по производству сжиженного газа и созданию соответствующей инфраструктуры, необходимой для его доставки потребителям, прежде всего в Азию и Европу, вследствие кризисных явлений в экономике государств Юго-Восточной Азии сталкивается с определенными трудностями из-за сокращения производства и сужения рынков сбыта. Приходится принимать дополнительные меры для поиска других рынков сбыта, реализация некоторых проектов откладывается на будущее, ряд сделок, заключенных ранее, аннулирован, меняются и формы заключения контрактов, возрастает доля краткосрочных сделок, снижаются цены и т.п. Прежде всего это относится к проектам, связанным с производством и сбытом сжиженного газа в такие страны, как Республика Корея, Япония, Тайвань, Таиланд. То обстоятельство, что производители газа выходят на

новые рынки его сбыта, повышает риски, связанные с операциями подобного рода.

В этой связи производители газа возлагают основные надежды на расширение рынков, которые в меньшей степени или почти не пострадали от кризиса – главным образом на Европу и Соединенные Штаты Америки, а также на Китай, Индию и Пакистан. В частности, нынешние потребности Индии в природном газе составляют 90 млрд. куб. м, а добыча – лишь 25 млрд. куб. м. При этом, по имеющимся прогнозам, в конце первого десятилетия XXI в. потребности страны приблизятся к 200 млрд. куб. м и в основном будут покрываться за счет импорта, который может возрасти до 120-150 млрд. куб. м. Хотя в Пакистане наращиваются мощности по добыче природного газа, ситуация в этой стране имеет много параллелей с положением, складывающимся в газовом хозяйстве Индии: львиную долю – половину и более всего потребляемого газа в предстоящее десятилетие придется ввозить в виде сжиженного газа или по газопроводам перекачивать из ближневосточных государств, стран Центральной Азии. С этой целью активизируется сотрудничество с крупными энергетическими компаниями из промышленно развитых стран, с которыми создаются совместные структуры для сооружения морских терминалов по приему СПГ, изучаются финансовые, технические и другие аспекты возможного сотрудничества в данной области. В этом же направлении действует и Китай.

Расчеты ближневосточных государств-экспортеров (сжиженного) газа на рынки стран Юго-Восточной Азии вряд ли в ближайшей краткосрочной перспективе сбудутся. Причем даже в отношении отдельных стран, входящих в первую группу, перспективы не вполне ясны, так как условия партнерства и здесь имеют явно выраженную тенденцию к ужесточению.

Вместе с тем нет оснований утверждать, что оптимистические прогнозы в отношении роста потребления газа опрокинуты разразившимся в Азии кризисом. Вероятно, более корректно говорить о явлении отложенного спроса на, главным образом, юго-восточном сегменте газового рынка Азии. Перегруппировка интересов экспортеров этого вида энергоресурсов, при всех имеющихся издержках (дополнительные затраты, рост конкуренции), в целом принесет и несомненные положительные результаты. Однако в интересах снижения затрат экспортеров и сохранения приемлемого уровня рентабельности новых проектов важно вовремя учесть происходящие на мировом рынке газа изменения и выработать оптимальные решения. Это относится ко всем экспортерам газа, включая Иран, перед которыми стоит проблема поиска согласованных решений, возможно в рамках организации, подобной ОПЕК.

НЕФТЕГАЗОВАЯ ОТРАСЛЬ АЛЖИРА И ЕГИПТА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Среди группы арабских государств – продуцентов жидких и газообразных углеводородов, насчитывающей более половины из 23 стран – членов Лиги арабских государств, нефтегазовая отрасль Алжира и Египта отличается следующими основными чертами, характеризующими на рубеже XX-XXI вв. общие условия деятельности данного сегмента национальной экономики.

Во-первых, нефтегазовая отрасль в каждой из этих стран играет исключительно важную роль в обеспечении всего процесса расширенного воспроизводства ВВП. Динамика добычи, экспорта и доходов от реализации углеводородов, прежде всего валютных поступлений от экспорта, во многом, а в отдельные годы в решающей мере, определяла основные тенденции развития национальной экономики.

Во-вторых, удельный вес в ВВП Египта и Алжира каждой из подотраслей – добычи нефти, с одной стороны, и газа, с другой, а также в общем объеме экспортных поступлений от реализации энергосырья и продуктов его переработки существенно различается, хотя динамика, тенденции движения этих показателей в отдельные периоды были близки или даже совпадали. Оценивая в целом достаточно сложную картину роли и места нефтегазового сектора в рассматриваемых странах, необходимо отметить, что значение данной отрасли в экономике Алжира как в постколониальный период в целом, так и в конце XX в. было существенно выше, чем в Египте. Об этом, в частности, говорит то обстоятельство, что даже если из всей суммы важнейших показателей взять только один (долю нефтегазового экспорта в сумме валютных поступлений), то в Алжире он в 90-е годы составлял 96-98% , в Египте – примерно 15-20%. Объем валютных поступлений от экспорта нефти и газа в Алжире в 90-е годы колебался в пределах 9-13 млрд. долл. и лишь в начале 2000 г. в связи с резким ростом мировых цен на нефть и некоторым увеличением их на газ возрос примерно до 20 млрд. долл. (в апреле 2000 г. после объявления странами-членами Организации производителей и экспортеров нефти (ОПЕК) о снижении цены на нефть ожидается сокращение поступлений). Доля нефтегазового сектора в ВВП страны в начале 90-х годов в этой стране составляла приблизительно треть и имела тенденцию к росту в начале 2000 г. В Египте нефтегазовый экспорт приносил в 90-е годы порядка 2-4 млрд. долл.

В-третьих, в обеих странах разведанные запасы углеводородного топлива заметно различаются: если в Алжире запасы нефти в сравнении с крупнейшими обладателями этого вида топлива относительно невелики,

но достаточны, чтобы обеспечить на нынешнем уровне добычу в течение примерно двух десятилетий, то в Египте они могут быть исчерпаны в течение одного-полутора десятилетий. Иными словами, Египет уже в обозримой перспективе может стать нетто-импортером нефти и нефтепродуктов, если не будут наращены разведанные запасы этого вида топлива.

Ситуация с запасами природного газа отдаленно напоминает картину с запасами нефти: Алжир в 90-е годы выдвинулся в число крупнейших в мире владельцев запасов этого вида углеводородного топлива. В Египте разведанные запасы заметно уступают алжирским, однако они быстро наращиваются в последнее десятилетие, и есть основания полагать, что, как и в Алжире, газодобыча уже в обозримой перспективе может занять лидирующее место в структуре добычи энергоресурсов. На начало XXI в. Алжир прочно выдвинулся в число крупнейших и наиболее перспективных продуцентов и экспортеров газа, существенно влияющих (в отличие от Египта) на отдельные региональные сегменты мирового рынка (прежде всего – европейский рынок).

И, наконец, следует сказать, что разновеликая роль нефтяного сектора в рассматриваемых странах определила различия в их отношениях с международным объединением продуцентов нефти: Алжир-член ОПЕК со времени образования этой организации, в отличие о Египта, который не является ее членом, хотя и координирует свою политику в области цен на энергоносители с курсом ОПЕК.

Эти и другие факторы во многом определили всю стратегию развития отрасли в каждой из стран, включая регулирование развития добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья и продуктов, состояние национального рынка и экспорт энергоносителей, структурные особенности национальных нефтяных компаний, в том числе технико-экономические показатели их деятельности, эволюцию управленческой деятельности, особенности маркетинговой деятельности, ценовую, сбытовую и коммуникационную стратегию и, что не менее важно, направления диверсификации бизнеса и внешнеэкономической деятельности в целом.

Основные тенденции, характерные для динамики нефтегазодобычи в Египте и Алжире в постколониальную эпоху, в значительной мере близки или совпадают. Для нефти они определяются, с одной стороны, стремлением к постоянному наращиванию объемов добычи, с другой, теми естественными ограничениями и квотами, которые начала периодически устанавливать ОПЕК, после того как была создана. В целом же повышательная тенденция явно доминировала. Об этом свидетельствуют следующие данные: в Египте с 1975 по 1985 г. добыча нефти возросла с 11,1 млн. т до 44,2 млн. т¹. В Алжире после 1965 г. добыча нефти постоянно возрастала и достигла своего пика в 1979 г., составив 59,7 млн. т. В 80-е годы она имела тенденцию к некоторому сокращению и в 90-е годы стабилизировалась на уровне, более низком, чем в конце 70-х годов².

При этом следует оговориться, что относительно скромные разведанные запасы нефти в Египте уже в 80 – 90-е годы начинают влиять на

политику в этой области, сдерживая рост объема добычи ввиду близкого истощения запасов этого важного вида энергоресурсов – по оценкам середины 80-х годов, их истощение ожидалось к концу XX в. (см. табл. 1). Относительно низкие цены на нефть на мировом рынке содействовали укреплению этой тенденции. Более того, в правительственных кругах обсуждалась возможность снижения объемов добычи, чтобы будущее поколение египтян не оказалось лишенным этого важного энергоносителя. Однако последовавшее затем наращивание разведанных запасов нефти в Египте и, в особенности, открытие месторождений природного газа существенно смягчили подобный подход к использованию этого источника энергии. Тем не менее, с середины 80-х годов наблюдается лишь небольшое увеличение (с минимальными колебаниями данного показателя в отдельные годы) объема добываемой нефти в стране – с 44,2 до 46-48 млн. т в отдельные годы конца XX в. В основном можно говорить о доминировании тенденции к стабилизации в 90-е годы уровня добычи нефти.

Таблица 1

**Доказанные резервы нефти
в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки,
млрд. баррелей**

Страна	Конец 1997 г., млрд. баррелей	Доля стран в резервах региона, %	Отношение резервов к добыче
Всего страны региона	719,5	-	-
в том числе:			
Алжир	9,2	0,9	18,8
Египет	3,8	0,4	11,4
Ирак	112,0	10,8	св. 100 лет
Кувейт	96,5	9,3	св. 100 лет
Ливия	29,5	2,8	55,6
Саудовская Аравия	261,5	25,2	79,5
ОАЭ	97,8	9,4	св. 100 лет

Источник: MEED. – 1998. – № 30. – С. 12

Несколько отличная от египетской, но в отдельных важных чертах схожая с ней картина наблюдалась в Алжире, так как действовали во многом те же факторы, хотя сила их была несколько иной. С начала 80-х годов под влиянием тех же факторов, что и в Египте отмечается, тенденция ограничения добычи, которая уже в 1980 г. опустилась примерно до 45 млн. т. Беспрецедентные экономические трудности, с которыми страна столкнулась в начале 90-х годов, заставили заметно увеличить ее объем, который колебался в пределах 60-64 млн. т. Кроме того, (временно) поднять уровень добычи позволили как наращивание разведанных запасов нефти, составивших около 1,5 млрд. т так и, в особенности, природного газа, а также рост утилизации попутного газа.

В сравнении с большинством нефтеэкспортеров Ближнего Востока и Северной Африки в Египте, как свидетельствуют данные табл. 1, объем добычи нефти был близок к верхнему критическому пределу (такая ситуация сохранялась практически на протяжении последних двух десятилетий вплоть до конца 90-х годов), превышение которого угрожало уже в следующем десятилетии лишить страну этого исключительно важного вида энергоресурсов. Лишь отдельные страны региона – Сирия, Оман и Катар находились примерно в том же положении.

В Алжире также вынуждены были считаться с тем, что чрезмерная эксплуатация нефтяных резервов, граничащая с их исчерпанием в обозримой перспективе, может не только оставить страну без необходимых ресурсов нефти, но и подорвать всю энергетическую базу и, что не менее серьезно, – подорвать доверие к стране как к крупному экспортеру жидких углеводородов со стороны иностранных инвесторов.

Сложившаяся ситуация в Алжире и Египте существенно отличалась от той, которая была характерна для большинства арабских государств-нефтеэкспортеров, чьи доказанные резервы относительно уровня добычи были многократно выше. Она требовала от обеих стран весьма осмотрительно подходить к выработке и реализации своей национальной стратегии в нефтяной отрасли, прежде всего в сфере нефтедобычи, и, что особенно важно подчеркнуть, в целом в области развития энергетики. Это выразилось, в частности, в интенсификации геологоразведочных работ с целью наращивания разведанных запасов, что потребовало выработки более реалистической политики в отношении иностранных компаний, действующих в нефтегазовой отрасли, а также в стабилизации уровня добычи в 80-90-е годы, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

**Дневная добыча нефти в странах Ближнего Востока
и Северной Африки в 70 – 90-е годы*,**
тыс. баррелей

Страна	1978 г.	1997 г.	1998 г.**
Всего страны региона, в том числе:	19 773	23 490	24 521
Алжир	1 287	850	870
Египет	484	840	800
Кувейт	2 129	2 000	2 130
Ливия	1 983	1 390	1 430
Саудовская Аравия	8 301	8 600	8 640

Примечание:

*Источник: MEED. – 1998. – № 30. – С. 12; ОАПЕС. Huitiem rapport annuel.

** Прогноз на основе показателей первой половины 1998 г.

Данные о добыче нефти на конец 90-х годов свидетельствует, что Египет входит в число тех стран ближневосточного региона, в которых этот показатель либо стремится к тому, чтобы стабилизироваться на од-

ном уровне, либо даже имеет тенденцию к некоторому сокращению. Как правило, это страны с ограниченными разведанными резервами, такие как Сирия, Тунис и некоторые другие.

Осознание реальности угрозы истощения разведанных запасов нефти явилось мощным толчком к пересмотру (в Алжире) и формулированию основ политики (в Египте), направленной на интенсивную разработку ресурсов природного газа. Как и в других странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Алжире и Египте в первые десятилетия эксплуатации нефтяных ресурсов утилизация попутного газа (нефтегазового конденсата) и разработка месторождений природного газа, в целом использование ресурсов этого вида углеводородного топлива характеризовалась весьма скромными масштабами. Эта оценка справедлива даже в том случае, если она относится к странам с динамично растущей добычей природного газа, каковыми являются в последние десятилетия Алжир и Египет. В АРЕ добыча природного газа с 1970 по 1985 г. возросла в 6,5 раз. Однако в абсолютных показателях и исходную базу, и достигнутый результат следует рассматривать если не как незначительные, то как более чем скромные – за данный период объем добычи возрос с 1 млрд. до 6,5 млрд. куб. м. Попутный газ в больших объемах сжигался (в середине 80-х годов в Египте – до 40% и более), лишь часть его использовалась главным образом на бытовые нужды. В 80-е годы ситуация начинает меняться, и в 90-е годы произошла полная «переоценка ценностей» в приоритетах в подходе к использованию энергоресурсов. Помимо роста необходимости в более рациональном использовании дефицитных, не возобновляемых источников энергии, этому способствовали и другие факторы, к которым следует отнести следующие:

- рост спроса на внутреннем и мировом рынках энергоносителей;
- усиливающийся выбор потребителей в пользу более экологически чистых видов топлива, к числу которых относится природный газ;
- и, пожалуй, наиболее значимый фактор – появление, главным образом в 90-е годы, новых технологий, открывающих перспективы широко-масштабной прибыльной эксплуатации и транспортировки к районам потребления, как правило, крупных и экспорториентированных месторождений газа.

В Алжире товарная добыча газа постоянно росла: если в 1959 г. она составила 0,1 млрд. куб. м, в 1970 г. – лишь 2,9 млрд., но в 1985 г. – уже свыше 38 млрд. и в первой половине 90-х годов приблизилась к рубежу 60 млрд. куб. м. Динамичный рост добычи газа с середины 80-х годов, тем не менее, не означал решения всех проблем, связанных с извлечением и эффективным использованием этого ценного вида энергоносителей. Еще в начале 90-х годов в Алжире возросший уровень утилизации добытого газа все еще не мог считаться удовлетворительным: в 1993 г. он составлял порядка 40%, т.е. из общего объема добытого газа в 127 млрд. куб. м лишь 56 млрд. было реализовано на рынке, примерно половина – закача-

на обратно в пласты и 6% – сожжено. Тем не менее, по сравнению с серединой 70-х годов был достигнут существенный прогресс в деле утилизации этого энергоносителя – в 1975 г. в факелах было сожжено порядка 37% попутного газа.

Масштабы источников газообразных углеводородов в Египте и Алжире, несомненно, наложили свой отпечаток на развитие этой отрасли энергетического хозяйства наряду с другими основными факторами. Алжир, стоящий в конце 90-х годов на одном из первых мест в мире по разведанным запасам природного газа, сделав значительную ставку на разработку собственных запасов этого вида энергоносителей, нашел заметный отклик со стороны крупных иностранных компаний, вложивших многомиллиардные средства в разведку, обустройство, добычу и транспортировку алжирского газа.

Таблица 3

**Разведанные запасы и добыча природного газа
в отдельных странах Арабского Востока и в мире
в конце 90-х годов**

Страна	Запасы, трлн. куб. м			Добыча, млн. т эквив. нефти
	1973 г.	1980 г.	1997 г.	
Всего	57,6	74,7	141,3	2008,7
в том числе:				
Бывший СССР	20,0	26,1	57,3	602,1
Иран	7,6	13,7	21,0	34,3
Катар	0,2	1,7	7,1	12,2
ОАЭ	0,4	0,6	5,8	31,5
Саудовская Аравия	1,6	3,2	5,4	37,2
США	7,0	5,4	4,7	492,2
Венесуэла	• • •	• • •	4,0	28,8
Алжир	3,0	3,7	3,7	59,3
Ирак	0,6	0,8	3,3	-
Египет	• • •	0,3	ок.1	11,0
ОПЕК	18,3	28,5	58,2	278,4

Источник: BP, Statistical Review of World Energy. 1997; ОАПЕС. Huitième rapport annuel, с. 47-48; MEED. – 1997. – №41. – С. 17.

Таким образом, Алжир, стоявший во второй половине 90-х годов на девятом месте в мире по разведанным запасам природного газа, по объему добычи делил шестое-седьмое места с Индонезией и был, таким образом, одним из крупнейших производителей и экспортеров этого вида энергоносителей. В конце 90-х годов коэффициент отношения запасов природного газа к его добыче составлял 56.

Египет, чьи запасы возросли примерно с 200 млрд. куб. м в середине 80-х годов до около 1 трлн. в конце 90-х годов, также заметно нарастил

свои добывающие мощности. Однако он существенно уступал в этом отношении Алжиру и не входил даже в двадцатку крупнейших производителей газа в мире.

В целом обе страны – и Алжир, и Египет – в конце XX в. рассматриваются как крупные продуценты и динамичные экспортеры газа, имеющие крупный потенциал развития отрасли, что не менее важно. О последнем, в частности, свидетельствовали значительные усилия по разведке и наращиванию добычи и их практические результаты.

В 90-е годы Алжир выдвинулся в число пяти крупнейших стран мира по объему экспорта сжиженного газа, опередив по данному показателю многих крупных экспортеров углеводородного топлива (табл. 4).

Таблица 4

**Объем экспорта сжиженного газа
крупнейшими мировыми продуцентами**

Страна	Объем, млрд. куб. м	Доля в мировой торговле, %
ВСЕГО	92,0	100
в том числе:		
Индонезия	32,1	35,0
Алжир	18,3	19,9
Малайзия	15,3	16,7
Австралия	9,1	9,9
Абу-Даби	6,7	7,3
Ливия	1,1	1,2

Источник: БИКИ. 23.04.1998. – № 49.

Хотя Египет и уступал Алжиру по данной позиции, тем не менее и он достиг существенного объема в производстве сжиженного газа в 90-е годы. По данным на 1997 г., ежедневный объем произведенного сжиженного газа достиг в стране порядка 67 тыс. баррелей. При этом в Алжире этот показатель составлял 145 тыс. баррелей, в Саудовской Аравии – 720 тыс., а в целом по Ближнему Востоку и Северной Африке – 1083 тыс. баррелей³.

В структуре газодобычи в Алжире доминировала разработка месторождений природного газа, на которую приходилось порядка 70% всего объема. В Египте утилизация попутного газа занимала большую долю, нежели в Алжире, что позволяет сделать вывод, что в АРЕ при более ограниченных запасах жидких и газообразных углеводородов в сравнении с Алжиром в прошлом политика в нефтегазовой отрасли была несколько более рациональной.

Впрочем, распространять эту оценку на все сегменты нефтегазового хозяйства представляется не вполне обоснованным. В частности, обе страны добились примерно равных успехов в такой важной и в известной мере ключевой области, как сооружение перерабатывающих мощно-

стей, позволяющих увеличивать добавленную стоимость, поступающую стране – производителю нефтегазового сырья, а также в развитии транспортной инфраструктуры, обеспечивающей как внутренние нужды, так и экспортные потребности.

Наряду с такими факторами, как величина разведанных запасов и объем добычи, развитие перерабатывающих мощностей и транспортной инфраструктуры во многом, а в отдельных аспектах – в возрастающей степени определяет ситуацию в отрасли на рубеже XX-XXI вв.

В Алжире из 12 основных морских портов четыре представляют собой нефтяные терминалы, крупнейшие из которых расположены в Арзеве и Скикде. Единственная компания, которая специализируется на морской транспортировке углеводородов и продукции химической промышленности, – это СНТМ-ХИПРОК (SNTM-HYPROC).

Важнейшая часть всей транспортной инфраструктуры, обеспечивающей доставку нефти и газа, а также некоторые продукты их переработки, – примерно 10 тыс. км трубопроводов. Из них 6612 км приходится на нефтепроводы, 298 км – трубопроводы, предназначенные для перемещения нефтепродуктов, и 2948 км – газопроводы⁴. Имеющиеся на начало 2000 г. нефтепроводы связывали основные районы добычи (Хасси Р'Мель, Хасси Мессауд, а также район вблизи алжир-ливийской границы на юге страны) с крупнейшими морскими портами в городах Арзев, Алжир, Скикда, и портом на побережье Туниса. Сеть газопроводов частично «дублировала» нефтяную транспортную сеть и включала также газопроводы Магриб-Европа, протянувшийся до Танжера (Марокко), нитку к северо-восточному побережью Алжира (на границе с Тунисом), которая связывает страну с одним из основных европейских потребителей природного газа Алжира – Италией. Пропускную способность газопровода, связывающего Алжир с Испанией (месторождение Хасси Р'Мель с Кордовой), после ввода его в строй в конце 1996 г. составлявшую 8 млрд. куб. м, намечалось увеличить до 19 млрд. куб. м. К нему предполагается подключить нитку от месторождений Ин Салах и Тин Фойи Табанкорт на юге Алжира⁵. В целом пропускная способность алжирских магистральных газопроводов составляла в конце 90-х годов порядка 60 млрд. куб. м, что позволяло обеспечить экспорт газа в объеме свыше 18 млрд. куб. м⁶.

Как и Алжир, Египет в 90-е годы был основным потребителем собственного газа. Однако к концу десятилетия страна приступила к реализации планов развития экспорта как сжиженного попутного, так и природного газа. В ноябре 1996 г. Амоко подписала меморандум о взаимопонимании с Египтом и Турцией о развитии экспорта сжиженного газа из Дельты Нила в Турцию. Рассматриваются планы прокладки нитки газопровода в Израиль, Иорданию и Палестину. В ближайшей перспективе Израиль наряду с Турцией, видимо, станет важным рынком сбыта египетского газа. С этой целью планировалось к 1998 г. проложить 500 км газопровода, однако из-за ухудшения политического климата в регионе после прихода к власти ка-

бинета Б.Нетаньяху реализация проекта была временно отложена на более поздний срок.

Интенсивная разработка нефтегазовых ресурсов в Алжире и Египте пришлось на период, когда ведущие центры мирового хозяйства уже прошли первую волну научно-технической революции, а основные продуценты нефти и газа в «третьем мире» национализировали нефтегазодобывающие мощности. Важнейшими результатами происшедших сдвигов в энергетическом и в целом мировом хозяйстве стали следующие:

- бурное развитие мировой нефтехимической промышленности как одной из высокотехнологичных отраслей;

- расширение производства нефтепродуктов, полиэтилена, пластмасс и т.п. из газа, позволяющих создавать и присваивать значительные объемы добавленной стоимости, превышающей многократно (по отдельным видам продукции в десятки раз) стоимость нефтегазового сырья.

Эти в целом прогрессивные тенденции нашли свое проявление и в экономике Алжира и Египта: мощности по переработке нефти и газа получили здесь к началу XXI в. значительное развитие, нефтегазопереработка и химическая промышленность стали одними из наиболее динамично развивающихся отраслей. Дополнительный импульс рост производства нефтепродуктов получил под влиянием усиливающейся нестабильности мирового рынка цен на сырую нефть (и другие энергоносители) в 80-90-е годы в отличие от относительно стабильной конъюнктуры рынка нефтепродуктов. В результате с 1970 по 1990 г. доля перерабатываемой в Алжире нефти возросла с 2-3% до примерно двух третей от объема добычи. В 1996 г. перерабатывающие мощности составили 22,5 млн. т, или 590 тыс. баррелей в день⁷. В Египте объем перерабатываемой нефти с 1981/82 по 1995/96 г. в целом возрос на 75% – с 15,6 млн. до 27,3 млн. т (ежегодный темп роста составил 4,1%)⁸.

В Алжире перерабатывающий комплекс представляет собой группу НПЗ, обслуживающих как экспортные потребности страны (крупнейший экспортной ориентации НПЗ расположен в г. Скикда), так и внутренние (заводы в г. Арзев, в районах месторождений Хасси-Мессауд и Ин-Аменас). Помимо производства сжиженного нефтяного газа, выпускается широкий спектр нефтепродуктов. Представление об этом дают данные, приводимые по Египту (табл. 5).

Кроме указанных в таблице 5 нефтепродуктов, в Египте вырабатываются также в небольших объемах фенол, серная, соляная и азотная кислоты, ароматические углеводороды и др.

Необходимо также отметить продолжающийся во второй половине 90-х годов быстрый рост производства большинства видов нефтепродуктов, который по отдельным видам составлял 5-10% и более. В особенности быстро росла выработка авиационного топлива (13%), бензина (порядка 10%), смазочных масел (свыше 9%), нафты (около 9%), асфальта (7%).

Таблица 5

**Производство важнейших видов нефтепродуктов в Египте
в 1995/96 финансовом году**

Нефтепродукт	тыс. т
Бензин	1 990
Керосин	1 152
Реактивное топливо	930
Солярка	5 905
Газойль	12 280
Нафта	2 692
Дизельное топливо	55
Смазочные масла	240
Воск	42
Сольвенты	54
Асфальт	790
Прочие	229

Источник: Arab Republic of Egypt. Egypt Yearbook. – 1996. – С. 127.

В Африке и Египте на базе нефтегазодобычи заметное развитие получила химическая индустрия, которая может стать одной из наиболее перспективных отраслей национальной промышленности.

Оценивая достигнутое рассматриваемыми странами за примерно четыре десятилетия активной разработки нефтегазовых ресурсов, следует сказать, что как Алжир, так и Египет еще на ранних ее стадиях подняли добычу нефти и газа до уровня, полностью удовлетворяющего внутренние потребности в нефтепродуктах и обеспечивающего значительный доход в иностранной валюте. Однако ряд обстоятельств внутреннего и внешнего порядка не позволял считать достигнутое абсолютно оптимальным результатом. К ним необходимо отнести следующие факторы:

- неустойчивую конъюнктуру мирового рынка жидких углеводородов, которая «путала все карты» при выработке текущей и стратегической линии в развитии отрасли, вела к снижению в течение длительного периода (а это большинство лет периода 80-х годов) доходов от экспорта нефти;

- ограниченные запасы нефти, слабое использование (в силу различных причин, в том числе финансового и технологического порядка) попутного газа, относительно невысокий уровень разработанности и изученности (вплоть до 90-х годов) запасов природного газа, оказывавшие сдерживающее влияние на развитие отрасли;

- в условиях острого дефицита иностранной валюты чрезмерный акцент в нефтегазовой политике на вывоз продукции за рубеж в определенной степени в ущерб ее переработке на месте и ориентации на экспорт нефтегазохимической продукции. Прежде всего эта оценка относится к Алжиру, который, сделав ставку на широкомасштабные инвестиции в процесс индустриализации страны и не получив ожидавшейся отдачи, попал

в «долговую дыру» и был не в состоянии в достаточной мере развивать отрасли, перерабатывающие нефтегазовое сырье. Политика Египта в этом отношении была более эффективной, хотя и эта страна не использовала в полной мере все значительные возможности развития экспортно-ориентированного производства на основе нефтегазодобычи. При ограниченных и относительно скромных запасах нефти ситуация в нефтегазовой отрасли и в экономике в целом в довольно длительные кризисные периоды в обеих странах была бы существенно сложнее, если бы не значительные усилия по разведке и наращиванию запасов нефти и газа, принесшие в 90-е годы ощутимый эффект и в Алжире, и в Египте. Положительный эффект принесла, хотя и «стартовавшая» с некоторым опозданием, политика, имевшая своей целью развитие одной из наиболее технологичных и динамичных отраслей – химической промышленности на базе использования нефтегазового сырья. Прежде всего это относится к Египту. Важным результатом стало также выдвижение в 90-е годы Алжира в качестве одного из крупнейших мировых продуцентов газа.

Значительные колебания конъюнктуры мирового рынка нефти на протяжении двух последних десятилетий, для которых в целом был характерен относительно низкий уровень мировых цен на этот вид топлива, рост объема нефтегазодобычи, существенное наращивание перерабатывающих мощностей в отрасли, расширение транспортной инфраструктуры, рост масштабов и форм партнерства с иностранными компаниями и другие факторы оказали глубокое влияние не только на стратегию развития отрасли, но и на стратегию управления ею. Они подготовили почву для реформирования сложившегося к 90-м годам всего нефтегазового комплекса.

¹ Кукушкин В. Добывающая промышленность. – Египет. – М., 1990. – С. 140.

² Калинин Л. Промышленность. – Алжир. – М., 1997. – С. 188.

³ Oil and Gas Journal. 01.04.1999. – С. 70.

⁴ Guide for Investors in Algeria. 1997. – С. 34.

⁵ Oil and Gas Journal. 12.05.1997. – С. 42.

⁶ БИКИ. 23.04.1998. – № 49.

⁷ Middle East and North Africa. L., 1998. – С. 303.

⁸ Arab Republic of Egypt. Egypt Yearbook. – 1996. – С. 126.

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ И ИСЛАМСКИЙ МИР

Внешний фактор всегда играл важную роль в развитии ситуации в кавказском регионе, ставшем, начиная с XVIII в., ареной ожесточенного противоборства между Россией и другими державами. Российская империя продвинулась к Северному Кавказу в результате подписанного в 1739 г. с Османской империей трактата, разграничившего сферы влияния двух государств¹. При этом, османы практически постоянно подстрекали северокавказцев к выступлениям против России, играя на их религиозных чувствах. Именно так обстояло дело и в 1785 г., когда произошло первое столкновение русских с чеченцами, которые при поддержке турок воспрепятствовали попыткам России оказать помощь Грузии в ее войне с Аварским ханством². Положение не изменилось и в XIX столетии. «Вредные сношения с горцами турок и выходцев разных наций под покровительством политических интриг усиливаются со дня на день, – писал в апреле 1857 г. главнокомандующий Кавказской армией А.И.Барятинский министру иностранных дел А.М.Горчакову, – подвоз военной контрабанды и торговля невольниками производятся непрерывно»³. Помощь горцам оказывалась Османской империей и другими державами отнюдь не из альтруистических соображений: она была обусловлена их стремлением разыграть «кавказскую карту» в своих собственных интересах. В результате населявшие этот регион народы, выступая против России, «таскали для других каштаны из огня».

Безусловно, свою роль играл здесь и фактор религиозной солидарности, однако его значение не стоит абсолютизировать. Во всяком случае, когда это было необходимо, о «мусульманском братстве» забывали. В целом же, отмечал, характеризуя существовавшую тогда обстановку, министр Российской Федерации Р.Г.Абдулатипов: «Россия вела здесь войну отнюдь не с народами Кавказа. Это была геополитическая война против влияния на этот регион турок и персов. И основные потери в этой войне кавказские народы несли не от русских, а как раз от турецких и персидских завоевателей»⁴.

Умиротворение Северного Кавказа к началу 60-х годов XIX в., все более прочное закрепление за Россией Закавказья, продвижение на юг границ империи повлекли за собою прекращение вмешательства извне в дела этого региона. Ситуация, однако, изменилась после распада Советского Союза. Внимание мусульманского мира к Северному Кавказу было в немалой степени порождено нарастанием там, как, впрочем, и в других

регионах России, интереса к религии. Различные исламские организации стали в это время оказывать помощь в строительстве мечетей, создании медресе, подготовке кадров священнослужителей, направлять проповедников. Процессы реисламизации сопровождались распространением идей политико-религиозного возрожденчества (что было обусловлено целым рядом причин, анализ которых не входит в задачу автора.) Парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что представители северокавказских мусульманских общин, знакомясь с «зарубежным исламом» реформаторской или традиционалистской направленности, переходили в результате на фундаменталистские позиции. Весьма симптоматично в этой связи, что действовавшие в Чечне и Дагестане экстремисты стали называть себя «ваххабитами», хотя сам термин «ваххабизм» давно вышел из официального употребления в Саудовской Аравии, где в последние десятилетия преобладал ислам традиционалистской ориентации, а в настоящее время набирают силу реформаторские тенденции.

Реакция руководителей мусульманских государств на начавшуюся в 1993 г. первую чеченскую войну была неоднозначной. Типичным ее примером можно считать послание, направленное в декабре 1993 г. ливийским руководителем М.Каддафи российскому руководству. С одной стороны, в нем подчеркивалась важность сохранения территориальной целостности России, а с другой – выражалось опасение, что «избиение мусульман» в Чечне может привести к ухудшению отношений Москвы с исламским миром⁵.

Исламисты, со своей стороны, воспользовались сложившейся ситуацией, чтобы заработать себе «дополнительные очки», играя на чувствах религиозной солидарности с чеченцами. В развернутой ими в средствах массовой информации кампании происходящее подавалось как «борьба мусульманского чеченского народа за свою веру», следование многовековым традициям сопротивления всем захватчикам, начиная с татаро-монгол и кончая Российской империей и Советским Союзом⁶.

Подписание в 1996 г. Хасавюртских соглашений было встречено правительствами исламских государств с чувством облегчения. Там надеялись, что «чеченский вопрос», осложнявший отношения с Россией, уходит в прошлое и что проблема будет урегулирована на основе взаимоприемлемого компромисса при сохранении Чечни в составе Российской Федерации.

Этим надеждам, однако, не суждено было сбыться. Чечня быстро превратилась в фактически независимый от Москвы террористический анклав. В августе 1999 г. было осуществлено вторжение бандформирований в Дагестан, повлекшее за собою ввод федеральных войск в Чечню и начало второй чеченской войны.

Отношение к ней правительств мусульманских государств формировалось под воздействием ряда факторов, как благоприятных, так и неблагоприятных для России. Важное значение имела их заинтересованность в сохранении единой и сильной Российской Федерации, способной служить

противовесом влиянию Запада, и в первую очередь США, на Среднем Востоке и в арабском мире, на международной арене в целом. В столицах исламских стран понимали, что без активного участия Москвы вряд ли возможно добиться установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, разблокирования ситуации вокруг Ирака и Судана, окончательной нормализации обстановки вокруг Ливии, достижения стабильности в регионе. Симптоматично в этом отношении высказывание в беседе с верховным муфтием азиатской части России Н.Ашировым председателя Национальной ассамблеи Судана Х.ат-Тураби, известного своими исламистскими взглядами: «Сегодня ваша цель – не завоевать национальное самоопределение, ваша стратегическая цель – сохранение сильной и дееспособной России для того, чтобы обеспечить всем мусульманам безопасное существование в многополярном мире»⁷.

Обеспокоенность руководства мусульманских государств вызывало и то, что другие державы, прежде всего США, могут воспользоваться занятостью Москвы Чечней, чтобы вытеснить ее из Закавказья, и тогда в этом регионе возникнет новая геополитическая ситуация, которая будет формироваться без учета их интересов. Высказывались также опасения, что обстановка на всем Северном Кавказе выйдет из-под контроля Москвы, в конфликт с федеральным центром окажутся втянуты и другие мусульманские субъекты РФ, и в конечном счете все это выльется в конфронтацию России с исламом.

Кроме того, налицо было осознание опасности агрессивного фундаментализма – общего противника как Москвы, так и находящихся у власти в странах Ближнего и Среднего Востока режимов. Отторжение от Российской Федерации Северного Кавказа и создание там «исламской республики от моря и до моря» неизбежно повлекло бы за собою активизацию экстремистов на пространстве от Алжира до Средней Азии, что было бы чревато весьма опасными последствиями для всего этого обширного региона⁸.

С другой стороны, в сознании истеблишмента срабатывал традиционный стереотип религиозной солидарности, необходимости защиты единоверцев, где бы они ни находились. Такого рода настроения подпитывались и реакцией общественности, среди которой преобладали симпатии к мусульманам Чечни, якобы подвергнувшимся нападению российских войск.

Существовал, наконец, соблазн «канализировать» недовольство собственных исламистов, переориентировав их с критики своих правительств на осуждение действий Москвы, и подыграть им в этом. Все это создавало угрозу сползания руководства мусульманских стран на антироссийские позиции.

Москва предприняла энергичные меры, чтобы не допустить развития событий по неблагоприятному для России сценарию. Для разъяснения происходящего на Северном Кавказе на Ближний и Средний Восток выехали спецпредставители президента РФ: Р.Г.Абдулатипов – в Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты, министр государственного имущества Ф.Р.Газизулин – в Катар, на Бахрейн и в Кувейт, министр

по делам федерации и национальностей А.В.Блохин – в Ирак, член Коллегии МИД чрезвычайный и полномочный посол П.В.Стегний – в Иорданию, Сирию и Ливан. Значительное внимание чеченской проблематике было уделено министром иностранных дел И.С.Ивановым в ходе переговоров в Каире с президентом АРЕ Х.Мубараком и министром иностранных дел А.Мусой. Одновременно Йемен, Судан и страны Магриба посетил спецпредставитель министра иностранных дел РФ, передавший руководителям их внешнеполитических ведомств послание И.С.Иванова. Результатом проведенных контактов стало закрепление у руководства исламских стран понимания, что действия федерального центра в Чечне соответствуют и их интересам. Главы государств и правительств, министры иностранных дел выразили согласие с проводимым российскими представителями тезисом, что международный терроризм создает угрозу не только территориальной целостности Российской Федерации, но и странам региона, подтвердили, что рассматривают происходящее на Северном Кавказе как внутреннее дело России⁹. Особенно большое значение имело то, что с подобных позиций выступили Саудовская Аравия, которую мусульмане рассматривают как сердце исламского мира, наиболее влиятельная страна Арабского Востока Египет и граничащий с Закавказьем Иран.

Принципиально важным было достижение договоренностей с мусульманскими государствами, чтобы помощь, перемещенным лицам на Северном Кавказе, предоставляемая ими, в том числе и по каналам общественных организаций, направлялась в Россию по правительственной линии и распределялась МЧС РФ. Это предотвратило возможность попадания поставляемых грузов в руки бандформирований.

В целом подходы исламских стран к событиям в Чечне оказались более сдержанными, чем позиция США и западноевропейских государств. Примечательно в этой связи, что инициаторами внесения в Комиссию по правам человека ООН проекта антироссийской резолюции были не мусульмане, а западные государства. Исламские страны отказались стать ее соавторами, и многие из них воздержались при голосовании¹⁰.

В целом умеренной была и резолюция по Чечне, принятая XVII сессией министров иностранных дел стран-членов Организации Исламская конференция (ОИК) в Куала-Лумпуре в июне 2000 г. Хотя в ней и выражалась «серьезная озабоченность в связи с трагическим кризисом в Чеченской республике Российской Федерации» и отмечалось, что в результате «русского наступления» гражданское население понесло тяжелые потери, резолюция подтвердила уважение мусульманскими государствами территориальной целостности России и принципа невмешательства в ее внутренние дела. Кроме того, в нее был включен призыв к членам ОИК и далее предоставлять гуманитарную помощь перемещенным лицам и оказать экономическое и техническое содействие послевоенному восстановлению Чечни.

В свою очередь чеченские сепаратисты также предпринимали попытки повлиять на линию руководства мусульманских государств. Однако их

усилия результатов не принесли. Более того, направлявшиеся ими эмиссары нигде – за исключением Катара и ОАЭ – не были приняты на официальном уровне. «Руководители исламских стран, – вынужден был публично признать З.Яндарбиев, – занимают довольно негативную позицию... Исламские страны присоединились к Америке и Израилю в их поддержке России с целью не допустить создания исламского государства на Северном Кавказе»¹¹.

Вместе с тем не удалось избежать отрицательного воздействия войны в Чечне на позиции России в Закавказье. Не случайно, как представляется, именно на фоне критики действий Москвы на стамбульской сессии ОБСЕ президенты США, Турции, Азербайджана и Грузии при участии руководителей Туркменистана и Казахстана подписали соглашение о строительстве нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, не только отстраняющее Россию от участия в транспортировке каспийской нефти, но и открывающее для Вашингтона потенциальную возможность объявить, в случае необходимости закавказский регион сферой своих жизненных интересов.

Ситуация, сложившаяся в Чечне после 1996 г., превратила эту республику в весьма привлекательный объект для экспансии зарубежных исламистских сил. Фактическая независимость республики от Москвы, отсутствие там дееспособной центральной власти, абсолютная самостоятельность полевых командиров, криминальный беспредел создали благоприятные условия для реализации на ее территории замыслов фундаменталистских организаций.

Особую роль здесь играл талибский Афганистан, от которого, как подчеркнул И.С.Иванов в своем заявлении в Дели, исходит угроза, связанная не только с наркотиками и контрабандой оружия, но и с исламским экстремизмом¹².

Чеченские сепаратисты поддерживали тесные контакты с «Исламским эмиратом Афганистан», и, как сообщал 22 мая 2000 г. помощник президента РФ С.В.Ястржембский, представители Р.Масхадова подписали с уполномоченными правительства талибов и руководителем «Мирового фронта джихада» У.бен Ладеном протокол о предоставлении сепаратистам помощи боевиками, оружием и боеприпасами. Интерес «Движения талибан» и У.бен Ладена к Чечне объяснялся не только идеологическими соображениями. Ежегодно на контролируемой талибами территории Афганистана производится наркотиков на 8 млрд. долл., из которых 1 млрд. приходится на долю У.бен Ладена¹³. Часть из них поступала в Чечню и затем реализовывалась в других субъектах Российской Федерации. Считается, что именно они способствовали взрывному развитию наркомании в России, где число наркозависимых лиц только в течение 1998 г. возросло с 1 млн. до 2 млн. человек¹⁴.

Особенно тесные связи были установлены «Мировым фронтом джихада» с Х.Абд ар-Рахманом (иорданцем по происхождению, больше известным под псевдонимом «Хаттаб»), который в свое время проходил военную подготовку в лагерях У.бен Ладена в Афганистане. Была нала-

жена переброска к Хаттабу боевиков-террористов из «Исламского эмирата Афганистан», спецслужбы которого снабжали их паспортами и деньгами и содействовали их проникновению в Таджикистан и дальнейшему просачиванию в Чечню¹⁵. У.бен Ладен был прямо причастен и к вторжению бандформирований в Дагестан. На проведение этой операции он выделил Хаттабу и Ш.Басаеву 30 млн. долл.¹⁶

В подпитке бандформирований активное участие принимали и пакистанские фундаменталистские организации, такие как «Джамаат-и-ислами»¹⁷. Ее активистом был, в частности, А.Хамурзаев («Папаша»), исполнявший роль палача при полевом командире Абдурахмане¹⁸. Среди экстремистских группировок, поддерживавших чеченских сепаратистов, можно также выделить алжирские «Исламский фронт спасения» и «Воруженную исламскую группу», египетский «Исламский джихад», йеменские «Ислах» и «Группу спасения», палестинскую «Асбат аль-ансар», турецкие «Фонд имама Шамиля», «Очаги исламского порядка», «Джамаат ад-дагестаниин аль-атрак» и др.¹⁹ Одной из них – «Асбат аль-ансар» – был в начале января 2000 г. совершен обстрел из гранатометов и стрелкового оружия посольства РФ в Бейруте.

Хотя террористические центры не имеют общего штаба, между ними осуществляется тесная координация действий. Существует, впрочем, по крайней мере одна международная экстремистская организация – «Мировой фронт джихада», в состав которой входит ряд исламистских группировок, действующих в странах Ближнего и Среднего Востока. Имеются, следовательно, основания говорить о формировании своего рода «террористического интернационала», эффективность действий которого была убедительно подтверждена чеченским опытом.

Вербовка добровольцев для участия в войне в Чечне осуществлялась не только в мусульманских странах. Так, по сообщению ИТАР-ТАСС от 30 мая 2000 г., воевавший против федеральных сил подданный Иордании Х.аль-Хаят обучался в Политехническом институте в Киеве, откуда он и попал в отряд полевого командира Р.Гелаева. Позже, разочаровавшись в идеалах «ваххабизма», Х.аль-Хаят сдался российским войскам.

Общее число сражавшихся в Чечне наемников из мусульманских государств вряд ли можно точно определить. Известно, тем не менее, что часть из них попала в так называемый Арабский легион, численностью в несколько сот человек, которые прибыли на Северный Кавказ из Саудовской Аравии, Иордании, Египта, Кувейта, Афганистана, Пакистана, Турции и других стран²⁰.

Вмешательство в российские внутренние дела осуществлялось, судя по всему, также и иранскими фундаменталистами, цель которых – установление в России власти ислама или, по меньшей мере, возвращение Ирану потерянных в ходе персидско-российских войн территорий²¹. Во всяком случае, эмиссары иранских религиозных кругов, связанных с аятоллой А.Хаменеи, в течение длительного времени активно действовали на Кавказе, особенно в Чечне²².

Российской стороной было налажено взаимодействие с рядом мусульманских государств по пресечению подпитки чеченских боевиков со стороны экстремистских исламских организаций²³. Однако полностью перекрыть каналы поступления такого рода помощи, видимо, не удалось. Дело здесь, как представляется, осложнялось тем, что большинство фундаменталистских группировок, помогавших сепаратистам на Северном Кавказе, действует в глубоком подполье. Покончить с ними не в состоянии и сами правительства мусульманских государств. Для финансирования терроризма создана разветвленная система коммерческих структур, осуществляющих денежные переводы по цепочке банков и тесно связанных с организованной преступностью в Западной Европе и США²⁴. Все это должно было крайне затруднить выявление источников финансовых средств, путей их переброски боевикам и их конкретных получателей.

Участие в боевых действиях наемников из тех или иных мусульманских стран не отразилось на отношениях России с ними. Как разъясняли российские официальные представители, в Москве не считали, будто «участие этих лиц связано с политикой того или иного арабского государства» и «Россия не обвиняет какое-либо арабское или исламское государство либо правительство» в этой связи²⁵.

Что касается общественности мусульманских стран, то на первом этапе, когда проводились операции по уничтожению бандформирований, вторгшихся в Дагестан, там относились к происходившему достаточно индифферентно. Затем, с переносом боевых действий на территорию Чечни и, особенно, после их затягивания начали нарастать антироссийские настроения. Значительную роль в их формировании сыграли передачи западных телеканалов, а также катарской «Аль-Джазиры». Массовый охват населения и сила эмоционального воздействия появляющегося на экранах изображения в очередной раз подтвердили решающую роль телевидения как средства пропаганды в современных условиях. Российская сторона мало что могла этому противопоставить, поскольку ее телестанции вели трансляцию почти исключительно на русском языке, да к тому же и освещение ими происходящего не всегда было в пользу федеральных властей. Чеченская тематика занимала, правда, достаточно весомое место в передачах на исламские страны московского радио, однако реальная отдача от этого была незначительна вследствие падения эффективности воздействия на общественное мнение радиовещания по сравнению с телевидением. Негативно на российской контрпропаганде сказалось и значительное сокращение за последние годы числа культурных центров России и бюро РИА «Новости» в столицах мусульманских государств.

Можно было ожидать, что на события на Северном Кавказе особенно остро отреагируют «черкесские общины», объединяющие выходцев с Северного Кавказа, которые переселились в Османскую империю в середине XIX в. после окончания Кавказской войны. В настоящее время в Иордании и Сирии проживает по 30-35 тыс. пользующихся там немалым влиянием «черкесов», в Ираке – 10 тыс.²⁶ В иорданской армии служат офицеры – се-

верокавказцы, много выходцев из этого региона работает в госучреждениях, в том числе и на высоких должностях, сестра короля Иордании Абдаллаха II замужем за черкесом. В Сирии северокавказцы широко представлены в государственном и партийном аппарате. Только в армии и органах безопасности крупные руководящие посты занимают около 50 «черкесов»²⁷.

В начале 90-х годов в северокавказской диаспоре усилился интерес к «исторической родине», начали завязываться контакты с народностями Северного Кавказа. Тем не менее, отношение «черкесов» к событиям в Чечне было в целом спокойным. Объясняется это как небольшим числом среди них чеченцев, так и негативным впечатлением, которое произвело на северокавказскую диаспору вторжение чеченских бандформирований в Дагестан, приведшее к братоубийственным столкновениям. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что «черкесы», являющиеся составной частью сирийского и иорданского истеблишмента, не могли не считаться с позицией, занятой руководством этих государств. В конечном счете все ограничилось несколькими митингами в Иордании, организованными «Обществом друзей Чечено-Ингушетии», и сбором средств среди выходцев с Северного Кавказа на оказание гуманитарной помощи перемещенным лицам.

В целом вторая чеченская война оказала определенное отрицательное воздействие на отношение к России в исламском мире. При этом психологический эффект от случившегося наложился на негативные впечатления, порожденные позицией России в связи с конфликтами вокруг Нагорного Карабаха, в Боснии и Герцеговине, в Косово, где Москва в силу различных, хотя и никоим образом не связанных с религией, причин оказалась вынужденной выступать не на стороне мусульман. Все это повлекло за собою размывание в какой-то степени представления о России как друге мусульманских народов, возникновение впечатления, будто в своей внутренней и внешней политике она следует антиисламской линии.

Тем не менее, удалось – и это главное – избежать ухудшения отношений России с мусульманским миром, что в силу геополитического положения нашей страны, важности поддержания активных политических и продвинутых торгово-экономических связей с исламскими государствами было бы чревато для нее крайне неблагоприятными и во многом непредсказуемыми последствиями.

¹ Чечня. Белая книга. – М., 2000. – С. 5-6.

² Там же, с. 6.

³ Там же, с. 37.

⁴ Там же, с. 140.

⁵ Аш-Шамс. 28.12.1993.

⁶ Там же.

⁷ Терроризм в России как авантюра и политическая практика. / Материалы семинара, состоявшегося 30 сентября 1999 г. в Московском центре Карнеги. – М., 1999. – С. 31.

- ⁸ Там же, с. 7.
- ⁹ См.: Дипломатический вестник. – 2000. – №5. – С. 50.
- ¹⁰ Из государств-членов Организации Исламской Конференции за проект резолюции проголосовали Нигер, Пакистан, Катар, воздержались Бангладеш, Индонезия, Нигерия, Сенегал, Судан, Тунис, не участвовало в голосовании Марокко.
- ¹¹ Аш-Шарк. 14.03.2000.
- ¹² Ближний Восток и современность. – М., 1999. – Вып. 8. – С. 144.
- ¹³ Там же, с. 146.
- ¹⁴ Коммерсантъ-деньги. 15.09.1999, с. 15-16.
- ¹⁵ Ближний Восток и современность. Вып. 8, с. 145.
- ¹⁶ Чечня. Белая книга, с. 75.
- ¹⁷ Там же, с. 153-154.
- ¹⁸ См.: Сегодня. 19.04.2000.
- ¹⁹ См.: Чечня. Белая книга, с. 153-154.
- ²⁰ Северный Кавказ. 31.05.2000; Аль-Ватан. 28.02.2000.
- ²¹ См.: Ближний Восток и современность. – М., 1999. – Вып. 6. – С. 234; Азия и Африка сегодня. –1996. – № 2. – С. 3; Московский комсомолец. 14.12.1994.
- ²² Русская мысль. 27.03-02.04.1997; Ближний Восток и современность. Вып 6, с. 233-234.
- ²³ См.: Ат-Тарик. 14.03.2000.
- ²⁴ См.: Ближний Восток и современность. Вып. 8, с. 145.
- ²⁵ Ат-Тарик. 14.03.2000.
- ²⁶ Political Encyclopedia of the Meddle East. Jemsalem, [б.г.] с. 194.
- ²⁷ Арабский сборник. – М., 2000. – Вып. 2. С. 6.

КОНФЕРЕНЦИЯ СТРАН КОМЕСА В КАИРЕ

27-29 февраля 2000 г. в Каире состоялась конференция представителей 21 африканской страны, которые расположены в основном в долине Нила. Краткая история образования этого объединения такова.

В 1964 г. была создана Экономическая комиссия стран Южной и Восточной Африки, однако работоспособную структуру эта организация приобрела лишь три десятилетия спустя, когда в 1983 г. на ее месте возникла Ассоциация общего рынка стран Южной и Восточной Африки (КОМЕСА). В июне 1998 г. к этой организации присоединился Египет, в результате чего число стран-членов возросло до 21. Они занимают 41% территории африканского континента, и проживает в них более половины его населения (380 млн. человек в странах КОМЕСА).

При всей масштабности суммарных показателей страны-члены объединения отличаются исторически сложившейся внутренней несхожестью, гетерогенностью, что в очень резкой форме отражается на экономических показателях. Большинство этих стран – англоязычные: Уганда, Танзания, Кения, Малави, Свазилэнд, Сейшельские острова, Маврикий, Намибия, Зимбабве, Замбия. В них проживает основная масса населения стран КОМЕСА. Франкоязычными являются Мадагаскар, Конго, Руанда и Бурунди. Арабский мир представлен Египтом, Суданом, Джибути и Коморскими островами. Остальные страны-члены – Эфиопия, Эритрея и Ангола. В Эфиопии и Эритрее говорят на местных языках, в Анголе – на португальском. В некоторых странах распространены два и более языков.

Большое различие можно отметить в размере ВВП на душу населения: от одной с лишним тысячи долларов в Египте и островных государствах до 300 долл. в среднем по остальным странам и менее 100 долл. в Эфиопии. Суммарный экспорт стран КОМЕСА (не считая Египта) в 1998 г. составлял 17 млрд. долл., импорт – 25 млрд. долл., тогда как объем межстрановой торговли не превышал 2,5 млрд. долл. (немногим более 5% общего товарооборота). В настоящее время этот показатель оценивается в 8%. В результате значительного снижения пошлин вплоть до их отмены и проведения других мероприятий удельный вес межстрановой торговли предполагается увеличить до 20%¹.

В случае достижения согласованности между собой страны КОМЕСА могут добиться больших хозяйственных успехов. Они обладают значительными возможностями развития сельского хозяйства и запасами полезных ископаемых. Однако большинство из них для задействования этих

ресурсов нуждается в помощи, в том числе в освоении новых технологий. С использованием их, например, 1 кг меди-сырца при переработке ее в медный провод становится втрое дороже при продаже этого килограмма на рынке. Пока что медь экспортируется в основном в виде слитков, цена на которые на мировом рынке к тому же сильно колеблется. Сельское хозяйство представлено в основном плантациями, заложенными еще в колониальное время, и нуждается в существенной модернизации.

На вступление Египта в КОМЕСА повлиял ряд стратегических соображений. Все более острой проблемой становится использование вод Нила. Египет ищет более надежную позицию в отношениях с Эфиопией и Суданом. Для него существует реальная опасность с юга в случае раскола Судана в результате гражданской войны, а также при возобновлении вооруженного конфликта между Эритреей и Эфиопией. Последняя, как и Судан, может предъявить свои права на дополнительную квоту нильской воды.

В южной части Египта активизируются исламские фундаменталисты. Они ищут контакта с сомалийскими исламистами под руководством Хусейна Мухаммеда Айдида, который в свое время поддерживал тесные контакты с Усамой бен Ладеном и использует боевиков-выходцев из Йемена, Джибути, Эритреи и даже Центральной Азии. Египет стремится предотвратить консолидацию этих сил и разгорание конфликтов у границ со своими южными территориями, где сейчас быстрыми темпами осуществляется масштабный проект освоения пустынных земель, их заселения и промышленного развития.

У северных границ Египта возникает угроза мирному урегулированию ближневосточного кризиса, который, помимо палестинцев и Израиля, все очевидней захватывает Сирию и Ливан. Обостряются политические и экономические противоречия между Сирией и Турцией. Будучи заинтересованным в сохранении стабильности в арабском Машрике и северо-восточной Африке, Египет все активнее берет на себя роль как посредника, так и непосредственного участника в отношениях между странами, события в которых могут иметь для него определенные последствия².

По определению Министерства информации Египта, основные цели ассоциации КОМЕСА – взаимная увязка и координированное развития производства и сбыта продукции; поощрение совместного участия в экономической деятельности, укрупнение масштабов производства, разработка и выполнение программ по повышению уровня жизни населения; создание благоприятного климата для привлечения иностранных капиталовложений; упрочение мира, безопасности и стабильности в отношениях между странами как необходимое условие хозяйственного подъема; развитие партнерских отношений стран КОМЕСА с остальным миром.

Одной из главных хозяйственных целей вступления Египта в КОМЕСА можно считать возможность расширить экспорт и сократить дефицит своего торгового баланса. Основными группами товарного экспорта стран КОМЕСА в объеме 17 млрд. долл. в 1996 г. были: сельскохозяйственное сырье – 72%, топливо и металлы – 14, машины и средства

транспорта – 1,5%. Импорт на общую сумму 28 млрд. долл. распределялся следующим образом: готовые изделия – 40,3%, машины, оборудование и средства транспорта – 35,4, топливо – 11,3, продовольствие – 9,3, сырьевые материалы – 3,7%³.

В августе 1997 г. в Египте был образован межминистерский комитет по изучению путей упрочения сотрудничества со странами КОМЕСА, в рамках которого была создана «техническая рабочая группа», в которую вошли представители министерств, банковского союза Египта, объединений предпринимателей, торговых палат. Некоторые из них командировали своих представителей в африканские страны для выяснения возможностей сбыта товаров египетского экспорта. Удалось заключить экспортные сделки на сравнительно небольшие суммы. Более значительные предпосылки сотрудничества заложены в расширении египетского участия в области строительства, проведения дорог, сооружения жилищных и промышленных комплексов пока что в восьми африканских странах.

Египет видит ряд выгод для себя в возможности ввозить из стран КОМЕСА сырье и полуфабрикаты. В 1996 г. суммарный экспорт из стран КОМЕСА был почти на 10 млрд. долл., ниже, чем их импорт. Таким образом, члены КОМЕСА, имеющие суммарный пассивный торговый баланс, являются в большинстве своем должниками, не имеющими возможности расплачиваться наличными и поэтому весьма склонными к использованию бартера как средства расчета. В 1997 г. экспорт Египта в страны группы превысил 40 млн. долл., а импорт – 165 млн. долл. Будучи самой развитой страной в регионе, Египет располагает сильными позициями во внешней торговле, на его долю приходится 40% внешнеторгового оборота стран КОМЕСА. Египетские деловые люди питают надежду, что к 2001 г. его внешняя торговля с остальными странами группы возрастет до 750 млн. долл., в основном за счет нарастания экспорта и реэкспорта. По мнению деловых людей из Египта, побывавших в странах КОМЕСА, для расширения египетского экспорта необходимо повысить эффективность Компании по страхованию экспорта для покрытия коммерческих и некоммерческих рисков, которые неизбежны прежде всего из-за политической неустойчивости в странах-партнерах. Существенной предпосылкой расширения египетского экспорта должно стать внедрение в страны КОМЕСА новых технологий, в том числе в сфере услуг⁴.

Один из важных мотивов присоединения Египта к КОМЕСА – вступление мира в эпоху глобализации, когда конкурентоспособность становится главным условием достижения хозяйственных успехов. Для упрочения собственного положения каждая страна вынуждена искать свою нишу в союзе с другими странами, сходными по исторической судьбе, в основном соседними, а также с более отдаленными, но более сильными и благополучными. В 1999 г. Египет прилагал и продолжает прилагать сейчас большие усилия по усилению интеграции со странами Северной Африки, объединившимися в Союз арабского Магриба. Он не теряет из виду другие, еще слабо оформленные африканские экономические объединения, су-

существующие в южной, центральной и западной частях «черного континента», для расширения сотрудничества с ними. Для достижения этой нелегкой цели КАИР заинтересован в повышении своего удельного веса и ведущей роли в уже имеющихся объединениях с его непосредственным участием. Одновременно Египет наращивает усилия по сотрудничеству со странами Средиземноморского бассейна и государствами Европейского экономического союза (ЕЭС).

Удельный вес африканского континента в египетском внешнеторговом товарообороте пока невелик – всего 4%. Можно ожидать увеличения спроса на такую промышленную продукцию Египта, как нефтепродукты, химтовары, текстиль, стройматериалы и сами строительные работы, керамика и другие виды продукции и услуг, по которым он имеет относительное преимущество по сравнению с другими африканскими странами. Проникновение египетских товаров на африканские рынки облегчается тем, что требования к качеству экспортируемых им изделий в Африке значительно более скромные, чем в развитых странах. Благоприятные условия для египетского экспорта еще более возрастут после снижения и отмены импортных пошлин в странах-членах КОМЕСА на его продукцию, а также в результате установления единого тарифа на импорт из стран, не входящих в организацию, что предполагается сделать в 2004 г. На конкурентоспособность египетских товаров положительно повлияет наличие крупных ресурсов дешевого сырья в остальных странах-членах, прежде всего металлов, минерального и кожевенного сырья. Некоторые египетские компании уже начали открывать свои филиалы в странах КОМЕСА, например, компании по производству алюминия, электротоваров, предметов домашнего обихода используют местное дешевое сырье и направляют затем свою продукцию на экспорт.

Африканский рынок может стимулировать многонациональные корпорации образовывать свои филиалы в Египте, пользуясь отменой пошлин внутри группы КОМЕСА, и значительно расширить с этой целью свои прямые инвестиции в Египте, который можно будет рассматривать как индустриальный центр группы. Египет планирует создание сборочных предприятий в других странах КОМЕСА с последующим реэкспортом продукции внутри группы и за ее пределами. О начале претворения в жизнь такой тенденции свидетельствует соглашение между Египтом и компанией «Мерседес» о производстве грузовиков в Египте, который может организовать сборку также и на своих филиалах в странах КОМЕСА.

Помимо выгод, которые приобретает Египет от членства в КОМЕСА в промышленной, торговой и финансовой областях, многообещающим представляется сотрудничество в сфере сельского хозяйства. В странах КОМЕСА сосредоточена значительная доля мировой площади земель, годных для сельскохозяйственной обработки. В то же время часто некому организовать производство на них из-за отсутствия квалифицированных кадров. Египет может сыграть важную роль в области их подготовки и создания исследовательских центров для превращения районов плодородных зе-

мель в базу продовольственного снабжения местного населения и развития промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственную продукцию.

Уже 14 стран-членов КОМЕСА обратились к Египту с просьбой организовать на их территории образцовые фермы, что могло бы облегчить затруднения с нехваткой продуктов. В Египте рассматривается сейчас вопрос об образовании в Замбии крупного смешанного замбийско-египетского сельскохозяйственного предприятия⁵.

Бывший премьер-министр Египта Хигази, выступая на конференции, заявил, что в сельскохозяйственных ведомствах и организациях Египта проводятся совещания и организационные мероприятия, имеющие целью увеличение возможностей Египта сотрудничать с остальными странами КОМЕСА в области текстильной промышленности. Обсуждаются также конкретные вопросы о партнерстве со странами КОМЕСА, в которых производство хлопчатобумажных изделий (в чем Египет за долгий исторический период приобрел значительный опыт) достигло довольно высокого уровня, например, в Судане и Кении. Хигази считает, что успеху Египта в поддержке текстильной промышленности в других странах будет способствовать не только накопленный опыт, но и относительные преимущества, которыми он располагает, особенно в области производства готовой одежды для широких слоев населения, как с точки зрения себестоимости, так и качества. Положительным моментом является и то, что в африканских государствах Египет менее рискует столкнуться с завышенными требованиями к качеству, что неизбежно при продажах в странах Запада. Тем не менее, по мнению Хигази, это не снимает с Египта необходимости детального изучения обстановки в странах КОМЕСА и использования местных условий в свою пользу. Например, Египет недостаточно использует коммерческих агентов из числа жителей стран-партнеров, которые гораздо осведомленнее египтян о положении дел в своих странах. Почти на нуле пока проведение египтянами в этих странах выставок, ярмарок и других рекламных мероприятий, значительно облегчающих сбыт.

Хигази подчеркнул, что текстильная промышленность занимает в Египте второе место после пищевой. Благоприятным фактором является большая численность населения в странах КОМЕСА, что, однако, из-за низкого уровня жизни не может пока обеспечить высокого потребительского спроса. Тем не менее, Египет мог бы расширить экспорт в эти страны хлопка, хлопчатобумажной пряжи и готовой одежды. По его мнению, нужно объединить усилия египетских производителей готовой одежды с предпринимателями других стран группы.

Руководитель службы водообеспечения Каира Х.Хосни обратил внимание на необходимость изыскания средств на финансирование предприятий производственной инфраструктуры для обеспечения населения чистой питьевой водой, в том числе путем опреснения морской воды, что, правда, потребует крупных инвестиций в наращивании энергетических мощностей. Х.Хосни указал на необходимость внедрения в Африке условий сооружения объектов типа БОТ и БООТ, получивших распростране-

ние с начала 70-х годов. Согласно этим условиям, инвестор становится пользователем и даже собственником сооруженного объекта, который он через определенный промежуток времени передает заказчику. Этим самым инвестор получает дополнительную мотивировку для вложения своих капиталов. Однако организация работ на этих условиях требует допуска иностранных специалистов для предварительного ознакомления и изучения местных условий инвестирования, что в нынешней политической обстановке в странах КОМЕСА не везде осуществимо.

Министр энергетики Египта А.ас-Саиди сообщил на конференции о намечаемом значительном расширении энергетических мощностей страны и высказал уверенность, что Египет в скором времени станет экспортером электроэнергии в близлежащие страны, в том числе в страны КОМЕСА, что может произойти уже в 2003 г.

Заместитель министра иностранных дел Египта по делам Африки И.Хасан сообщил, что на конференции был ратифицирован ряд соглашений и контрактов, заключенных между представителями делового мира. Так, шесть стран заключили соглашения о создании в течение восьми месяцев зоны свободной торговли, общего банка, клиринговой палаты, инвестиционного управления. И.Хасан подчеркнул, что главная цель – это полная хозяйственная интеграция членов группы к 2024 г., когда будет создана Экономическая ассоциация Африки, но что это только первый шаг к интеграции всех 52 африканских государств. Не все так просто осуществляется и в границах КОМЕСА. Танзания, по всей вероятности, временно воздержится от формирования общего рынка в составе шести стран, ссылаясь на свою неготовность снизить таможенные пошлины, что повлечет за собой сокращение бюджетных доходов⁶.

Важной темой обсуждений на конференции были инвестиции. Вырисовываются более благоприятные перспективы в отношении привлечения иностранных прямых капиталовложений, в том числе и из богатых арабских стран, с которыми на этой основе должно развиваться экономическое и торговое сотрудничество. Финансовые средства можно привлекать и из некоторых стран КОМЕСА, которые считаются экспортерами капитала. В 1999 г. из африканских стран в Египет поступило 64 млн. долл. из общей суммы прямых иностранных инвестиций, которая превысила в указанном году 1 млрд. долл.

Между шестью странами достигнуто соглашение об образовании первой в организации КОМЕСА инвестиционной компании. Ее возглавляет египтянин. Кроме Египта, в члены компании вошли Мозамбик, Замбия, Намибия, Зимбабве, Ботсвана. Компания должна максимально использовать благоприятные условия для инвесторов стран-членов, в частности, в результате снижения таможенных пошлин, предоставления льготного налогового режима, обеспечения необходимой информацией. Новая инвестиционная компания собирается сосредоточить свое внимание прежде всего на вложении капитала в транспорт и погрузочно-разгрузочные работы. Как известно, дорожная сеть, порты и аэродромы в этой части мира развиты слабо. Предполагается при поддержке соответствующих государств-членов

инвестиционной компании установить пониженные тарифы на перевозку и погрузочно-разгрузочные работы. Компания будет изучать возможности капиталовложений в отдельных странах. Уже сейчас известно, что в Замбии имеются хорошие перспективы вложения капитала в сельское хозяйство. Из 105 млн. федданов годных для сельскохозяйственного использования земель фактически обрабатываются лишь 5 млн. федданов.

Новая компания займется разработкой технико-экономических обоснований капиталовложений в новые проекты в шести странах-членах. Одним из первых сделал подобные шаги в области капиталовложений – Египет. Между представителями управлений по капиталовложениям Египта и Уганды во время работы конференции в Каире рассматривались практические меры, которые могут быть предприняты обеими странами.

В области воздушных перевозок египетским авиакомпаниям обещана поддержка с американской стороны. Несмотря на дороговизну воздушных перевозок, без авиатранспорта на нынешнем этапе обойтись нельзя. Трудно представить себе, что в обозримый период можно будет создать дорожную сеть в условиях безденежья и на местности, во многих местах заболоченной и с неровным рельефом. Американцы, по-видимому, собираются использовать египетские компании как посредническое звено. Еще два года назад президент Билл Клинтон обращался к авиакомпаниям США с просьбой оказать помощь Африке путем замены устаревшей техники и передачи опыта. Сейчас африканские государства обслуживают своими силами авиaperевозки только на 2-3%. Авиационное хозяйство стран Африки, по мнению египетских и американских специалистов, нуждается в проведении таких мероприятий, как разгосударствление, подготовка кадров, развитие инфраструктуры, слияние небольших авиакомпаний для повышения их конкурентоспособности. Египетская авиационная компания расширила за последнее время объем пассажироперевозок в странах КОМЕСА.

Министр торговли Саудовской Аравии У.Факих выразил готовность своей страны принять участие в инвестиционных операциях в Африке вообще и в государствах-членах КОМЕСА в частности. Указав на Египет как на своего рода плацдарм, с которого начнут осуществляться эти операции с использованием льгот, предусмотренных для инвесторов стран КОМЕСА, министр заметил, что для королевства имеет смысл делать инвестиции в странах группы совместно с Египтом, на который распространяются эти льготы. Он заметил, что Саудовская Аравия – самый крупный инвестор в Египте из числа арабских стран и что саудовские капиталовложения осуществлены уже в 340 проектов в Египте на общую сумму 3 млрд. ег. ф. (около 870 млн. долл.). Министр выразил уверенность, что его правительство поддержит саудовских частных инвесторов и торговцев в их деятельности в странах КОМЕСА⁷.

Собравшиеся на конференции не оставили без внимания и вопросы финансов. За несколько месяцев, предшествующих этому форуму, Банк Юго-Западной Африки для торговли и развития на своем 15-м ежегодном

совещании в июне 1999 г. принял Египет в члены этого банка, что увеличило число его членов до 17. Египет предложил создать 17-ю сессию банка в 2001 г. в Каире. Руководство банка утвердило к исполнению 17 проектов на сумму 43,5 млн. долл. Правление банка санкционировало увеличение его капитала до 5,5 млрд. долл. и призвало государства, экспортирующие капиталы, вступить в его члены. Речь идет, таким образом, о создании первичного рынка капиталов в широком смысле, включая рынок банковских кредитов и валютный рынок. Что касается вторичного рынка капиталов, т.е. биржи ценных бумаг, то для его возникновения потребуется время, в течение которого между странами-членами упрочатся связи и выработается стереотип совместных действий на вторичном рынке⁸.

Хотя биржа еще не создана, поступают сигналы о готовности уменьшить этот пробел. Руководитель Египетской биржи С.ат-Торгоман заявил о намерении его биржи включить в свой листинг акции представителей стран-членов КОМЕСА. При этом такие акции смогут обращаться на рынках других арабских стран, например Кувейта, с которым Египет ведет переговоры о заключении соответствующего соглашения. Переключен выход этих акций через посредство Египта и на рынки западных стран. Заместитель председателя Нью-йоркской биржи охарактеризовал Египет как второй по значению биржевой центр в Африке после Южной Африканской Республики.

Генеральный секретарь египетского Центра социального развития Х.аль-Гамаль считает необходимым создать в ближайшее время механизм по сближению и слиянию мелких предприятий в африканских странах и образовывать из них блоки для удобства проведения с ними финансовых операций и устранения соперничества и разнобоя в позициях отдельных стран. В функции нового механизма должны входить обмен информацией, устройство выставок и ярмарок с участием нескольких стран, включение в Интернет специальных сайтов для усиления международной торговой позиции этих стран.

По его мнению, хозяйственная интеграция стран-членов КОМЕСА заметно поможет обеспечению сырьем мелких и средних промышленных предприятий, например, по производству мебели, кожаных и текстильных изделий. Сырье для этих производств имеется в некоторых странах КОМЕСА. Распределение его важно сосредоточить в одних или немногих руках. В результате значительно облегчится положение мелких предприятий, которые в африканских условиях обладают рядом неоспоримых относительных преимуществ, и в частности, низкой себестоимостью продукции и высокой трудоемкостью, что позволяет ослабить безработицу.

Член саудовской делегации на Каирской конференции Ю.Шакдар выразил уверенность, что потребуются на более трех лет, чтобы КОМЕСА могла продемонстрировать положительные результаты своей деятельности, и призвал правительства африканских стран по возможности устранить бюрократические препоны, предоставить благоприятные возможности развития частному сектору, а также снизить таможенные барьеры.

Правительствам надлежит также делиться информацией и опытом с частными владельцами капиталов, намеревающимися вложить их в дело, всемерно поощрять межстрановую торговлю. В настоящее время частное предпринимательство в этих странах еще не накопило соответствующих навыков для проведения масштабных операций, что делает усилия государства по их поощрению совершенно необходимыми. Наиболее ценным содействием, которое государство могло бы оказать частнику, Х.аль-Гамаль считает облегчение проблемы перевозок автомобильным и железнодорожным транспортом.

Один из иностранных участников конференции привел в пример Египет как страну, которая сумела провести ряд мероприятий по усилению позиций частного сектора в экономике, в частности путем приватизации государственных предприятий. Это в свою очередь повысило привлекательность Египта в глазах иностранных инвесторов, что усилило его позиции как регулирующего центра группы КОМЕСА.

Председатель торгово-промышленной палаты Группы 77 М.Нумб призвал к усилению сотрудничества в области торговли электротехническими товарами и к использованию в этих целях Интернета. Представитель Мексики обратил внимание на необходимость сотрудничества между КОМЕСА и другими мировыми интеграционными блоками. Представитель Замбии высказал мнение, что более всего в настоящее время КОМЕСА нуждается в пересмотре промышленной и сельскохозяйственной стратегии и упрощении процедуры обмена товарами, капиталом, рабочей силой и накопленным опытом. Необходимо, по его мнению, создать в кратчайшие сроки единое поле совместных инвестиций⁹.

Выше приводились мнения, высказанные на конференции предпринимателями и отдельными отраслевыми министрами и руководителями различных организаций. В их выступлениях, естественно, преобладали субъективные мотивы и точки зрения. Более общая картина вырисовывается по выступлениям ведущих государственных деятелей.

Открывая конференцию, египетский президент Хосни Мубарак изложил свое представление о том вкладе, который Египет должен вложить в развитие этой организации. Это расширение межстрановой торговли в результате снижения и отмены импортных пошлин; создание управленческого ядра, которое могло бы организовать экономический подъем во всех странах группы; упрочение связей в каждой стране между деловыми людьми и центрами принятия решений, прежде всего государством; воспитание у населения чувства принадлежности к определенному региону в системе международных хозяйственных связей. Х.Мубарак указал на огромные возможности привлечения инвестиций и использования рабочей силы как африканцев, так и неафриканцев, постановки на службу экономике обширных запасов полезных ископаемых и энергетических ресурсов, в том числе энергии падающей воды. Ждут освоения огромные пространства земель, пригодные для сельского хозяйства, для чего до сих пор не прилагаются достаточные усилия, несмотря на благоприятные условия

водоснабжения в большей части региона, чего нельзя сказать в отношении многих других районов мира. Президент указал на возможность организации крупных сельскохозяйственных комплексов. Для освоения всего этого потенциала необходимы организаторские и административные усилия, в том числе по привлечению местных и иностранных прямых капиталовложений и созданию необходимых условий для работы в регионе многонациональных корпораций. В качестве базы для них Египет готов предоставить свое экономическое пространство. Х.Мубарак напомнил, что в октябре 2000 г. в Лусаке должна быть созвана конференция, на которой КОМЕСА должна быть объявлена зоной свободной торговли. Дальнейшие усилия будут направлены на преобразование КОМЕСА в Ассоциацию стран Юго-Восточной Африки с единым импортным тарифом по отношению к внешнему миру при отмене пошлин внутри Ассоциации.

Президент Х.Мубарак подчеркнул, что уже сейчас можно отметить определенные успехи на пути к достижению поставленных целей. Межстрановая торговля, находившаяся в 1998 г. на низком уровне порядка 4,2 млрд. долл., увеличивалась за последние годы ежегодно на 15%. Рост доходов от внешней торговли, в первую очередь за счет расширения экспорта, должен перекрывать и компенсировать уменьшение поступлений от постепенного снижения таможенного барьера.

Президент сказал, что нужно сделать то, чему раньше не уделялось достаточного внимания, в частности осуществить экономическую реформу, реконструировать структуру экономики, упрочить связи между частным сектором экономики и правительством. Обращение к уникальному опыту Египта поможет остальным странам КОМЕСА проводить сбалансированную политику, сочетающую достижение целей развития, с одной стороны, с проявлением достаточной заботы о людях в социальной сфере и облегчением жизни трудового населения, с другой.

Х.Мубарак напомнил, что за короткий срок проведения экономических преобразований, начиная с 1991 г., Египет добился увеличения национального дохода на 88%, погашения и списания около двух третей внешнего долга, темпы роста экономики достигли в среднем 6% в год. Этого не удалось бы достичь без предоставления частному сектору возможности играть важную роль в экономике и активно участвовать в осуществлении проектов развития. Вступая в седьмое тысячелетие своего существования, подчеркнул президент, Египет стоит на твердой платформе экономической стабильности, диверсификации своей производственной структуры. Египет располагает современной производственной инфраструктурой. Повысилась способность эффективно осваивать капиталовложения, как внутренние, так и поступающие от египетских эмигрантов за рубежом и от иностранных государств.

Президент Х.Мубарак обратил внимание на такие слабые стороны стран КОМЕСА, как низкая норма внутренних накоплений и капиталовложений, высокая внешняя задолженность. Не удалось добиться достаточной помощи региону извне. Трудности велики и быстро преодолеть их не

удастся, что требует постоянных усилий со стороны всех стран КОМЕСА и согласованности их действий по созданию благоприятного экономического и инвестиционного климата, условий занятости для молодежи. Требуется постоянное проведение консультаций стран-членов между собой и другими субъектами международного сотрудничества, согласование позиций, создание необходимых для этого механизмов и институтов, проявление инициативы в освоении передовых технологий.

Мир в условиях глобализации, по мнению Х.Мубарака, базируется на блокировании и конкуренции. Необходимо крепить чувство африканской и региональной идентичности. Результатами совместных усилий должны стать увеличение емкости внутреннего рынка, облегчение условий для расширения межстрановой торговли, модернизация производственной инфраструктуры, развитие связей между странами-членами, в том числе на основе современных информационных технологий. Только таким образом, сказал президент, мы можем практически подтвердить наше стремление к сотрудничеству в условиях глобализации, выжить в условиях которой нельзя без регионального блокирования.

Х.Мубарак подчеркнул, что особенность периода глобализации – чрезвычайно большая роль межнациональных корпораций, многие из которых за несколько лет превратились в экономические гиганты, через которые проводится более половины мирового торгового оборота товаров и услуг. Именно эти корпорации определяют направленность потоков прямых инвестиций и их адресность. Президент напомнил, что на конференции присутствуют представители более 150 межнациональных корпораций, и призвал присутствующих пригласить эти корпорации – не умаляя их прав на получение прибыли – к активному участию в подъеме экономики стран КОМЕСА на основе принципа взаимной выгоды. Время самоизоляции прошло. Наступило время регионального блокирования и сотрудничества между народами и государствами, сказал президент и выразил уверенность, что страны КОМЕСА найдут для этого силы¹⁰.

Выступая на Каирской конференции, министр иностранных дел Египта Амру Муса заявил, что следующая конференция должна состояться в 2001 г. также в Каире, намекнув этим на намерение Египта усилить свою направляющую роль в группе. Однако он неоднократно подчеркивал, что главное – это нахождение и осуществление общих интересов.

А.Муса с удовлетворением отметил, что из 1800 участников конференции из 60 стран 80% – это представители частного сектора, что свидетельствует об определенном стремлении к либерализации экономики. Вместе с тем он оговорился, что речь не идет о включении Африки в процесс глобализации одним броском, поскольку страны КОМЕСА к этому еще совершенно не готовы. Разговор о глобализации в применении к Африке может начаться только после создания глубоких предпосылок экономического, политического и социального характера. Страны КОМЕСА, по мнению А.Мусы, должны помочь всему континенту открыть дверь для вступления в эпоху глобализации¹¹.

В заключение хотелось бы отметить, что при всем наличии благоприятных возможностей от стран КОМЕСА потребуются огромные усилия для претворения своих планов в жизнь. Прежде всего регион раздирают внутренние и межстрановые конфликты. Сами эти страны весьма различны. От Египта ожидают дипломатических и других шагов для разрядки напряженности. Но политическая стабильность может быть сохранена, только если на ее основе начнется экономический прогресс, если она будет подкрепляться экономическим и социальным развитием.

По данным ЮНКТАД, удельный вес Африки в поступлении прямых иностранных инвестиций в 1998 г. равнялся 5% от общего объема прямых инвестиций в страны развивающегося мира и только 1,3% от общемировых прямых инвестиций. На каждого жителя континента поступает в год не более 10 долл. прямых иностранных инвестиций по сравнению с 110 долл. в масштабе всего мира. На Египет и Нигерию приходится треть поступающих в Африку таких капиталовложений. Половина инвестиций в Египет вкладывается в промышленность. В остальных странах-членах группы условия привлечения инвестиций гораздо хуже из-за многочисленных помех самого различного характера: непрозрачность законодательства, высокие управленческие расходы, неразвитость производственной инфраструктуры. Вместе с тем дешевая рабочая сила весьма неквалифицирована. Отсутствие средств для капиталовложений – постоянная головная боль. Эти же проблемы характерны и для Египта, но в гораздо меньшей степени, чем в среднем по странам КОМЕСА¹².

Освоение рынков этих стран со стороны Египта осложняется в значительной степени тем обстоятельством, что многие из них стоят пока на очень низком уровне экономического и общественного развития. ВВП в некоторых из них не превышает на душу населения 100 долл., что делает потребительский спрос весьма низким. Египетское руководство, однако, отдает себе отчет в том, что сравнительно низкокачественные по сравнению с мировыми стандартами египетские товары могут рассчитывать на сбыт в странах КОМЕСА. С другой стороны, в Египте высказывается опасение, что это может способствовать закреплению их качества на невысоком уровне, неприемлемом для потребителей в более развитых странах, что закроет их рынки для Египта. Высказывая беспокойство по этому поводу, египетские эксперты говорят о необходимости ориентироваться на высокие мировые образцы и для этого вступить в партнерство с развитыми странами, прежде всего европейскими государствами Средиземноморья и другими. Внутри КОМЕСА особое внимание в Египте обращают на развитие сотрудничества с располагающими высокими доходами островными государствами, такими как Сейшельские острова, Маврикий, а также Свазиленд, входящий в субрегиональный блок САДК, находящийся под патронажем Южно-Африканской Республики.

Важным для Египта представляется укрепление связей с другими африканскими региональными блоками: упомянутым САДК, Центральноафриканским, Западноафриканским, Союзом стран Магриба, которые в

случае координации своих действий могут составить основу для экономической интеграции Африки.

Для Египта важно добиться в блоке КОМЕСА такого положения, которое позволило бы ему играть ведущую и направляющую роль, что повысило бы его статус не только в масштабе группы, но и за ее пределами. При этом ему придется способствовать, например, введению через многонациональные корпорации новых стандартов, многие из которых пока чужды и даже неприемлемы для ряда африканских государств. Египту придется активно участвовать в профессионально-технической подготовке африканских кадров прежде всего в области создания экономической инфраструктуры. Последняя, очевидно, будет создаваться многонациональными корпорациями, ориентирующимися на Египет и активно насаждающими в Африке свои методы работы и свой взгляд на мир.

С другой стороны, это потребует от Египта взятие на себя слишком тяжелых обязательств. Например, при решении первоочередных задач, таких как создание производственной инфраструктуры, от решения которых многонациональные корпорации могут самоустраниться из-за неприемлемых для них условий. Египет вряд ли сможет справиться с этими задачами самостоятельно и ему придется создавать условия для многонациональных корпораций, базировать их на своей территории, способствовать насаждению ими в странах КОМЕСА жестких западных методов работы и западного мировоззрения, которые пока чужды традиционно-консервативным кругам многих африканских стран. Египет же тогда обречен получить репутацию пособника распространения чуждых взглядов и образа жизни. Большой заботой для Египта будет помощь в области здравоохранения и продовольственного обеспечения, для чего ему также придется обращаться за содействием к западным странам. Трудноразрешимой проблемой остаются межконфессиональные, межнациональные и межплеменные отношения.

¹ Аль-Ахрам ад-Даулий. Каир, 03.03.2000.

² The Middle East. – L., December 1999. – С. 14.

³ Магаллят ан-Ниль. Каир, 2000. – № 74. – С. 64. [Бюлл. Министерства информации Египта].

⁴ The Middle East, с. 65.

⁵ Аль-Ахрам ад-Даулий. 03.03.2000.

⁶ Аль-Ахрам ад-Даулий. 01.03.2000.

⁷ Там же.

⁸ Магаллят ан-Ниль, с. 64.

⁹ Аль-Ахрам ад-Даулий. 01.03.2000.

¹⁰ Аль-Гумхурия. Каир, 29.02.2000.

¹¹ Аль-Ахрам ад-Даулий. 01.03.2000.

¹² Аль-Ахрам ад-Даулий. 03.03.2000.

ОТНОШЕНИЯ ИЗРАИЛЯ С ЛИВАНОМ – РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Динамика развития взаимоотношений Израиля и Ливана во многом определилась следующими факторами: внешняя политика Израиля в ближневосточном регионе и его позиция в арабо-израильском конфликте, а также внутривластная и религиозная обстановка в Ливане.

К началу 70-х годов усилившаяся политическая и социальная напряженность в Ливане стала следствием конфессионального принципа распределения власти и растущих социально-экономических противоречий. Это было обусловлено расколом общества на множество враждующих политических и конфессиональных групп, не способных к совместному решению накопившихся социально-политических проблем.

Христианский лагерь в Ливане представлял, как правило, богатую, образованную часть населения, которая, придерживаясь правых взглядов в политике, поддерживала ливанский суверенитет, была склонна к установлению связей с Западом и Израилем. Мусульманские общины были бедны, придерживались левых взглядов, поддерживали идею арабской интеграции¹.

Отношение к присутствию палестинцев в Ливане также стало осью, по которой шло политическое размежевание страны. Правохристианские силы относились негативно к палестинским беженцам и деятельности Палестинского движения сопротивления (ПДС) в Ливане. Они считали это главным дестабилизирующим фактором в обществе. Негативное отношение христиан к этому вопросу усиливалось с каждым годом: если в 1970-1971 гг. на присутствие палестинцев отрицательно смотрели от 9 до 33% населения (в зависимости от уровня образования опрошиваемых), то после выборов 1972 г. уже 53% христиан возражали против права палестинцев совершать военные действия в отношении Израиля с территории Ливана. Мусульманские партии, и прежде всего национально-патриотические силы, поддерживали ПДС (56% мусульманского населения в 1972 г.), выражая общерабскую солидарность с палестинцами в их борьбе за независимость². Как пишет ливанский исследователь Фарид эль-Хазин, население страны не смогло полностью воспринять идею вооруженной борьбы палестинцев и поддержать ПДС, поскольку его христианская часть не разделяла идеологию панарабизма и «общей судьбы» для всех арабов³.

После оккупации в 1967 г. Израилем Западного берега р. Иордан и Сектора Газа в ближневосточном регионе возобладали тенденции решения палестинской проблемы силовыми методами. Израиль периодически

осуществлял военные акции против Ливана в ответ на террористические акты и обстрелы, осуществлявшиеся с ливанской территории, находившейся под фактическим контролем палестинцев (бомбардировка Бейрутского аэропорта в 1968 г., рейд израильских отрядов в Бейруте в 1973 г., бомбардировки в течение 1970-1973 гг. юга страны, приводившие к жертвам среди палестинцев и ливанских граждан).

В 1975 г. в Ливане началась гражданская война. Правохристианские силы в этот период были представлены прежде всего маронитской партией «Катаиб» и ее военизированным крылом «Фаланги», милицейскими отрядами клана С.Фражье и военными отрядами «Тигры» Национально-либеральной партии (НЛП). В начале 1976 г. «Катаиб», НЛП и небольшие по численности христианские партии (такие как Орден маронитских монахов, Маронитская лига, Танзым) объединились в организацию Фронт свободы и человека, переименованную вскоре в Ливанский фронт.

Отряды Ливанской коммунистической партии, Организация коммунистического действия (левое крыло коммунистической партии и арабских радикальных групп), Прогрессивно-социалистическая партия (ПСП), военизированное крыло Народной армии, боевики Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), членами которой были не только мусульмане, но и христиане, выступили от имени мусульманских и левых радикальных сил. Мусульман и левые силы также поддерживали суннитская организация «Мурабитун», насеристы из Триполи и Сидона, а также шиитская Партия обездоленных, которая после 1978 г. изменила свое название на «Амаль». Помимо этого, на стороне мусульманских и левых группировок, как правило, выступали отряды ПДС, несмотря на соглашение, заключенное между палестинцами и ливанской делегацией в 1969 г. в Каире, о невмешательстве ПДС во внутренние дела Ливана.

В конце января 1976 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня. К весне 1976 г. мусульманские силы контролировали почти 80% территории Ливана⁴.

В апреле 1976 г. маронитские лидеры Франжье и Шамун, поняв, что их община на грани поражения, обратились к Дамаску за помощью. Президент Ливана приглашал «сирийских братьев» прийти на помощь его стране. Лига арабских государств (ЛАГ) утвердила Сирию в качестве ливанского «миротворца». В итоге сирийская армия вступила в Ливан.

Позиция власти Ливана в 1976 г. видна по высказыванию президента Э.Саркиса: «Я не хочу быть против христиан или против сирийцев. Моя задача заключается в том, чтобы поддерживать мир между Сирией и “Катаиб”, которую поддерживал Израиль. Если не будет сирийского присутствия, то будет война. Без фалангистов не будет Ливана, а я – ливанец»⁵.

Расстановка сил определилась: Сирия контролировала весь Ливан до р. Литани, Южный Ливан молчаливо признавался зоной интересов Израиля. Обе стороны избегали открытого конфликта и каждая стремилась ослабить позиции другой⁶. Главным противником Израиля по-прежнему оставались палестинцы, главной задачей – защита от террористов израильского Севера.

Ливанский исследователь Х.Баракат так охарактеризовал цели Израиля на первом этапе кризиса: «Ослабление ПДС, разрушение связи между арабскими странами, усиление своего влияния на завоеванных арабских землях, предупреждение радикальных марксистских политических движений, поддержка другого немусульманского государства в мусульманском регионе»⁷.

Краткосрочное вторжение Израиля в 1976 г. в Ливан показало, что почти ни одна приграничная ливанская деревня не сопротивлялась израильским войскам, и жители были готовы к сотрудничеству. Многие ливанцы добровольно записывались в Армию Южного Ливана (АЮЛ), организованную при непосредственной поддержке Израиля. В сущности, АЮЛ напоминала скорее вооруженное милицееское формирование, подобно другим ливанским милицееским группировкам, определявшим военнополитическую и даже экономическую жизнь страны. По сути, политика милицееских формирований разрушала общегосударственные связи и провоцировала деление территории на сферы своего военного и экономического влияния.

К началу 1978 г. стало очевидным, что расчеты Израиля на Саада Хаддада, руководителя АЮЛ, не оправдались. В его руках осталось всего три небольших христианских анклавов. В свою очередь правохристианские силы Ливана не стремились поддержать позиции С.Хаддада и его армии. Израильское руководство решилось на новое вторжение в Ливан⁷.

Рейд палестинских партизан вглубь территории Израиля 11 марта 1978 г. и совершенное ими нападение на рейсовый автобус спровоцировали 15 марта вторжение израильских войск на территорию Южного Ливана. Основные военные действия развернулись в южной области Ливана между р. Литани и израильской границей, куда переместились отряды палестинцев.

Операция носила название «Литани», и ее целью было уничтожение ООП на территории Южного Ливана. Через 15 часов после начала вторжения в руках израильтян оказалась сплошная полоса вдоль ливано-израильской границы⁸. Еще через несколько дней израильские войска вышли к южному берегу Литани. Начальник Генштаба Модехай Гур заявлял: «Тот, кто держит в своих руках южный берег Литани, может контролировать все, что происходит на дорогах, ведущих в Южный Ливан»⁹. Тем самым он дал понять, что отныне Израиль не допустит возвращения палестинских отрядов на Юг. Израильские войска ушли из южного Ливана в июне 1978 г., но передали власть руководству Армии Южного Ливана, поддерживавшему связи с израильтянами.

Однако начиная с 1979 г. и в течение полутора последующих лет правительству М.Бегина было не до Ливана. Завершился Кэмп-Дэвидский процесс, заключался мир с Египтом, израильские войска готовились к уходу из Синая. Одновременно в Кэмп-Дэвиде была провозглашена и новая политика в отношении Иудеи, Самарии и полосы Газы – палестинцам этих территорий была обещана автономия¹⁰. Но палестинцев не устраивала автономия – они хотели образовать собственное государство. Поэтому

они с надеждой смотрели на Ливан, где ООП вела с Израилем затяжную войну, конечной целью которой было провозглашено уничтожение «сионистского образования» и «полное освобождение Палестины». Действия ООП превратились, с точки зрения правящих кругов Израиля, в серьезную угрозу безопасности страны.

В декабре 1981 г. М.Бегин представил на рассмотрение кабинета план широкомасштабной военной кампании в Ливане, направленной на уничтожение палестинского «государства в государстве». Этот план под кодовым названием «Большие сосны» был разработан новым министром обороны А.Шароном и новым начальником генштаба Рафаэлем Эйтаном¹¹. 6 июня 1982 г. этот план был претворен в жизнь.

Перед вторжением Израиль провел массированный обстрел некоторых городов и населенных пунктов, большинство жителей которых было мусульманами (Сидон, Тир, Дамур). Было уничтожено большое количество зданий, а 80% человеческих потерь составило мирное население¹². Израильские соединения вели бои с сирийскими войсками, отрядами палестинцев, проводя рейды по всему побережью страны.

Конфронтация между правохристианскими силами и альянсом радикальных арабских националистов и палестинцев сохранилась в Ливане и во время израильского вторжения 1982 г. Сунниты из организации «Мурабитун» и шииты из «Амаль» сражались вместе с отрядами ООП на юге Ливана и позднее в Бейруте против христианской милиции и израильтян.

Фалангисты же приветствовали действия Израиля. Марониты разделяли его политические цели, требуя изгнания из Ливана палестинских отрядов и вывода сирийских войск. Во время осады Западного сектора Бейрута фалангисты и бойцы Армии Южного Ливана С.Хаддада действовали как вспомогательные силы израильтян. Одновременно велись мирные переговоры при посредничестве американцев о выводе палестинских отрядов из столицы. Такое соглашение было достигнуто только через два месяца. Первого сентября 1982 г. палестинские подразделения покинули Бейрут. ПДС, являвшаяся одной из мощных военно-политических сил на территории Ливана, по сути, перестала играть важную политическую роль в ливанском обществе. Идея солидарности с палестинцами отошла на второй план.

Важным событием осени 1982 г. стали президентские выборы. Они как символ стабильности и незыблемости государственной власти в Ливане смогли бы сыграть объединяющую роль на пути стабилизации общества. Тем не менее большая часть мусульманского населения бойкотировала выборы. 23 августа 1982 г. президентом был избран влиятельный лидер маронитов Башир Жмайель, пользовавшийся поддержкой США. По мнению Ф. эль-Хазина, активная поддержка этого кандидата американцами могла означать «возрожденное доверие к ливанскому государству со стороны Запада и попытку взять под свой контроль политическую ситуацию в Ливане»¹³. Но через несколько недель в результате взрыва бомбы в помещении штаба «Катаиб» он был убит. Не следующий день, 15 сентября, израильская армия вошла в Бейрут.

Через неделю после трагической смерти Б. Жмайеля его старший брат Амин Жмайель занял президентское кресло. Несмотря на то, что новый президент был представителем фалангистов, он имел репутацию умеренного политика. Его избрание приветствовали многие мусульмане, надеясь, что он будет сдерживать экстремистские настроения в рядах «Катаиб».

Проблемы, вставшие перед новым президентом, были огромными. Страна была оккупирована сразу двумя армиями: с севера – сирийской, с юга – израильской. Ни одна из внешних сил не желала покидать ливанскую территорию первой. Под контролем правительства оставалась лишь небольшая территория в центре Ливана, но даже там официальная власть была порой не способна отстаивать свои права или остановить не прекращавшиеся акты насилия со стороны втянутых в военные действия милицейских отрядов общин (стычки милиции друзов и фалангистов, мусульманских сил-сторонниц присутствия сирийских войск с правохристианскими отрядами).

В начале 1983 г. начались переговоры правительств Израиля и Ливана. Стороны подписали соглашение 17 мая 1983 г., которое предусматривало вывод израильских войск из Ливана и сохранение «зоны безопасности» на юге страны. Хотя ливанский парламент одобрил соглашение, израильская сторона заявила, что будет выполнять его только после вывода сирийских войск и палестинских формирований из Ливана. Сирийское правительство заявило, что оно не примет соглашения, которое, по его мнению, было только в интересах Израиля и США; кроме того, оно не готово было поддержать попытку президента А.Жмайеля распространить свой контроль на территории, занятые сирийскими и израильскими войсками¹⁴.

К концу 1984 г. было достигнуто соглашение об этапах вывода израильских войск из Ливана¹⁵. Первый этап предполагал вывод их из западного сектора оккупированной территории, составлявшего 500 кв. км в окрестностях Сидона до района р. Литани. Ответственность за соблюдение безопасности в этом районе израильские войска передавали ливанской армии.

Второй этап был рассчитан на эвакуацию войск из центрального и восточного секторов оккупации, включая долину Бекаа, и передислокацию их на границу Ливана с Израилем.

Третий и последний этап предполагал вывод войск к северной границе Израиля. Была создана буферная зона шириной 10-20 км, контролируемая АЮЛ. Однако официальный статус армии Южного Ливана не признавали ни ливанское правительство, ни мусульманские силы, ни Сирия. Правительство Национального единства Израиля завершило вывод своих войск из Ливана в конце июня 1985 г., оставив под своим контролем лишь приграничную «зону безопасности»¹⁶.

После 1985 г. АЮЛ проводила на территории «зоны безопасности» политику, согласованную с израильской стороной. Состоялась частичная аннексия ливанских земель (к началу 90-х годов она составила около 1 тыс. акров, конфискованных для различных нужд – постройка дорог, оборудование военных полигонов и т.п.)¹⁷. Сильнейшее экономическое, поли-

тическое и военное влияние Израиля на юге Ливана определяло как ситуацию внутри Ливана, так и межгосударственные взаимоотношения двух стран.

Неверно считать, что действия Израиля в Ливане в 1982 г. оказались для него безрезультатными. Ливанские события способствовали возникновению кризиса в палестинском движении, в результате которого ООП была вынуждена на протяжении нескольких последующих лет снизить уровень политической, дипломатической и военной активности. Кроме того, Ливан несколько оттеснил на второй план проблемы ближневосточного урегулирования.

В то же время «ливанская операция» как ни одно другое событие в истории арабо-израильского конфликта выявила полную бесперспективность ставки исключительно на силовые методы в подходе к ближневосточному урегулированию. К таким выводам стала приходиться и широкая израильская общественность, и многие в израильском руководстве¹⁸.

Одновременно руководство Израиля заявило, что оно преследовало прежде всего цели защиты своей государственной безопасности, так как присутствие палестинских отрядов на территории граничащего с ним государства делало уязвимыми не только северные границы, но и всю страну. Кроме того, поддержка христианского лагеря давала израильским политикам возможность иметь в случае изменения ситуации в соседстве с собой христианское государство, которое могло стать союзником Израиля и быть от него зависимым.

Основные силы, которые оказывали сопротивление Израилю на юге Ливана, – исламская проиранская организация «Хезболла» и шиитское движение «Амаль».

В качестве политического движения «Хезболла» существовала в Ливане с начала 70-х годов, но как тайная и неорганизованная сила. В то же время группа молодых высокопоставленных религиозных деятелей, сплотившихся вокруг религиозных и политических идей, стала оказывать влияние на некоторые слои населения. Начало войны 1975 г. в Ливане с ее невзгодами и расколом общества по признаку вероисповедания привело к укреплению связей между членами вышеназванной группы. Но именно победа исламской революции в Иране в 1979 г. стала определяющей для появления «Хезболла» в Ливане и ее перехода из подполья к открытой деятельности¹⁹.

Израильское вторжение в Ливан в 1982 г. также способствовало созданию условий развития активности шиитской интегристской организации в Ливане. В 1998 г. акции самоубийц против израильских войск и контингента многонациональных сил сконцентрировали внимание на «Хезболла» и на влиянии, которое она оказывала на ход событий в Ливане. Затем увеличение возможностей этой партии в военной области и в сфере безопасности произошло под влиянием сочетания двух факторов – иранской материальной поддержки (в соответствии с иранской стратегией экспорта исламской революции и провозглашения исламских республик, где только

это возможно) и сирийской политической поддержки (в соответствии с сирийской стратегией, направленной на предотвращение какого бы то ни было ливано-израильского соглашения). К этому следует добавить, что сирийское руководство нашло в «Хезболла» подспорье, которое смогло бы заменить «палестинскую карту», которую последствия израильского вторжения вывели из игры. Впрочем, для Сирии карта «Хезболла» была по-своему более весомой, чем палестинская, так как она, по крайней мере, представляла собой ливанское сопротивление Израилю при том, что право вести это сопротивление признано в мире законным²⁰.

Но, посвящая себя активному сопротивлению израильским войскам, «Хезболла» всячески воздерживалась от участия и в политической жизни Ливана.

Руководители «Хезболла», собравшись осенью 1988 г. в Тегеране, решили объединить различные группировки, которые действовали под флагом их организации, в единую структуру. Во главе ее должен был находиться генеральный секретарь, избрание которого происходило бы на совещаниях консультативного совета.

Превращение «Хезболла» в стройную партию стало шагом вперед в ее истории в том смысле, что ее политические цели начали преобладать над военными, религиозными и революционными. Именно таким образом лозунги и задачи, за которые выступали различные группировки «Хезболла», стали общими политическими установками всех этих группировок, которые с тех пор должны были объединять свои усилия ради достижения поставленной цели. Первоочередной стала цель создания «исламской республики» в Ливане. Но принимая во внимание особенности ливанской политической обстановки, создание такой власти предполагало необходимость объединить сначала районы проживания шиитов под флагом «Хезболла». Ожесточенная борьба за влияние развернулась там между «Хезболла» и движением «Амаль». Этот конфликт длился свыше двух лет, но «Хезболла» так и не смогла окончательно склонить чашу весов в свою пользу²¹.

«Хезболла» – единственный участник ливанской политической жизни, которому удалось сохранить свое военное снаряжение и осуществлять военную деятельность и деятельность по охране безопасности в рамках «Исламского сопротивления».

По мнению руководства «Хезболла» и самого Х.Насраллы, единственным выходом для ливанцев, стремившихся заставить Израиль вывести войска с юга, была мобилизация всех сил на борьбу с оккупацией.

Фактически провоцируя обострение отношений с ливанским правительством в начале 90-х годов, «Хезболла» одновременно стремилась к дальнейшему укреплению связей с Дамаском. Об этом, в частности, свидетельствовал и визит высокопоставленной делегации в САР в 1991 г., где высшему сирийскому руководству было выражено «уважение Ирана к Сирии как к вратам, ведущим в Ливан», и готовность «Хезболла» продолжать с САР сотрудничество, одобренное Тегераном.

«Амаль», другая шиитская ливанская милиция, была главным противником «Хезболла». «Золотой век» этого движения пришелся на начало – середину 80-х годов, когда боевики «Амаль» были вместе с членами дружеской вооруженной милиции Прогрессивно-социалистической партии (ПСП) – «хозяевами» в Западном Бейруте. После ухода вооруженных отрядов ПДС из Южного Ливана в 1982 г. «Амаль» контролировала там вооруженную борьбу против израильских войск, расположенных в «зоне безопасности» на оккупированной части южноливанской территории.

«Амаль» поддерживала «союзнические отношения» с Сирией и призывала «осуществлять на практике» все положения договора о братстве, сотрудничестве и координации, заключенного между двумя соседними странами в мае 1991 г. В нем особо отмечалась необходимость укрепления связей «Амаль» с Ираном. Подобный реверанс в сторону Тегерана был не случаен. Сужение «материальной базы» движения после прекращения военных действий в условиях перехода страны к мирной жизни подталкивало «Амаль» к поиску финансовой поддержки из-за рубежа.

В плане освобождения Юга Ливана от израильского присутствия «Амаль» по-прежнему отвергала путь двусторонних переговоров с Израилем, требуя безоговорочного выполнения резолюции 425 Совета Безопасности ООН. С этой целью движение призывало к созданию широкого патриотического объединения в поддержку сопротивления на юге страны и для мобилизации всех ливанских сил на выполнение резолюции ООН.

В конфликте Израиля с Ливаном была еще одна сторона – Сирия. Президент САР Х.Асад заявил в 1992 г., что проблема вывода сирийских войск касается только Дамаска и Бейрута, и мнение третьей стороны не повлияет на их решение. Вице-президент Сирии в интервью газете «Ал-Дияр» подчеркнул, что уход сирийцев из страны зависит от воли ливанцев. Министр обороны Ливана М.Мурр, также посетивший Дамаск, со своей стороны сделал заявление, в котором подчеркнул, что «ливанская армия не способна на нынешнем этапе поддерживать в полном объеме безопасность в стране»²².

Резко отрицательную оценку роли Сирии в Ливане дал бывший президент Ливана А.Жмайель. Он подверг критике политику Сирии по отношению к его стране. По его словам, Дамаск «заставил ливанское правительство подписать односторонние акты и договоры, подобно тому как Советский Союз делал это со странами Восточной Европы». По мнению А.Жмайеля, «в случае вывода сирийских и других иностранных войск, вопреки существовавшим опасениям, в Ливане не воцарится хаос». «Напротив, – сказал он, – на самом деле именно сирийцы принесли с собой хаос в Ливан»²³.

Резкую антисирийскую позицию занимал бывший глава военного переходного правительства Ливана генерал Мишель Аун. Он призвал ливанцев «к восстанию против оккупантов». По его мнению, парламентские выборы в стране должны были быть проведены под эгидой ООН. Со своей стороны, президент Сирии Х.Асад заявил в июне 1992 г. о поддержке

его страной процесса национального согласия в Ливане и о готовности Сирии предоставить ливанцам необходимую братскую помощь в деле укрепления мира на земле Ливана и восстановления его суверенитета. Принимая ливанского премьер-министра Р.Сольха, сирийской лидер отметил необходимость ускорения подготовки к парламентским выборам в Ливане, которые не проводились с 1972 г. по причине начавшейся в стране гражданской войны.

В конфликте между Ливаном и Израилем существуют не только политические причины, но и экономические. Как известно, первоочередное стратегическое сырье как для Израиля, так и для Ливана – это обычная пресная вода. Она давно уже была объектом внешней политики Тель-Авива в отношениях с соседними арабскими странами, в том числе и с Ливаном. Проблема водных ресурсов приобрела большое значение как в Израиле, так и в Ливане, ибо от ее решения во многом зависело будущее этих государств.

«Мы не уступим ни пяди земли и ни капли воды Ливана, – заявил премьер-министр Ливана О.Караме – Мы будем сопротивляться всем видам давления, препятствующего выполнению резолюции 425 Совета Безопасности ООН и осуществлению безусловного вывода израильских войск с оккупированных ливанских территорий»²⁴.

Со своей стороны, руководители Израиля неоднократно заявляли на двусторонних переговорах, что не имеют к Ливану никаких территориальных притязаний и покинут страну, как только будет обеспечена безопасность северных границ Израиля. Вместе с тем на практике ливано-израильское урегулирование велось по формуле «вода в обмен на мир», т.е. Израиль преследовал собственные геополитические замыслы в отношении южных районов соседней страны.

В начале 90-х годов начались многосторонние переговоры по различным аспектам урегулирования арабо-израильского конфликта. Дамаск и Бейрут оказались фактически в одиночестве. Эта изоляция затрудняла нормализацию ситуации в Ливане. Она во многом зависела как от освобождения оккупированных Израилем южноливанских районов, так и от отношений САР и Ливана с другими сторонами, прямо или косвенно вовлеченными в поиски мира на Ближнем Востоке.

Сирия и Ливан мотивировали отказ присоединиться к многосторонним переговорам тем, что не было достигнуто никакого прогресса в ходе арабо-израильского диалога.

Вместе с тем арабо-израильские переговоры осуществлялись на фоне эскалации конфликта на юге Ливана.

Премьер-министр Израиля И.Шамир, оценивая резко обострившуюся обстановку в Южном Ливане как «серьезную», заявил по национальному радио, что «если Сирия действительно заинтересована в установлении мира в регионе, то она в состоянии положить конец террористической деятельности организации “Хезболла” против Израиля и не допустить дальнейшей эскалации напряженности в регионе»²⁵.

Глава правительства одобрил действия израильской армии и предупредил, что Израиль будет продолжать наносить удары по позициям «Хезболла», пока не будет надежно гарантирована безопасность поселений на севере страны.

Сложность в сближении позиций Ливана и Израиля заключалась еще и в том, что высшие должностные лица считали, что цели Израиля в отношении Ливана выходят далеко за рамки только арабо-израильского конфликта. Так, председатель Палаты депутатов (парламента) Ливана Хусейн аль-Хусейни считал, что цель израильской политики на Ближнем Востоке – расчленив Ливан в качестве первого шага на пути разъединения всего арабского мира на мелкие общинные образования.

По его словам, Ливан был избран Израилем как наиболее слабое звено в арабском мире. При этом принимались в расчет такие факторы, как пребывание в этой стране большого числа палестинцев, наличие там многочисленных кризисных ситуаций, а также политических, экономических и социальных проблем. Более того, Израиль является, по мнению Х.аль-Хусейни, чуть ли не первопричиной таких конфликтных ситуаций в арабском мире, как ирано-иракская война, ирако-кувейтский конфликт и т.д. Такая позиция не могла способствовать улучшению отношений между двумя странами.

Организация «Хезболла» продолжала решительно выступать против мирных переговоров с Израилем, считая их более опасными, нежели продолжение войны. По мнению лидеров «Хезболла», освобождение оккупированных Израилем территорий невозможно без вооруженной борьбы.

Одновременно наблюдалось неуклонное наращивание военного арсенала проиранской организации «Хезболла». Ежегодно она получала от Ирана 60 млн. долл., значительная часть которых расходовалась на приобретение оружия²⁶.

Вместе с тем шейх Фаддалла, который был наиболее авторитетным теологом среди ливанских мусульман-шиитов и которому еще сам Хомейни присвоил титул аятоллы, заявил, что «Израиль является неоспоримым реальным фактом»²⁷. Эти слова шейха свидетельствуют о некотором сдвиге в 90-х годах в отношении к Израилю со стороны видных ливанских мусульман фундаменталистского толка.

В прошлом исламские фундаменталисты избегали самого названия «Израиль» и пользовались такими выражениями, как «сионистский враг» или «еврейское государство».

В марте 1993 г. обострился конфликт между шиитским движением «Амаль» и проиранской организацией «Хезболла».

С критикой деятельности «Хезболла» выступил ряд просирийских деятелей, начиная с лидера «Амаль», спикера ливанского парламента Набиха Берри, и кончая министром труда Абдаллой аль-Амином (ПАСВ). Критике подвергалось в первую очередь использование боевиками «Хезболла» реактивных установок для обстрела Северной Галилеи и «зоны безопасности», что, по мнению критиков, лишь предоставляло Израилю повод для ударов по ливанским населенным пунктам.

Как известно, война между двумя этими шиитскими группировками продолжалась три года и завершилась лишь в 1990 г., когда при помощи Сирии и Ирана между ними было заключено мирное соглашение.

Во второй половине 90-х годов Ливан продолжал занимать осторожную позицию в отношении всего комплекса ближневосточного урегулирования. Противостояние между Израилем и Ливаном продолжалось, и никто не мог исключить, что в какой-то момент в силу трагического стечения обстоятельств «холодная война» не превратится в «горячую». «Бои местного значения» могли перерасти в крупномасштабное столкновение, например, между Сирией и Израилем.

Многие политики полагали, что новая сирийско-израильская война могла вспыхнуть из-за соперничества за долину Бекаа в Южном Ливане²⁸.

Военные специалисты утверждали, что долина Бекаа – идеальное место, где Израиль мог отрезать Ливан от Сирии. В Дамаске, крайне опасавшемся такого развития событий, отдан был приказ о переброске дополнительных подразделений танков и артиллерии в этот район, где и без того было сконцентрировано 20 тыс. сирийских военнослужащих²⁹.

«Хезболла» в определенной степени была заинтересована в военном столкновении между Израилем и своим «сирийским патроном». Это развязало бы ей руки.

Для «Хезболла» задача минимум – сохранить свои силы, доказать, что Израиль – «агрессор»; задача максимум – втянуть в боевые действия сирийцев и объявить недействительными все, даже формальные, соглашения о прекращении обстрелов израильской территории³⁰.

«Мы рассчитываем, что Израиль нарушит соглашение настолько вопиюще, что никто не посмеет осудить нас когда мы нанесем ответный удар из всего оружия, которым располагаем», – заявлял один из лидеров «Хезболла»³¹.

Число сторонников «Хезболла» постоянно увеличивалось. Ядро этой военизированной группировки составляло всего 300-400 человек, но эта горстка хорошо обученных боевиков на протяжении многих лет противостояла израильтянам, нанося им неожиданные удары. «Удивительно, как 300-400 человек держат в таком напряжении весь Израиль», – сказал представитель миротворческих сил ООН в Ливане Тимур Гоксель³². Если истощенный партизанской войной и раздосадованный атаками «Хезболла» Израиль потеряет терпение, никто не сможет гарантировать, что не произойдет новой эскалации насилия в регионе.

Одновременно большинство ливанцев на юге страны, даже не слишком симпатизирующих идеям «Хезболла», видели в боевиках этой организации патриотов, боровшихся с иностранной оккупацией. Важным фактором было и то, что христиане в страхе перед усилением исламского фундаментализма бежали из Южного Ливана, и влияние шиитов – главной опоры «Хезболла» – увеличивалось³³.

США стремились к компромиссу, но позиция Белого дома была ближе к израильской, чем к сирийской. Постоянные дипломатические усилия, предпринимаемые американцами, позволяли сохранять контроль над ситуацией.

В начале 1997 г. «Хезболла» не стремилась к «окончательному решению». Генеральный секретарь организации шейх Хасан Насралла публично подтвердил, что у его боевиков «выдержки достаточно: нет никакой спешки... можно подождать несколько лет...»³⁴.

Смысл ясен: Сирия стремилась использовать борьбу в Южном Ливане как рычаг давления в вопросе возвращения ей Голанских высот, а не видеть в продолжительном и изнурительном противостоянии в Ливане отдельную войну, имевшую свои особые цели.

В конце 90-х годов резкие угрозы, характерные для лидера «Хезболла» в адрес Израиля, сменились призывами к умеренности и терпению. Вместо того, чтобы поддерживать стремление любой ценой дойти и остановиться на границе, ливанские политические деятели взвешивали возможность «оказывать давление на саму Галилею», а требования отступления ЦАХАЛа в одностороннем порядке звучали все реже и неуверенней³⁵.

У премьер-министра Ливана Рафика аль-Харири было свое особое мнение. Миллиардер, ставший политическим деятелем, он дважды встречался с президентом Франции Шираком в Елисейском дворце и выслушивал подробный отчет французского министра обороны о его беседах в Израиле. Харири ясно дал понять, что предпочел бы, чтобы Израиль отступил. Тогда он прикажет своему начальнику генштаба генералу Э.Лахуду перебросить на юг три-четыре дивизии регулярной армии, чтобы занять освободившуюся территорию³⁶.

После беседы с Х.Асадом Харири был вынужден заявить, что Ливан вовсе не желает одностороннего вывода израильских войск с полосы безопасности в Южном Ливане, так как «от этого положение еще больше запутается».

В Ливане, несмотря на «победы» исламистов, очевидно, что только взаимоприемлемый консенсус мусульман с христианами может привести к стабильному и прочному положению в стране.

Все эти факторы подчеркивали, что ливанская проблема тесно увязана со всем комплексом ближневосточного урегулирования.

Особую активность проявлял, как и в прежние годы, Иран. В итоге отряды «Хезболла» в Южном Ливане получили ракетные установки типа «катюш» с увеличенным радиусом действия, снаряды которых могли достигать района Хайфы³⁷.

В конце 1999 г. в Ливане приземлились десятки транспортных самолетов из Ирана, которые доставили для «Хезболла» современное вооружение, и в том числе названные ракетные установки.

Израильское руководство Северного округа сообщило об этом журналистам и пояснило: «Иран пытается помешать мирному процессу любыми путями»³⁸.

По словам высокопоставленного сотрудника американской администрации, Иран передавал террористическим организациям в Ливане не только оружие, но и деньги. Спецслужбы США сообщали также, что в Иране побывали руководители «Хезболла», которые получили указание

продолжать теракты против Израиля и в том случае, если будет достигнуто мирное соглашение с Сирией³⁹.

Следует отметить, что отношения Израиля с Ливаном тесно были увязаны с развитием политического диалога Израиля с Сирией. Премьер-министр Израиля Э.Барак полагал, что согласованный с Сирией вывод израильских войск из Ливана будет инструментом воздействия на общественное мнение к стране. Не скрывая своего намерения отдать Голаны сирийцам параллельно с насильственной депортацией проживающего там еврейского населения, Э.Барак выражал уверенность в том, что его позиция получит поддержку огромного большинства израильтян⁴⁰.

Политологи считали, что именно однозначное намерение Э.Барака вывести подразделения израильтян из Ливана к июлю 2000 г. оказало решающее воздействие на Х.Асада, побудив того к возобновлению переговоров с Израилем. Сирийский президент, по-видимому, предполагал, что в Ливане результатом одностороннего израильского отхода из Ливана стала бы дестабилизация, что нанесло бы непоправимый ущерб его интересам⁴¹.

В ходе беседы с министрами на еженедельном заседании правительства премьер-министр Э.Барак в декабре 1999 г. заявил, что не намерен проводить отдельный референдум по вопросу вывода израильских войск из Ливана. Более того, по его мнению, вовсе необязательно обсуждать вопросы вывода израильских сил в ходе референдума по мирному соглашению с Сирией⁴².

Тем не менее Э.Барак подчеркнул, что каждый гражданин Израиля должен понять, что «мирное соглашение с Сирией неразрывно связано с выводом войск из Ливана»⁴³.

В то же время, безусловно, ливанская проблема имела свое самостоятельное значение для Израиля. Операция по выводу израильтян из Ливана получила название «Новый горизонт». Эта операция вступила в стадию реализации. Министерство обороны Израиля предложило условия конкурсов по строительству оборонных сооружений на израильско-ливанской границе⁴⁴.

После начала израильско-сирийских переговоров генеральный штаб израильтян внес существенные изменения в первоначальный вариант плана «Новый горизонт». Армейское командование отказалось от «элементов безопасности» общей стоимостью 0,5 млрд. шекелей⁴⁵.

Израиль отказывался превращать пограничные поселения в «хорошо укрепленные и изолированные крепости». В соответствии с планом операции «Новый горизонт» будут избраны подрядчики, которые приведут в порядок и реконструируют заградительные сооружения на границе, проложат новые дороги в пограничной зоне и займутся строительством инфраструктуры на военных базах и армейских постах⁴⁶.

На переговорах в Вашингтоне Э.Барак обратился к руководителям американской администрации с вопросом о специальной финансовой помощи, которая, по его мнению, положена Израилю после заключения мирного соглашения с Сирией.

Часть этих средств предполагалось направить на финансирование вывода израильских войск из Ливана. Их эвакуацию руководители израильской делегации считали частью мирного соглашения с Сирией.

Сложным вопросом во взаимоотношениях двух стран были территориальные претензии Ливана к Израилю. Кабинет министров Ливана, возглавляемый С.Хоссом, опубликовал в декабре 1999 г. заявление о том, что Ливан потребует у Израиля передачи под ливанский суверенитет территории в Верхней Галилее, на которой расположены семь друзских сел⁴⁷.

В заявлении говорилось, что это требование станет одним из главных вопросов повестки дня на переговорах с Израилем. В интервью ливанским журналистам С.Хосс заявил, что эти семь сел принадлежали Ливану и были включены в состав Палестины во время демаркации в 1928 г. по соглашению между Францией и Великобританией.

Вместе с тем он добавил, что резолюция 425 Совета Безопасности ООН, которая предусматривает уход Израиля из зоны безопасности, не учитывает эти семь населенных пунктов, «потому что они не были оккупированы в 1978 г.»⁴⁸.

Глава правительства Э.Барак принял решение освободить пятерых заключенных, связанных с организацией «Хезболла» и находившихся под административным арестом в израильских тюрьмах⁴⁹.

В Иерусалиме расценивали диалог с «Хезболла» в качестве необходимой и желательной составляющей взаимного доверия накануне вывода израильтян из Южного Ливана.

«На протяжении пяти дней Израиль и “Хезболла” вели переговоры, – сообщил арабский дипломат из Германии. – В результате обе стороны пошли на уступки друг другу, что способствовало созданию атмосферы доверия»⁵⁰.

Тем не менее, исследуя взаимоотношения Израиля и Ливана, не следует переоценивать внешний фактор. Это, безусловно, внутренняя проблема двух государств. Об этом свидетельствует, например, некоторое смягчение позиции Ирана в последнее время. Так, иранский министр иностранных дел Камаль Харези, находившийся с официальным визитом в Лондоне в январе 2000 г., выступил в Королевском институте международных проблем. Он коснулся, в частности, вопроса, будет ли Иран продолжать поддерживать нападения боевиков «Хезболла» в случае ухода Израиля из «зоны безопасности» на юге Ливана. К.Харези ответил, что «Хезболла» сама решит, как ей действовать, и Тегеран не стремится диктовать ей свои условия⁵¹.

Одновременно, по мнению Дамаска, очередь Ливана придет только тогда, когда будут удовлетворены сирийские требования. «В большей мере Сирия видит в урегулировании ливанской проблемы “приз”, который она “вручит” Израилю, хотя фактически именно из-за израильской идеи вывода войск из Ливана сирийцы смягчили свою позицию»⁵².

Но несмотря на скептический настрой многих политиков, вывод израильских войск состоялся 24 мая 2000 г. Вместе с израильтянами территорию Ливана покинули и части Армии Южного Ливана.

Сейчас сложно сказать, насколько вывод израильских войск повлияет на внутривнутриполитическую обстановку в Ливане, приведет ли это долгожданное событие к дальнейшей стабилизации ливанского общества или спровоцирует новую борьбу религиозных, политических группировок за власть и сферы влияния.

В целом из-за сложной внутривнутриполитической обстановки, а также неурегулированности арабо-израильского конфликта до конца, многолетней оккупации Израилем юга страны Ливан значительно утратил свою роль и влияние в регионе. Тем не менее, от позиции Ливана не в последней степени зависит оздоровление общей ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Сложность ливано-израильских отношений заключается и в том, что слишком много факторов политических и экономических оказывало влияние на эти отношения: палестинская проблема, деятельность исламских фундаменталистов, ливано-сирийские связи, проблема водных ресурсов и пр.

С началом освобождения оккупированных Израилем Сектора Газы и территорий на Западном берегу р. Иордан и в связи с созданием Палестинской автономии и недавним выводом израильских войск с территории Южного Ливана появляются новые предпосылки развития арабо-израильских отношений. Но потребуются много времени и усилий, чтобы добиться стабилизации обстановки в самом Ливане и укрепления роли страны в ближневосточном регионе.

Для Израиля Ливан, как и прежде, остается важным и необходимым партнером не только в решении ближневосточного конфликта, но и в решении его внешне- и внутривнутриполитических, а также экономических проблем.

¹ Baaklini A. Political Ethnity in Lebanon: a Historical Perspective. The Mobilisation of Collective Identity. – Boston, 1980. – С. 343.

² Зубов А.В. Парламентская демократия и политическая традиция в странах Востока. – М., 1990. – С. 93.

³ El-Khazen F. Une place pour le Liban: la marginalisation de l'état dans un espace regional réduit. Le Liban aujourd'hui. – P., 1994. – С. 40-41.

⁴ Новейшая история арабских стран. – М., 1988. – С. 137.

⁵ El-Khazen F. Une place pour de Liban, с. 42.

⁶ Окна. 09-15.11.1995. – С. 18.

⁷ Barakat H. The Social Context. Lebanon in Crisis. – Syracuse University Press, 1979. – С. 20.

⁸ Окна. 9-15.11.1995. – С. 18.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Middle East and North Africa. // Encyclopedia. – Oxf., 1994. – С. 640.

¹³ El-Khazen F. Une place pour de Liban, с. 46.

¹⁴ Middle East and North Africa. Encyclopedia, с. 654.

¹⁵ Следует отметить, что с июня 1982 г. до середины 1984 г. израильская армия потеряла, по официальным данным, около 4 тыс. человек убитыми и ранен-

ными. Однако по данным ООП, потери среди израильтян оценивались не менее чем в 20 тыс. человек (См. *Медведко Л.И.* Этот Ближний бурлящий Восток. – М., 1985. – С. 309.).

¹⁶ Окна, 09-15.11.1995, с. 27.

¹⁷ *Charif, Hassan.* Unresolved Problems of South. – Oxf., CLS, 1992. – С. 10.

¹⁸ Государство Израиль в 80-е годы. – М., 1992. – С. 190-191.

¹⁹ *Arabi. P.*, 1991. – № 61.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Middle East and North Africa. Encyclopedia, с. 654.

²³ Там же.

²⁴ *Charif, Hassan.* Unresolved Problems of South, с. 15.

²⁵ Новости недели. [Израиль]. 28.11.1997. – С. 10.

²⁶ *Picard E.* La dissolution des milices dans de Libun de l'après guerre. – Oxf., Centre for lebanese studies, 1994. – С. 12.

²⁷ Там же, с. 13.

²⁸ Новости недели. 28.11.1997. – С. 10.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Новости недели. 07.03.1997. – С. 7.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Вести. [Израиль]. 15.12.1999. – С. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Вести. 20.12.1999. С. 2.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Вести. 26.12.1999. – С. 2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Вести. 28.12.1999. – С. 2.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Новости недели. 13.01.2000. – С. 6.

⁵² Там же, с 19.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ ВЕКА

В регион Юго-Восточного Средиземноморья входят неевропейские, афро-азиатские страны, имеющие выход к Средиземному морю. К этому региону сегодня относятся арабские страны Северной Африки и Восточного Средиземноморья, Израиль, Кипр и Турция.

За истекший XX в. страны региона накопили огромный опыт хозяйственного развития и решения экономических проблем в разных социально-политических системах, в условиях приверженности различным моделям общественного устройства и следования порой полярным идеологическим доктринам. Все это определило совершенно разные экономические результаты их развития к исходу века. Описанию, анализу, сопоставлениям использовавшихся на протяжении этого века методов, подходов и моделей развития, практике их применения посвящены многие сотни книг и тысячи других публикаций.

В данной работе предпринята попытка подведения общих итогов экономического развития стран региона в XX в., выявления его конечных результатов, измеренных в величинах валового внутреннего продукта (ВВП) и душевого дохода или ВВП на душу населения, а также сопоставления общественно-политических условий такого развития, существовавших в начале и конце истекшего столетия в регионе, явившемся много тысячелетий тому назад одним из основных очагов человеческой цивилизации. Данные, цифры и примеры по отдельным странам приводятся лишь в тех случаях, когда это необходимо для иллюстрации общей ситуации в регионе, существовавшей либо в начале века, либо в его конце.

В начале XX в. единственным формально самостоятельным государством региона была Османская империя (Турция), в различной степени зависимости от которой находился ряд средиземноморских арабских стран, в частности Египет, Ливия, Сирия, Ливан, Палестина, а некоторые другие (Алжир, Тунис, Марокко) были протекторатами Франции или Испании. Некогда могущественная Османская империя на этом историческом рубеже быстро слабела. От ее былого величия практически ничего не осталось, но сохранялись претензии на ведущую роль в исламском мире и среди тюркских народов. Султан, бывший главой мусульман всего мира – халифом, был неограниченным монархом, обладавшим правом разрешать и запрещать своим подданным любую деятельность, распоряжаться их имуществом и т.д. Империю потрясали по-

литические и экономические кризисы, катастрофически быстро рос внешний долг. Турецкое правительство было вынуждено давать западному капиталу все большие права и льготы. Поэтому зарождавшийся в империи капитализм был не столько результатом внутренних процессов, сколько следствием внешнего воздействия.

Нарождавшуюся национальную буржуазию душил так называемый режим капитуляций, заключавшийся в предоставлении иностранному капиталу особых привилегий по налогам и сборам, экстерриториальности иностранным подданным и прочих льгот. Поэтому у турок предпринимательство считалось делом непрестижным и бесперспективным, и им занимались преимущественно иноверцы и инородцы, к которым в Османской империи относились армяне, греки, славяне, евреи и пр. Собственно турецкое производство было представлено ремесленниками, иногда объединявшимися в средневековые корпорации – эснафы.

Основной класс империи – крестьянство, составлявшее до 90% ее населения, – был вынужден в результате установленной системы налогов и сборов отдавать до двух третей своих доходов, что препятствовало их аккумуляции и развитию процессов первоначального накопления в турецкой деревне¹.

Значительный ущерб хозяйственному развитию страны наносило, в частности, табачное управление Османской империи «Режи», получившее монопольное право на заготовку табака, производство и экспорт табачных изделий. В результате значительная часть турецкого крестьянства, выращивавшего табак, и несколько сот табачных фабрик оказались под управлением и во владении французского капитала, быстро обогащавшегося на спекулятивных операциях.

Иностранный капитал в результате упомянутого «режима капитуляций» господствовал в подавляющем большинстве отраслей экономики и сферы обращения, в частности в добывающей промышленности, в железнодорожном строительстве, в коммунальном хозяйстве, в финансовой системе и пр. Это постоянно усиливавшееся засилье иностранного капитала не могло не вызвать все более нараставшего недовольства самых разных слоев турецкого общества, включая армейскую верхушку и мусульманское духовенство, и появления оппозиционных организаций, обществ и течений. В числе их было так называемое младотурецкое движение, сыгравшее весьма важную роль в дальнейшем развитии Турции.

В 1908 г. буржуазная младотурецкая революция привела к свержению деспотического режима султана Абдул-Хамида II и установлению конституционной монархии, но не изменила феодального строя Османской империи. Из-за отсталости страны, сильного влияния феодализма и незрелости общественных отношений младотурки не смогли способствовать утверждению нового буржуазного строя и постепенно превратились в заурядных шовинистов, отдельные группировки которых начали между собой ожесточенную борьбу за власть.

В арабских провинциях Османской империи, в том числе средиземноморских, положение было еще хуже. Преобладающим укладом был феодалный, наряду с которым сохранялись пережитки рабовладельческих и родоплеменных производственных отношений. Появлявшиеся здесь промышленные предприятия были предназначены для первичной обработки сельскохозяйственного сырья, обслуживания турецкой администрации и ее военно-полицейского аппарата. Принадлежали они в подавляющем большинстве случаев иностранному капиталу. Арабская национальная буржуазия и элементы капиталистического уклада только начинали появляться. В немалой степени этому способствовали начавшаяся разработка полезных ископаемых, строительство железных дорог и морских портов.

Все это в полной мере относилось и к Палестине, до 1918 г. входившей в состав Османской империи. Но Палестина имела и некоторые специфические черты, отличавшие ее от других провинций и частей империи. С конца XIX в. сюда стали переселяться евреи из других стран мира, преимущественно из Восточной Европы. С 1882 по 1900 г. еврейская община в Палестине возросла с 24 тыс. до 50 тыс. человек. В целях поощрения иммиграции и оказания помощи прибывающим иммигрантам в обустройстве на новом месте в Палестине учреждаются и образуются различные банковские и коммерческие общества, компании, тресты и фонды. Основными среди них были Еврейский колонизационный банк (1899 г.), Еврейский национальный фонд (1901 г.), Англо-Палестинский банк (1902 г.). Палестинская землеустроительная компания и др.

Тем не менее, до Первой мировой войны иммиграция евреев в Палестину оставалась на низком уровне и составляла в среднем менее 4 тыс. человек в год. При этом 80% прибывавших в тот период, не сумев приспособиться к непривычным для них условиям жизни и климату, покидали Палестину².

В годы Первой мировой войны Юго-Восточное Средиземноморье стало ареной военных действий между Турцией и ее союзниками, с одной стороны, и державами Антанты, планировавшими раздел Османской империи, с другой. Но уже накануне войны средиземноморские провинции Османской империи все больше становились не только зоной активного экономического и политического проникновения европейских держав, но и ареной их ожесточенной борьбы за сферы влияния.

Так, в 1911 г. Италия спровоцировала войну с Турцией, намереваясь быстро захватить последние владения Османской империи в Африке – Триполитанию и Киренанку. Уже в начале 1912 г. турецкая армия фактически прекратила военные действия против итальянских войск, что означало поражение Османской империи. Столкнувшись с равнодушием и предательством турецких властей, ливийцы были вынуждены самостоятельно вести борьбу против итальянцев на протяжении последующих двадцати лет, пока их страна не была окончательно захвачена колонизаторами.

В годы Первой мировой войны Турция фактически превратилась в вассала Германии и вместе с нею потерпела сокрушительное поражение. По окончании войны державы Антанты приступили к разделу не только территории распавшейся Османской империи, но и собственно Турции. В ответ на это в Турции развернулось национально-освободительное движение и произошла буржуазно-националистическая революция под руководством Мустафы Кемаля (Ататюрка), завершившаяся провозглашением в 1923 г. республики.

После завоевания политической независимости в процессе формирования капиталистических отношений стали преобладать в отличие от прошлого внутренние факторы, а именно – осознанная правящими кругами Турции необходимость достижения экономической самостоятельности путем развития производительных сил страны. В последующие годы эти круги своей стратегией общественного развития сделали политику экономического либерализма.

Распад Османской империи не привел к освобождению арабских народов Юго-Восточного Средиземноморья. Место турецких наместников заняли английские и французские верховные комиссары и коменданты. Между двумя мировыми войнами в странах региона стали активно внедряться капиталистические производственные отношения и формироваться «современные» сектора экономики. Однако традиционный феодальный уклад продолжал сохранять прочные позиции. В традиционных секторах, прежде всего сельском хозяйстве, было занято большинство трудоспособного населения арабских стран.

После Второй мировой войны политическая карта Юго-Восточного Средиземноморья принципиально изменилась. На протяжении 40-50-х годов большинство арабских стран региона стало независимыми государствами. В 1948 г. образовалось Государство Израиль. В 1960 г. независимой республикой стал Кипр. В 1962 г. в длительной кровопролитной борьбе свою государственную самостоятельность завоевал народ Алжира.

Все это дает основание считать, что регион Юго-Восточного Средиземноморья, взятый в целом, собственный опыт независимого экономического развития приобрел за последние четыре десятилетия XX в., хотя отдельные входящие в него страны стали накапливать его ранее. За эти четыре десятилетия страны региона в целях решения своих острых социально-экономических проблем использовали самые разные методы, подходы и модели развития, нередко меняя их и чередуя, забегая вперед и возвращаясь к прошлому опыту. Их конечный итог и наглядный результат труда народов входящих в регион стран – абсолютные показатели ВВП и душевого дохода или ВВП на душу населения, измеренные в долларах США, в соответствии с данными международной статистики ООН, а также темпы их роста.

Если расположить страны региона по величинам душевого дохода, то темпы роста их ВВП на протяжении 1960-1995 гг. (новейшие данные, имеющиеся в распоряжении исследователей) представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Среднегодовые темпы роста ВВП стран
Юго-Восточного Средиземноморья в 1960-1995 гг.***
в %

Страна	1960-1970 гг.	1970-1980 гг.	1980-1990 гг.	1990-1995 гг.
Израиль	8,2	4,8	3,5	6,4
Кипр	6,5	2,1	6,3	4,8
Ливия	24,8	3,0	-4,7	-1,1
Ливан	...	...	...	...
Сирия	5,7	9,6	1,5	7,4
Турция	6,0	5,6	5,3	3,2
Тунис	4,2	6,9	3,4	3,9
Алжир	1,8	7,0	2,8	0,6
Марокко	3,9	5,6	4,2	1,2
Египет	4,5	8,5	5,0	1,3

* Составлено по: Handbook of International Trade and Development Statistics, 1995, UN. – New York and Geneva, 1997. – С. 436-445; 1996/97, UN. – New York and Geneva, 1999. – С. 324-329.

Данные табл. 1 отчетливо свидетельствуют, что ни одна из стран исследуемого региона в указанные годы не развивалась равномерно и плавно. Темпы роста ВВП в тех странах, где такой рост был, то повышались, то снижались. В Алжире в первой половине 90-х годов роста вообще не было из-за военно-политического конфликта с исламскими экстремистами и вызванной им приостановки функционирования целых отраслей.

А в Ливии на протяжении полутора десятилетий (1980-1995) шло неуклонное снижение массы ВВП, хотя в течение 1960-1970 гг. именно Ливия продемонстрировала наивысшие во всем регионе темпы его роста. В те годы это объяснялось открытием все новых месторождений нефти, быстрым ростом ее добычи и экспорта.

А в следующем десятилетии темпы роста ВВП Ливии, как видно из табл., снизились более чем в 8 раз. Это уникальный случай, не повторявшийся в дальнейшем ни в одной из стран региона на протяжении XX столетия и требующий поэтому более обстоятельного пояснения.

1 сентября 1969 г. в Ливии победила антимонархическая, антифеодальная и антиимпериалистическая революция, которой руководил М.Каддафи. Он же встал во главе своеобразной военной хунты, взявшей на себя не только исполнительные функции государственного управления, но и законодательную власть.

В дальнейшем по мере появления теоретических разработок М.Каддафи о социальном и государственном устройстве и с первых шагов по претворению их в жизнь в стране «началось применение силы и волюнтаризма, надолго ввергших Ливию в пучину политической и экономической неразберихи»³.

Эта неразбериха усиливалась по мере формирования концепции М.Каддафи о «прямом народовластии» или «джамахирии». На основании этой концепции в стране стала внедряться невиданная ранее в человеческой истории «джамахирийская» модель развития – волонтаристская и утопическая по своей сути, не учитывающая объективных, давно открытых и сформулированных законов развития человеческого общества.

Единственным объяснением того, как эта модель могла каким-то образом функционировать в Ливии на протяжении нескольких лет, было наличие огромных, многомиллиардных доходов от экспорта нефти. До начала 80-х годов они делали ливийское государство в его причудливой и нелепой форме независимым от своего народа, отчужденного на деле от нефтяной промышленности и доходов от нее. Эти доходы давали ливийскому руководству возможность считать, что в Ливии существует некое докапиталистическое «социалистическое» общество мелких сельских и городских производителей, накопление капитала и производство прибавочного продукта которыми являются ненужными и излишними, и поддерживать эти утопические настроения в массовом сознании.

Однако начиная с 1982 г. экономическое положение страны стало ухудшаться. Оно было вызвано введенным США в марте эмбарго на закупки нефти у Ливии, к которому присоединились некоторые другие страны. В результате пятилетний план социально-экономического развития страны на 1981-1985 гг. по многим показателям оказался невыполненным. Отсутствие необходимых средств и особенно уверенности в их достаточном поступлении в будущем привело к невозможности составления долгосрочных планов развития. Поэтому начиная с 1986 г. планирование осуществляется только в рамках годовых бюджетных программ. 1986 год ознаменовал собой начало ограниченной либерализации в области экономики – так называемой зеленой перестройки, что на деле представляло собой отход от догматов джамахирийской модели. Признаки «зеленой перестройки» появились после трех шоков 1986 г.: американской бомбардировки Триполи и Бенгази в апреле; почти полного отсутствия поддержки Ливии со стороны арабских стран; поражения ливийских войск в Чаде. Это не замедлило негативно сказаться на деловой активности в стране и, в частности, на ее внутреннем рынке. Начался отток из страны иностранных рабочих, занятых, в частности, в сельском хозяйстве, что сократило предложение на рынке местной сельхозпродукции и, соответственно, вызвало рост цен на нее. При этом следует особо отметить, что многие иностранные специалисты, несмотря на относительно высокую оплату их труда, стали покидать страну из-за тягостной духовной и моральной атмосферы, созданной безудержным культом личности М.Каддафи, тотальной шпиономанией и диким произволом так называемых революционных комитетов, в состав которых входят преимущественно сотрудники ливийских спецслужб.

Неуклонное ухудшение экономического положения страны и вызванное им полное расхождение провозглашенных принципов джамахирии с реальной повседневной действительностью повлекли за собой рост недовольства в различных кругах общества, формирование оппозиции режиму.

Уцелевшая после многочисленных потрясений местная буржуазия, сумевшая рассредоточить и припрятать свои капиталы, особенно была недовольна тем, что ее вклады в банки были фактически заморожены. В результате буржуазия была лишена возможности действовать легально и вынуждена довольствоваться операциями на черном рынке, который стал быстро развиваться. Характерно, что, выступая на одном из массовых митингов, М.Каддафи заявил, что процветающий черный рынок «является позитивным свидетельством инициативы народа по удовлетворению своих нужд».

Оппозиция режиму стала нарастать как слева, так и справа. Правую оппозицию представляют, в частности, экстремистские мусульманские организации, связанные с «Братьями-мусульманами» и иранскими фундаменталистами. В своих выступлениях М.Каддафи клеймит фундаменталистов как «раковую опухоль, черную смерть и СПИД». Его нападки на них особенно усилились после известных событий в Алжире, которые явно встревожили ливийского лидера. Он опасается фундаменталистов, ибо видит в них единственную силу, способную отстранить его от власти.

В декабре 1989 г. были сделаны некоторые послабления мелкому частному капиталу под предлогом «повышения роли индивидуальных и кооперативных хозяйств в экономике». В принятых по этому вопросу документах отмечается, что народная власть не будет разрешать частному бизнесу перерастать в компании капиталистического типа, где рабочие получают зарплату и хозяева – прибыль.

После многих лет строгого контроля за всеми видами хозяйственной деятельности, не считая мелкие сельскохозяйственные фермы и мастерские ремесленников, в 1988 г. было разрешено вновь открыть частные магазины и стало поощряться мелкое частное производство в сфере обслуживания и обрабатывающей промышленности. Некоторые государственные предприятия были переданы в собственность трудовых коллективов, функционирующих по волонтаристской схеме «партнеры, а не наемные работники». «Указанные мероприятия, – как отмечалось в опубликованном документе, – должны рассматриваться как начало постепенного процесса, который будет углубляться и развиваться в свете эволюционирующих обстоятельств». Из табл. 1 видно, что на протяжении 80-х годов ВВП страны не только не рос, а напротив – резко снижался в среднем на 4,7% в год.

Таким образом, налицо – очевидный отход под давлением хозяйственных трудностей от концепции первого периода Джамахирии, попытка примирить непримиримое. Пытаясь спасти уже не модель, полностью обанкротившуюся к началу 90-х годов, а сам режим, ливийское руководство сегодня стремится выйти из состояния международной изоляции, в которое оно привело страну бесчисленными непредсказуемыми акциями в своей внешней политике, в частности своей поддержкой ГКЧП в бывшем СССР. М.Каддафи отказался от политики поддержки терроризма, в том числе от оказания помощи Ирландской республиканской армии (ИРА).

В целях сохранения режима и остатков джамахирийской модели в ее первоначальном виде ливийское руководство пошло в 90-е годы на все новые пе-

ретряски и реорганизации политических структур внутри страны. Так, в ноябре 1992 г. на сессии Всеобщего народного конгресса (ВНК) было принято решение о создании в стране новой административной структуры, предполагающей «переход страны на высшую ступень народовластия – образцовой Джамахирии». Вместо первичных народных собраний (ПНС) как основ Джамахирии, существовавших ранее в районах и муниципалитетах, в стране впредь будут действовать 1455 коммун. Необходимость реорганизации прежней системы М.Каддафи объяснил тем, что она не обеспечила подлинного прямого народовластия в силу своей многоступенчатости, что создавало разрыв между массами и руководством, лишило народ возможности контролировать выполнение принятых решений и законов. Препятствием для реализации идей Джамахирии, по словам М.Каддафи, стала и существующая излишняя централизация.

«В соответствии с указами лидера и в целях укрепления власти народа» – такими словами начинались в первые месяцы 1993 г. сводки новостей триполитского радио и телевидения, в которых сообщалось о «захвате власти коммунами» в различных районах страны. Известное ливийцам с 1978 г. слово «захват» довольно точно передает суть болезненного процесса, затрагивающего социальный статус и благополучие широкого слоя чиновников и торговой буржуазии.

Речь шла о передаче власти от обосновавшихся на местах определенных групп с их имуществом к новым лицам, избранным в ноябре 1992 г. в состав законодательных и исполнительных органов коммун. Обнаружив, что эта кампания не вызвала большого энтузиазма, М.Каддафи провел серию встреч с населением, на которых убеждал соотечественников в «правильности» новой формы правления и призывал их преодолеть сомнения по поводу ее эффективности.

На практике наведение порядка вылилось в организацию так называемой муниципальной гвардией рейдов по «золотым» лавкам, торговым и иным предприятиям, кооперативам, ремесленным мастерским, частным клиникам. Крепкие ребята в черных кожаных куртках проверяли, правильно ли оформлены лицензии, есть ли ценники на товарах, нет ли завышения цен, не нарушается ли главный принцип Джамахирии – «партнеры, а не наемные рабочие».

Созданию новой политической системы была посвящена и состоявшаяся в конце 1992 г. сессия ПНС, на которой «в обстановке демократии и высокого подъема», как отмечала местная пресса, проходили выдвижения кандидатов и выборы руководящего состава этих новых органов власти.

Заключительным этапом реорганизации политической системы стала состоявшаяся 15-18 ноября 1992 г. сессия ВНК. На ней состоялись выборы новых членов Секретариата и других структур ВНК и Высшего народного комитета, т.е. правительства. Работа этой сессии, проходившей уже в новом составе ВНК, была построена таким образом, чтобы создать иллюзию демократического избрания самим народом новых членов органов власти. Процедура выдвижения и голосования шла по заранее врученным делегатам спискам. Благодаря умелой режиссуре председателя «избирались» заранее утвержденные лица. В некоторых случаях эта схема срабатывала.

Несмотря на внешнее спокойствие в городах, нельзя утверждать, что ливийцы с покорностью и безразличием относятся к проводимому на них джамахирийскому эксперименту. В обществе накапливаются неудовлетворенность, подавленность, усилившиеся после введения 15 апреля 1992 г. в соответствии с резолюцией СБ ООН 748 антиливийских санкций, которые сказались на материальном положении и морально-психологическом состоянии населения. К началу 1996 г. ущерб от санкций оценивался уже в 10 млрд. долл. Эти настроения обострились и вследствие возникших в ходе утверждения новой власти коммунал уличных столкновений и даже вооруженных стычек между отдельными кланами и племенами.

В целом можно считать, что после революции 1 сентября 1969 г. в Ливии сложилась одна из разновидностей тоталитарной системы, прикрываемая безудержной риторикой «о прямой народной демократии». В социально-экономическом отношении ливийское общество превратилось в паразитическое, базирующееся на эксплуатации труда иностранных рабочих и специалистов (в начале 1996 г. их численность оценивалась в 2,5 млн. человек), оплачиваемых за счет национальных природных богатств. Многие ливийцы стали считать себя выше тех, кто обеспечивает им возможность такого паразитического существования. Комплекс неполноценности ливийцев, прививавшийся им в течение десятилетий иностранными колонизаторами, сменился комплексом чванства. Реальным явлением стал ливийский шовинизм.

«Третья мировая теория» М.Каддафи не сработала и не может работать, так как оторвана от реальной действительности, строится на элементах утопического домарковского социализма и исламской идеологии, основные положения которой были сформулированы в VII в. Более того, М.Каддафи сам признавал, что основные положения его теории принадлежат не ему. Так, его утверждение о том, что прямая народная демократия является единственной реальной формой демократии, было заимствовано у таких мыслителей, как Жан-Жак Руссо, Максимильен Робеспьер и др.

«Третья мировая теория» отрицает наличие классов и, соответственно, социальной структуры в ливийском обществе. Но такая структура есть, она постоянно изменялась и меняется сегодня под влиянием мероприятий ливийского руководства по практической реализации своих идеологических концепций. Но именно эти мероприятия, способы и последствия их осуществления вызывают все более обостряющееся недовольство и поставили Ливию в середине 90-х годов на грань социального взрыва.

В этой связи известный российский исследователь ливийских проблем А.З.Егорин констатирует: «Попытки “сверху” синтезировать традиционные и капиталистические формы организации общества, по существу, продолжали “буксовать” и через 30 лет “светлой” ливийской революции, несмотря на все потуги лидера Джамахирии М.Каддафи придать этим попыткам необратимый характер»⁴.

Что касается экономической сферы, то отмеченные процессы «зеленой перестройки» представляют собой на деле путь реставрации капиталистических производственных отношений. Джамахирийская модель отрицала их

наличие, но не прекратила их существования. Она загнала их в сферу теневой экономики и черного рынка. А с конца 80-х годов при малейшей отмеченной либерализации эти отношения резко активизировались и в начале 90-х годов вновь стали определять экономическую жизнь страны. Однако последствия предыдущих волюнтаристских ломок экономических структур продолжали давать о себе знать. И в первой половине 90-х ВВП Ливии продолжал, как видно из табл. 1, падать, хотя темпы снижения значительно уменьшились.

Таким образом, на деле «зеленая перестройка» означала полный крах искусственных построений «третьей мировой теории», джамахирийской модели развития и возврат Ливии на путь периферийного капиталистического развития со всеми присущими ему противоречиями.

На фоне взлетов и падений темпов роста ВВП Ливии и некоторых других стран региона относительно равномерно на протяжении трех десятилетий 1960-1990 гг. протекал рост ВВП Турции. Этот рост замедлился лишь в первой половине 90-х годов. Тем не менее, за указанный исторический период в Турции было много сделано для модернизации ее экономики, внедрения западных технологий, принципов рыночной экономики. Эти изменения сделали неизбежным распад старых структур, отжившей идеологии, преобладавших ранее концепций социально-экономического развития. Экономика Турции стала открытой внешнему миру.

В 80-90-е годы происходила равноправная интеграция страны в мировое капиталистическое хозяйство, продолжался рост экспорта не только сельскохозяйственных, но и промышленных товаров, который наряду со ставшим традиционным экспортом рабочей силы стал главным источником валютных доходов страны. Несмотря на определенные кризисные явления, вызвавшие отмеченное снижение темпов роста ВВП, продолжалась либерализация турецкой экономики, что обеспечивало ей постоянное поступление из западных стран новых капиталовложений и современной технологии, а также гарантировало непрерывность процесса модернизации.

ВВП Израиля, достигнув, как видно из табл. 1, в 60-е годы среднегодовых темпов в размере 8,2%, на протяжении двух последующих десятилетий имел явную тенденцию к снижению, но в первую половину 90-х вновь стал быстро возрастать.

Высокие темпы роста ВВП в 60-е годы объяснялись прежде всего быстрым развитием промышленного производства. Наиболее интенсивно при этом развивались текстильная, электронная и металлургическая отрасли промышленности, выпуск продукции которых в 1961 г., например, по сравнению с предыдущим годом увеличился соответственно на 25, 23 и 20%⁵.

Промышленному развитию страны способствовали как поддержка правительства, выделявшего для этого займы частным компаниям, так и приток иностранного капитала извне в виде прямых инвестиций, западногерманских репараций, американских субсидий, средств, полученных от зарубежных еврейских организаций и из других источников. С 1948 по 1982 г. финансовые поступления в Израиль из-за рубежа превысили 55 млрд. долл.⁶

Однако уже с середины 60-х годов темпы роста начинают снижаться по сравнению с первой половиной десятилетия. Если до 1965 г. ежегодный прирост промышленной продукции составлял 12-14%, то в 1965 г. он равнялся лишь 10%, а в 1966 г. наблюдался даже спад производства. По мнению Г.С.Никитиной, исследовавшей политические и экономические проблемы Израиля в 40-60-е годы, «начавшееся в 1965 г. снижение деловой активности, а в 1966 г. и спад производства являются результатом нездорового развития израильской экономики, а также начавшейся усиленной подготовки израильских правящих кругов к войне»⁷.

Рост военных расходов в последующие годы стал одной из главных причин снижения среднегодовых темпов роста ВВП в 70-е годы до 4,8%, а в 80-е – до 3,5% (см. табл. 1). В эти годы, кроме того, резко увеличиваются расходы государства на оплату внутренних и внешних займов, причем неизменно высоким продолжал оставаться удельный вес иностранного финансирования экономического развития страны.

В 60-е – начале 70-х годов односторонние переводы из-за рубежа почти полностью покрывали дефицит торгового баланса. Однако в последующие годы их доля снизилась, и в 1975 г. они обеспечивали лишь 44%, а в 1983 г. – 57% торгового баланса. Остальная же часть дефицита покрывалась за счет долгосрочных кредитов от правительства США, которые в основном обеспечивали военные расходы и выплату задолженности правительствам других государств⁸.

Известный отечественный исследователь проблем Израиля Е.Я.Сатановский отмечает в этой связи: «Период с середины 70-х до конца 80-х годов был временем медленного и неустойчивого роста, макроэкономической несбалансированности, породившей финансовый кризис структурных сдвигов под влиянием НТР и продолжения индустриализации, поиска путей интенсификации экономики и начала либерализации хозяйства. На этом этапе развития в полной мере проявились недостатки сложившейся в Израиле модели экстенсивного роста, при которой всеохватывающее государственное регулирование было недостаточно гибким, а рыночные механизмы относительно слабыми»⁹.

В первой половине 90-х годов (см. табл. 1) темпы роста ВВП Израиля увеличились почти в два раза по сравнению с 80-ми годами. Это произошло во многом благодаря вовлечению в процесс воспроизводства неиспользованных до этого трудовых ресурсов и массивных инвестиций, а также за счет использования интенсивных факторов роста, повышения роли конкуренции и рыночных стимулов. Свою позитивную роль сыграла политика приоритетного развития высокотехнологичных отраслей промышленности, всеобъемлющей либерализации всей экономики и интеграции ее в мировое хозяйство.

Наиболее высоких в регионе темпов роста ВВП в первой половине 90-х годов добилась Сирия, где он возрастал по сравнению с 80-ми годами в среднем на 7,4% (см. табл. 1). Но это произошло после резкого (более чем в 6 раз) снижения среднегодовых темпов роста в 70-е годы. Это явление характерно для крайне неравномерного развития сирийской экономики, при котором этапы быстрого подъема чередуются с этапами застоя и даже регресса.

Резкий подъем в первой половине 90-х годов объяснялся тем, что к концу 80-х годов в экономической политике сирийского руководства сформировались два взаимодополняющих направления: 1) оживление деятельности государственного сектора; 2) либерализация экономики путем более широкого поощрения деятельности частного и смешанного секторов в экономике.

Формирование этих направлений объяснялось, с одной стороны, серьезными трудностями, с которыми Сирия столкнулась в предыдущий указанный период, особенно в военной сфере. С другой стороны, это результат компромисса между сторонниками политики «открытых дверей» и приверженцами развития, при котором ведущим в экономике продолжает оставаться госсектор.

Другим результатом компромисса между ними следует считать политику либерализации и создания зон свободной торговли. Целью политики либерализации было стремление привлечь частный капитал, местный и иностранный, в те отрасли, в которых его инвестиции не угрожали бы ведущему месту госсектора, а стали бы дополнительным весомым вкладом в развитие национальной экономики.

Однако реальные результаты такой политики оказались относительно скромными, и во второй половине 90-х годов темпы роста ВВП, судя по имеющимся данным, вновь стали снижаться. Частный капитал несколько активизировал свои инвестиции, но преимущественно в непроизводственные отрасли и сферу обращения – в торговлю, туризм, посреднические операции и т.п. Одновременно и параллельно с этим такие меры привели к активизации спекуляции и расцвету черного рынка.

Данные по темпам роста ВВП Ливана отсутствуют (см. табл. 1), и в статистических справочниках ООН в начале 90-х отсутствовала даже сама графа «Ливан». Поэтому данные о состоянии экономики этой страны можно было находить лишь в периодических изданиях и публикациях специалистов-арабистов¹⁰. Отсутствие данных международной статистики объяснялось перманентными военными действиями на его территории, продолжавшимися на протяжении 16 лет, с 1975 по 1990 г., и последствиями гражданской войны, ирано-иракской войны 1980-1988 гг., арабо-израильской войны и иракской агрессии против Кувейта в 1990-1991 гг.

До 1973 г. Ливану удавалось поддерживать сравнительно высокие темпы экономического роста за счет развития сферы услуг, успешного решения проблемы занятости и повышения уровня доходов населения. Ливан являлся, кроме того, фактически региональным центром экономических и финансовых обменов между государствами региона, в том числе нефтяными, с одной стороны, и другими странами мира, с другой. Однако в результате военнополитического кризиса, разразившегося в 1975 г., были нарушены хозяйственная стабильность и безопасность национальной экономики, резко снизилась производительность большинства ее отраслей, а некоторые отрасли совсем перестали существовать из-за остановки и разрушения предприятий. Ситуация мало изменилась и в середине 90-х годов. Местные и иностранные инвесторы все еще опасались вкладывать свои капиталы в ливанскую экономику из-за неурегулированности сирийско-израильских отношений.

В отличие от ВВП население стран Юго-Восточного Средиземноморья, постоянно и неуклонно увеличивалось на протяжении всего XX столетия, хотя темпы его роста были подвержены некоторым колебаниям в разные периоды века (см. табл. 2).

Таблица 2

**Население стран Юго-Восточного Средиземноморья
и среднегодовые темпы его роста в 1970-1995 г. ***

Страна	Население, тыс. человек		Среднегодовые темпы роста, %	
	1991 г.	1995 г.	в 1970-1990 гг.	в 1990-1995 гг.
Израиль	4 871	5 525	2,3	3,5
Кипр	709	746	0,5	1,8
Ливия	4 708	5 225	4,2	3,5
Ливан	2 784	3 009	0,2	3,3 ,
Сирия	12 807	14 203	3,5	2,8
Турция	57 166	60 838	2,3	1,6
Тунис	8 227	8 987	2,4	1,9
Алжир	25 643	28 109	3,0	2,4
Марокко	25 687	26 524	2,3	2,0
Египет	53 631	62 096	2,4	2,0
Всего:	196 233	215 262	...	...

* Составлено по: Handbook of International Trade and Development Statistics, 1995, UN. – New York and Geneva, 1997. – С. 436-445; 1996/97, UN. – New York and Geneva, 1999. – С. 324-329.

Из табл. 2 явствует, что в 1970-1990 гг. максимальными среднегодовыми темпами в регионе росло население Ливии (4,2%), а минимальными – Ливана (0,2%). Несмотря на указанные выше сложности социально-экономического положения Ливии, на протяжении 70-х годов жизненный уровень ее населения оставался относительно высоким, особенно по сравнению с соседними Египтом и Тунисом. Это обеспечивало Ливии большой приток иммигрантов и высокий уровень рождаемости. В 80-е годы началось снижение иммиграции и рождаемости, которое продолжилось, и в первой половине 90-х годов.

В отличие от этого рождаемость в Ливане в 1970-1990 гг. едва покрывала потери населения в результате военных действий и эмиграции. По опубликованным данным, за 16 лет войны Ливан только убитыми потерял 170 тыс. человек. Большинство из них составляла молодежь. Число раненых оценивается примерно в 300 тыс. человек, из которых 12 тыс. остались инвалидами. За годы войн из Ливана в арабские и другие зарубежные страны выехало 550 тыс. человек¹¹. Лишь в первой половине 90-х годов среднегодовые темпы роста вновь возросли и достигли уровня 3,3%.

Рекордсменом по абсолютной численности населения среди стран региона был Египет, обогнавший в первой половине 90-х годов по этому показателю своего сюзерена начала XX в. – Турцию (табл. 2). Выступая в декабре 1996 г. на открытии межарабской конференции по народонаселению, министр здраво-

охранения АРЕ Исмаил Ауд Саям сообщил, что более чем 60-миллионное население Египта проживает всего лишь на 5% общей площади страны. 100 лет назад в начале же века на этой XX площади жили 6,5 млн. египтян.

Таким образом, за одно столетие население страны возросло примерно в 10 раз. Для Египта и большинства других арабских, в частности нефтяных, стран рост населения представляет очень серьезную угрозу дальнейшему социально-экономическому развитию. Население арабских стран, по имеющимся подсчетам, удваивается каждые 23 года, в то время как число жителей Европы, например, лишь каждые 233 года. Причем главный фактор этой угрозы – не сам факт бесконтрольного роста населения, а то, что темпы его роста опережают темпы роста ВВП.

Это отчетливо выявляется при сопоставлении правых колонок таблиц 1 и 2, в которых приведены данные среднегодовых темпов роста ВВП и населения в один и тот же период – 1990-1995 гг. По большинству арабских стран второй показатель явно опережает первый.

Конечный результат роста производства ВВП, с одной стороны, и роста населения, с другой, – это ВВП на душу населения. Страны исследуемого региона подошли к концу XX в. с весьма разными итогами величин этого важнейшего показателя, которые отражены в табл. 3:

Таблица 3

**ВВП и ВВП на душу населения
стран Юго-Восточного Средиземноморья в 90-е годы***

Страна	1991 г.		1995 г.	
	ВВП на душу населения, долл.	ВВП, млн.долл.	ВВП на душу населения, долл.	ВВП, млн.долл.
Израиль	12 139	59 127	15 698	86 731
Кипр	8 222	5 830	11 797	8 788
Ливия	9 551	44 967	4 036	22 050
Ливан	1 302	3 624	3 689	11 100
Сирия	2 126	27 225	3 461	49 153
Турция	1 889	108 005	2 783	169 319
Тунис	1 603	13 188	2 003	18 000
Алжир	1 714	43 940	1 473	41 400
Марокко	1 077	27 653	1 222	32 400
Египет	566	30 358	762	47 300

* Составлено по: Handbook of International Trade and Development Statistics, UN, 1993. – New York and Geneva, 1994. – С. 430-433; 1996/97. – New York and Geneva, 1999. – С. 319-323.

Из табл. 3 видно, что по главному показателю социально-экономического развития – ВВП на душу населения – к концу XX в. далеко впереди других стран Юго-Восточного Средиземноморья оказались Израиль (15 698 долл.) и Кипр (11 797 долл.). Израиль с указанным уровнем

обогнал по этому показателю такие европейские страны, как Испания (14 122 долл.), Греция (10 937 долл.) и Португалия (9 849 долл.). Вместе с тем от среднего западноевропейского уровня в размере 23 152 долл. уровень Израиля в 1995 г. составил лишь 66,7%, или ровно две трети.

Но, разумеется, указанный уровень ВВП на душу населения Израиля – величина расчетная среднестатистическая. В действительности же реальные доходы представителей разных социальных групп этой страны резко отличаются друг от друга. Так, согласно данным, распространенным Министерством финансов Израиля в январе 2000 г., 1,1 млн. рабочих и служащих получали не более 3000 шекелей (750 долл.) в месяц при средней зарплате по стране 7122 шекеля. Более того, заработки 42,5% населения Израиля – ниже минимального уровня, с которого взимаются налоги, что только и позволяет этим людям сводить концы с концами.

У 10% самых преуспевающих граждан Израиля средний доход по состоянию на начало 2000 г. составлял 28 412 шекелей в месяц, или в 44 раза больше, чем у беднейших 10%, доход которых был всего 647 шекелей.

Такая социально-классовая дифференциация в доходах различных групп населения – дополнительный штрих к характеристике Израиля как промышленно развитого государства, возникшего в регионе во второй половине XX в.

Турция же, бывшая в начале XX в. формально метрополией для большинства тогдашних стран Юго-Восточного Средиземноморья, в указанном перечне из 10 стран со скромным уровнем в 2783 долл. на душу в год оказалась в конце XX в. на шестом месте в регионе. От среднего западноевропейского уровня это составило в 1995 г. лишь 12%, т.е. около одной десятой.

Явным аутсайдером экономического развития в исследуемом регионе к концу XX в. оказался Египет – с 762 долл. на душу. Главный фактор, неуклонно отбрасывающий Египет по этому показателю в сторону категории наименее развитых стран, – отмеченный выше демографический взрыв, поставивший эту страну к рубежу веков на грань взрыва социального. Его ВВП на душу населения в 1995 г. – всего 762 долл. составил 4,8% от душевого дохода Израиля – 15 698 долл. Это означает, что в конце XX в. один среднестатистический израильтянин получал столько же реальных благ от своего общества, сколько их получали 20 среднестатистических египтян от своего. Такова разница между верхним и нижним полюсами экономического развития в регионе.

Таким образом, проведенный анализ показал, что страны Юго-Восточного Средиземноморья, находившиеся на исходном рубеже XX в. примерно в равных социально-экономических условиях, к его концу пришли с весьма дифференцированными результатами. На социально-экономическое развитие стран региона на протяжении века воздействовали самые разноплановые объективные и субъективные факторы и обстоятельства. Среди них – наличие природных ресурсов, в особенности нефти, общественная производительность труда, отношение к труду и образова-

нию, выбор странами региона моделей социально-политического и экономического развития, собственно экономическая политика, межгосударственные и гражданские войны и конфликты, государственные перевороты, внешняя помощь, экономические связи и многое другое.

К концу XX века и к началу нового конечным статистическим результатом действия и взаимовлияния всех этих факторов и стал достигнутый странами региона уровень валового внутреннего продукта, приходящегося на душу их населения.

¹ Моисеев П.П. Турецкая Республика. Крестьянство и социально-политические процессы в деревне. – М., 1994. – С. 7.

² Государство Израиль. – М., 1986. – С. 48.

³ Егорин А.З. История Ливии. XX век. – М., 1999. – С. 221.

⁴ Там же, 437.

⁵ Бюллетень иностранной коммерческой информации № 128. – 25.10.1962.

⁶ Государство Израиль, с. 183.

⁷ Никитина Г.С. Государство Израиль. – М., 1968. – С. 275-276.

⁸ Государство Израиль, с. 187-188.

⁹ Сатановский Е.Я. Специфика экономического развития израильского общества в 90-е годы: Автореф. канд. дисс. – М., 1999. – С. 7.

¹⁰ См., например: Федоров А. За кронами ливанских кедров. – М., 1988.; Исаев В. Проблемы социально-экономического развития современного Ливана. // Ближний Восток и современность, вып. 2. – М., 1996; и др.

¹¹ Ближний Восток и современность, № 2, с. 35.

ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 80- И 90-Е ГОДЫ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ И ИНТЕРЕСОВ

Новый экономический курс, проводимый по инициативе Тургута Озала особенно активно с середины 80-х годов и направленный на либерализацию экономики, открытие ее внешнему миру, перевод на рыночную основу, приватизацию и т. д., создал дополнительные благоприятные стимулы для дальнейшего развития экономических связей Турции со странами Запада, в том числе с США. Последние активно поддерживали указанные меры, их интерес к Турции был усилен рядом военно-политических факторов в регионе, в частности антиамериканскими настроениями иранского правительства Хомейни и развитием других, нежелательных для США и союзника Израиля событий в регионе. Со своей стороны турецкие правящие круги, ратифицировав подписанное в марте 1980 г. между Турцией и США соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики (сохраняет силу до настоящего времени), заключив ряд соглашений с международными финансовыми организациями, контролируруемыми США, а также контрактов об участии крупнейших американских корпораций в развитии ряда отраслей турецкой экономики, не без основания рассчитывали, что укрепление союза с США будет способствовать выходу Турции из социальных и экономических трудностей, обусловленных также и рыночными реформами. Разумеется, Турция уделяла внимание развитию экономических связей и с западноевропейскими странами, и с Японией. Тем не менее, в начале 80-х годов США смогли в определенной мере «потеснить» своих западноевропейских союзников и в торговле, и в сферах финансово-экономического и военно-экономического сотрудничества. США играли также лидирующую роль и в формировании внешнеэкономической и политической ориентации Турции, особенно в отношении СССР и ближневосточных стран.

Торговля. Как и ранее, в 80-е годы она оставалась важнейшим каналом внешнеэкономических связей Турции с США. Если взять показатели 1976 г. в качестве наиболее характерного примера, отражавшего спад торгово-экономического сотрудничества двух стран в период действия американского эмбарго в отношении Турции (1974-1978 гг.), и сравнить их с показателями 80-х годов, становится очевидным интенсивный рост такого сотрудничества за 14 лет (1976-1989 гг.). Товарооборот между США и Турцией за указанные годы увеличился в 5 раз – с 617 млн. до 3067,2 млн. долл., причем турецкий экспорт возрос с 191,4 млн. до 971 млн. долл., а импорт – с

425,6 млн. до 2096,2 млн. долл.¹ Одновременно возросла и доля этого товарооборота в общем товарообороте страны (с 8,8% в 1976 г. до 9,7% в 1989 г.), который, кстати, в целом также заметно увеличился.

Рассматривая структуру экспорта и импорта турецко-американской торговли, следует отметить постоянную тенденцию к диверсификации номенклатуры турецких товаров, четко обозначившуюся особенно в 80-е годы в результате успехов индустриализации. В 1983 г. Турция экспортировала в США продукцию 59 наименований, хотя самой значительной статьёй все еще продолжал традиционно оставаться табак – высокосортное сырье для производства американских сигарет. В 1984 г. его стоимость в экспорте в США составила 135,6 млн. долл., или 36,6%. Также важными статьями сельскохозяйственного экспорта Турции в США были фундук, инжирная паста, сухофрукты, пряности, хлопок и др. Значительны были поставки на американский рынок турецкого феррохрома, хромовой руды, борной кислоты и других сырьевых товаров².

Важная и новая тенденция турецкого экспорта на рынок США – увеличение в нем доли промышленных товаров: продукции сталелитейной и текстильной промышленности (1984 г. – 30,8%)³. Эти отрасли в 80-е годы развивались ускоренными темпами, например, за пять лет (1982-1986 гг.) производство стали в Турции выросло более чем в 2 раза и достигло 7,3 млн. т⁴. Не менее динамично развивалась и текстильная промышленность. По производству хлопчатобумажных и синтетических тканей, готовых изделий в 80-е годы Турция успешно выходила в десятку мировых лидеров. Однако именно в вопросах экспорта текстиля и продукции черной металлургии в США между двумя странами в те годы сложились и в известной мере еще сохраняются серьезные трения. Так, по данным газеты «Тиджарет», стоимость экспорта турецкого текстиля на американский рынок в 1985 г. составила 110 млн. долл., в то же время ее власти заявляли, что Турция могла бы довести поставки текстиля в США до 400 млн. долл., что, кстати, способствовало бы снижению дефицита внешнеторгового баланса Турции в торговле с США. В 1986 г. американцы, несмотря на настоятельные просьбы правительства Турции, согласились увеличить квоту для турецкого текстиля лишь на 10% (т.е. до 120 млн. долл.), что, по мнению турецкой стороны, было явно недостаточно⁵. По этому поводу Турция грозилась даже подать жалобу на США в ГАТТ. Аналогичная неудовлетворенность турецкой стороны высказывалась и в отношении позиции стран Запада в вопросах экспорта других турецких промышленных товаров: минеральных удобрений, цемента⁶.

Американская сторона ограничивала экспорт турецкого текстиля объясняла тем, что он не столь конкурентоспособен, как текстиль из Южной Кореи, Гонконга и других стран. Вторая существенная причина ограничения турецкого экспорта – стремление США увязать вопрос открытия американского рынка для турецкого текстиля с расширением американского военного присутствия в Турции. Так, американский бизнесмен Бордер в интервью газете «Миллиет» заявлял: «Вы [турки] нам базы – мы вам рынок для текстиля»⁷.

Среди других причин, тормозивших в целом развитие турецкого экспорта в США, можно упомянуть и относительно низкую конкурентоспособ-

ность турецких товаров. Кроме того, некоторые из них (например, хлопок, цитрусовые, фисташки, изюм, сухофрукты и овощи) производятся в США и экспортируются ими самими, нередко даже на более выгодных условиях; негативно сказывается на турецком экспорте также большая удаленность рынка США от Турции и соответственно большие транспортные расходы; относительно слабой оставалась реклама турецких товаров.

Что касается турецкого импорта из США, то хотя его структура в 80-е годы и не претерпела больших изменений, объем по стоимости увеличился почти в 4,5 раза. Основными его статьями, например, в 1983 г. были станки, машины и различное оборудование (17,6%), продукция сталелитейной промышленности (13,5%), химической промышленности (19,8%), минеральное топливо (13,1%), транспортные средства (5,9%), зерновые (3,8%)⁸. Отдельным важным каналом американских поставок были поставки вооружения, финансируемые, как правило, по программам военной помощи. Турция давно стремится за счет импорта из промышленноразвитых стран, включая США, проводить индустриализацию, привлекая передовую технологию. Будучи не в состоянии сбалансировать этот импорт увеличением своих экспортных поставок, Турция вынуждена многие годы мириться с хроническим дефицитом в торговле с развитыми странами. Так, в торговле с США только до 1929 г. ей удавалось поддерживать активное сальдо⁹, все же последующие годы турецкий импорт из США значительно превышает экспорт в эту страну. Более того, в 80-е годы, особенно с 1982 г., дефицит в турецко-американской торговле резко возрос: с 315 млн. долл. в 1980 г. до 1125,2 млн. долл. в 1989 г.

Американская финансово-экономическая помощь уже много лет играет значительную роль в развитии турецкой экономики. Существуют трудности при определении размеров и выделении из общего объема внешних ресурсов американских инвестиций, поступающих в турецкую экономику, поскольку финансово-экономическая помощь США направляется по нескольким каналам: на двух- и многосторонней основах, в рамках военно-экономического сотрудничества, а также в виде частных капиталовложений и ссуд коммерческих банков. Особенно трудно выделить средства американского происхождения из кредитов, которые предоставляются в рамках международных финансовых институтов (прежде всего МБРР, МВФ и др.), где присутствие американского капитала и влияние его контроля очень велико. Здесь уместно отметить, что только по линии международных организаций долг Турции в 80-е годы составил 6,6 млрд. долл. (1986 г.), или 21% всего внешнего долга страны¹⁰.

Первый крупный кредит стран-членов ОЭСР в начале 80-х годов был предоставлен Турции на заседании в Париже в апреле 1980 г., сразу же вслед за подписанием между правительствами США и Турции Соглашения о сотрудничестве в области обороны и экономики. США приложили значительные усилия для оказания давления на своих партнеров по военным и экономическим союзам с целью заставить их пойти на дополнительные финансовые расходы для «больной страны Европы» – Турции. Общая помощь 16

стран-членов ОЭСР составила тогда 1161 млн. долл. Самая большая доля приходилась на США и ФРГ – по 295 млн. долл.¹¹ Необходимо отметить, что кредиты США на межгосударственной основе предоставлялись в среднем сроком на 40 лет с 10-летним льготным периодом (процентная ставка – от 2,3 до 2,5%), а помощь по линии международных организаций – на более жестких условиях, в среднем на 25-летний период с пятилетним льготным периодом, причем процентная ставка колебалась от 7,25 до 9% и более¹². Анализ финансовой помощи Турции по линии МБРР за 1982-1986 гг. показывает, что она шла на стимулирование развития и подготовки проектов в области сельского хозяйства, строительство ГЭС, развитие экспортной способности мелких и средних предприятий Турции и др.

Частные американские инвестиции в турецкую экономику. Появление американских компаний на турецком рынке приходится на 50-е годы. С тех пор здесь обосновались фирмы как со 100%-ным, так и с долевым участием американского капитала («Эрскиб энд Санз Иляч», «Гудийр», «Униройял», «Крайслер санаи», «Кока-Кола», «Пепси-Кола», «Мобил Ойл» и др.). При этом их общее число до начала 80-х годов было довольно стабильным (от 17 до 19 фирм). По сумме вкладов в турецкую промышленность в середине 70-х годов фирмы США и смешанные компании с участием американского капитала занимали второе место, уступая первенство французским. Эти фирмы функционировали в пищевой, химической, фармацевтической, горнодобывающей, транспортной, нефтеперерабатывающей и других отраслях промышленности. В изготовлении автопокрышек американские фирмы «Гудийр» и «Униройял» обеспечивали тогда 37,18% выпуска этого вида продукции в стране¹³.

С начала 80-х годов, после того как турецкое правительство провело ряд мероприятий, способствовавших притоку иностранного капитала в страну, происходит не только увеличение американских инвестиций, но одновременно изменяется их структура. Одним из важных изменений был рост притока в Турцию банковского капитала США. Три крупных американских ТНБ («Сити бэнк», «Америкэн экспресс» – 100% участия американского капитала в местных отделениях; «Бэнк оф Америка» – 25% участия) открыли свои представительства в Турции. К середине 80-х годов в Турции функционировали уже восемь частных банков с участием капитала США. Три американские компании – «Интернешнл харвестер» (10,4% участия в смешанной компании ТОЕ), «Пфайзер» и «Кока-кола» (100% участия) удвоили свои капиталовложения, доведя их до 4,8 млн. долл.¹⁴ Сумма, конечно, скромная, однако данный факт говорит о возрастании интереса американских бизнесменов к турецкому рынку. В начале 80-х годов в стране самыми крупными американскими компаниями были: «Мобил ойл» (владевшая бензозаправками, а также через свои филиалы – 56% акций турецкой компании АТАШ, построившей нефтеперегонный завод в Мерсине, и 49% акций компании ИПРАШ, которой принадлежит крупнейший нефтеперегонный завод в Измире), «Дженерал электрик», имевшая 51% акций в смешанной компании «Тюрк дженерал электрик ТАШ», (сборка холодильных агрегатов, моторов к

стиральным машинам) и 60% акций в «Дженерал электрик тюрк А. Ш.» (электролампы); «Зингер» (контролировала сборку швейных машин, холодильников, стиральных машин, газовых печей и транзисторных приемников); «Форд» владел 49% акций турецкой автосборочной компании ОТОСАН. Действовали и другие, более мелкие американские компании¹⁵.

На протяжении 80-х годов по мере продвижения рыночных реформ присутствие капитала США в Турции расширяется. Успешным оказалось его наступление на турецкую табачную промышленность; отменой государственной монополии в этой отрасли воспользовались прежде всего две крупные табачные фирмы США («Филип Морис» и «Рейнолдс»). Бывший генеральный директор государственного предприятия «Текель» Р.Дыблан утверждал, что «табачному производству Турции нанесен сильнейший удар», в страну открыт бесконтрольный доступ импортных сигарет; разрушена государственная монополия табачной промышленности, «принятый закон на руку только тем, кто сотрудничает с иностранным капиталом»¹⁶. Частные инвесторы из США начали интересоваться возможностями вложения своих капиталов в самые современные отрасли промышленности (атомную энергетику, авиационную, электронную и др.). Например, в 1983 г. две американские компании «Вестингаус» и «Дженерал электрик» обратились к турецкому правительству с целью получения разрешения на участие в строительстве АЭС им. Ататюрка в Аккей. Сообщалось, что кредиты в сумме 2 млрд. долл. будут обеспечены «Эксимбанком»¹⁷. Правда, ни один проект строительства в Турции АЭС так до сих пор не реализован – чернобыльская трагедия, частые крупные землетрясения в Турции удерживают власти от их реализации, несмотря на дефицит электроэнергии.

В декабре 1985 г. между Турцией и США было подписано соглашение о взаимной защите инвестиций в экономику¹⁸. Трудно представить, что это соглашение смогло в равной степени служить интересам капитала двух стран: мощным ТНК США и еще не набравшим силу турецким компаниям. Тем не менее, к началу 1987 г. в США действовало представительство крупнейшего турецкого государственного банка («Зираат банкасы») и 12 представительств частных турецких фирм. Даже эти наиболее крупные турецкие фирмы, обосновываясь на американском рынке, жаловались, что их представительства едва оправдывают себя, так как только одно их содержание обходится достаточно дорого – 150-200 тыс. долл. в год¹⁹. Безусловно, такого рода трудности американский бизнес в Турции преодолевает легче, для турецких партнеров в известной мере он становится школой новейшего предпринимательства, использующего самую современную технологию ведения бизнеса. Стремясь к расширению своего присутствия на рынках развивающихся стран, американский частный капитал в 80-90-е годы все активнее использует новейшие технические достижения, например, компьютеризацию, Интернет. По сумме инвестиционных вкладов (67 312 тыс. долл.) американские фирмы в 1988 г. были на четвертом месте после Великобритании, Швейцарии и ФРГ²⁰.

Журнал «Нокта» в 1988 г. поместил статью о 100 самых богатых семьях Турции. В ней отмечалось, что капитал указанных семей в основном

«был нажит благодаря сотрудничеству с американцами, которое приносит большие доходы и в то же время создает контраст даже среди представителей буржуазии, разделяя их на очень богатых и сравнительно “бедных”». Автор статьи указывает, что семейные кланы В.Коча, С.Сабанджи и другие обладают богатством, превышающим 200 млрд. лир (или свыше 200 млн. долл. на каждый семейный клан), которое дает им право считать себя «средними миллионерами даже среди самых богатых людей Америки»²¹.

Важная сторона деятельности капитала США в Турции со второй половины 80-х годов – участие в начавшейся приватизации турецкой экономики, на чем всемерно настаивали и международные финансовые организации. Уже в 1984 г. после восстановления гражданской власти в стране МБРР согласился профинансировать пять проектов, касающихся приватизации ряда предприятий госсектора²². Специалисты американской компании «Морган гаранти траст», находившиеся в Турции в 1985 г. с целью изучения возможностей увеличения частных инвестиций США, представили в турецкий меджлис доклад, согласно которому государственные предприятия «Тюрк хава йоллары», «Усаш», «Читосан», «Енисан» и «Турбан» предлагалось передать в частный сектор в первую очередь²³. Вскоре эти рекомендации стали претворяться в жизнь.

Военно-техническое сотрудничество. Тесное сближение в военной области между двумя странами началось в послевоенный период; оно, по мнению турецкой стороны, диктовалось «территориальными претензиями со стороны советского правительства», «существованием советской военной угрозы». Подписание после Второй мировой войны ряда американо-турецких соглашений об оказании помощи Турции в рамках «доктрины Трумэна» (1947 г.) и по «плану Маршалла» (1948 г.), вступление в 1952 г. в НАТО на длительные годы оформило американо-турецкое военно-экономическое сотрудничество. По этим соглашениям в Турцию поступало вооружение и военное оборудование, направлялись американские советники и инструкторы. Однако, несмотря на эту значительную помощь (например, только за 1965-1975 гг. ей было выделено 3,5 млрд. долл.), к началу 80-х годов турецкому правительству так и не удалось создать современную боеспособную армию. По признанию газеты «Миллиет», проводившей специальное исследование военной помощи США (начиная с 1954 г. и до конца 70-х годов), последние выполнили свои обязательства только на 20%, недопоставив оружия, техники и снаряжения в общей сложности на 10 млрд. долл.²⁴

Подписание между Турцией и США 29 марта 1980 г. упоминавшегося выше Соглашения о сотрудничестве в области обороны и экономики знаменовало собой новый этап в развитии военно-экономического сотрудничества между двумя странами. В нем было зафиксировано сохранение приверженности сторон принципу «неотделимости обороны от экономики». Этот принцип, как далее будет показано по 90-м годам, сохраняется и поныне и составляет, на наш взгляд, главную особенность экономических связей Турции с США. Соглашение предусматривало ликвидацию отставания турецкой армии – самой большой в НАТО по численности после

США. Этот достаточно обширный документ включал такие меры, как предоставление Турции современной военной технологии, реконструкция старых и строительство новых центров связи в различных городах страны, налаживание производства различных видов вооружения, модернизация военно-воздушных баз, ВВС, танковых войск и другие меры²⁵.

В контексте этих договоренностей в 1983 г. турецкое правительство подписало крупнейший за всю историю турецко-американских военно-экономических отношений контракт с компанией «Дженерал Дайнемикс» на закупку, сборку и ремонт 160 новейших американских истребителей F-16. Стоимость этого контракта оценивалась примерно в 4 млрд. долл. Турецкая государственная компания «Тэркиш эйркрафт индастри» (тур. название «Тусаш») была названа головной организацией в осуществлении этого проекта, на нее по контракту возлагалась ответственность за сборку самолетов, оказание помощи в их производстве и ремонте, а в дальнейшем производство запасных частей, предназначенных для нетурецких заказчиков.

«Тусаш» была представлена двумя фирмами: одна («Тусаш-Теи») должна была заниматься сборкой, а в дальнейшем производить моторы; другая («Тусаш-Таи») – собирать, а в дальнейшем производить комплектующие узлы и отдельные детали для самолетов. Вложения в уставной капитал «Тусаш-Теи» турецкой стороны составили 51%, а 49% внесены американской компанией «Гетско», которая обеспечивала предприятие чертежами, оборудованием для испытания моторов, специалистами и создавала в штате Огайо учебный центр для подготовки турецкого технического персонала. Участие с турецкой стороны в основном ограничивалось предоставлением земельного участка, рабочей силы и строительными работами. В группе «Тусаш-Таи» также 51% уставного капитала (70 млн. долл.) принадлежало турецкой стороне, 42% – американской компании «Дженерал Дайнемикс» и 7% – «Гетско» (всего 67 млн. долл.). Группа «Тусаш-Таи» построила сборочный завод, правильнее сказать, мастерские в местечке Мюртад (близ Анкары)²⁶.

Что касается модернизации танковых войск Турции, то по соглашению, устаревшие танки М-48 американского производства времен корейской войны оснащались новыми прицельными устройствами, а также 105-мм пушками. В связи с этим Турция закупила у фирмы «Тексас инструмент» 760 танковых прицелов на сумму 75,8 млн. долл. Кроме того, сообщалось о приобретении лазерных приборов-дальномеров и другого военного оборудования общей стоимостью 196,5 млн. долл. Поставки его должны были начаться в 1987 г. и завершиться в течение двух лет²⁷.

Оценивая результаты развертывания соглашения, нельзя не отметить его эффективность. Со второй половины 80-х годов американские компании интенсивно и успешно проводят модернизацию заводов и фабрик, уже существовавших в Турции в течение длительного времени, а также создают современные отрасли промышленности, имеющие военное значение. Помимо реализации проекта по F-16, осуществлялось привлечение американской технологии и частных инвестиций в крупную турецкую (тогда – государственную) компанию «Макина ве кимья куруму». Она

наладила сотрудничество с американскими фирмами «Дженерал дефенс корп.» и «Ройял орднанс фэкторис», наладив производство ракет, артиллерийских и зенитных установок. С американской финансовой помощью осуществлялась модернизация морской верфи в Гельджуке (именно там случилось недавнее крупнейшее землетрясение): с 1962 г. до конца 80-х годов здесь было изготовлено 30 подводных лодок. Компания «Асельсан» сотрудничает с американцами и специализируется в выпуске продукции электронной промышленности²⁸. В целом можно отметить, что успешное выполнение этого соглашения отражено в резком увеличении объема военной помощи из США в Турцию: за 1980-1985 гг. ее сумма достигла 2,6 млрд. долл.²⁹ В 80-х годах Турция вышла на третье место среди получателей американской военной помощи (после Израиля и Египта). Во время визита Т.Озала в США в 1987 г. было официально признано сторонами, что военный долг Турции исчисляется в 3,5 млрд. долл., из которых 1,6 млрд. долл. – основной долг и 1,9 млрд. долл. – проценты³⁰.

* * *

Период 90-х годов. Хронологический рубеж 80-х и 90-х годов стал, как известно, и рубежом в развитии важнейших мировых событий, ознаменовал окончание холодной войны и одновременно положил начало новому расширению НАТО на Восток. Вместе с тем этот рубеж определялся и распадом СССР, появлением в евразийском регионе новых независимых государств, стремлением США к созданию однополярного мира на фоне набирающего силу процесса глобализации, стремительным взлетом региональных амбиций Турции, поддерживаемых США и принимающих подчас откровенно националистическую форму. Как представляется, политический фон нового периода экономического сотрудничества Турции с США на исходе XX столетия особенно ярко олицетворяют заявления руководителей двух государств и комментарии в турецких СМИ во время саммита в Стамбуле в ноябре 1999 г. Газета «Миллиет» приводит, например, следующий диалог между С.Демирелем и Б.Клинтоном:

«С.Демирель: Период холодной войны Турция и США успешно пережили, им надлежит тесно сотрудничать и далее, придерживаясь единой политики в условиях нового мирового порядка.

Б.Клинтон: История предоставила Турции большой шанс... Действуя уверенно и твердо, она сможет добиться очень большого прогресса, и США всегда окажут ей в этом большую поддержку. На Кавказе, на Балканах, в Центральной Азии, на Среднем Востоке Турция – ключевая страна. Если этот фактор должным образом использовать, Турция станет одной из ведущих держав XXI века.»

В этом же выпуске газеты влиятельный обозреватель Доган Хепер писал: «Считается, что с окончанием холодной войны значимость Турции сохраняется. Кончилась конфронтация, Москва просто сдалась, коммунизм оказался на пыльной полке истории. Однако это не значит, что значимость Турции исчерпана. Факты опровергли предположения. В однополюсном мире Турция приобрела еще большую значимость, США, Англия и Израиль считают ее своим самым важным союзником. Значимость Турции сегодня в том,

что она – самая сильная, самая крупная и самая нужная страна для Центральной Азии, Кавказа, Среднего Востока и Балкан. Эту значимость Клинтон подкрепил своей программой продолжительного визита в Турцию»³¹.

За 90-е годы экономическое сотрудничество пополнилось новыми факторами, уточнялось новыми правовыми актами, например соглашениями о научно-техническом сотрудничестве (1994 г.), о взаимодействии в агросфере (1995 г.), избежании двойного налогообложения (1996 г.), таможенной кооперации (1996 г.) и другими, призванными совершенствовать и укреплять правовую сторону экономических связей. Последний такого рода документ – соглашение между двумя странами о развитии торговли и инвестиций, подписанное 29 сентября 1999 г. в Вашингтоне. В нем наряду с американским министром промышленности и торговли от имени нового коалиционного правительства Турции подпись поставил и министр А.Танрыкулу, как бы подтвердив готовность новой власти выполнять ранее заключенные с США договоры, регулировать тарифы, защищать права интеллектуальной собственности и т.д. Ст. 2 договора предусматривает функционирование межминистерского турецко-американского совета по торговле и инвестициям, в котором предстанут руководители двух государственных ведомств: секретариата по внешней торговле Турции и Палаты торговых представителей США. Статьи 3 и 4 предусматривают необходимость регулярных консультаций по конкретным вопросам торговли и инвестиций, увеличения объема и ассортимента товаров и услуг³².

Торговля в 90-е годы, как и ранее, составляет основу экономического сотрудничества между двумя странами. Согласно аналитической записке, полученной автором от влиятельной негосударственной организации Турции – Совета по внешнеэкономическому сотрудничеству (тур. ДЕИК), объем этой торговли в 1991-1998 гг. возрос вдвое – с 3,2 млрд. до 6,3 млрд. долл. (по экспорту из Турции: с 913 млн. до 2,2 млрд. долл., а по импорту из США: с 2,3 млрд. до 4,1 млрд. долл. В прошедшем десятилетии, подчеркивают эксперты ДЕИК, США стабильно занимали 2-е место в турецком товарообороте среди всех ее иностранных партнеров (9% составлял турецкий импорт и 8% – турецкий экспорт)³³.

Отмечается значительный успех в увеличении Турцией в экспорте доли текстильной продукции: в 1998 г. ее стоимость достигла 1 млрд. долл. Другие наиболее важные статьи турецкого экспорта 90-х годов – табак (243 млн. долл.), продукция сталелитейной промышленности (150 млн.), ювелирные изделия (125 млн.), товары машиностроительной промышленности (111 млн. долл.). Экспорт прочих товарных групп исчислен общей суммой в 900 млн. долл. Таким образом, текстиль и одежда составляют львиную долю во всем турецком экспорте. Набирают в нем вес и такие статьи, как котельное оборудование, холодильники, дизельные моторы, обрабатывающие станки и др. В указанном источнике отмечается, что «турецкие товары с применением высокой технологии становятся все более конкурентными на рынке США».

Основные (и традиционные) статьи импорта в Турцию из США в указанное десятилетие, по данным ДЕИК, – оборудование (800 млн. долл.), авиа-

техника (617 млн.), электротехника (285 млн.), продукция органической химии (271 млн.), хлопок-сырец (246 млн.), табак (219 млн.), прочие (1,6 млрд. долл.). Другой используемый нами источник – американский – по-своему структурирует фактический турецкий импорт из США по главным группам (по состоянию на 1997 г. этот импорт исчислялся в 4,3 млрд. долл.); энергетическое оборудование – 430 млн. долл., телекоммуникационное – 210 млн., франчайзинг – 100 млн., телекоммуникационные услуги – 80 млн., оборудование для оборонной промышленности – 650 млн. (отмечается, что на 40% оно представлено электроникой), строительное оборудование (100 млн. долл.)³⁴.

Несмотря на, казалось бы, заметный успех в продвижении турецкого текстиля и стали на американский рынок, авторы аналитической записки ДЕИК считают, что «политика протекционизма правительства США направлена против увеличения экспорта таких турецких товаров, как продукция сталелитейной промышленности, текстиля и продукции сельского хозяйства, составляющих основные статьи турецкого экспорта». В качестве примера в источнике приводится тот факт, что 21 предмет наименований текстильной промышленности Турции, составляющий долю в 85% от всего годового экспорта Турции в США, подлежит квотированию.

В то же время в документе ДЕИК признается, что в связи со стихийными бедствиями, постигшими Турцию в августе 1999 г., «правительство США проявило внимание к возникшим трудностям в экономике Турции, выразило пожелание смягчить политику квотирования в отношении Турции. Государственный секретарь США М.Олбрайт сообщила, что с 20 сентября 1999 г. проводятся переговоры между Турцией и США по вопросу проведения «мягкой и гибкой» политики квотирования экспорта текстильных товаров на американский рынок». Цель данных переговоров – в том числе и проблема восстановления разрушенного землетрясением потенциала текстильных предприятий Турции³⁵.

Другая проблема, затрудняющая в 90-е годы экспорт сельхозпродукции на американский рынок, по мнению экспертов ДЕИК, – «затяжной» таможенный контроль пищевых товаров, проводимый американской комиссией по контролю лекарственной и пищевой продукции (American Food and Drug Administration – FDA). Турецкие промышленники считают, что такой контроль необходимо проводить международной комиссией специалистов и не в США, куда уже прибыл товар, а в порту отправки экспортируемых товаров, т.е. в самой Турции.

Со своей стороны составители очередного американского обзора по состоянию дел с американо-турецким сотрудничеством в 1999 г. перечисляют наиболее приемлемые для американской стороны сферы торговли: это расширение поставок оборудования по уже отмеченным выше группам (самая крупная среди них – вооружение, причем отмечается, что вся стоимость турецкого импорта исчисляется в 1,7 млрд. долл. и 43% его контролируется США), а также различных видов услуг, поставок таких сельхозпродуктов, как соя, хлопок, рис, зерно и др. Некоторые американские статистические издания приводят «свои» претензии к турецкой стороне, отмечая

прежде всего ухудшение для американских экспортеров условий торговли с Турцией после вступления ее в Таможенный союз и соответствующего пересмотра таможенных тарифов. Отмечаются трудности инвестирования, когда турецкие суды уклоняются от обращения в арбитражные суды третьей стороны, хотя это предусмотрено новыми соглашениями, например, вошедшим в силу еще в мае 1990 г. соглашением о взаимном поощрении инвестиций (The US-Turkish Bilateral Investment Treaty). В документах упоминается в связи с этим, что Турция является участницей целого ряда международных арбитражных организаций и, таким образом, должна быть знакома с их практикой решения подобных споров. Не выполняются также положения утвержденного турецким парламентом в 1995 г. нового законодательства о патентах, торговых марках и авторском праве³⁶.

Кредиты и помощь. Представляется очевидным, что в 90-е годы, еще до кризисных явлений в мировой экономике, заметным образом сказавшихся на финансовом положении Турции, и США, и другие страны Запада предприняли шаги, направленные на окончательный отказ от традиционных форм финансовой помощи Турции на государственном уровне ввиду достигнутых ею успехов в экономическом развитии. Об этом пишут и авторы справочника «Турецкая Республика», отмечая, что «в 90-е годы проектная помощь США все более уступает программной, используемой для финансирования экспорта из США». Подчеркнуто также, что характерной тенденцией в указанные годы стало расширяющееся использование Турцией внешних ссудных ресурсов «из источников мировых денежных и фондовых рынков». Причем кредиты из этих источников предоставляются на коммерческих условиях, отсюда «стремительное возрастание внешнего долга Турции»³⁷. Это подтверждается и напоминанием в уже цитируемом нами американском источнике о том, что «в 1998 г. США завершили финансирование экономической помощи и иностранной военной помощи Турции». При этом добавлено, что в 1999 г. США предусмотрели лишь следующие небольшие суммы, которые мы можем охарактеризовать как «остатки» традиционной финансовой помощи: 2 млн. долл. по программе планирования семьи, 1,4 млн. – по международной программе военного обучения и 500 тыс. долл. по программе борьбы с наркотиками. Здесь же упоминается, что Турция «получает значительную помощь в займах от ЕС, но большая часть ее задерживается по причине конфликта с Грецией»³⁸.

В контексте этих радикальных изменений в системе предоставления Турции финансовой помощи развитыми государствами и международными финансовыми организациями становятся понятны те трудности, которые испытывают в 90-е годы турецкие власти в своих попытках получить финансовую поддержку для реализации проекта нефтепровода Баку-Джейхан. Очевидно, что политические выгоды и для Турции, и для США, определяемые, как утверждают эти два стратегических союзника, их национальными интересами в регионе, пока не подкреплены должным образом экономическими расчетами, которые свидетельствовали бы об экономической целесообразности проекта. Это признается и в некоторых весьма серьезных турецких публика-

циях, в частности в докладе, изданном ТЮСИАД³⁹. Очевидно, в эпоху холодной войны необходимые средства могли поступать в виде американской помощи, что в нынешних условиях стало затруднительным. Вместе с тем американские власти не отказались от поддержки проекта. Помощник госсекретаря США Стюарт Эйзенстат заявлял, например, в 1998 г.: «Мы разделяем справедливое беспокойство Турции по поводу прохода через Проливы. Поэтому важно найти долгосрочное решение проблемы». Он сообщал, что США разрабатывают планы евразийского энергетического коридора Восток-Запад, и подчеркнул, что ключевым моментом этого коридора является трасса трубопровода Баку-Джейхан. С его помощью будет обеспечено многообразие экспортных путей а источники будут предоставляться «всему миру», минуя Иран. «Мы работаем совместно с Турцией, чтобы трасса Баку-Джейхан стала для компаний коммерчески предпочтительной»⁴⁰.

Проблема определенного несовпадения интересов политической власти и деловых кругов США и Турции обсуждается постоянно и детально в турецкой печати. Зейнеп Гегюш утверждала, например, в газете «Сабах», что финансирование проекта нефтепровода Баку-Джейхан оказалось в тупике. «Чтобы построить упомянутый нефтепровод, нужны деньги. Однако США, уверяя, что поддерживают нефтепровод, не спешат пошарить в своих карманах. Что касается карманов нефтяных компаний, то в них завелся скорпион. Карманы Азербайджана и Грузии – дырявы. Турция, если даже и хотела бы инвестировать деньги, после произошедшего землетрясения сделать этого не в состоянии». Автор с откровенной тревогой пишет о том, что реальной альтернативой трассе Баку-Новороссийск фактически становится недавно введенный в строй нефтепровод Баку-Супса (Грузия), причем на его расширение не потребуются крупные суммы. «Нефтяные компании в Азербайджане в последние дни уделяют внимание расширению трассы Баку-Супса. В настоящее время мощности по перекачке нефти по этой трассе составляют 3 млн. т в год, причем существуют возможности увеличить эти мощности до 11 млн. т. Выходит, таким образом, что пропускная способность турецких Проливов будет загружена до пределов своих возможностей, и только после того, как транспортировка нефти через Проливы станет невозможной, обратятся к нефтепроводу Баку-Джейхан... В соответствии с такими соображениями нефтяные компании убедили и американскую администрацию в необходимости расширения линии Баку-Супса. Чтобы не испортить отношений с Турцией, Вашингтон открыто об этом не говорит. Анкара же, хотя и все понимает, но молчит»⁴¹.

Следует отметить, что в результате чрезвычайно негативного воздействия на экономику Турции в 1998 и 1999 гг. как природных катаклизмов (землетрясение в северо-западной Турции, принесшее огромные разрушения и гибель 17 тыс. жителей), так и мирового финансово-экономического кризиса, а также резкого сокращения доходов от туризма в связи с войной на Балканах и негативного освещения в мировой прессе ареста лидера ПКК Оджалана в Турции вновь был поставлен вопрос о крупной финансовой помощи. На официальном уровне и в турецких СМИ отмечалось, что в результате указанных

негативных обстоятельств вновь обострилась инфляция, достигнув в июне 1999 г. 64,3% – самого высокого уровня десятилетия; снизился ВВП, резко сократилась экспортная выручка и т.д. По сообщению государственной плановой организации Турции, потери турецкой экономики в результате вышеуказанных причин составили от 9 млрд. до 13 млрд. долл.

В связи с этим в документе ДЕИК отмечается «благотворительная роль правительства США, проявленная им в трудный для Турции период». Турции было выделено 11,5 млн. долл. на медицинскую помощь и обустройство жилья для 100 тыс. пострадавших в результате землетрясения. По итогам визита премьер-министра Турции Б.Эджевита в США в сентябре 1999 г. Турции в качестве экономической помощи было обещано 300 млн. долл. Мировой банк также подготовил для Турции пакет предложений экономической помощи в размере 1,05 млрд. долл. из которых 300 млн. пойдут на погашение текущих займов, а 750 млн. долл. будут использованы в качестве новых долгосрочных займов. Во взаимоотношениях с МВФ также был достигнут успех – обещана помощь почти в 4 млрд. долл.

Большое удовлетворение турецких властей и печати вызвали экономические итоги визита Б.Клинтон в Турцию в ноябре 1999 г., о чем уже упомянуто выше. По поводу обещаний Б.Клинтон поддержать Турцию в финансовом плане, уговорить страны ЕС включить ее в список кандидатов в члены ЕС известный экономист Г.Урас писал, например, в «Миллиет» о «трех обещаниях Клинтон» – «пять дней, находясь в Турции, заниматься ее проблемами»; «поддержать Турцию перед Европой», «предоставить в районах землетрясений мелким и средним предприятиям страны «Эксимбанком» США кредиты на 1 млрд. долл.». По мнению Г.Ураса, следующие одна за другой катастрофы, землетрясения и другие проблемы привели турецкий народ в состояние кризиса, шока. «Вам может нравиться или не нравиться Клинтон, однако американский палец вертит миром, а Клинтон от имени США управляет этим миром... Даже Ельцин, не выражавший намерения поехать в Турцию, ревниво отреагировал на крайнюю любовь Клинтон к Турции и, чтобы сохранить баланс, возглавил русскую делегацию и заявил о поездке в Турцию»⁴².

Частные американские инвестиции. Согласно используемому нами источнику ДЕИК, на конец июня 1999 г. 12,16% всех иностранных инвестиций в Турции принадлежали американским фирмам, их общая сумма достигала почти 2 млрд. долл., а число приблизилось к цифре 302. Источник особо отмечает, что значительная часть американских компаний действовала в экономических свободных зонах Турции, в ряде случаев участвуя в совместных с турецким бизнесом предприятиях. Особенно активен американский капитал в Стамбуле, где он представлен в самых современных отраслях экономики: электронной, компьютерной, аэрокосмической, производстве медицинских и оптических приборов и др. Американские компьютерные компании («Майкрософт», «Интел», «Хьюлет Паккард», «Ай Би Эм», «Компак» и др.) контролируют значительную часть турецкого рынка компьютерного оборудования и программного обеспечения⁴³.

В 90-е годы сотрудничество турецкого капитала с американским заметно распространилось и на территорию США, где в 1995 г. турецкие частные инвестиции достигли 100 млн. долл. (по сравнению с 4 млн. в 1989 г.). По прямым инвестициям Турции в экономику зарубежных стран США занимают четвертое место вслед за бывшим СССР, Великобританией и Германией⁴⁴. Заметную роль в упрочении и расширении экономических связей Турции с США играют не только государственные инстанции, но и различного рода негосударственные ассоциации и советы сотрудничества, созданные по инициативе частного бизнеса. Наиболее влиятельные из них – ТАБА, ДЕИК и др.

Продолжающаяся в Турции приватизация по мнению тех же экспертов ДЕИК, предоставляет американскому частному капиталу новые и широкие инвестиционные возможности. Речь идет о начавшейся приватизации таких государственных банков, как «Сумербанк», «Денизбанк», «Этибанк» и «Анадолубанк». В мае 1998 г. уже продано 12,3% акций крупнейшего «Ишбанка». Продолжается процедура подготовки компании «Турбан туризм» и «Тюрк телеком». Ожидается поступление 3 млрд. долл. от реализации проекта приватизации («Тюрк телеком»); 3,6 млрд. долл. будет выручено от передачи в частное ведение прав управления восьми электростанциями и 20 дистрибьюторными компаниями, подчиненными министерству энергетики.

Пример совершенствования давнего сотрудничества американского капитала с турецким в сфере автосборки – компания «Форд-Отосан», планирующая принять участие «на равных» со своим партнером в развитии новейшей технологии. Она подготовила «проект – 2000», согласно которому в Гельджукке будет построен крупнейший в регионе автомобильный завод. Планируется, что около 95% произведенной на территории Турции продукции компании будет экспортироваться, завод со временем превратится в научно-исследовательский и маркетинговый центр. На строительство этого комплекса «Форд Отосан» ассигнует 550 млн. долл. Экспортная выручка от столь грандиозного проекта ожидается в размере 1 млрд. долл. По мнению газеты, ожидаемая сумма поступлений экспорта в 3 раза перекроет показатели, которых до сих пор добивалась какая-либо другая компания с иностранным капиталом в Турции⁴⁵. Можно посочувствовать авторам этого проекта, что его реализация откладывается из-за сильных разрушений в Гельджукке в результате землетрясения, однако сама грандиозность плана говорит о больших финансовых и технологических возможностях этой турецко-американской компании.

Военно-техническое сотрудничество. Турция по-прежнему обладает второй по величине армией в НАТО, расходует на вооружение 4,1% своего ВВП. Американский источник отмечает, что такой уровень расходов – наибольший среди членов НАТО. Как свидетельствуют данные этого источника, 79% вооружения Турция получает из-за рубежа и соответственно 21% производит на своих оборонных

предприятиях (см. табл.). Доля США в поставках вооружения в страну значительна – 43,3%

Таблица

Рынок вооружений в Турции
в млн. долл.

	1997 г.	1998 г. (проект)	1999 г. (персп.)
Всего потребности	2100	2195	2300
в том числе:			
Местное производство	800	825	850
Всего экспорт	200	230	250
Всего импорт	1500	1600	1700
Импорт из США	650	700	800

Предполагается, что вновь закупаемое в ближайшие годы вооружение на 40% будет представлено электроникой. Как считают турецкие специалисты, в ближайшие 25 лет потребуется 150 млрд. долл., чтобы создать современную и боеспособную армию, причем 60 млрд. долл. потребуются на модернизацию сухопутных войск, 2 млрд. – ВМС и 65 млрд. долл. – ВВС Турции. По мнению американских экспертов, Турция для США – это огромный рынок сбыта вооружения самого широкого диапазона. Это истребители, БТР, подводные лодки, мобильные радары, вертолеты, быстроходные патрульные катера и многое другое⁴⁶.

Отмеченная нами выше новая тенденция в развитии турецкой оборонной промышленности – активное сотрудничество с американскими (и не только, разумеется, с американскими) частными компаниями в сфере новейших оборонных технологий получила в 90-е годы свое дальнейшее развитие. Об этом свидетельствует новый этап производственной деятельности уже описанной нами компании «Тусаш» и ее дочерних фирм «Тусаш-Таи» и «Тусаш-Теи». По сообщению СМИ, в декабре 1999 г. эта программа производства (по лицензии «General Dynamics») была завершена. Всего таким образом (проекты Онджель-1 и Онджель-2) изготовлено 232 самолета. На первом этапе в 1987-1995 гг. изготовлено в Турции для ее ВВС 152 самолета, в том числе первые восемь в США. В Турции изготовлялся (70% местной сборки) фюзеляж, включая его заднюю и центральную части, а также крылья. После успешного завершения первого этапа в 1995 г. осуществлен и второй этап, Онджель-2, в процессе которого доля местной сборки увеличилась до 80%. Последний самолет для ВВС планировалось выпустить к торжествам по случаю национального праздника 29 октября 1999 г. Примечательно, что 46 самолетов было изготовлено по заказу Египта⁴⁷.

Как свидетельствуют другие источники, обе фирмы «Тусаш» продолжают активно функционировать на турецком рынке. «Тусаш энджин индастриз» (ТЕИ), тесно сотрудничая с американской фирмой «Дженерал Электрик Ко»., осуществила сборку двигателей для упомянутых F-16. Она смогла также освоить производство 200 различных видов запчастей для двигателей, причем многие из них были поставлены затем фирмам «Дже-

нерал Электрик», «Спекма», «Пратт энд Уайтни». Главной задачей ТЭИ остается поставка авиамоторов для ВВС Турции, их обслуживание, обеспечение запчастями. Кроме того, ТЭИ обеспечивает запчастями и двигателями вертолеты, обслуживающие высший командный состав жандармерии, а также участвует в разработке инжекторной системы для моторов марки J85, применяемых на самолетах F-5 и T 38.

Другая турецкая компания с американским капиталом ТАИ (Turkish Airospase Industries) имеет опыт в производстве и транспортировке истребителей F-16, транспортных самолетов CN-235, тренировочных SF-260, она может предоставить современные компьютерные программы, обеспечивающие электронное слежение и структурные модификации на F-16s. ТАИ может также участвовать в совместной сборке вертолетов COUGAR AS 532, Sikorsky S-76, вертолетов гражданского назначения EC-135. Фирма накопила опыт в разработке дизайна и производственных программ для небольших самолетов (от 19 до 30 пассажиров), транспортных самолетов местного значения, а также для легких истребителей-разведчиков.

Турецко-американские компании широко представлены и в других высокотехнологичных отраслях военной промышленности Турции – электронной, авиастроении, служб раннего оповещения, в создании средств связи на дальние расстояния (телекоммуникационные системы), компьютерные системы и т.д. Такая компания, как Mikes Microwave Electronic Systems Inc., основанная в 1987г. как СП совместно с Loral International Inc. (теперь Lockheed Martin Inc.), была первой, которая заключила контракт на электронное обеспечение самолетов F-16, принятых на вооружение в турецких ВВС. В настоящее время фирма MIKES может предложить комплексные военные разработки по электронике, применяемые практически во всех родах войск. В совместной компании ФМС – «Нуrol савунма санайи А.Ш.», изготавливающей военные грузовики, БТР, 51% капитала принадлежит американской ФМС и 49% – турецкой «Нуrol». Компания была создана на восемь лет с целью выполнения заказов Министерства обороны Турции, затем контракт был продлен еще на 10 лет.

Можно считать, что контингент заказчиков на перечисленную военную продукцию не ограничивается лишь турецкими военными – в условиях рыночной экономики рост штучного и мелкооптового спроса гарантируется сохранением очагов нестабильности и терроризма в целом ряде мест обширного евразийского региона – от Балкан до Кавказа и Центральной Азии.

Проходившая в Турции в сентябре 1997 г. международная ярмарка вооружения ИДЕФ-97 подтвердила факт широкого участия американских фирм в создании современных видов вооружения для турецкой армии. Кроме упоминавшихся выше, на ней были представлены такие фирмы, как: «Маркони ломиникасион А.Ш.» (производство электроники, Анкара), «Асельсан» (около 49 наименований высокотехнологичной электронной продукции), «Айдын язылым ве электроник сан А.Ш.», (создана в 1989 г. в Турции гражданами США, производство контрольных систем воздушного оповещения, электронной продукции, программного обеспечения и т.д.),

компания «Рокетсан», (основана в 1988 г., производство ракет малой и средней дальности: TR-107 – дальность полета 10 км, TR-122 – дальность 30 км). Компания участвовала в европейских программах (по линии НАТО) по производству ракет Стингер, кроме того, «Рокетсан» производит системы воздушного оповещения, противотанковые ракеты и другие виды ракет, стоящих на вооружении ВВС Турции. Данный перечень фирм, подтверждающих активное участие США в вооружении турецкой армии новейшими и современными средствами ведения боя, можно перечислить и далее, очевидно, что тенденция сотрудничества между Турцией и США в военной области будет продолжаться⁴⁸.

Ближайшие перспективы турецко-американского экономического сотрудничества. Как можно судить по турецким и американским источникам, заявлениям (в том числе политическим) представителей власти и деловых кругов, обе стороны полны решимости увеличивать в широких масштабах это сотрудничество, тесно увязывая его со стратегическими интересами США в регионе, региональными претензиями Турции. Судя по всему, при реализации крупных проектов речь будет идти об их военно-экономической значимости, их способности усилить региональные амбиции Турции, обеспечить ей роль главного в регионе транзитного, энергетического, транспортного и телекоммуникационного моста.

В первую очередь источники свидетельствуют о планах США расширить военно-экономическое сотрудничество с Турцией, добиться, как выше отмечено, ежегодного увеличения поставок американской военной техники на 50-100 млн. долл.

Другая сфера крупномасштабного сотрудничества – энергетика. На ближайшие годы Турция планирует наращивать энергомощность страны на 2500 МВт в год, в связи с чем необходимо резко увеличить строительство электростанций. Оно частично будет финансироваться правительством, а значительная часть инофирмами. Давно ведется подготовка к торгам первой атомной станции, причем наибольшее предпочтение турецкая сторона отдает американским фирмам «Вестингхауз» и «Рейтеон». Имеются также девять проектов на строительство «под ключ» девяти электростанций общей мощностью 1555 МВт. Ожидается, что их строительством будет также заниматься компании США.

Как считают эксперты ДЕИК, Турция имеет «огромную поддержку» со стороны американского капитала в вопросах строительства Евразийского энергетического транспортного коридора из Центральной Азии и Кавказа через Турцию в Европу и на другие рынки, причем по мнению этих экспертов, «США примут также активнейшее участие в прокладке трубопровода по перекачке сырой нефти Баку – Джейхан. Обе стороны (турецкая и американская) подтвердили взаимный интерес и к разработке проекта транскаспийского газового трубопровода».

По оценке экспертов ДЕИК, одной из крупнейших сфер капиталовложений для американского бизнеса может служить проект ГАП – освоение юго-восточной территории Турции. Проект предусматривает строитель-

ство 19 гидроэлектростанций, 22 плотин и туннелей. Территория осваиваемой площади 75 тыс. кв. км с населением 6 млн. человек.

Важной сферой приложения американского капитала, по мнению турецкой стороны, могло бы быть банковское дело. Здесь не существует ограничений для иностранных инвестиций, а также облегчены процедуры их размещения. О привлекательности данного бизнеса говорит факт быстрого роста иностранных банков в Турции: за последние два десятилетия (1979-1999) их число в стране увеличилось с четырех до 20.

Американские компании могли бы, по мнению турецкой стороны, участвовать в изготовлении оборудования для телекоммуникативных средств связи. «Прекрасные возможности у американского экспорта в Турцию существуют на поставки оптического волокна, передвижных околосетевых станций, передвижных установок по обслуживанию спутниковых связей, другого телекоммуникационного оборудования»⁴⁹.

Турция призывает своих американских партнеров создавать также смешанные предприятия в электронной, химической, горнорудной, текстильной промышленности, в агросфере, сфере обслуживания, туризме. Большая роль в развитии и дальнейшем углублении турецко-американского сотрудничества, как это уже подчеркивалось выше, отводится зонам свободной торговли.

¹ İktisadi rapor 1989. Ankara, 1990. – С. 216.

² Ticaret. 27.03.1985.

³ Там же.

⁴ Economic Dialogue: Turkey. Ankara. – 1986. – № 7.

⁵ Ticaret. 12.01.1986.

⁶ Ticaret. 20.02.1986.

⁷ Milliyet. 11.04.1986.

⁸ İktisadi rapor 1986. Ankara, 1986. – С. 215.

⁹ Ticaret. 10.09.1986.

¹⁰ БИКИ. 10.10.1988.

¹¹ Türkiye iktisat gazetesini. 23.04.1980.

¹² Dünya. 09.10.1982.

¹³ Uras, Güngör. Türkiye'de yabancı sermaye yatırımları. – Ankara, 1976. – С. 200.

¹⁴ Briefing. Weekly Independent Magazine. 02.03.1981.

¹⁵ EBA. Ankara. 04.10.1982.

¹⁶ Nokta. 22.04.1986.

¹⁷ Ticaret. 10.09.1983.

¹⁸ Dünya. 04.12.1985.

¹⁹ Dünya. 20.01.1987.

²⁰ Dünya. 25.03.1985.

²¹ Nokta. 22.06.1986.

²² Ticaret. 27.03.1985.

²³ Nokta. 22.06.1986.

²⁴ Milliyet. 26.12.1986.

- ²⁵ Report by the Comptroller General of the United States. – Wash., 1982. – May 7. – C. 11, 26.
- ²⁶ Daily News. Ankara, 25.10.1982.
- ²⁷ Tercüman. 18.06.1986.
- ²⁸ NATO's Sixteen Nations. – 1982. – № 2.
- ²⁹ Dünya. 18.03.1986.
- ³⁰ Cumhuriyet. 08.02.1987.
- ³¹ Milliyet. 16.11.1999.
- ³² См.: [http: Turkey. org/business/tifa-e/htm](http://Turkey.org/business/tifa-e/htm).
- ³³ <http://www.foreintrade.gov.tr/anl/english/tr-us/detay.htm>.
- ³⁴ Country Commercial Guides FY 1999: Turkey
http://www.state.gov/www/about_state/business/com_gui.../turkey99_05.htm.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Turkey. 1999 Country Reports on Economic Policy and Trade Practice. Released by the Bureau of Economic and Business Affairs U.S.Department of State. March 2000.
- ³⁷ Турецкая Республика: Справочник. М., 2000. – С. 358, 359.
- ³⁸ Turkey. 1999 Country Reports on Economic Policy and Trade Practice...March 2000.
- ³⁹ Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar ve çözüm önerileri. – İstanbul, 1999. – С. 83, 84.
- ⁴⁰ İstanbul ticaret. 17.04.1998.
- ⁴¹ Sabah. 21.09.1999.
- ⁴² Milliyet. 16.11.1999.
- ⁴³ Турецкая Республика, с. 176.
- ⁴⁴ Sabah. 22.11.1999.
- ⁴⁵ Hürriyet. 27.07.1998.
- ⁴⁶ Country Commercial Guides FY 1999. Turkey.
http://www.state.gov/www/about_state/business/com_gui.../turkey99_05.htm.
- ⁴⁷ İstanbul ticaret. 17.09.1999.
- ⁴⁸ IDEF, 3RD International Defence Industry and civil aviation Fair. Official Catalogue. – İstanbul. 1997. – С. 45, 52, 159, 209, 212.
- ⁴⁹ Country Commercial Guide FY 1999. file // D:/institut/chapter 5.htm.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ АЛЖИРА

Нефтегазовая промышленность (включающая добычу нефти и газа, их переработку и нефтегазохимическую подотрасль) – основа всей алжирской экономики. Экспорт углеводородов, несмотря на быстрый рост обрабатывающей промышленности после завоевания независимости, и по сей день дает стране до 95% всех экспортных поступлений в иностранной валюте. Поэтому нефтегазовая промышленность и экономика страны в целом очень чутко реагируют на малейшие изменения конъюнктуры на мировом рынке нефти. Так, благодаря возросшим ценам на нефть, экспорт углеводородов принес Алжиру в 1999 г. 10969 млн. долл. США в иностранной валюте (против 9855 млн. долл. в 1998 г.), что составило 96,35% всей стоимости экспорта страны. По официальным данным, торговый баланс Алжира в 1999 г. был сведен с положительным сальдо в 2367 млн. долл., что в 3 раза превышает аналогичный показатель 1998 г.¹

Поисковые работы на нефть начались в Сахаре в 1958 г., а с 1958 г. началась ее добыча в промышленных масштабах. Основные месторождения нефти находятся на северо-востоке Сахары. Из известных на 1967 г. 165 месторождений наиболее значительные: Хасси-Месауд, Уаргла, Гасси-Туиль, Месдар, Тин-Фуе, Рурд эль-Багель, Эль-Агреб, Зарзайтин и др. По официальным данным, на конец 1998 г. достоверные запасы нефти в Алжире оценивались в 8,4 млрд. барр. При существующих темпах добычи на уровне 800-850 тыс. барр. в день этих запасов должно хватить на 20 лет. Ежедневная добыча нефти в стране составляла (тыс. барр. в день): 1995 г. – 767; 1996 г. – 820; 1997 г. – 850; 1998 г. – 816; 1999 г. – 775². Крупнейшим месторождением нефти не только в Алжире, но и в мире в целом считается месторождение Хасси-Месауд, имеющее запасы более 700 млн. т. В этой области открыты 3 нефтегазовых и около 30 нефтяных месторождений³.

В первой половине 90-х годов в Алжире насчитывалось шесть основных систем нефтепроводов, а также несколько более мелких трубопроводов, подключенных к главной сети.

По мере открытия, обустройства и вступления в строй новых месторождений строятся новые нефтепроводы и увеличивается мощность уже имеющихся.

Таблица

Основные нефтепроводы Алжира*

Нефтепровод	Длина, км	Мощность, млн. т в год
Хауд эль-Хамра – Беджайя	534	18,0
Ин-Аменас – Схирра (Тунис)	774	15,5
Хауд эль-Хамра – Арзев	801	22,0
Месдар – Скикда	743	30,0
Бени-Мансур – Алжир	130	5,4
Ин-Аменас – Хауд эль-Хамра	629	25,0

* Country Profile Algeria. 1993/94. – L., 1995. – С. 26.

Коммерческое производство природного газа началось в 1961 г. и с тех пор быстро возрастало. Открытое в 1956 г. месторождение Хасси-Рмель считается одним из крупнейших в мире. Расположенное в 500 км к югу от г. Алжир, оно содержит до двух третей всех запасов природного газа (2,4 трлн. куб. м). Среди других важных месторождений газа можно назвать Рурд-Нусс, Алрар, Рурд-Шуф, Рурд-Адра, Ин-Аменас, Гасси-Туиль и бассейн Иллизи. Достоверные запасы природного газа на конец 1998 г. оценивались в 2,95 трлн. куб. м, две трети имеющихся запасов газа находится в свободном состоянии. Производство природного газа в 1998 г. составило 38,7 млн. т условного топлива в нефтяном эквиваленте. При существующих темпах добычи имеющихся запасов должно хватить на 50 лет⁴.

Сжижение газа для поставок за рубеж производится на четырех предприятиях, принадлежащих государственной компании СОНАТРАК. В последние годы увеличились поставки за рубеж природного газа по трубопроводам, особенно после вступления в строй в 1996 г. крупнейшего газопровода Магриб-Европа, от Хасси-Рмель через Марокко, в Испанию и Португалию. После 2000 г. его мощность планируется увеличить с 9,8 млрд. куб. м в год до 19 млрд. куб. м. Мощность уже существующего транссредиземноморского газопровода Алжир – Тунис – Италия предполагается увеличить в будущем с 12 млрд. куб. м в год до 24 млрд. куб. м⁵.

Это связано с тем, что по мере истощения нефтяных ресурсов основным источником получения иностранной валюты для Алжира станет природный газ.

Алжирская сахарская нефть отличается высоким качеством. К тому же она одна из наиболее доступных в мире, поскольку неглубокое ее залегание и дешевизна рабочей силы обуславливают низкую себестоимость – менее 3 долл. за баррель⁶. Эти факторы делают алжирскую нефть чрезвычайно привлекательной для иностранных инвесторов.

За десятилетие (с 1952 по 1962 г.) иностранные компании вложили в нефтяную промышленность Алжира почти 700 млрд. ст. фр. Около 50% этих инвестиций приходилось на французские государственные компании, 23% – на американские, английские и голландские и 12% – на «Компани франсез де петроль». Главную роль в молодой нефтяной промышленности Алжира играл в эти годы французский капитал. Французским компани-

ям принадлежало более двух третей вложенного капитала в области разведки, добычи и транспортировки нефти и более одной трети в ее переработке, тогда как алжирскому государству принадлежало соответственно 5% в разведке, 10 – в добыче, 9 – в транспортировке и 10% – в переработке нефти. Оставшаяся доля капитала в указанных четырех стадиях приходилась на различные другие иностранные фирмы⁷.

В 1958 г. французское правительство приняло Сахарский нефтяной кодекс, который практически предоставил иностранным компаниям в Алжире статус экстерриториальности и обеспечил многочисленные налоговые льготы, в том числе исчисление прибылей на базе фактических, а не справочных цен на нефть, что давало высокие дивиденды иностранным вкладчикам.

После завоевания независимости в 1962 г. Алжир начал борьбу за пересмотр неравноправных статей о нефтяной промышленности, содержащихся в Эвианских соглашениях 1962 г., которая завершилась его победой, отменой положений, ущемлявших национальный суверенитет, и заключением в 1965 г. специального договора с Францией по вопросам нефти сроком на 15 лет с правом его пересмотра сторонами каждые пять лет. Договор вступил в силу 1 января 1966 г. Благодаря быстрому росту добычи нефти и более справедливому распределению прибылей доходы Алжира от нефти значительно возросли, составив в 1969 г. 1,25 млрд. алж. дин.⁸

Созданная в 1963 г. для транспортировки сырой нефти по трубопроводу к побережью государственная компания СОНАТРАК уже в 1966 г. стала контролировать вопросы разведки, добычи и транспортировки нефти и газа, заняв ведущее положение в нефтегазовой промышленности страны. В 60-е годы СОНАТРАК контролировала и всю деятельность иностранного капитала в нефтяной промышленности в сфере разведки и добычи газа и нефти на территории Алжира через создаваемые ею ассоциации с иностранными компаниями. К таким совместным предприятиям относились, например, алжиро-французская компания АСКООП (1965 г.) и алжиро-американская компания, созданная совместно с независимой «Гетти петролеум компани» (1968 г.). Они занимались поисковыми работами на нефть.

В 1970 г. алжирское правительство после неудачных переговоров об изменении ставок налога на прибыли национализировало нефтяные интересы действовавших в стране компаний «Шелл», «Филлипс Элврат» и «Амиф», а в 1971 г. после провала переговоров о пересмотре статей алжиро-французского соглашения по нефти, национализировало всю действовавшую сеть нефте- и газопроводов и месторождений природного газа и увеличило свою долю в капитале французских компаний до 51%. В 1971 г., президент Бумедьен подписал декрет, который запрещал заключение соглашений концессионного типа, а также излагал условия, на которых иностранные нефтяные компании могли действовать в Алжире. В результате роль СОНАТРАК неизмеримо возросла, и она получила контроль практически над всем производством нефти в стране по сравнению с 31% в 1970 г.⁹

В связи с некоторым истощением нефтяных ресурсов и свертыванием поисковых работ после разрыва с иностранными компаниями

СОНАТРАК после 1979 г. стремилась вновь привлечь иностранный капитал в нефтяную промышленность Алжира. Разведкой нефти занималась, в частности, итальянская компания «Аджип», а также французская «Тоталь». В 1986 г. правительство Алжира приняло новый закон о разведке нефти, предоставивший иностранным поисковикам более благоприятные условия для работы с целью интенсифицировать разведку нефти и газа. Интерес к алжирской нефти проявил ряд иностранных фирм, включая американские. В 1987 г. компания «Аджип» стала первой из иностранных нефтяных компаний, с которой СОНАТРАК подписала соглашение о разведке и добыче нефти. Затем последовали аналогичные контракты с испанскими «Сепса» и «Репсол», австралийской группой «Би Эйч Пи петролеум» и американской «Анадарко петролеум корпорейшн».

В декабре 1991 г. с целью поощрить иностранный капитал к инвестициям в алжирскую нефтяную и газовую промышленность был принят новый закон об углеводородах, ознаменовавший наиболее радикальные изменения в энергетической политике Алжира после национализации 1971 г. Стремясь увеличить производство нефти, правительство предоставило иностранным компаниям право не только участвовать в разработке нефтяных месторождений, но и иметь свою долю в добыче как нефти, так и газа. Ранее добыча газа была государственной монополией, и иностранные компании не могли извлекать выгоду из добычи газа на принадлежавших им нефтеносных участках¹⁰.

Изменения в инвестиционной политике государства принесли положительные результаты. С 1986 по 1994 г. были заключены соглашения более чем с 20 иностранными фирмами¹¹. К середине 1993 г. соглашения с СОНАТРАК о разведывательных работах и разделе продукции подписали компании «Арко», «Мобил», «Филлипс», «Бритиш петролеум», «Петро-Кэнада Плюспетроль» и консорциум, возглавлявшийся фирмой «Феба» (Германия). Ряд компаний, подписавших с СОНАТРАК соглашения в 1991-1992 гг., начали новый цикл буровых работ, включая «Несте» из Финляндии и «Тоталь».

В 1994 г. начались переговоры с американской компанией «Атлантик Ричфилд Ко» («Арко») о подписании контракта относительно модернизации добычи нефти с целью увеличения ее производства на месторождении Рурд эль-Багель. Стоимость этого проекта составила 1,3 млрд. долл. США. В подобного рода контрактах правительство стремилось и впредь отдавать предпочтение американским фирмам. В 1994 г. «Анадарко» (США) объявила о своих намерениях пробурить еще две скважины на месторождении Хасси Беркин.

Несмотря на ухудшение внутривнутриполитического положения в результате вооруженного противостояния властей и исламских экстремистов, иностранные нефтяные компании не только не ушли из Алжира, но и стали наращивать темпы своих работ. В 90-х годах СОНАТРАК подписала с иностранными нефтяными компаниями ряд соглашений о разведке нефти и буровых работах, в частности в 1994 г. – с испанскими «Сепса» и «Репсол», австралийской «Би Эйч Пи петролеум» и группой южнокорейских компаний.

Следует отметить, что с середины 90-х годов значительно возросло число подписанных соглашений о добыче нефти и последующем разделе продукции между компаниями. При этом иностранные фирмы брали на себя обязательства о применении передовых технологий при добыче нефти с целью ее наращивания. В связи с этим для модернизации работ по добыче углеводородов Алжир открыл для иностранных инвесторов еще восемь месторождений.

В мае 1995 г. итальянская «Аджип» подписала с СОНАТРАК соглашение о разведке и добыче нефти и разделе продукции в концессии Земель эль-Кбар, где уже были обнаружены три нефтеносных района. Началось строительство инфраструктуры и 230-километрового трубопровода для подсоединения его к существующей системе. Производство нефти здесь должно составить 60 тыс. барр. в день.

В декабре 1995 г. СОНАТРАК подписала соглашение о разведке газа и разделе продукции с «Бритиш петролеум», и это было первым соглашением подобного типа в сфере газодобычи с частной фирмой. Как ожидают, производство газа на третьем участке месторождения Ин-Салах может достигнуть 10 млрд. куб. м газа в год. Общие запасы газа в районе концессии оцениваются в 260 млрд. куб. м. Разработка концессии включает бурение 200 скважин и строительство 48-дюймового трубопровода до Хасси-Рмель. Инвестиции в данный проект должны составить 3,5 млрд. долл., 65% которых обеспечит «Бритиш петролеум», а остальные – СОНАТРАК. Производство должно начаться в 2002-2003 гг., при этом сбыт газа будет осуществляться совместно СОНАТРАК и «Бритиш петролеум» в соотношении 50:50.

В январе 1996 г. французская компания «Тоталь» совместно с испанской «Репсол» подписали с СОНАТРАК соглашение об освоении месторождения Тин-Фуе и разделе продукции, и оно стало вторым по счету подобным соглашением между государственной энергетической компанией и частными инвесторами. Контрактом предусматривалось бурение 30-50 новых скважин и наращивание производства на уже имевшихся 30 скважинах, а также строительство завода по производству сжиженного нефтяного газа и конденсата. Капиталовложения в проект составили 850 млн. долл. Из них 35% обеспечит «Тоталь», 30% – «Репсол», а оставшуюся сумму предоставит СОНАТРАК. Месторождение будет давать 18 млн. куб. м природного газа в день, 700 тыс. т сжиженного нефтяного газа и 1 млн. т конденсата в год. Запасы углеводородов оцениваются здесь в 1 млрд. барр. условного топлива в нефтяном эквиваленте. По соглашению, «Тоталь» и «Репсол» разделят продукцию сжиженного нефтяного газа и конденсата, а СОНАТРАК получит весь природный газ¹².

В марте 1996 г. «Арко» подписала соглашение с СОНАТРАК о переоборудовании и модернизации нефтяного месторождения Рурд эль-Багел, второго по величине нефтяного месторождения в стране. Контрактом предусматривалось бурение дополнительных скважин, использование новейшего оборудования для закачки газа в нефтяные пласты и увеличение производства нефти в течение 10 лет с 25 тыс. барр. в день до 125 тыс. барр. Это ме-

сторождение считается очень перспективным. Как ожидают, через 25 лет оно будет давать более 500 млн. барр. «Арко» получит 49% произведенной продукции. В 1998 г. инвестиции «Арко» в Алжире составили 26% общей суммы ее иностранных инвестиций¹³.

В мае 1996 г. министр энергетики и горнорудной промышленности Алжира призвал иностранных инвесторов вложить в проекты нефтегазового сектора в течение следующих пяти лет 3,5 млрд. долл. с целью максимального использования нефтегазовых ресурсов страны и их добычи путем применения новейших технологий, как это было зафиксировано в контракте с «Арко». Он также заявил, что в течение последующих пяти лет в нефтяную и газовую промышленность должно быть вложено 18 млрд. долл. Он также выразил надежду, что по крайней мере 20% этой суммы может быть покрыто частным сектором¹⁴. В конце 90-х годов в Алжире в разведке и добыче углеводородов были заняты 25 зарубежных нефтяных компаний из 19 стран на основе заключенных с СОНАТРАК 42 контрактов. При этом доля американских нефтяных компаний в общем объеме иностранных капиталовложений в нефтедобывающий сектор составила 50%¹⁵.

В январе 1998 г. независимая американская компания «Орикс Энерджи» подписала с СОНАТРАК контракт о разведке и добыче нефти и разделе продукции, в соответствии с которым она обязалась инвестировать в поисковые работы в районе Тимиссит (к югу от Хасси-Месауд) в течение пяти лет 28,8 млн. долл. В начале 1998 г. в Алжире действовали 19 иностранных нефтяных компаний, связанных с СОНАТРАК соглашениями о разведке нефти и разделе продукции¹⁶.

Следует заметить, что со времени создания сама государственная энергетическая компания СОНАТРАК, занимающая среди крупнейших мировых нефтегазовых компаний 12-е место и являющаяся по существу «государством в государстве», подверглась значительной структурной перестройке. В 1980 г. реструктуризация компании вылилась в выделение 13 более мелких специализированных и автономных единиц в различных отраслях нефтегазового сектора. В январе 1998 г. Национальный совет по энергетике, возглавлявшийся в то время президентом Зеруалем, одобрил долгосрочный план структурной перестройки СОНАТРАК, в соответствии с которым второстепенные виды деятельности в сфере добычи и переработки углеводородов были вверены другим компаниям. Сама же СОНАТРАК президентским декретом была превращена в акционерную компанию с капиталом в 245 млрд. алж. дин. (4,1 млрд. долл. США), все акции которой находились в руках государства. Согласно ее уставу, во главе компании стоит генеральный директор, ответственный перед Советом директоров, возглавляемым министром энергетики и горнорудной промышленности. Предполагается, что со временем иностранным инвесторам будет разрешено приобретать акции СОНАТРАК¹⁷.

Либерализация и совершенствование инвестиционного законодательства в области добычи углеводородов, как отмечалось, стимулировали значительный рост интереса у иностранных компаний к алжирскому рынку, и

этот интерес усилился к концу 90-х годов, несмотря на сложную внутреннюю обстановку в стране и вооруженное противостояние алжирских властей и исламских экстремистов. Прибыли, получаемые иностранными фирмами на вложенный в алжирскую нефть капитал, оправдывали риск их возможных потерь в стране. К тому же районы нефте- и газодобычи находились в стороне от активных действий вооруженных групп исламских экстремистов и хорошо охранялись армейскими подразделениями и силами безопасности.

Диапазон связей компании СОНАТРАК с представителями зарубежного капитала, как указывалось выше, к концу XX в. существенно расширился. Кроме упомянутого, по данным на начало 1998 г. СОНАТРАК была связана соглашениями об ассоциации с 17 крупнейшими международными нефтяными компаниями. Иностранные инвесторы ведут разведку нефти и газа, осуществляют совместно с СОНАТРАК их добычу на территории до 150 тыс. кв. км¹⁸. СОНАТРАК со своими филиалами контролирует в общей сложности до 99% добычи нефти. Для привлечения в отрасль иностранного капитала обычно создаются смешанные общества, при этом по действующему с 1971 г. закону об углеводородах за алжирским государством предусматривается сохранение контрольного пакета акций, но не менее 51%¹⁹.

После победы на президентских выборах в апреле 1999 г. А.Бутефлики и принятия им конкретных мер с целью достижения национального согласия и укрепления политической стабильности в стране деятельность СОНАТРАК по привлечению иностранного капитала в нефтегазовую отрасль алжирской экономики значительно активизировалась. Развитие этих тенденций способствует дальнейшая либерализация политики в области энергетики. В декабре 1999 г. министром энергетики и горнорудной промышленности стал Шакиб Хелиль, работавший прежде консультантом Мирового банка по вопросам энергетики. Он назначил председателем СОНАТРАК Абдельхака Бухафса вместо Абдельмаджида Аттара. А.Бухафс имеет обширный опыт работы в нефтегазовом секторе Алжира, что свидетельствует о большом внимании, которое уделяется этой отрасли экономики. Назначение его на пост главы СОНАТРАК было положительно воспринято в западных кругах, имеющих отношение к добыче и переработке нефти. Именно с его именем была связана структурная перестройка компании и либерализация инвестиционного законодательства по углеводородам, касающаяся допуска иностранных партнеров в данную сферу. Многие аналитики считают, что назначение А.Бухафса может символизировать начало новой стадии реструктуризации и модернизации СОНАТРАК, включая, возможно, какую-то степень ее приватизации.

Действительно, вскоре эти предположения обрели реальные очертания. Министр энергетики и горнорудной промышленности заявил, что правительство намеревается открыть государственную энергетическую компанию СОНАТРАК для частных и иностранных партнеров. Будущая возможная реструктуризация компании была подтверждена премьер-министром Ахмедом Бенбитуром, который в интервью 27 февраля 2000 г. заявил, что правительство намерено освободить компанию от ее постоян-

ной роли агента государства в переговорах о нефтяных сделках с иностранными фирмами. Эти намерения находятся в полном соответствии с решением парламента разрешить государственным фирмам прибегать к альтернативным источникам финансирования проектов экономического развития, не увеличивая при этом задолженность государства. Ш.Хелиль заявил, что частным инвесторам может быть продано до 70% акций компании, но государство в целях сохранения контроля над компанией удержит в своих руках до 30% акций. Однако, чтобы продажа акций стала возможной, необходимо внести соответствующие изменения в законодательство и в первую очередь, приняв поправки к действующей конституции.

Поэтому пока неизвестно, когда именно может быть предпринята продажа акций СОНАТРАК, но все же очевидно, что произойдет это не так скоро. В правительстве полагают, что пока существуют и другие пути повышения доходов от нефти. Это – установление партнерства с иностранными фирмами, постепенное уменьшение доли СОНАТРАК в совместных предприятиях. Кроме того, всегда сохраняется возможность приватизации принадлежащих СОНАТРАК дочерних фирм, заявил один из высокопоставленных чиновников компании²⁰. Помимо своей основной деятельности (разведка, добыча и транспортировка углеводородов), СОНАТРАК проявляет активность и в ряде других областей, к которым, например, относятся: распределение нефтепродуктов внутри страны, подготовка кадров для отрасли и др.

Предстоящие годы обещают стать временем значительного повышения деловой активности в нефтегазовом секторе экономики. Уже заключен или в ближайшем будущем должен быть заключен ряд крупнейших сделок с иностранными компаниями как в области разведки и добычи углеводородов, так и строительства дополнительной сети трубопроводов для обеспечения транспортировки возросшего объема добытых нефти и газа.

Так, американская компания «Анадарко» по соглашению с СОНАТРАК осваивает нефтяные месторождения в районе Беркин. Если будет выдержан график работ, производство должно начаться в 2001 г., а к 2005 г. оно достигнет 500 тыс. барр. в день. Компания «Амоко» закончила изучение важнейшего газового проекта месторождения Айн-Салах стоимостью 2,5 млрд. долл. Производство должно начаться в 2003 г. Производственная мощность месторождения должна составить 10 млрд. куб. м газа в год²¹.

В октябре 1999 г. СОНАТРАК заключила с США, Францией, Ираком, Йеменом, Иорданией и некоторыми другими странами ряд взаимовыгодных соглашений в области разработки месторождений и добычи углеводородов. Общая стоимость сделок составила более 1 млрд. долл. В соответствии с соглашениями Франция направила в Алжир специалистов и бизнесменов из 100 фирм, Италия – около 50 человек, Египет – 20²².

СОНАТРАК ведет с несколькими иностранными компаниями переговоры относительно финансирования двух больших проектов стоимостью около 1 млрд. долл., включающих строительство нового нефтепровода и разработку одного из крупнейших нефтяных месторождений Угруд. Контракт на обеспечение инженерных работ, поставку оборудования и строи-

тельство на этом месторождении должен был быть подписан в 2000 г. Предполагается, что добыча нефти составит здесь до 230 тыс. барр. в день. Американская «Анадарко» и испанская «Сепса» уже имеют соглашение с СОНАТРАК о разделе продукции с этого месторождения.

Среди компаний, ведущих с СОНАТРАК переговоры о разработке газовых месторождений на юго-востоке страны, – базирующаяся в Калгари компания «Петро-Кэнада», которая совместно с СОНАТРАК планирует развивать региональную сеть инфраструктуры, вести добычу и заниматься транспортировкой газа. Австралийская компания «Би Эйч Пи петролеум» ведет переговоры о разработке нефтяного месторождения Оханет. Она также подписала с СОНАТРАК меморандум об изучении возможностей строительства завода по сжижению природного газа близ терминала в Арзеве. Этот терминал привлекает внимание многих зарубежных нефтяных компаний поскольку он является конечным пунктом трубопровода, заявки на торги по строительству которого изучаются сейчас СОНАТРАК.

Система трубопроводов, включающая несколько насосных станций, необходима для увеличения мощностей по перекачке сырой нефти с месторождения Хауд эль-Хамра к терминалу в Арзеве. Контракт поделен на три лота, на которые претендуют несколько иностранных компаний: американская «Бечтел», итальянская «Бонатти» и базирующаяся в Афинах «Консолидейтед интернэшнл компани» подали заявки на лот 1 и лот 2, в которые входит контракт на строительство нефтепровода (стоимость каждого составит 220-250 млн. долл.). Стоимость лота 3, включающего строительство шести насосных станций, оценивается в 400 млн. долл.²³

Недавно СОНАТРАК, используя свое преимущественное право покупки, заблокировала продажу компанией «Арко» 40% ее доли в контракте о разделе продукции на месторождении Рурд эль-Багель. «Арко» собиралась продать эту долю французской «Альф Акитэн». Для последней это было очень важно, так как означало бы возвращение на алжирский рынок после почти 30-летнего отсутствия. Отказ был мотивирован несогласием СОНАТРАК с некоторыми пунктами соглашения с «Альф Акитэн». Представитель французской компании заявил, что поскольку существуют планы слияния компании «Альф Акитэн» с французской «Тотальфина», она так или иначе будет поддерживать отношения с Алжиром, так как «Тотальфина» уже подписала соглашение с СОНАТРАК о разделе продукции при разработке месторождения Тин-Фуе Табанкорт на юго-западе страны еще в 1996 г. «Арко» подписала контракт о добыче нефти на месторождении Рурд эль-Багель, являющемся одним из крупнейших в стране, в 1996 г., когда месторождение давало лишь 25 тыс. барр. нефти в день. «Арко» и «Альф Акитэн» планировали через год увеличить добычу нефти до 100 тыс. барр. в день²⁴.

Контракт на проектно-конструкторские работы на газовом месторождении Ин-Аменас на юге страны недавно был предоставлен совместному американо-японскому предприятию «Келлог Браун энд Рут» и «Джей Джи Си Корпорейшн». Клиентом выступает совместное предприятие, образованное

СОНАТРАК и базирующейся в Великобритании компанией «Бритиш петролеум Амоко». Первоначальное соглашение о разработке газоконденсатного месторождения Ин-Аменас было подписано в 1998 г. СОНАТРАК и «Амоко», которая позднее слилась с «Бритиш петролеум». В соответствии с достигнутой договоренностью головное предприятие будет перерабатывать 700 млн. куб. футов природного газа в день для производства конденсата, пропана и бутана. Продукция будет поступать по 115-километровому трубопроводу в уже существующую трансмиссионную систему, принадлежащую СОНАТРАК²⁵.

Таковы крупнейшие сделки последнего времени, заключенные Алжиром с иностранными фирмами в области добычи и переработки углеводородного сырья. Они говорят о твердом намерении алжирского государства наращивать добычу нефти и газа при максимальном привлечении иностранных инвесторов. В то же время оживление деловой активности на алжирском рынке нефти и газа после прихода к власти президента Бутефлики свидетельствует о росте доверия международного бизнеса к политике государства в этой области и в целом к экономическому курсу, направленному на скорейшую стабилизацию обстановки внутри страны и дальнейшую либерализацию экономической жизни.

¹ Middle East Economic Digest (MEED). – L., 11.02.2000. – С. 12.

² MEED. 21.01.2000. – С. 14.

³ Алжир: Справочник. – М., 1997. – С. 188.

⁴ MEED. 21.01.2000. – С. 16.

⁵ *Миронова Е.И., Бабкин С.Э.*, Алжир: Поиск гражданского согласия // Ученые записки Института Африки РАН. – М., 1999. – Вып. 14. – С. 76.

⁶ Пульс планеты, ИТАР-ТАСС. – М., 04.02.1999.

⁷ Алжир: Справочник. – М., 1977. – С. 162.

⁸ Там же, с. 164.

⁹ The Middle East and North Africa 1999. – L. 1998. – С. 313.

¹⁰ Там же.

¹¹ Алжир: Справочник. – М., 1997. – С. 188.

¹² The Middle East and North Africa 1999, с. 314.

¹³ *Миронова Е.И., Бабкин С.Э.*, Алжир..., с. 79; The Middle East and North Africa 1999, с. 314.

¹⁴ The Middle East and North Africa 1999, L. 1998, с. 314.

¹⁵ *Миронова Е.И., Бабкин С.Э.*, Алжир..., с. 80.

¹⁶ The Middle East and North Africa 1999, с. 314.

¹⁹ Там же.

¹⁸ *Миронова Е.И., Бабкин С.Э.*, Алжир..., с. 80.

²⁰ Алжир: Справочник. – М., 1977. – С. 166.

²¹ MEED. 10.03.2000. – С. 18.

²² MEED. 30.04.1999. – С. 3.

²³ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. – М., 12.10.1999.

²⁴ MEED. 21.01.2000. – С. 10.

²⁵ MEED. 18.02.2000. – С. 15.

²⁶ MEED. 04.02.2000. – C. 15.

ТИПОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ ИЗРАИЛЬСКИХ ПАРТИЙ И БЛОКОВ

Классификации партий и партийных групп важна для анализа основной направленности государственной политики Израиля. Тип и вид партий отражает систему их существенных признаков, понимание которых дает возможность анализировать роль и место той или иной партии в партийной и государственной системе страны. Характеристика типологических признаков и особенностей внутреннего устройства ведущих израильских партий помогает выяснить преобладающий характер методов их деятельности и проводимой ими государственной политики.

В современной политологии существуют различные подходы к классификации партий. Политологи при классификации партийных систем и партий часто прибегают к делению партий по нескольким основным группам признаков: 1) по месту той или иной партии в политическом спектре страны (такие характеристики иногда называют «горизонтальными»); 2) по идейно-политическим программам (так называемые «вертикальные» признаки) 3) по внутренней структуре партий. Рассмотрим эти типы классификации подробнее.

1. К «горизонтальной» типологии, хоть и весьма условно, так как эти характеристики, во-первых, очень редко существуют в чистом виде, а, во-вторых, как правило они переплетены и взаимно влияют друг на друга, можно отнести деление партий на правящие и оппозиционные; разделение на сионистские и несионистские; выделение партий по национальному признаку – партии, представляющие интересы той или иной «этнической» (под этим как правило на бытовом уровне понимается страна, из которой переселились израильтяне) группы населения – партии, отражающие прежде всего интересы евреев восточного происхождения, так называемые «русские» партии, группа арабских партий и другие; деление на религиозные и секулярные партии и т.д.

Деление партий на правящие и неправящие (оппозиционные) означает определение места данной партии во властных структурах страны, по виду ее участия в политической власти. Партии, победившие на выборах и формирующие свои коалиционные правительства, считаются правящими. Партии, проигравшие на выборах, и не входящие в правительственную коалицию, являются оппозиционными. В свою очередь оппозиционные партии могут быть легальными, полулегальными и нелегальными (или маргинальными). Некоторые израильские политологи¹ представляют политический спектр Израиля в виде трех concentрических окружностей,

где самая внутренняя часть – постоянные члены правящих коалиций; вторая часть – случайные партнеры по коалиции и третья – внешняя часть – постоянная оппозиция. Принадлежность партии к одному из трех типов не является постоянной. Она может изменяться по мере того, как партия укрепляет свое место в государстве, становится легитимной частью его политической системы. Как правило эволюция партий происходит от третьего «круга» к первому. Развитие в обратном направлении является скорее исключением и бывает отражением революционных событий. Наиболее ярким примером может служить путь партии Херут, которая в первые годы доминирования МАПАИ была фактически вне национально-политического консенсуса. Пройдя сложный исторический путь, в силу целого ряда объективных и субъективных причин, связанных с развитием израильского общества, Херут стала наиболее влиятельной, одной из двух правящих партий «первого круга».

Следуя такой классификации, можно выделить основные партии Израиля. К ним относятся крупнейшие партии, которые в различные годы принимали разные названия – МАПАИ – Партия труда Израиля (ПТИ) – Авода², с одной стороны, и партия Херут – Гахал-Ликуд³, с другой. Эти партии являлись ядром правивших в различное время блоков Маарах – Единый Израиль и Ликуд. В настоящее время Авода и Ликуд являются основными правящими партиями Израиля. Вместе с ними во «внутренний» круг наиболее часто входили религиозные партии: Национально-религиозная партия (НРП – Мафдал, в 1956 году возникла в результате объединения партий Мизрахи и Гапозль Хамизрахи), Поалей Агудат Исраэль (ПАИ, 1922 г.), Агудат Исраэль (1912 г.), ШАС (1983 г.) – постоянные участники почти всех правительственных коалиций. В этом же круге располагается партия МАПАМ, в 1992 году объединившаяся вместе с партиями Движение за гражданские права и РАЦ в единый блок МЕРЕЦ, и другие.

К числу непостоянных членов коалиции («средний круг») можно отнести практически все остальные сионистские и ультраортодоксальные партии Израиля, которые в те или иные периоды входили в правительство Маараха и Ликуда или в правительства «национального единства». «Внешний» круг составляют партии постоянной оппозиции. Это экстремистские и крайне националистические партии типа Ках и Моледет, все арабские партии, ультраортодоксальная антисионистская организация Наторей Карта, а также некоторые иные возникавшие недолговечные электоральные списки и группировки.

Взаимоотношения правящих сил и оппозиции строятся, как правило, на неких «правилах игры», которые подразумевают, что, во-первых, оппозиция институализирована и представлена в системе государственных учреждений; во-вторых, ведущие силы парламентской оппозиции – за исключением партий внешнего круга – являются силами, сходными по основным программным положениям с правящей группой, иными словами, все сионистские партии не являются непримиримой оппозицией и относятся к оппозиции системной. Они обычно не противостоят власти как не-

что абсолютно внешнее, являются частью системы и в этом смысле не представляют социальной альтернативы власти. Оппозиция «внешнего круга» радикально отличается в этом отношении. Для нее характерны принципиально другие идеологические установки. Партии этого круга в большинстве своем являются несионистскими (кроме КАХ и Моледет) и имеют другое отношение и подходы к социально-политической действительности Израиля. К таким партиям с определенными оговорками можно отнести арабские партии.

Существование двух основных партий, борющихся за власть на политической арене Израиля, является характерной чертой партийной системы страны и ее основным водоразделом. Эти две партии в различное время в результате всеобщих выборов всегда получали такое количество голосов, которое позволяло им считаться победившей партией и давало право формировать правительства. Процент голосов, поданных за «рабочую» партию (МАПАИ-ПТИ-Авода-Единый Израиль), а также блок Маарах колебался от 32% в 1977 году до 56% в 1969 году. Ликуд получал от 26% голосов на выборах 1969 года до 48% в 1981 году. Остальные партии никогда даже близко не могли приблизиться к такому количеству завоеванных на выборах голосов. В соответствии с этим две основные партии всегда занимали наибольшее число депутатских мест в парламенте страны – кнессете. Так, МАПАИ-Авода, начиная с 1949 года, имела от 34 депутатских мест в 1996 году до 56 мест в 1969 году. Херут-Ликуд от 5 мест в результате выборов 1955 года до 48 в 1981 году⁴.

Динамика развития партийной системы Израиля диктовала изменения в распределении власти между двумя сильнейшими партиями. В истории Израиля пока существует три основных этапа распределения политической власти между правящими партиями: 1) период доминирования МАПАИ (1949-1977 годы), 2) период правления Ликуда (1977-1981), 3) политическое равновесие (с 1984 по настоящее время).

К «горизонтальной» типологической разновидности можно отнести деление политических партий Израиля на сионистские и несионистские. Абсолютное большинство политических партий Израиля относятся к сионистским партиям. Сионизм является основной государственной идеологией. К сионистским относятся все партии основного потока от «левой» Мерец до ультранационалистических Тхия и Моледет. Существуют сионистские «рабочие» партии, центристские сионистские партии, «правые» сионистские и религиозно-сионистские партии – Национально-религиозная партия – НРП и Поалей Агудат Исразель и т.д.

Нессионистскими являются арабские партии и ультраортодоксальные партии. Их отрицательное отношение к сионизму проистекает из разных причин и их «антисионизм» имеет отличные друг от друга характеристики. Так, антисионизм Коммунистической партии Израиля (КИИ) основан на традиционной марксистско-ленинской классовой оценке сионизма как буржуазно-националистического движения. Современные арабские партии борются с сионизмом с позиции национально-территориального кон-

фликта. Ультраортодоксальные партии и группы не признают сионизм как светское движение, которое привело к созданию светского государства. Среди них наиболее антиссионистски настроена Наторей Карта.

Существует также деление израильских партий на секулярные и религиозные партии. Израильские религиозные партии занимают особое место. Программные установки этого типа партий многообразны по своим социально-экономическим и идеологическим установкам. Однако общим для них является опора на догматы иудаизма. Эти партии активно борются за усиление позиций своей религии в стране, защищают права и интересы верующих евреев.

За фасадом религиозных учений отчетливо предстают социальные цели, которые преследуют духовные и политические лидеры партий этого типа. На содержание их программ более серьезное влияние, чем в других партиях, оказывает не столько социальный состав – в них представлены практически все слои населения, сколько личностный фактор – идейно-политическая позиция руководящей элиты, лидера. Лидеры израильских религиозных партий, опирающиеся на свою роль «пастырей», пользуются особым доверием их членов в определении целей и задач партийной деятельности.

В израильский религиозный лагерь в настоящее время входят религиозно-сионистская партия Мафдал, ультраортодоксальные партии Дегель ха-Тора и ШАС. «Религиозный» лагерь в результате выборов 1999 года получил в кнессете 15-го созыва 27 депутатских мандата, впервые сравнявшись по силе с «национальным» лагерем (кроме Ликуда к нему относят партию Наш дом Израиль и блок Национальное единство), который также на выборах 1999 года получил 27 депутатских мандатов).

Существует также весьма условное деление израильских партий по этническому признаку. Это партии, защищающие права определенных групп израильского населения. К ним в первую очередь относятся «русские» партии – Исразль ба-алия (лидер Н.Щаранский, в кнессете 5-го созыва имеет 6 мест) и Наш дом Израиль (А.Либерман, 4 места). Существовали также партии, ориентированные на евреев восточного происхождения – сефардскую часть израильского общества. С некоторыми оговорками, к ним можно отнести партию израильтян марокканского происхождения Гешер (Д.Леви), которая на выборах 1996 года вошла в избирательный список Ликуда, а накануне выборов 1999 года объединилась с Аводой в список Единый Израиль.

Традиционно у «рабочих» партий МАПАЙ-Авода и МАПАМ сохраняется имидж ашкеназийских партий, т.е. состоящих и отражающих в основном интересы израильтян – выходцев из западных стран. Это обстоятельство обычно сопровождается характеристикой партии как более интеллектуальной, теоретичной и, как правило, «более левой». Ликуд же в течение многих лет считалась парией, где очень велико влияние сефардской части израильского общества – т.е. выходцев из стран Востока и Северной Африки. В последние годы большая часть «восточных» избирателей Ликуда отошла к религиозной сефардской партии ШАС и Ликуд становится все более ашкеназийским.

Следует выделить также арабские партии, которые возникли на почве роста национального самосознания ущемленной в правах арабской общины. На такой почве возникли в Израиле арабские партии, партии. В результате последних парламентских выборов в кнессет прошли Единый арабский список – 5 мест (А.Дерауше), Хадаш (М.Баракей, 3 места) и Ба-лад (А.Бишара, 2 места). Социальная база этих партий крайне неоднородна. От того, представители каких групп населения играют решающую роль в партийном руководстве, зависит социально-политическая ориентация партии. В целом все арабские партии выступают за «защиту прав палестинского населения в Израиле» (из программы Арабской демократической партии от 1996 года), за повышение его социального статуса в израильском обществе, а также за привлечение арабских граждан Израиля к процессу принятия решений в стране.

2. Примененное выше деление политических партий на группы и типы по их месту в партийной и политической системах общества – «горизонтальная» типология – не является исчерпывающим. Существенные различия в подходах партий к идеологии и разнообразным аспектам деятельности государства отмечаются не только между основными группами партий – по «горизонтали», но и внутри этих групп – по «вертикали».

Современная партийная система в условиях демократии обычно допускает существование и деятельность в легальных рамках и крайне фланговых политических сил – «ультралевых» – на одном крыле, и неофашистских – на другом. Западная политология базируется на выделении политических сил, доминирующих в конкретном обществе, и классифицирует их в соответствии с традицией, характерной для школы политической мысли и основной системы политических ценностей данной страны. Традиционным для западных политологов является деление ведущих политических сил на «либералов» и «консерваторов», «демократов» и «республиканцев» (американская традиция), «социал-демократов» и т.д. Такое деление является устойчивым и не изменяется на протяжении длительных периодов времени.

«Вертикальные» – в основном социально-идеологические характеристики, особенно применимы к социально ориентированным партиям. Они были основательно разработаны марксистской политической, социалистической и либеральными школами. Школа социально-экономического подхода к определению типа партий восходит к временам «либеральной эры», когда большинство исследований о партиях стало в основном базироваться на изучении партийных программ. Либеральная традиция впервые ввела понятие о партии как о идеологическом организме и центральную роль отводила партийным доктринам⁵.

Суть марксистского подхода состоит в выявлении того, кому выгодна политика данной партии, интересы какого класса, каких слоев населения она отражает в идеологии и программе, как партия поступает при решении политических вопросов, затрагивающих жизненные интересы общества. Марксистская концепция, определяющая партии с позиции классового

принципа, внесла в традиционный буржуазный подход новые элементы: при классификации партий начали исследоваться их социальная база, классовый состав, жизненный уровень членов партии, отношение партии к вопросам собственности и прочее.

Близкой к марксистской классификации является широко применяемое и многими западными теоретиками социализма⁶, а также учеными-немарксистами, представителями политических сил левой ориентации⁷, выделение типов партий по характеру их политической идеологии и социальной ориентации.

Как уже отмечалось, многообразие израильских партий отражает все основные политические движения и тенденции, существующие в демократических странах Запада. Однако идейно-политическое разнообразие израильских партий не является зеркальным отражением основных политических течений мира. Израильские политологи, как правило, не прибегают к западной типологической терминологии. Они предпочитают определять партии применительно к понятиям «левые», «правые» и «центр». Подробный анализ идейных установок и программы израильских партий невозможен в рамках данной статьи, но здесь важно подчеркнуть возможности этого подхода к определению типа политических партий.

Основные аспекты идейно-политической базы партий находят отражение в партийных документах – уставе партии, программе, предвыборных платформах и прочих документах. При анализе вышеперечисленных источников выясняется, какие идейно-политические вопросы поставлены партией во главу угла и относятся к приоритетным.

При всем многообразии партийных документов и предвыборных программ израильских партий, анализируя их можно попытаться определить позиции различных партий по следующим наиболее актуальным в израильском обществе вопросам: 1. Оценка политической ситуации в обществе. 2. Предложения в области экономических преобразований. 3. Социальные программы – пути решения социальных проблем. 4. Отношение к проблемам урегулирования арабо-израильского конфликта и пути этого урегулирования.

По данным параметрам можно определить место той или иной партии в политической структуре израильского общества – в рамках сложившихся политических лагерей, что в совокупности израильскими политологами обозначается как «лево-правый политический континуум» Израиля⁸. Традиционно «лево-правый континуум» отражает прежде всего социально-экономические определения, где идеи равенства в социально-экономическом и классовом аспекте противопоставлялись неравенству; правительственное регулирование и государственная собственность – частному предпринимательству и т.д.⁹ Деление на «левых», «правых» и «центр» является весьма условным и в значительной мере отражает расстановку политических сил в данный исторический период. Оно является подвижным, ибо в зависимости от политической ситуации понятие «центра» может смещаться и считавшиеся ранее центристские партии могут

становиться более левыми, объединяться с левыми и правыми партиями, а «правые» – входить в центристские и право-центристские блоки и так далее. Характерно, что для политизированного и идеологизированного общественного сознания в Израиле деление на «левых» и «правых» до сих пор весьма популярно. Исторические условия складывания партийной системы Израиля диктовали важность идейного компонента у всех партий. В этом смысле все израильские партии были «идеологическими». Израильский политический словарь до сих пор изобилует всяческими «измами» и определениями типа фашизм, социализм, ревизионизм и т.д.

В первые десятилетия существования государства существовало четкое деление партий на политические лагеря с точки зрения их различий в социально-политических доктринах, их отношения к социальной действительности. Следует подчеркнуть, что Государство Израиль – демократическая республика, где приняты концепции демократии, народовластия. Именно поэтому в Израиле так сильны социалистические партии. В современном мире социалистических партий насчитывается более 150¹⁰. Около 80 из них объединены в Социалистический интернационал (1951 г.). Более 30 его партий являются в настоящее время правящими. Не исключение и Израиль. Это государство в настоящее время возглавляет партия «Единый Израиль», ядром которой является старейшая социалистическая Партия труда Израиля – Авода, член Социалистического интернационала.

К «левому» лагерю в Израиле традиционно относят Аводу и партии, стоящие «левее» нее. Второй – «национальный» или «правый» лагерь, опирающийся на Ликуд. К крайне «левым» партиям причисляли Компартию, которая является наиболее непримиримым противником существующей идеологии сионизма и государственной политики сионистских партий. Доминировавшими в этом лагере были и есть социалистические или «рабочие» партии, нацеленные на постепенные и последовательные реформы в обществе. К такому типу относятся все израильские «рабочие» партии, которые традиционная марксистская типология относит к социал-реформистским партиям. К этому же «лагерю» кроме МАПАЙ-Авода принадлежала возникшая в 1965 году партия Рафи. «Левее» МАПАЙ располагались партии Ахдут Гаавода и МАПАМ. В 1969 году все эти партии объединились в коалицию – Маарах. В «левый», победивший на выборах 1999 года лагерь, в настоящее время кроме Аводы относят «МЕРЕЦ – демократический Израиль» – крупнейшее объединение левых сионистских партий МАПАМ, РАЦ и Шинуй (возник в 1992 году). По результатам выборов 1999 года оно имеет 10 депутатских мест. В него в настоящее время входит также партия «Один народ» (возникла накануне выборов, ее основатель бывший член руководства Аводы А.Перец).

В свое время РАЦ, а также ДТП считались «центром» политического спектра Израиля. Однако их позиции по ближневосточному урегулированию и борьба против засилья ультраортодоксов привела их к «левым». Сегодня к партиям «центра», прежде всего благодаря их внешнеполити-

ческим ориентациям, относят Партию центра (И.Мордехай). К нему примыкает «русская» партия либерального толка Исраэль ба-алия (Н.Шаранский) и отколовшийся от этой партии независимый список «Демократический выбор» (Р.Бронфман, А.Цинкер).Шинуй (И.Лапид), выступивший самостоятельно на выборах 1999 года, также относят к партиям «центра».

К «правому» лагерю относили прежде всего партию Херут и Общих сионистов, которые объединившись, образовали в 1965 году блок Гахал, а затем в 1973 году совместно с Либеральной и Независимой либеральной партией образовали блок Ликуд¹¹. В настоящее время кроме Ликуда к нему относят «русскую» партию Наш дом Израиль (председатель А.Либерман) и блок правых партий Национальное единство Б.Бегина.

В современном Израиле, как и во всем мире, нет чисто классовых партий, состоявших в основном из представителей какого-либо одного класса или социальной группы и выражающей преимущественно ее интересы. С некоторыми оговорками к таким партиям в первые десятилетия государства можно было отнести Компартию, состоявшую из арабского и еврейского рабочего класса и интеллигенции, и социал-демократическую партию МАПАМ, основу которой составлял трудящиеся киббуцев и интеллигенция, а также Либеральные партии, отражавшие прежде всего интересы средней и немногочисленной крупной буржуазии Израиля.

Наиболее социально ориентированные «левые» партии во главу угла своих платформ ставили резкое усиление социальной ориентации экономики, развитие социальной инфраструктуры и перераспределение производимого продукта в пользу труда, а не капитала. В сфере управления экономикой они выступали за максимально возможное вмешательство государства в экономику, что с свою очередь, должно было гарантировать социальную направленность распределения. Анализируя, например, экономическую программу КПИ, принятую на XX съезде партии в 1989 году, очевидно, что основными для внутренней политики партии являлись следующие пункты: национализация банков, страховых компаний и внешней торговли; отмена всех привилегий капиталистическим компаниям; существенное повышение реальной заработной платы трудящихся, финансирование социальных служб за счет государственного бюджета; отмена платы за образование и медицинское обслуживание¹². Здесь налицо стремление к установлению распределительных, уравнилельных и бесплатных форм социальной защиты, что традиционно соответствует коммунистической ориентации.

Все социалистические партии Палестины, а затем Израиля, (входящие в Социнтерн), также выступали с позиций борьбы против материальной нищеты и заботе о социальном благосостоянии общества¹³. Главным двигателем в достижении равноправия в социальной политике израильские социалистические партии видели в необходимости государственного регулирования хозяйственной жизни общества при сохранении незначительного частного сектора (что неприемлемо для партий коммунистиче-

ской ориентации). МАПАМ – с 1963 года член Социнтерна – из всех социалистических партий Израиля всегда имела наиболее четко выраженную идеологическую программу. На первом этапе своей деятельности (до 60-х годов) партия выступала за приоритет исторической роли революционной классовой борьбы в создании общества рабочих, направленного на ликвидацию капитализма и всех форм национального и социального рабства. В качестве своей программной задачи в 1949 году МАПАМ провозглашала борьбу за установление бесклассового социалистического общества¹⁴. В последствие МАПАМ ушла от столь бескомпромиссных формулировок и на первое место вышла концепция постепенного перерастания общества в социалистическое с опорой на существующий «островок» социализма – кооперативно-профсоюзный сектор Израиля¹⁵. Партия Авода – старейший член Социнтерна, также ранее придерживалась концепции постепенного преобразования израильского общества в социалистическое и включала ее в свои программные документы¹⁶. В первые годы государства в ее программы были включены теоретические разделы, где говорилось о том, что Израиль является некоей «лабораторией построения социализма». Один из лидеров МАПАЙ М. Шарет в 1955 году писал, что хотя израильское общество нельзя считать социалистическим, так как «еще невозможно применить социалистическое решение к каждой возникающей проблеме», но в Израиле уже действуют законы социализма¹⁷. В последующий период Авода постепенно отошла от четких идеологических формулировок, продолжая при этом отстаивать задачи создания регулируемой экономики, приоритет государственного и кооперативно-профсоюзно-го сектора в экономике¹⁸. В 90-е годы ПТИ – Авода в свои социально-экономические разделы программ стала включать лишь задачи экономического роста и полной занятости. Она поддерживает смешанную экономику «с правительством, Гистадрутом и частным сектором, которые играют равную важную роль» в экономическом развитии и высокого жизненного уровня для всех израильтян¹⁹. Израильские политологи, анализируя позиции этой партии, единодушно отмечают процесс неуклонного «поправления» Аводы²⁰.

Вторая группа – и таких большинство в Израиле – это партии, сторонники либеральных концепций, приверженцы «невидимой» руки государства и экономической свободы. К таким партиям относились Общие сионисты, Либеральная партия Израиля и Независимая Либеральная партия, Херут, а также многочисленные мелкие израильские партии, то появлявшиеся, то исчезающие с политической арены Израиля. Все эти партии в принципе выступали и выступают за развитие смешанной экономики в пользу свободы частного предпринимательства и ограничения государственного вмешательства в экономику страны²¹. Так, Херут в первые десятилетия государства и до 1963 годы не участвовал в выборах в Гистадрут – на 10-м съезде партии было принято решение о создании своей фракции в Гистадруте – «Тхелей Лаван» – «бело-голубая» фракция²². Свое участие в профсоюзном центре Херут пытался использовать прежде

всего для подрыва влияния социалистов и ослабления их экономической базы. В предвыборных программах Ликуда в 1996 и 1999 годах выдвигались требования приватизации крупнейших государственных предприятий, таких как электрическая компания «Хеврат хашмаль», телефонная «Безек» и других. Ликуд также выступает за приватизацию системы среднего, специального и высшего образования, а также за принятие законов, стимулирующих частную инициативу и отменяющих целый ряд ограничений на открытие новых предприятий бизнеса. Лидер Ликуда Б.Нетанияху является последовательным проводником принятия либерального законодательства в Израиле²³. «Русская» партия ИБА, например, также выступает за либерализацию израильской экономики. В проекте предвыборной программы накануне выборов 1995 года содержится перечень реформ, которые партия считает необходимым провести для комплексной либерализации экономики. К ним относится: ускорение демонополизации, завершение приватизации государственных предприятий, уменьшение вмешательства государства в сферу экономики. Лозунг партии – прекратить «нынешнюю зависимость экономики от политики»²⁴. У либеральных партий содержится большое количество обещаний «изменить жизнь к лучшему», однако приоритет отдается рыночным механизмам социальной защиты. Центристская позиция характеризуется стремлением к обеспечению определенного уровня социальных гарантий со стороны государства. Между «левыми» и «правыми» партиями в первые годы государства шла непримиримая идейно-политическая борьба. Главным противником МАПАЙ были «херутовцы», которых в те годы считали крайне правыми. Недаром требованием Бен-Гуриона было: «правительство без коммунистов и Херута». Постепенно социально– политические дискуссии и борьба вокруг принципиальных вопросов идеологического порядка отходили в прошлое. После окончания доминирования социалистических «рабочих» партий и установления власти Ликуда израильское общество все быстрее шло по пути капиталистического развития экономики, т.е. стала воплощать программу «правого» лагеря²⁵.

Следует учитывать, что с течением времени идеология, разработанная теми или иными партийными интеллектуалами, постепенно утрачивала свое значение как для избирателей, так и для самих партий. Публичная политика, существующая в условиях ослабления государственного сектора экономики и бурно развивающегося капиталистического хозяйства, стала приобретать все более прагматический характер. Это привело к ослаблению роли партийных Доктрин не только у менее социально ориентированных партий, но и в наиболее идеологизированной в прошлом группе партий – в социалистических «рабочих» партиях. Между «левыми» и «правыми», однако, сохраняются противоречия о целях государственного финансирования, налоговой политике государства и т.д. Если левые партии Израиля традиционно ориентировались на лозунг «больше государства», то правые круги – «меньше государства». Разница между левыми и правыми партийными программами становится тем меньше, чем

глубже правительственные меры затрагивают процессы социального обеспечения, образования и культуры.

Неурегулированность арабо-израильского конфликта и сохранявшаяся с 1967 года оккупация ряда территорий арабских государств являются одним из определяющих факторов в жизни израильского общества. Конфликт и процесс его урегулирования наложили отпечаток на развитие всего государства в целом и его партийную систему в частности. Поэтому кроме уже названных разновидностей «вертикальной» типологии существует самое распространенное деление партий по их отношению к урегулированию арабо-израильского конфликта. Та или иная позиция по вопросам ближневосточного урегулирования становилась одной из важнейших характеристик любой политической партии или течения и ее места в «лево-правом континууме». С середины 70-х годов начала усиливаться поляризация общества по вопросам войны и мира и партии стали делить на «аннексионистские» и «умеренные» или на «ястребов» и «голубей». Деление носит условный характер. Внутри каждого из этих «лагерей» существуют различные оттенки в подходах к обеспечению безопасности и мирному урегулированию, которые на политическом уровне проявляются в виде политических программ различных партий и партийных объединений.

После войны 1973 года начали распространяться настроения в пользу мира. На политической арене возникли антивоенные партии и движения, которые вошли в лагерь «левых» сил: Комитет за справедливый мир между Израилем и арабскими странами (1973), Партия Движения за гражданские права и мир (РАЦ, 1973 г.), Израильский совет за израильско-палестинский мир (1975 г.), а позднее (в 1978 г.) массовая антивоенная организация Мир – сейчас. Активными поборниками шагов в направлении мира выступали помимо РАЦ партия МАПАМ и левое крыло Партии труда. Все они находились в лагере «голубей». В то же время шла консолидация националистических партий. Помимо Херут в лагере «ястребов» находились такие партии как Государственный список, Свободный центр, а также межпартийное Движение за неделимый Израиль. Последние три объединились в партию Лаам, которая затем вошла в Ликуд. К этому лагерю можно отнести и партию Цомет, созданную в 1983 году генералом Р.Эйтаном, которая накануне выборов 1984 года объединилась с Тхией.

Основная борьба между «левыми» и «правыми» велась вокруг проблем урегулирования конфликта по двум направлениям. Первое – блока Ликуд и партий «правее» него – сохранение всех оккупированных территорий. Второе – блока Маарах и всех «левых» партий – отказ от части территорий ради достижения мира. Развитие событий в мире и регионе диктовало необходимость предпринимать конкретные шаги в направлении урегулирования. Становилось ясно, что нужно от войны переходить к мирным переговорам. В процессе мирного урегулирования и особенно с началом его переговорного этапа произошли весьма значительные изменения позиций почти всех основных политических партий. В «левом» лагере, в Аводе, наряду с известным «поправлением» ее идейно теоретиче-

ской базы по внутренним вопросам шло постепенное «полевение» ее внешнеполитического курса и сближение с позициями Мерец. Ликуд также несколько теряет свою непримиримую «ястребность», так как реалии развития мирного процесса диктуют новые условия. И «левые», и «правые» в настоящее время спорят не о том, уступать или нет арабские территории в обмен на мир, а о том, сколько уступать. В этом смысле нельзя характеризовать «левых» и «правых» как «партии мира», или «партии войны». Спор между основными лагерями сегодня ведется вокруг масштабов территориального компромиссов и наиболее эффективного комплекса мер безопасности. Именно по этим вопросам жесткая позиция лидеров Ликуда не может ужиться со стратегией Аводы, с соглашениями, подписанными ее лидерами с руководством палестинцев в Осло.

Как мы уже отмечали, деление партий на «левые», «правые» и «центр» при всей его распространенности в западной и современной российской политологии, является весьма условным. Анализируя партийную систему Израиля, становится очевидно, что данный метод типологии партий приводит к некоторому упрощению, к определенной поверхностности характеристик, которые не позволяют охватить все многообразие и внутреннюю сложность современных израильских политических партий. Эта условность прежде всего касается самих определений «левый» или «правый». Традиционно считалось, что к «левым» относятся партии, отстаивающие социалистические ценности, такие как равенство, социальная справедливость, международное сотрудничество и братство. «Правые» исторически ассоциировались с капиталистическими ценностями – свободой частного предпринимательства, конкуренцией, ограничение государственной собственности в пользу частного предпринимательства, национализмом и т.д. В определенном смысле эти характеристики справедливы для Израиля, но во многом они уже «не работают» в современных идейно-политических условиях жизни израильского общества. Это становится особенно заметно при характеристиках партий по их отношению к урегулированию арабо-израильского конфликта. Всегда считалось, что «рабочие» партии в вопросах отношений с арабами, задач обеспечения безопасности и продвижения мирного урегулирования занимали более мягкую и гибкую позицию чем «правые националисты». Однако именно «левая» социалистическая партия Ахдут Гаавода в 50-х годах ратовала за наиболее жесткую линию в отношениях с соседними арабскими государствами (именно это стало причиной раскола АГ с МАПАМ в 1954 году), а блок социалистических партий Маарах после 1967 году начал заселение оккупированных территорий. В то же время «правый» блок Ликуд вернул Синай Египту и начал мирные переговоры в Мадриде в 1992 году. Некоторые характеристики или программные установки партий на сегодняшний день уже не позволяют определить их место в «континууме». В течение периода с 1967 по 1993 годы, т.е. между «шестидневной войной» и соглашениями в Осло, было достаточно легко определить различия в позициях крайних фланговых партий, но гораздо труднее это было с позициями

партий близких к «центру». По основным наиболее острым вопросам урегулирования различия в позициях Аводы и Ликуда были настолько тонкими, что это не позволяло трактовать их как «левые» или «правые».

3. Типология партий по видам внутренней структуры. Различаются партии с формальными принципами членства, со свободным членством, с сильной структурой, со слабой структурой и так далее²⁶.

Многие западные политологи считают нужным разделять партии с точки зрения организационных принципов и характера членства²⁷. Исходя из организационной структуры в настоящее время обычно выделяются следующие типы²⁸.

1) Децентрализованные – т.е. партии, не имеющие четкой организационной структуры. В Израиле – это большинство мелких парламентских списков и партийных объединений, возникающих накануне каждых выборов. Многие из них исчезают уже сразу после следующих выборов. 2) Централизованные партии, к которым относятся прежде всего социалистические и социал-демократические партии. 3) Строго централизованные, с жесткой структурой и дисциплиной. К ним относятся коммунистические, национал-демократические и некоторые другие маргинальные, военизированные виды партий.

Важным элементом организационной структуры является членство в партии, то есть требования, предъявляемые к членам партии, порядок вступления и оформления, а также учет членства, степень участия в деятельности партии, их обязанности. По признаку членства организационные структуры делятся на «прямые» и «непрямые», а партии на «массовые» и «кадровые». Зачастую встречаются смешанные – «полупрямые» или «полумассовые» партии.

«Прямые» структуры подразумевают строго учтенное членство в партии, когда кандидат принимается в индивидуальном порядке и с него взимаются ежемесячные взносы. Принято различать два вида «прямого» членства: «открытое» и «регламентированное». При «открытом» членстве вступающему достаточно подписать заявление о желании вступить в партию. Такое правило существует абсолютного большинства израильских партий. При «регламентированном» членстве необходимо подать заявление о приеме, заполнить анкету и подписать документ, обязывающий соблюдать партийную дисциплину. Заявление рассматривается каким-либо органом партии. Такой порядок существует у Компартии Израиля и ранее существовал у МАПАМ. Основной порядок членства в этом случае является индивидуальный, хотя не исключается и вариант постоянного коллективного членства. В МАПАМ, например, в качестве постоянных коллективных членов всегда выступали киббуцы, примыкающие к этой партии.

«Непрямые» структуры означают практическое отсутствие индивидуального членства. Как правило основу таких партий составляют объединения различных социально-политических, этнических, профсоюзных и других групп и союзов, голосующих за партию и поддержи-

вающих ее, когда человек становится членом партии в силу того, что он входит в какую-либо организацию, связанную с данной партией (профсоюзные организации, политические и спортивные клубы, примыкающие к той или иной партии, благотворительные организации и прочее). В чистом виде таких партий нет. Однако МАПАЙ-ПТИ-Авода всегда опиралась на многочисленные объединения, традиционно примыкающие к ней идеологически и коллективно голосующие за нее. Долгое время в МАПАЙ-ПТИ обязательным условием членства в партии было и членство в Гистадруте.

С точки зрения характера членства партии их делят на «кадровые» и «массовые» партии. Хотя такое деление представляется довольно условным, так как в ряде случаев не существует юридически закрепленных признаков как первого, так и второго вида, оно широко используется в израильской политологии. «Массовые» и «кадровые» партии отличаются друг от друга численностью и принципами членства. «Кадровые» партии как правило немногочисленны, это прежде всего объединения «нотаблей» с целью ведения предвыборной борьбы. На первом месте здесь – влиятельное лицо, политический лидер, чье имя, престиж и связи могут помочь партии на выборах. Первоначальная задача состоит в том, чтобы в период выборов обеспечить поддержку лидеру партии со стороны большинства избирателей конкретного избирательного округа. Это достигается путем подбора профессиональных партийных кадров, способных эффективно организовать и провести избирательную кампанию.

«Кадровые» партии не нуждаются в финансовой и политической поддержке масс: у них уже есть своя элита, свой персонал и финансисты, а у партийного аппарата – соответственное политическое образование. Эти партии в большей степени имеют возможность обращаться к богатым донорам, что делало их руководство менее зависимым от постоянных членов. «Кадровые» партии в основном состояли из кокусов, децентрализованных и слабо связанных между собой. К таким партиям относились Общине сионисты, а затем во все убывающей степени – Либеральная и Независимая либеральная партии Израиля.

«Массовые» партии, как правило, формируются без привязки к выборам. Это – крупные организации, имеющие сложную внутреннюю структуру и высокую степень идеологизированности. Привлечение новых членов является основной политической и финансовой потребностью таких партий. Их программы для привлечения избирателей отличаются большим охватом проблем и широкими идеологическими установками, чтобы таким образом охватить самые широкие слои населения. Прием в партию открыт для всех граждан. То, чего «кадровые» партии достигают тщательным отбором и подготовкой своих членов и особенно функционеров, «массовые» партии стремятся добиться за счет увеличения численности. Как правило, это партии социалистической и социал-демократической ориентации – МАПАИ и МАПАМ. Однако в Израиле к такому типу принадлежат многие другие светские и религиозные партии, например, Ликуд, Мафдал,

а также некоторые другие, включая ИБА и Цомет, все больше и больше принимают вид массовых партий.

В целом всех, кто так или иначе вовлечен в сферу деятельности политических партий, можно условно разделить на несколько категорий: избиратели, сочувствующие, члены партии, активисты, функционеры и партийная элита. Численность, состав и влияние каждой из этих категорий является важными характеристиками партии. Для «кадровых» партий характерен значительный разрыв между численностью партии и проголосовавших за нее избирателей. У «массовых» партий основой электората являются сами члены партий и этот разрыв становится меньше. Известный израильский политолог А.Ариан исследовал соотношение членства с количеством проголосовавших за пять израильских партий на выборах в 1977 и 1979 гг. (такое соотношение называется «индексом членства»): Ликуда, Маараха, Демократического движения за изменение, Национально-религиозной партии и Независимых либералов и сравнил эти данные с результатами выборов²⁹ примерное соотношение в указанной последовательности получилось: 1:6, 5:8, 1:6, 5:8, 1:7. Наибольший разрыв получился у Маараха и НРП. У Ликуда и ДДИ, которые в те годы были более «кадровыми» партиями, это соотношение ниже. Несмотря на свое поражение на выборах 1977 года, «индекс численности» Маараха не изменился и на следующих выборах: примерное членство блока составляло на 1980 год 262871 человек, а проголосовало за него на выборах в 1981 году 708536 человек³⁰.

В настоящее время все политические партии ищут пути модернизации партийных структур, программ, способов повышения влияния партий. В деятельности партий на первый план выходят задачи избирательной борьбы и парламентской деятельности как главного направления противоборства за завоевание власти. Поскольку основным в достижении этой цели является завоевание поддержки большинства избирателей, усилились стремления партий к расширению социальной базы своей политики. В их платформах нашли отражения не только интересы своего «базового» класса, социального слоя, но и других групп населения. Меняется терминология и партийная атрибутика. Вошли в оборот новые термины – «партия для всех» («catch-all-party»), «партия народа», «партия большинства» и т.д.

Следует подчеркнуть, что любая существующая типология весьма условна и небесспорна. Существует большое число партий, занимающих промежуточное положение между основными типами, но имеющие сравнительно постоянные типовые характеристики. Кроме того, в настоящее время очень динамично меняются и преобразовываются социальные и идеологические ориентиры многих партий. Партии как своеобразный феномен политической жизни находятся в постоянном движении, саморазвитии. Это требует постоянного мониторинга эволюции партий, уточнения их типологии. Стремление партий перенести центр тяжести своей деятельности в сферу парламентской активности определяет и другие тенденции в их тактике. Партийное руководство усиливает поиск союзников, идет на создание

межпартийных блоков и объединений на основе общих задач. Идет активное достижение компромиссов в интересах укрепления позиции партии. Далее, партия активно формирует под своей эгидой внепартийные объединения, движения сторонников, молодежные клубы и другие организации для своих потенциальных сторонников. Через них партийное руководство пытается добиться более широкой поддержки их политики со стороны профсоюзов, женского, молодежного, кооперативного и других движений. Все это диктует более гибкую политику и к отказу от идеологического диктата, «руководящей роли» по отношению к массовым организациям.

Логика развития современных обществ, которая диктует необходимость в процессе межпартийного соперничества применять новые методы и знания в управлении общественными процессами, ставит новые серьезные проблемы перед политическими партиями. На исход выборов в Израиле все больше влияет не электоральный опыт и искусство партий, а современные дорогостоящие избирательные технологии, которые могут позволить себе только крупнейшие партии. Кроме того, поскольку в современном израильском обществе теряет свое бывшее значение идеология, составлявшее раньше мощное оружие израильских политических партий, это вынуждает их искать новые пути повышения эффективности политики в других сферах. Учитывая неограниченные возможности современных СМИ, оргтехники, компьютерных систем и других новшеств, израильские партии сокращают свой технический персонал, упрощают организационную структуру. Для обеспечения обратной связи широко используются социологические опросы, анкетирования, мониторинги общественного мнения.

Необходимо отметить, что в Израиле, наряду с бурным развитием вышеуказанных процессов, все еще не произошло окончательного отделения партий от деятельности исполнительных органов государственной власти. Во многих развитых странах Запада в целом идет замена так называемой «системы добычи», предполагавшей, что победившая партия возлагает на себя всю ответственность за государственную политику. Это означает, что в таких странах государственные должности в исполнительных органах занимают на постоянной основе чиновники-профессионалы, не обязанные своей карьерой какой-либо партии. Независимо от выборов и смены политического курса они остаются на своих местах, пока профессионально им соответствуют. В Израиле победившая на выборах партий и сформированная под ее эгидой правящая коалиция до сих пор старается взять все государственные дела в свои руки, распределяя основные государственные должности именно на основе «системы добычи». В израильском обществе фактически сохранилось единство партийной и государственной элиты. Однако уже сегодня очевидно, в данной области быстрыми темпами нарастают подвижки и изменения.

¹ См.: S.D.Jonson. Election Politics and Social Change in Israel. Middle East Journal, #16, Summer, p. 309-327. Election in Israel 1977. Ed. Asher Arian. Jerusalem, 1980, p. 219-220.

² Мапай возникла в 1930 году в результате объединения Ахдут Гаавода с Хапоэль Хацаир. В 1944 году часть партии Ахдут Гаавода вышла из Мапай, но вновь объединилась с ней в 1965 в Партию труда Израиля (ПТИ). В 1968 году к ПТИ присоединилась партия Рафи, образовав коалицию Маарах. В 1988 году коалицией было принято название Авода, а накануне выборов в 1999 году партия объединилась в избирательный список с партиями Гешер и Меймад, приняв название Единый Израиль. Однако на сегодняшний день Авода продолжает действовать как самостоятельная партия под своим прежним названием.

³ Херут объединилась в 1965 г с Либеральной партией, образовав блок Гахал, а в 1973 г. после присоединения Объединенной партии Лаам образован блок Ликуд.

⁴ См.: Arian Asher. The Second Republic Politics in Israel. New Jersey, 1998, p. 103,105; Выборы 1999 – итоги. Специальный выпуск партии Авода. (на русск.) Тель Авив, 1999.

⁵ Maurice Duverger. Political Parties, New York, 1963, p. 14-15.

⁶ Zenter P. Social Democracy in Britain: Must Labour Lose? L., 1982. Schmidt M.G. Wohlfahrtsstaatliche Politik unter Burgerlicher und Sozialdemokratischen Regierungen: Ein inter. Vergleich. Frankfurt 1984.

⁷ См.: Hyllip E. Converse, The Nature of Belief Systems in Mass Public in Ideology and Discontent, Ed. Davie E. After, N.Y., 1964; Ronald Inglehart and Hans D. Klingermann, «Party Identification, Ideological Preference and Left-Right Dimension among Western Mass Publics» in: Party Identification and Beyond, ed. Ian Budge, Ivor Crewe, and Dennis Farlie, London, 1976, 243-273 ;Daniel Shimshoni, Israel Democracy, N.Y., 1989; Politics in Israel. The Second Generation. Ed.Asher Arian, Chatham, New Jersey, 1985,265-280; Asher Arian, op. cit, 1998, 356-364.

⁸ Asher Arian, op. cit.,1985, с.265-280, Asher Arian, op. cit., 1998, с. 356-361.

⁹ Во второй половине XX века в странах западной демократии сложились три основных группы политических сил – «правые», «левые» и «центр», которые, чередуясь в той или иной последовательности, стоят у власти в государстве либо в относительно «чистом» виде, либо в различных сочетаниях одна с другой. Иными словами, был создан «цивилизованный» идейный спектр – социализм, либерализм, консерватизм. (См. Б.Г. Капустин. Идеология и политика в посткоммунистической России. М. 2000, с. 28).

¹⁰ См.: Голубев В.И. Пирогов А.И. Политология и политическая жизнь России, указ. Соч. с. 276.

¹¹ В 1961 году произошло объединение Прогрессивной партии и Общих сионистов в Либеральную партию. Однако в 1965 году Прогрессивная партия вышла из союза и образовала партия Независимых Либералов, а партия Общих сионистов осталась в качестве основной Либеральной партии.

¹² XX съезд Коммунистической партии Израиля. 4-7 декабря 1985 года. М., 1989. С.101-103.

¹³ Подробнее об идейном багаже израильских социалистических партий см. P.Medding. Mapai in Israel. Cambridge, 1972. Merchav P. The Israeli Left. History, Problems, Documents. N.Y., 1980. Rosenstein S. Ideology and Practice of Workers Participation in Management. Experience in Israel, Yougoslavia and England. Ann

Arbor, 1969. Shapiro Jonatan. The Formation Years of Israeli Labour Party. Halton Garden, 1976.

¹⁴ Текст программы см. Merchav P. The Israeli Left. History, Problems, Documents. N.Y. 1980, p. 132.

¹⁵ MAPAM – The United Workers Party of Israel Tel-Aviv, 1968, p. 5-8.

¹⁶ См. Socialist International Information, т. 21, 1970, № 3, с. 68.

¹⁷ Там же, т.5, 1955, №46, с. 622.

¹⁸ Israel Labor Party Bulletin. Tel Aviv, 1969, 1973.

¹⁹ См.: The Israel Labour Party. The Fifth Labour Party Congress Programm. Nov.-Dec. 1991. Tel Aviv, p. 2.

²⁰ Asher Arian. op. cit, 1998, с. 232-235.

²¹ См. в частности, Herut Election Platform, Tel-Aviv, 1961, 1965.

²² В догосударственный период «ревизионисты» также отказывались участвовать в работе Гистадрута и в 1924 году создали свой профсоюз Национальная трудовая федерация.

²³ См. Предвыборные программа Ликуда 1996, Тель-Авив, с. 11-12; Предвыборная программа Ликуда 1999, с. 24-25.

²⁴ См. «Израэль Ба-Алия». Движение за изменение национальных приоритетов. Проект программы. Тель Авив, 1995г, с. 3.

²⁵ Однако традиционные социалистические ценности в общественном мнении страны еще долгое время оставались приоритетными. Так, по результатам опросов общественного мнения, проводимых израильским Институтом прикладных социальных исследований с 1962 по 1977 годы, и Израильским исследовательским институтом в 1981-1992 гг., большинство израильтян считало себя социалистами или близкими к социалистам. В 1962 г. – 54% опрошенных, в 1969г. – 57%, в 1973 г. – 56%, 1981 г. – 60%, в 1984 г. – 56%, в 1988 г. – 41%, 1992 г. – 40%. См А. Arian. Op. cit, 1998, с. 385.

²⁶ См. Политология. Ред. Проф. М.А. Василик. М., 1999, стр. 344.

²⁷ См.: Maurice Duverger, Political Parties. New York: Wiley, 1963. Giovanni Sartori, Parties and Party Systems. Cambridge, England, Press, 1976. Arend Lijphart, Democracy in Plural Societies. New Haven, 1977.

²⁸ Там же.

²⁹ А. Arian, op. cit, 1985, с. 113-115.

³⁰ Там же, с. 115.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ И ЧАСТНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В ЕГИПТЕ

После создания в Египте мощного государственного сектора крупнейшие объединения капиталистов (такие как финансово-промышленная группа «Мыср») лишились своих крупных капиталов, которые были направлены на финансирование различных проектов и создание производственных структур с так называемой общественной формой собственности на производственные фонды.

Приход к власти А.Садата в 1970 г. положил начало проведению политики «Инфитах». Частный капитал получил возможность применения своих средств во всех отраслях экономики без каких-либо существенных ограничений. Но вскоре стало ясно, что он неохотно принимает участие в производственных проектах, больше занимаясь развитием сферы услуг, не требующей таких крупных капиталовложений, как промышленность или сельское хозяйство.

Помимо этого, частный капитал не выступал в роли серьезного инвестора предприятий созданного госсектора, низкая рентабельность, а подчас и полная хозяйственная несостоятельность которых не позволяли отчислять необходимую долю прибыли на модернизацию производства, что привело к моральному и физическому устареванию основных фондов, после которого существование общественного сектора без бюджетных дотаций стало невозможным.

Правительство Х.Мубарака, делая ставку на рыночные методы хозяйствования, осознало, что без проведения структурных и институциональных преобразований не удастся привлечь частные инвестиции в производственную сферу, и ориентировало свою деятельность на решение этой проблемы. Действия правительства в этом направлении преследовали две основные цели: развитие частного инвестирования через создание благоприятного инвестиционного климата и дальнейшую либерализацию экономики, изменение формы собственности на фонды предприятий общественного сектора.

Меры предусматривали и устранение препятствий на пути частных инвестиций, а именно: 1) доминирование государственного сектора в различных областях экономики; 2) широкий административный контроль; 3) контроль цен, торговых сделок, банковского процента и т. д.¹ Структурные преобразования начались в мае 1987 г. Причиной их послужило ухудшение экономических показателей: экономический рост к 1985 г.

одновременно с ростом совокупного спроса замедлился, к 1986 г. бюджетный дефицит достиг 20% от ВВП, инфляция составляла 24%, обслуживание внешнего долга ложилось тяжелым бременем на платежный баланс².

Один из существенных каналов поступления частных инвестиций в экономику – фондовый рынок. В свое время Египет получил кредит в 30 млн. долл. в рамках программы «Помощь Соединенных Штатов» для развития фондового рынка. Международная финансовая корпорация – частная компания, напрямую связанная с Всемирным банком, также оказала посильную организационную и консалтинговую помощь³. Усилия правительственных органов и помощь из-за рубежа привели к возникновению большого числа институциональных инвесторов. На апрель 1999 г. в Египте действовал 21 открытый и закрытый взаимный фонд денежного рынка, а также операторы шести офшорных стран и других региональных фондов⁴.

Местные фонды контролировали на финансовом рынке Египта около 3,83 млн. ег. ф. В фонды входило около 300 тыс. инвесторов, в их числе были банки, страховые компании, государственные пенсионные фонды, что свидетельствует об исключительной надежности фондов⁵.

Таблица 1 наглядно представляет положение на фондовом рынке девяти ведущих фондов Египта. Совокупный капитал всех фондов составляет 3830 млн. ег. ф., или порядка 1094,3 млн. долл. на 31 декабря 1998 г. Сумма астрономическая для египетских доверительных фондов, если принять во внимание тот факт, что с начала финансовой реформы прошло четыре года. Обращает на себя внимание уровень монополизации рынка: «Конкорд интернейшнл инвестмент Иджипт» контролирует 41,26% рынка. В числе инвесторов незначительно число трастовых фондов, взаимных фондов (присутствуют только «Иджипт интернейшнл фанд», «Ориент траст»), много банков, в числе которых известные («Банк Мыср», Национальный банк Египта, «Банк дю Каир», «Иджипшн галф бэнк»), представлен иностранный капитал, прежде всего американский, английский, иранский и др.

Правительство заставляет фонды хеджировать свои операции. Контроль за этим усилился после 1988 г., когда 502 тыс. мелких вкладчиков потеряли из-за банкротства нескольких исламских инвестиционных фондов около 3,8 млн. ег. ф. Несмотря на эти потрясения, египетский фондовый рынок остается достаточно привлекательным, в первую очередь для иностранных инвесторов, так как из-за недостаточной включенности Египта в мировую систему циркулирования капитала он является своеобразной тихой гаванью, особенно во время общемировых финансовых кризисов, позволяющей переждать потрясения⁶.

В то же время следует подчеркнуть, что такое количество фондов крайне велико при ограниченном числе инвесторов. Относительно не-

большое число инвесторов в расчете на один фонд вызвано недостаточной ликвидностью рынка, объясняемой низким уровнем доходов основной части населения. Если в развитых странах инвестирование через различные фонды – это попытка населения выгодно вложить свои средства, доход от которых будет несколько выше дохода, получаемого при простом размещении денег на банковских депозитах, то при анализе египетского фондового рынка можно предположить, что все выгоды от финансовых услуг египетских фондов получает самый обеспеченный слой общества, располагающий свободными активами.

Таблица 1

Фонды, их вкладчики, капитал фондов, доля рынка, контролируемая фондом на 31 декабря 1998 г.

Фонд	Инвесторы, входящие в фонд	Капиталы, размещенные инвесторами в млн. ег. ф.	Капитал фонда, всего млн. ег. ф.	Доля рынка, контролируемая фондом, %
«Конкорд интернейшнл инвестмент Иджипт»	Банк «Мыср I» Банк «Мыср II» «Эм Ай Бэнк» «Иджипт инт. Фанд»	500 300 280 500	1580	41,26
«Аль Ахиль фо инвестмент»	НБЕ I НБЕ II	200 300	500	13,05
«Хэмиз фанд мэнэджмент (ХФМ)»	«Дельта» «Банк дю Каир» «Иджипшн галф бэнк» «Эмерикэн экспресс»	50 100 100 300	550	14,36
«Иджипшн фанд мэнэджмент груп»	ЕАБ БОА	200 200	400	10,44
«Иджипшн Энглоу»	«Суиз кэнэл» «Элайд»	100 100	200	5,22
«Прайм инвестмент»	САИБ I САИБ II САИБ III	100 100 50	250	6,53
«Иджипшн инвестмент энд файненс компани»	«Ориент траст»	50	50	1,31
«Каиру потфэлио энд мэнэджмент»	«Экспорт дивэ-лопмент бэнк»	100	100	2,61
«Лэзэрд эссетс мэнэджмент»	«Мыср икстэриэ» «Мыср Иран дивэ-лопмент бэнк»	100 100	200	5,22
Всего		3830	3830	100

Взаимные фонды денежного рынка – наиболее универсальные инвестиционные институты, предоставляющие финансовое обеспечение как непосредственно под определенные проекты, так и осуществляющие такое обеспечение предприятий через фондовый рынок, покупая их акции.

Во втором случае инвестирование осуществляется через фондовую биржу. Таким образом, Каирская фондовая биржа – еще один канал поступления частных инвестиций на предприятия. Инвестирование в этом случае проходит через брокерские конторы биржи.

К настоящему времени точное количество брокерских контор на Каирской фондовой бирже не известно. Одни наблюдатели утверждают, что активно работают 150, другие – 200, третьи – 250 контор. Такое большое количество объясняется сравнительной легкостью регистрации брокерской конторы. Для ее регистрации необходимо иметь уставной капитал в 62,5 тыс. ег. ф., в то время как для регистрации акционерного общества и получения лицензии для выпуска своих акций необходимы 250 тыс. ег. ф.

Около половины стоимости всех сделок приходится на операции семи контор. Наиболее крупные из них – «Дельта» и «Эй Би Брокерэйдж» (бизнес семейства эль-Тахри, в который вложила капитал корпорация «Амэрикан экспресс»), «Интеркэпитэл сикьюритиз» (глава – Ахмед эль-Хелв), контора неегипетского резидента – банка «Эйч Эс Би Си». Самой биржей руководит Самех эль-Торгоман. В Египте действует агентство «Найл рейтинг», которое предоставляет оценочные данные обо всех участниках фондового рынка.

Один из самых крупных недостатков финансового рынка Египта – это задержка в проведении сделок. Между отдачей распоряжения брокеру и получением заказанных ценных бумаг может пройти три дня. Фирма «ЭФА софтуэ» в 2000-2001 гг. предоставит пользователям, работающим на фондовом рынке Египта, программное обеспечение, которое значительно облегчит процедуры купли-продажи ценных бумаг и позволит приблизить египетскую фондовую биржу к европейским стандартам, снизит уровень некоммерческих рисков. Возможности системы позволят работать в ней 50 тыс. абонентам вообще и 10 тыс. в режиме реального времени.

Не меньшая проблема – внебиржевые сделки брокерских контор. Если западная практика биржевого дела допускает проведение таких сделок (в основном через компьютерные системы), то египетская запрещает их проведение, так как в первом случае агенты заплатят налоги, а во втором – сделка проводится исключительно для уклонения от их выплаты.

Исключительно важное значение имеет решение, принятое в Египте директорами биржи, о предполагаемом подключении к создаваемой системе всех бирж Ближнего Востока, что значительно увеличит ликвидность египетской биржи⁸. Основные стоимостные показатели биржи представлены в табл. 2⁹. Обращает на себя внимание быстрое количественное расширение этих показателей. Такое неестественно быстрое поступление на фондовый рынок свободных капиталов не имеет прецедента. В США, с их сверхразвитой системой ведения биржевого дела, не наблюдалось такого массированного поступления инвестиций даже во время образования взаимных фондов денежного рынка и депозитных счетов денежного рынка.

Таблица 2

Основные показатели фондовой биржи Египта

	1985-1990 гг.	1991-1993 гг.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	Январь-апрель 1997 г.
Торговый оборот фондового рынка Египта, млн. ег. ф.	179	531	2557	3849	10968	25995
Рыночная капитализация млрд. ег. ф.	3,6	10,8	14,5	27,4	48,1	...
Новые выпуски акции млрд. ег. ф.	...	2,1	4,9	8,3	16,5	19,9

Ситуация на египетском фондовом рынке может объясняться только невозможностью применения свободного капитала внутри Египта и жестким контролем за его перемещением как внутри страны, что существовало до либерализации, так и, естественно, за рубежом. Однако как только инвесторы ощутили изменения в политике правительства в отношении частных инвестиций, они сразу отреагировали на это, поэтому резкая активизация на рынке приходится на 1991-1994 гг.

Всего же за рассматриваемый период, т.е. за 1985 – первый квартал 1997 г. оборот рынка увеличился в 145 раз, рыночная капитализация за 1985-1996 гг. – более чем в 13 раз, а выпуски новых акций только за первый квартал 1997 г. превысили в 9,5 раз аналогичный показатель за 1991-1993 гг. С другой стороны эти числа наглядно показывают высокую степень неэффективности в использовании капитала, который вместо применения нуждающимися в нем предприятиями, лежал, судя по всему, на депозитных счетах египетских банков и только после либерализации стал активно использоваться.

Как видно из табл. 2, частный капитал, бесцельно лежавший на счетах банков, был достаточно значительным, в то же время не следует забывать и о том, что в Египте существует и внебиржевой рынок, о капитализации которого можно только догадываться. Поступления египетских частных инвестиций направляются, преимущественно, на предприятия промышленного сектора и сферы услуг. Что касается сельского хозяйства, то из-за докapiталистических форм землевладения и землепользования частный капитал крайне неохотно идет в эту сферу по причине отсутствия соответствующих гарантий.

Как известно, процесс инвестирования происходит в следующих формах: 1) создается местное представительство; 2) ввозится продукт с целью его переупаковки; 3) создается завод по производству импортируемой продукции (как правило, комплектующих); 4) создается сборочный завод, комплектующие части для которого частично производятся в принимающей стране; 5) создается производство полностью на базе иностранных инвестиций; 6) средства вкладываются в ценные бумаги, выпущенные в принимающей стране. В первых пяти случаях инвестор сталки-

вается с необходимостью выплаты местных налогов, тяжесть которых напрямую влияет на инвестиционный климат.

В египетском налоговом законодательстве за последние годы произошли некоторые изменения. Так, были изменены налоги с корпораций: 1) отменен налог на расходы, налоги, связанные с выплатой процентов на вложенный капитал; 2) отменена система «добавление-дисконт», предполагающая удержание налога, которая вводилась после достижения определенного уровня произведенных внутригодовых расходов; 3) налоговые льготы предоставляются крупным кредиторам; 4) в октябре 1997 г. в Египте введена новая упрощенная система калькуляции по выплатам с основного капитала¹⁰.

Небольшие льготы получили агенты, инвестирующие средства в основной капитал. Важнейшие налоги, которые необходимо будет заплатить потенциальному инвестору, к настоящему времени можно разделить на следующие группы: а) налоги мухафазатов (в каждом мухафазате – свои особенности); б) налоги центрального правительства. Ко вторым относятся, прежде всего, налоги на доходы корпораций. Юридическая база этого налога – закон № 157/1981 и поправка к нему № 187/1993. Объекты налогообложения – как местные, так и иностранные корпорации (включая СП, АО, предприятия госсектора), работающие в промышленной, торговой, банковской сферах, добыче полезных ископаемых, осуществляющие брокерские услуги, торговый лизинг и т.д., кроме акционерных обществ с ограниченной ответственностью, деятельность которых регулируется законом о компаниях № 159/1981.

Предметы налогообложения: все прибыли, включая поступления от ренты, премии; заработная плата и бонусы; гранты; выплаты из социальных фондов, фондов накопления, пенсионных фондов; инвентарные стоимости; выплаты из правительственных фондов; поступления от социальных институтов (только 7% от сумм); от выданных кредитов (5%). АО выплачивают часть от средств, вложенных акционерами по ставке, определенной Центральным банком; выплачивается стоимость зданий (2%); 6% от стоимости оборудования; 12,5% от стоимости гостиничного оборудования; 10% от стоимости машинного оборудования (этот налог уменьшается на 25% в случае установки нового оборудования, помимо этого, по закону № 59/1979 предоставляются налоговые каникулы, в течение которых выплачивается 10% от необходимых налогов для предприятий в новых городских коммуналистских образованиях, закон № 230/1989 регулирует предоставление налоговых каникул инвесторам на территории свободных зон).

Промышленные предприятия и предприятия сферы туризма облагаются по специальным налоговым ставкам, что же касается инвестиций вообще, то доходы от них могут получить налоговые льготы на срок от пяти до 15 лет. На налоговые пятилетние каникулы по закону № 187/1993 могут рассчитывать и те, кто имеет на предприятии 50 и более работающих.

Помимо налогов, взимаются пошлины на импорт машинного оборудования (5%). Налоговые ставки в Египте следующие: прибыль свыше 18 тыс. ег. ф., полученная в сфере промышленности и экспорта, облагается налогом в размере 32%; в области нефтеразведки – 40,55%; прибыль от других видов

деятельности – 40%; от производства услуг – 2%; однако обычная практика такова: предприятие платит 32% плюс 2% (налог на развитие)¹¹.

Частные лица выплачивают налоги, перечисленные законом № 187/1993: налог на недвижимое имущество, на доход от производственной деятельности, на движимое имущество, налог на зарплату. Первые три имеют твердую ставку, последний – прогрессивную. Налоги, выплачиваемые только египтянами, оговорены в законе № 208/1994. Декларации о доходах должны быть представлены до первого апреля. Закон № 208/1994 регулирует и вопросы налогообложения доходов египтян, работающих за границей. Пенсии и доходы от страхования облагаются налогами как зарплата. Налоги с частных лиц снижаются, если доход ниже 4 тыс. ег. ф. в год или если страховые выплаты совершаются египетской страховой компанией.

Ставка налога на доходы частных лиц – 20% при доходе в 50 тыс. ег. ф. в год, на доходы свыше 50 тыс. ег. ф. – ставка 32%. Что касается доходов частных лиц от 18 тыс. до 50 тыс. ег. ф., то они облагаются налогом в 2% (на развитие). Движимое имущество облагается налоговой ставкой в 32% плюс 2% на развитие.

Закон № 208/1994 и ст. № 8 закона № 111/1983 регулируют налоговое обложение неегипетских резидентов и эмигрантов¹². Выплачивается и объединенный налог на доходы от трудовой деятельности, ренты, доходы от социальных выплат. В первом случае ставка составляет на доходы: до 2,5 тыс. ег. ф. – 20%; от 2501 до 7 тыс. ег. ф. – 27; от 7001 до 16 тыс. ег. ф. – 35; от 16001 до 27 тыс. ег. ф. – 40; от 27001 до 68 тыс. ег. ф. – 45; от 68001 и выше – 48%, плюс 2% на развитие. Движимое имущество иностранцев облагается налогом 32% плюс 2% на развитие.

Налогом с поступлений от социальных фондов облагаются, согласно законам № 79/1975, 25/1977 и 47/1984, доходы рабочих государственного и частного секторов.

Налог на недвижимость (землю) взимается, согласно законам № 53/1995 и 113/1989. На здания – в соответствии с законами № 56/1954, 129/1961 и 136/1981. В первом случае взимается налог 20% на земельную собственность менее 3 федданов, однако на практике взимается так называемая базовая ставка – 14%. Необходимо помнить, что налог на землю взимается, в основном, в сельской местности, где налоговая дисциплина меньше, чем в городе, а значит поступления в бюджет от этой статьи неполные.

Базовая ставка на здания составляет 20%, но только для построенных после 1981 г. и не входящих в класс «люкс», а также не являющихся госпиталями, религиозными учреждениями, школами, зданиями, освобожденными от налогов согласно специальным законам. Жилые здания облагаются по ставке 10-40% в зависимости от количества комнат. В Каире и Александрии ставка больше.

Налоги на производство товаров и услуг перечислены в законах № 11/1991, 180/1991, 259/1993 и 34/1994. Согласно этим законам, предприятия с оборотом менее 54 тыс. ег. ф. не облагаются налогами, не облагается налогами и практически вся экспортная продукция, а также поступления

в/из свободных зон. Не облагаются налогами и товары группы А (продукты питания, цветы, продукты для ресторанов, природный газ и бутан, животные, бумажные и картонные изделия).

На все остальные, облагаемые налогами доходы, налагается налог со ставкой в 10%, однако она может колебаться от 5 до 25%. Процентной ставкой в 5% облагаются доходы от туризма, от услуг автотранспорта, телеграфных и телефонных услуг, от продажи и производства кофе, хлеба, мыла и бытовой химии, удобрений, инсектицидов, гипса, строевого леса.

Базовой ставкой в 10% облагаются доходы от услуг связи, частного извоза, социального обслуживания, производства большинства товаров. Ставкой в 25% – доходы, полученные от производства телевизоров, рефрижераторов, аппаратов глубокой заморозки, магнитофонов и радиоприемников, кондиционеров, фото-, видео- и кинокамер, парфюмерных и косметических изделий, канделябров, видеопленки, мотоциклов объемом двигателя от 1600 до 2000 куб. см, автобусов, грузовых автоприцепов, джипов и других автомобилей¹³.

Обложение услуг регулируется законами № 147/1984, 5/1986 и 520/1994 – ставка может составлять от 5 до 40%. Налоги на импорт кодифицированы законами № 66/1963, 351/1986, 186/1986, 187/1986, 304/1989, 305/1989, 178/1991, 249/1993 и 38/1994, в которых используется брюссельская система обозначения номенклатуры товаров. Ставка обложения может составлять 5-70%. На алкоголь она составляет 600-3000% (алкоголь, провозимый туристом, облагается налогом в 300% от стоимости), на пассажирские автомобили 135-160%, с импортного табака взимается от 6,1 до 9 ег. ф. за кг. Самые высокие налоги уплачиваются не с импорта средств производства, а с импорта готовой продукции¹⁴. Существует группа товаров, освобожденная от налогов.

Немногочисленные налоги на экспорт составляют 11 ег. ф. на трубы и лом за метрическую тонну; 0,6 ег. ф. на 100 г патоки; 1,2 ег. ф. на тонну кожи; с предметов старины, вывозимых из страны, уплачивается пошлина в 5% от стоимости вывозимого предмета¹⁵.

Гербовые и другие сборы – 50 ег. ф. за регистрацию предприятия; 0,1 ег. ф. за чек или другой платежный документ; 0,3 ег. ф. за печать; 0,3% от стоимости купленной или проданной облигации на бирже. Те же правила действуют и в отношении операций с векселями плюс 0,1 ег. ф. за печать. За регистрацию предприятий, обозначенных в законе № 59/1981 (АО), взимается сбор за регистрацию в сумме от 900 до 1800 ег. ф. За регистрацию товарищества взимается сбор 90 ег. ф.¹⁶

Самые крупные плательщики налогов – Египетская генеральная нефтяная корпорация и Суэцкий канал. Обе эти корпорации производили 3% ВВП на 1992/93 г., что свидетельствует, прежде всего, об их экономической значимости.

Со всеми этими налогами сталкиваются те инвесторы, которые направляют свои инвестиции непосредственно для вложения в производство на территории Египта. Как видно из представленного материала, в

стране поощряется предпринимательская деятельность, что подтверждается низкими налогами, взимаемыми с предприятий. Как и в большинстве стран, в Египте поощряется экспортная ориентация хозяйственной деятельности, налоговые рычаги используются для стимулирования ввоза в страну производственного оборудования. В тоже время поставлен таможенный заслон на пути товаров, аналогичных производимым внутри страны.

Совокупность налоговых постановлений и законов создала в Египте благоприятные условия для производственной деятельности. Подавляющее большинство предпринимателей выплачивает налоги в полном объеме, не желая иметь проблем с законом, перечисляя примерно 32-34% от налогооблагаемой прибыли. Эта «базовая» ставка, которую в то же время нельзя назвать низкой, обеспечивает большую часть правительственных доходов от налоговых сборов. Обращает на себя внимание развитая система налоговых каникул: предприятие может получить их на срок до 15 лет, за время которых успеет начать хозяйственную деятельность и получить солидную прибыль.

Правительственная налоговая политика привела к следующим итогам: если в 1985 г. от налогов было получено 8272 млн. ег. ф., то в 1990 г. – 16091 млн., а в 1994 г. – 39605 млн. ег. ф. (цены 1985 г.). Корпорации выплатили за эти же годы 1650 млн. ег. ф., 2983 млн., 9524 млн. ег. ф. соответственно, что является косвенным подтверждением успешной хозяйственной деятельности. Индивидуальные налогоплательщики увеличили налоговые отчисления с 160 млн. ег. ф. в 1985 г. до 457 млн. в 1990 г., а в 1994 г. перечислили 1136 млн. ег. ф. Но самые быстрорастущие темпы по увеличению прибыли и, соответственно, налоговых отчислений показал мелкокапиталистический сектор, выплачивавший с 1985 по 1987 г. по 1 млн. ег. ф. ежегодно, с 1988 по 1992 г. – по 4-5 млн. ег. ф., а в 1993 г. – сразу 9 млн. ег. ф. Рекордным стал 1994 г., когда было выплачено 13 млн. ег. ф., и такая тенденция, видимо, будет сохраняться¹⁷.

Египетскую налоговую систему отличает четкость поставленных целей и простота. Отсутствует разветвленная система постановлений и подзаконных актов, усложняющая расчеты предприятий с бюджетом. Этим объясняется ее успешное функционирование, обеспечивающее постоянно увеличивающиеся поступления в налоговые органы. Можно утверждать со всей ответственностью, что в Египте была создана и действует налоговая система, наиболее приспособленная для мобилизации внутренних и иностранных инвестиций.

Иностранные инвестиции имеют некоторое отличие от местных по механизму поступления в экономику, по методам использования их в производственных проектах и т. д. Иностранные инвестиции, имеющие опосредованное влияние на человеческий капитал, играют и важную роль в решении социальных проблем, устраняя неравномерность в распределении доходов, так как на предприятиях с участием иностранного капитала у персонала зарплата выше, чем в целом по стране, что повышает жизненный уровень рабочих, занятых на предприятии, использующем иностранные инвестиции по отношению к уровню жизни наиболее обеспеченных

слоев. В то же время инвестиции могут поступить и на отечественные предприятия, что будет способствовать модернизации последних. Так или иначе, инвестиции обладают мультиплицирующим эффектом для экономики страны-реципиента, вызывая расширение совокупного предложения на сумму, превышающую начальную стоимость полученных инвестиций.

В настоящий момент существуют и довольно экзотические формы инвестирования, которые появились в результате действия процессов глобализации, введения глобальных компьютерных сетей и виртуальных инвестиционных фондов¹⁸. Иностранные инвестиции никогда не играли существенной роли в экономике Египта. Ценность их состоит в том, что, выторговывая для себя наиболее благоприятные условия, иностранные инвесторы подспудно развивали египетские институты инвестирования, т.е. служили инициаторами прогресса египетских агентов.

Вопросы, касающиеся иностранных инвестиций, тесно связаны с валютным регулированием, существующим в стране-реципиенте. Регулирование валютного курса центральным египетским банком – тема достаточно дискуссионная, однако невозможно отрицать тот факт, что нерыночное его установление порождало различного рода диспропорции в ценообразовании на импорт в Египет, что относилось и к инвестициям, обменивавшимся в Египте в принудительном порядке на египетские фунты по официальному курсу, который фактически уменьшал их реальную стоимость, а поэтому использование в банковском деле курса черного рынка, а фактически его узаконивание – главное требование, предъявляемое иностранными инвесторами, и главный пункт программ, предлагаемых международными финансовыми организациями Египту в качестве планов реформ.

Реформы преследовали следующие цели: 1) ввести новый межбанковский валютный рынок; 2) создать первичный и вторичный валютные рынки к февралю 1991 г.; 3) провести унификацию этих рынков к 2 октября 1991 г.¹⁹ До либерализации финансовой системы межбанковский рынок иностранной валюты был организован в виде двух пулов. Пул, контролировавшийся центральным банком, осуществлял операции с экспортом валюты, хлопка, риса, работал со счетами Суэцкого канала, финансировал операции по импорту важнейших продуктов питания (муки, зерна, растительных масел, чая, сахара и т.д.), по импорту инсектицидов и удобрений, проводил большинство операций по счетам госсектора. Пул коммерческих банков осуществлял переводы египетских рабочих из-за рубежа, финансовые операции фирм, занимающихся туризмом, операции экспортеров, не проходившие по счетам первого пула. Существовал еще и третий пул – небанковский, свободный, нелегальный рынок, к которому власти относились достаточно терпимо, так как это был один из источников формирования второго пула.

Операции по валютным счетам в первом пуле шли к началу реформы по курсу 0,7 ег. ф. за 1 долл. США, второй пул проводил операции по курсу 1,36 ег. ф. за 1 долл., третий пул четкой ставки не имел²⁰.

По оценкам МВФ, формирование нового валютного рынка привело к инфляции и к еще большему расхождению между номинальным и реаль-

ным валютным курсом, когда же валютная система была полностью либерализована (к февралю 1991 г.), наблюдался приток по счетам платежного баланса в 1,7 млрд. долл. между 1991 и 1994 гг., текущие платежные балансы сводились с профицитом. К концу 1996 г. золотовалютные резервы достигли отметки в 20 млрд. долл.²¹

После 11 мая 1987 г. валютный курс во всех банках был установлен на уровне 2,165 ег. ф. за 1 долл., причем этот процесс также проходил поэтапно: сначала первый пул 15 августа 1989 г. увеличил ставку с 0,7 до 1,1 ег. ф. за 1 долл., а вслед за этим 1 июля 1990 г. ставка достигла отметки 2 ег. ф., к концу 1990 г. – 3 ег. ф. Окончательная унификация произошла 8 октября 1991 г., когда два рынка слились в один²². Эти преобразования привели к тому, что дивергенция между номинальным и реальным валютными курсами (отношение разницы параллельного и официального валютных курсов к официальному курсу) составляла к 1991 г. – 1,03 (в 1980 г. она достигала – 2,9, в 1986 г. – 2,9; в 1988 г. – 3,5), что свидетельствует об устранении диспропорций на валютном рынке²³. Необходимо отметить, что египетский фунт «привязан» к доллару, как и валюты Омана, Ирака, Ливии (с 1986 г.), Сомали (с 1982 г.), Судана, Сирии, Йемена. Валюты Бахрейна, Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ, Иордании «привязаны» к специальным правам заимствования МВФ (SDR). По покупательной способности валют рассчитывают валютные курсы в Тунисе, Марокко, Мавритании, Алжире, Кувейте. Ливан имеет валютный курс, определяемый целым набором рыночных показателей²⁴.

Впоследствии ставка валютного курса менялась, однако иностранные инвесторы получили возможность сотрудничать через финансовую сферу с предприятиями так называемого госсектора, валюта стала доступна для многих предприятий, была унифицирована система внешних транзакций, снят контроль над внутренними ценами, отменены субсидии на продукты питания, дальнейшее развитие получила приватизация²⁵.

К настоящему времени расчетно-банковская система Египта имеет следующие характеристики: 1) правительственный импорт, как и импорт госсектора оплачивается в свободных ценах, а не с валютных счетов специально уполномоченных банков; 2) предприятия частного сектора получили возможность свободно импортировать любые товары по свободным ценам; 3) всем банкам разрешено проводить оплату импортных операций; 4) практика использования специальных депозитов по обслуживанию импортных операций прекращена; 5) после легализации всех незаконных потоков иностранной валюты, которые проходили через Судан, банки получили возможность с ними работать; 6) агенты теперь могут оплачивать импортные товары и услуги в нелимитированных размерах; 7) банки могут продавать валюту специальным учреждениям, имеющим соответствующую лицензию, деятельность которых регулируется текущим инвестиционным законодательством; 8) нерезиденты не имеют права оплачивать покупки через обращающиеся платежные документы и дивизы в местной валюте (это право предоставлено только гражданам

Египта и иностранцам, зарегистрированным в Египте на срок более пяти лет)²⁶; 9) никаких лицензий не требуется для экспортных операций, кроме экспорта некоторых товаров: нефти, хлопка, риса, доход от которых должен возвращаться в Египет. Это же относится и к доходам от продажи книг и других печатных материалов.

Иногда разрешается удерживать доходы от других видов экспорта на специальных счетах в лицензированных для этого банках для того, чтобы использовать доходы в импортных операциях или расчетах по перечислению или для оплаты услуг и товаров. То есть эти средства не могут использоваться в виде наличности, а служат только для перечисления за рубеж, или депонироваться на счетах в банке; 10) можно ввезти любое количество наличной валюты, но вывезти можно только на сумму не более 100 ег. ф.; 11) не накладываются ограничения на вывоз заработков эмигрантов или иностранцев, живущих постоянно в Египте, эти же разрешения действуют и в отношении алиментов; 12) финансовые операции по закупке иностранных и продаже за рубеж египетских облигаций осуществляются через специально уполномоченные для этого банки, аккредитованные как брокерские; 13) инвестиции за рубеж осуществляются и регулируются в соответствии с действующим инвестиционным законодательством; 14) имущество и средства, полученные в результате наследования собственности иностранцев, должны быть перечислены на непереводимый счет в лицензированном банке. Те же ограничения налагаются и на часть имущества, полученного в Египте иностранцами. Средства с такого счета могут использоваться только для оплаты налогов, а сам счет пополняется без каких-либо ограничений; 15) весь объем расходов в Египте, сделанный иностранцами, должен быть сделан наличностью, полученной в результате обмена по курсу банка, проводившего обмен. Выручка от продаж, полученная иностранцами, переводится без ограничений; 16) контрольная система регулирует возможность банков получать прибыль от операций с иностранными резидентами через ограничения объемов сделок по отношению к банковской наличности в иностранной валюте в их собственном (банковском) капитале²⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что к настоящему времени государственные и относящиеся к ним организации, контролирующие значительную часть предприятий, уравниваются в правах с частными в обслуживании импортных поступлений как товаров, так и капиталов. Внутри страны были легализованы валютные операции, что облегчило получение иностранных инвестиций большим количеством предприятий. Легализация поступавшей через Судан незарегистрированной валюты, направлявшейся в страну в обход действовавшего законодательства, свидетельствовала о трезвом подходе к проблеме со стороны государственных органов, которые, осознав неэффективность действовавшего порядка валютного контроля, перешли от запретительных мер по отношению к данному явлению к контрольным, обеспечив государству еще и налоговые поступления. Был значительно упрощен порядок циркулирования некоторых видов иностранных и египетских ценных бумаг. Значительно упрощено перемеще-

ние прибылей, полученных от хозяйственной деятельности на территории страны, что добавило инвестиционной привлекательности Египту.

Одновременно с послаблениями сохранились барьеры на пути иностранного присутствия в финансовой сфере. Иностранные фирмы могут осуществлять свои операции, только пройдя определенную процедуру, которая фактически уравнивает их с египетскими агентами, что важно для становления полноценной египетской финансовой системы. Помимо этих ограничений, принят и действует закон, согласно которому 25% выручки отелей в обязательном порядке пересылается на специальные счета. Счета взаимных фондов денежного рынка и депозитных счетов денежного рынка должны сохранять 10% своей выручки.

Главный канал поступления иностранных инвестиций в страну – вторичные финансовые рынки. В настоящее время в структуре международных финансовых потоков преобладают частные инвестиции, что обусловлено кризисом платежеспособности ряда развивающихся стран, который позволил исследователям уже в конце 80-х годов утверждать, что масштабного притока ссудного капитала в эти страны в рамках межгосударственного кредита в ближайшем будущем не будет²⁸. Количество же частных инвестиций не только не уменьшилось, но и увеличилось.

В вывозе капитала среди развитых стран лидируют США, которые, согласно табл. 3, постоянно опережали Францию, Германию, Японию и Великобританию на протяжении 1987-1992 годов по этому показателю, достигшему в 1992 г. 474 млрд. долл. Самые быстрые темпы роста были у Франции и Японии, которые увеличили вывоз капитала за рассматриваемый период примерно в 4 и 3 раза соответственно. Эти страны вывезли в 1992 г. 151 млрд. долл. (Франция) и 251 млрд. долл. (Япония).

Таблица 3

Прямые иностранные инвестиции за 1987-1992 гг.*
в млрд. долл. в текущих ценах

	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Франция	41	56	75	110	134	151
Германия	91	104	122	140	169	186
Япония	78	112	156	204	235	251
Великобритания	135	172	208	226	244	259
США	339	353	379	408	438	474
Итого	684	797	940	1088	1220	1321

* UN. World Investment Report 1993. Transnational Corporation and Integrated International Production – N.Y., 1993. – С. 14.

В последние годы физические и юридические лица России также получили возможность инвестировать свои средства в экономики развивающихся стран вообще и арабских стран, в частности. Так на российском рынке финансовых услуг действует группа консалтинговых компаний «И Эн Си», предоставляющая возможность инвестировать средства в зону Персидского

залива и, непосредственно, в экономику Бахрейна, на территории которого создана, помимо прочего, оффшорная зона. Банк «СБС Агро» предоставляет услуги по перечислению денежных средств на счета крупнейших египетских банков, имеющих взаимные фонды денежного рынка и финансирующих те или иные проекты. В число таких банков входят банк «Мыср», Египетско-Американский банк, Национальный банк Египта и др.

Потоки иностранных инвестиций в арабские страны незначительны в стоимостном отношении. Так, в 1992 г. сумма инвестиций Франции, Германии, Японии, Великобритании, США составила 1321 млрд. долл. (см. табл. 3), а совокупные иностранные инвестиции в экономику Алжира, Египта, Марокко, Судана, Туниса составили 1192 млн. долл. Таким образом, иностранные инвестиции в арабские страны Африки составили 0,06% от суммы, вывезенной развитыми странами за тот же период.

Объем иностранных инвестиций в арабские страны Африки и соотношение их к ВВП представлены в табл. 4. Из нее следует, что поступления из-за рубежа незначительны по отношению к ВВП во всех представленных странах. Самые большие успехи по привлечению иностранного капитала у Египта. Явный аутсайдер – Судан, из экономики которого за 1986-1990 и 1991-1993 гг. иностранные инвесторы выводили свои средства.

Таблица 4

Иностранные инвестиции в арабские страны*
млн. долл./% от ВВП

	1981-1985 гг.	1986-1990 гг.	1991-1993 гг.
Алжир	-7,9/-0,02	6,8/0,01	8,7/0,02
Египет	688,7/2,42	1076,9/3,1 1	401,7/1,12
Ливия	-272,2/-0,95	17,6/0,06	135,2/0,3
Марокко	50,4/0,36	95,4/0,45	422/1,51
Судан	5,9/0,07	-3,3/-0,03	-0,2/0
Тунис	207,6/2,5 3	74,1/0,73	224,4/1,7

* UNCTAD. Foreign Direct investment in Africa. – New York and Geneva, 1995. – С. 96.

Египет выгодно выделяется и среди остальных неарабских стран Африки: только Нигерия привлекает больше инвестиций, обгоняя по этому показателю Египет. Арабские же страны Северной Африки вообще, в совокупности с Нигерией, получают около двух третей инвестиций, направляемых в Африку²⁹. Лидирующее место Египта в ряду арабских стран-получателей иностранных инвестиций обусловлено, прежде всего, политикой либерализации экономики, проводимой правительством.

Обычно выделяют несколько факторов, оказывающих прямое воздействие на экономику страны, активно использующей иностранные инвестиции. Инвестиции, поступающие в добывающую промышленность страны-реципиента, с одной стороны, увеличивают сырьевую направленность

ее импорта, с другой – способствуют увеличению рабочих мест на создаваемых предприятиях и служат генератором деловой активности³⁰.

Развитие процесса инвестирования во многом обусловлено желанием ТНК снизить свои издержки производства из-за высокой стоимости рабочей силы в развитых странах. Таким образом, инвестирование для создания современных производств в развивающихся странах с последующим набором персонала из числа местных жителей – это инвестирование в человеческий капитал. Именно инвестиции такого рода дают наибольший эффект, выраженный в увеличении экспорта из страны, принимающей инвестиции, приводят к диверсификации экспорта, увеличению импорта сырья, если не хватает добываемого внутри страны.

В экономике страны-реципиента может использоваться стратегический тип инвестирования, когда иностранные инвестиции направляются в области, прогресс в которых позволит получать выгоду в кратко- или долгосрочной перспективе. В качестве примера таких инвестиций можно привести инвестиции Японии и Южной Кореи в микроэлектронику США³¹. Таким образом, можно утверждать, что иностранные инвестиции – это ускоритель экономического и социального прогресса в стране-реципиенте. С финансовой точки зрения поступивший в страну капитал выправляет платежный баланс, влияет на количество валюты в стране, на торговые потоки и, конечно, на валютный курс³².

Инвестирование аккумулированных средств на иностранных финансовых рынках является институциональным процессом при крайне незначительном присутствии отдельных, не входящих в накопительные фонды инвесторов, осуществляемым корпоративными операторами, как правило ТНК и ТНБ. Если в стране существует развитая система абсорбирования иностранных инвестиций, отображаемая биржевой, международнопризнанной системой индикаторов (из всех арабских стран ее имеют только Египет – Cairo SE Gen, Марокко – CASA, Иордания – Amman SE), то инвестирование заключается, в основном, в приобретении ценных бумаг акционерных компаний, которые таким образом привлекают необходимые им средства, если же система недостаточно развита, то используют практику прямых инвестиций, иногда с хеджированием.

Отношение прямых инвестиций к валовым, а также отношение количества хеджированных к стоимости валовых можно использовать как своеобразный индикатор при анализе уровня развития систем финансовых рынков развивающихся стран и для характеристики инвестиционного климата страны. Так, Египет получил прямых инвестиций за 1981 г. 948 млн. долл., за 1988 г. – 1190 млн., за 1989 г. – 1250 млн., за 1990 г. – 734 млн., за 1991 г. – 235 млн. долл.³³

За эти же годы иностранными и местными инвесторами было куплено акций в 1981 г. на сумму 1901 млн. долл., в 1985 г. – 5345 млн., в 1990 г. – 4467 млн. долл.³⁴ Как видно из представленного выше, вложение в ценные египетские бумаги инвесторы находят достаточно выгодным. Они доверяют складывающейся системе фондоразмещения денежных средств, а некоторое уменьшение объема купленных бумаг в 1990 г. свидетельствует о неко-

тором спаде деловой активности, наступившем в египетской экономике в начале 90-х годов.

Примечателен тот факт, что египетские инвесторы в это время также вывозили капиталы для вложения их за пределами Египта, причем изменения в объемах вывезенных капиталов синхронны с изменениями объемов капиталов, ввезенных и размещенных в египетских ценных бумагах. Так, в 1980 г. было вывезено 27 млн. долл., в 1985 г. – 79 млн., в 1990 г. – 65 млн. долл. для размещения на иностранных финансовых рынках³⁵. Что касается синхронности изменений ввоза и вывоза капитала, то в данном случае она объясняется изменениями конъюнктуры в рамках делового цикла.

Транснациональные корпорации и банки используют определенные механизмы работы в развивающихся странах, базирующиеся на следующих принципах: головная фирма создает филиал, с которым взаимодействует предприятие, созданное на египетской территории на правах субконтрактора или поставщика. При такой схеме продукция реализуется либо на территории Египта, либо на территории той страны, которая экспортирует капитал (исходя из характера продукции). Другая схема подразумевает иное использование капитала на территории Египта: головная фирма, предприятие созданное в Египте, его филиалы (как на территории Египта, так и за его пределами) представляют из себя единую производственную структуру, продукция которой может быть реализована в Египте, стране-экспортере капитала, в третьей стране³⁶.

Помимо этих факторов, сравнительно недавно появился еще один, который заставил иностранных инвесторов еще пристальнее следить за процессами, происходящими в экономике Египта и ошутимее участвовать в экономическом развитии страны. Этот фактор – приватизация предприятий госсектора. Здесь необходимо оговориться: под предприятиями госсектора здесь подразумеваются те предприятия, которые в англоязычной и арабоязычной литературе обозначаются как общественные по форме собственности на средства производства. Непосредственно же государственные предприятия, от деятельности которых зависит национальная безопасность и которые являются государственной собственностью, никто не собирается приватизировать.

Сама приватизация – теоретически проработанный процесс. Она была согласована с МВФ еще в начале 90-х годов, а в мае 1991 г. Египет заключил с МВФ соглашение о проведении Программы экономических реформ и структурных преобразований (ERSAP). Эта программа включала в себя: 1) мероприятия по конвертации египетского фунта; 2) достижение эффективности налоговой и фискальной политики для использования ее при смягчении негативных последствий инфляции; 3) реструктуризацию и приватизацию предприятий так называемого общественного сектора; 4) увеличение роли частного сектора; 5) отмену субсидий на электроэнергию и основные продукты потребления; 6) запуск рыночных механизмов ценообразования; 7) либерализацию импортных сделок; 8) выведение из-под контроля государства цен на сельскохозяйственную и промышленную

продукцию; 9) стимуляцию притока иностранных инвестиций в страну; 10) реформирование юридической системы; 11) легализацию межбанковской конкуренции; 12) активизацию фондового рынка³⁷. Всемирный банк выделил для реализации этой программы кредит в 300 млн. долл. в ноябре 1991 г., при поддержке Европейского финансового фонда³⁸.

К началу проведения программы инвестиционное законодательство было модернизировано: по закону № 230/1989 было разрешено полное владение иностранными инвесторами предприятий, расположенных на территории Египта. Это привело к некоторому увеличению валовых иностранных инвестиций, которые достигли 10,7 млн. ег. ф., а с инвестициями в свободные зоны – 15,3 млн. ег. ф., которые были направлены для осуществления 482 новых промышленных проектов и для финансирования 293 проектов, находящихся на разной степени готовности, 7,5 млн. ег. ф. были инвестированы в акции на конец 1993 финансового года, из которых 5,4 млн. ег. ф. – в текущие операции³⁹.

Программа приватизации разрабатывалась согласно договоренностям, заключенным с МВФ, и предоставила неограниченные возможности для использования частного иностранного и местного капитала. Приватизация проходила по следующему плану: в 1991 г., когда был принят закон № 203/1989, по которому около 400 предприятий было выведено из-под контроля министерств и преобразовано в 27 холдингов с правом действовать на правах частных фирм.

В 1992 г. правительство решило приватизировать еще несколько предприятий, находящихся под контролем Бюро общественных предприятий (БОП), которое, в свою очередь, предложило преобразовать 27 холдингов в 16 и подготовить их для перехода в полную частную собственность. БОП предложило, помимо этого, подготовить к приватизации еще 22 промышленных и торговых предприятия, а к 1994 г. предполагалось начать такую же работу с 50 другими предприятиями и с банками, составляющими 60% всего нечастного банковского сектора⁴⁰.

В 1993-1994 гг. был представлен список компаний, подлежащих приватизации в ближайшем будущем. В этот список входили: 1) компания «Аль-Наср» по производству тугоплавких материалов и керамики (SORNAGA); 2) Египетская медеплавильная компания; 3) Газовопромышленная компания; 4) компания «Абу-Кир – удобрения и химикаты»; 5) ткацко-прядельные компании «Дельта», «Юниэрэб», «Дакахлия», «Дамьетта», «Александрия»; 6) компания по переработке нефти; 7) компании по производству мыла и масла в Танте и Каире; 8) кондитерско-шоколадная компания в Александрии; 9) Египетская компания по производству крахмала и дрожжей; 10) компания по заготовке пищевых продуктов в Эдфине; 11) компания по производству напитков «Аль-Ахрам» (приватизирована в феврале 1997 г. группой инвесторов под руководством Ахмеда Зайята, что привело к смене стратегии менеджмента и маркетинга. Был введен жесткий режим контроля качества, проведена некоторая диверсификация производства, приведшая к увеличению объема продаж на 44%, а чистой

прибыли – на 53%⁴¹); 12) компания по производству малолитражных транспортных средств; 13) компания по производству транспортного оборудования; 14) компания по производству инженерного оборудования (MICAR); 15) Египетская компания по производству тугоплавких материалов; 16) компания по производству медицинской упаковки; 17) компания по производству медикаментов; 18) цементные компании в Аль-Амейре, Турахе, Хелуане; 19) промышленная компания «Дельта»⁴².

Помимо этих крупных инвестиционных приватизационных проектов, можно назвать размещение части акций телефонной компании «Моб Нил» в конце 1998 г. на фондовом рынке общей заявленной стоимостью 400 млн. ег. ф.⁴³ В настоящий момент проходит приватизация Египетской алюминиево-плавильной компании: уже продано 17% акций по начальной цене в 71,25 ег. ф. за акцию, причем во время продажи акций заявленная цена была превышена многократно⁴⁴. Предприятия так называемого общественного сектора не получают государственных субсидий, а в бюджете страны представлены только как источники дохода от сбора налоговых недоимок, что является своеобразной подготовкой к их приватизации.

Крупные успехи наблюдаются в приватизации предприятий по производству цемента; приватизированы уже все заводы, и эта отрасль промышленности Египта стала полностью частной. Намного медленнее проходит приватизация в банковской сфере. Все достижения ограничиваются переходом под полный контроль «Барклэйз бэнк» венчурной компании, которая была основана этим банком в доле с «Банк дю Каир»⁴⁵.

Приватизация проходит с преимущественным участием египетских инвесторов, однако существуют целые отрасли с существенным присутствием иностранного капитала, который направляет большую часть инвестиций в текстильную отрасль и является монопольным производителем целой номенклатуры товаров. Примечательно, что в этой отрасли частных производств крайне мало.

Приватизированное предприятие, как правило, меняет методы ведения деятельности и становится рентабельным, как это случилось с компанией по производству напитков «Аль-Ахрам». Приватизируемый фонд отвлекает на себя значительную долю частных инвестиций, которые поступают со счетов банков, превращаясь из фактически тезаврированных средств в капитал.

Перечисленные меры правительства дали свои результаты: с 1990 по 1993 г. число одобренных инвесторами проектов ежегодно увеличивалось не на 6%, как ранее, а на 16%, причем 57% всех инвестиций принадлежало египтянам. Большинство инвесторов получило налоговые льготы на 5, 10, 15 лет, а все промышленные предприятия получили двухлетние налоговые каникулы на 60% дохода и возможность вывезти 50% прибыли⁴⁶. Такие показатели позволяют утверждать, что проводимая политика приватизации мобилизует национальный капитал на решение неотложных экономических проблем, а таковыми для Египта являются вопросы модернизации производства товаров и услуг. По отношению к приватизиру-

емым промышленным объектам создается новый инвестиционный механизм, отличающийся от существовавшего до приватизации.

Вопрос распределения частных инвестиций – ключевой при исследовании направленности инвестиционных потоков. По причине отсталости производственных отношений в сельском хозяйстве частные инвестиции в Египте направляются, в основном, в сферу услуг и промышленность. Это – главная причина снижения доли сельского хозяйства в ВВП Египта. Так, если в 1975 г. его доля составляла 29,0%, то к 1980 г. она упала до 18,3%, на всем протяжении первой половины 80-х годов она колебалась вокруг отметки 20-19% и только к со второй половины наметилось более или менее стабильное снижение доли сельского хозяйства в ВВП.

Промышленный сектор не демонстрировал за рассматриваемый период кардинального увеличения или уменьшения своей доли в ВВП: с 1975 по 1992 г. доля промышленности выросла с 22,1 до 25%. Только на протяжении 1979-1985 гг. наблюдались некоторые изменения промышленной доли, варьировавшие в диапазоне 32,7% (1981 г.) – 28,2% (1985 г.). В последующие годы доля промышленности снижалась, дойдя в 1991г. до 24,6% и в 1992 г. – до 25%.

На эти же годы приходится изменение доли добывающей отрасли в промышленности вообще, выросшей с 2,9% в 1975 г. до 18,8% в 1981 г. и снизившейся до 6,1% в 1991 и 1992 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ВВП Египта по секторам экономики*
ВВП=100% в %

Год	Сельское хозяйство	Индустрия		Другие отрасли
		всего	Добыча ископаемых	
1975	29,0	22,1	2,9	48,9
1976	28,3	21,7	4,0	50,0
1977	27,1	22,5	6,2	50,5
1978	25,3	22,9	6,9	51,8
1979	20,9	30,5	15,8	48,6
1980	18,3	32,1	17,0	49,7
1981	20,1	32,7	18,8	47,2
1982	19,6	29,3	15,4	51,1
1983	19,6	30,0	16,1	50,4
1984	20,1	28,5	14,5	51,5
1985	20,0	28,2	13,8	51,8
1986	20,8	26,9	12,6	52,3
1987	17,7	27,3	9,2	55,0
1988	17,2	27,8	8,1	55,0
1989	16,9	27,8	7,4	55,4
1990	16,4	26,8	7,2	56,8
1991	16,0	24,6	6,1	59,4
1992	16,5	25,0	6,1	58,6

* UNIDO. International Yearbook of Industrial Statistics. Vienna, 1997, с. 34.

Необходимо обратить внимание на несколько существенных аспектов экономического развития Египта за представленные годы. Доля добывающей отрасли в ВВП заметно уменьшилась с 1981 г., когда она составляла 18,8%, до 6,1% в 1991 и 1992 гг., это обозначает пропорциональное увеличение доли обрабатывающей промышленности, что является положительным изменением за рассматриваемые годы. Можно утверждать, что за эти годы основной капитал обрабатывающей промышленности также увеличивался в стоимостном отношении. Если сравнить такие темпы роста с темпами в других отраслях, и прежде всего со сферой услуг, наиболее динамично развивающейся, то можно сделать вывод, что обрабатывающая промышленность была самой быстрорастущей отраслью народного хозяйства. Причина тому – массированные закупки Египтом промышленного оборудования в конце 70-х годов, однако темпы роста этого показателя у Египта были не самые высокие – он уступал Сирии, Катару, Марокко.

Рост обрабатывающей промышленности может объясняться только массированным притоком капитала в отрасль. После проведения либерализации, прежде всего в финансовой сфере, проникновение инвестиций было значительно упрощено. Совокупный продукт промышленности вообще, по данным ЮНИДО, увеличивался в 1977 и 1978 гг. более чем на 20%, в 1980 г. – только на 9,6%, а в 1982 г. показал минус 12%. В 1983 г. был опять рост в 10%, а с 1984 по 1990 г. наблюдалось колебание в увеличении совокупного продукта отрасли между 9,5 и 1,0%. Однако на 1990 г. пришлось существенное увеличение продукта на 25% от количества предыдущего года. В 1991 г. увеличение составило 1,0%, а в 1992 г. – 8,9%⁴⁷. Такие цифры, с одной стороны, должны вселять оптимизм в инвесторов, решивших разместить свои средства в промышленности, из-за возможности получить 25-процентную прибыль на вложенный капитал, а с другой, – такие колебания настораживают и свидетельствуют о сильной экспортноориентированности обрабатывающей промышленности, испытывавшей сильное влияние конъюнктуры на мировых рынках.

Достижение более высоких показателей роста затрудняется высокой капитализацией промышленных предприятий по сравнению с другими отраслями экономики, негативным влиянием внешнеторговой конъюнктуры, продолжающейся «сервисизацией» мировой и египетской экономики, низким уровнем местного потребления. В целом же развитие египетской промышленности за эти годы можно назвать успешным. Главное препятствие на пути развития египетской экономики – ограниченный по покупательной способности национальный рынок, а поэтому стимуляция внутреннего спроса будет оставаться приоритетной целью экономического развития Египта.

Ключевую роль в успешном развитии обрабатывающей отрасли сыграли привлеченные инвестиции. Тенденция к увеличению валовых инвестиций сохранилась и в дальнейшем: на 30 июня 1993 г. инвестиции в отрасль составляли: одобренные – 15 251 млн. ег. ф., находящиеся в стадии планирования – 10 698 млн., в стадии выполнения – 4553 млн. ег. ф. При этом акционерные общества инвестировали соответственно 7545 млн.,

5439 млн. и 2106 млн. ег. ф.⁴⁸ Как правило, значительная часть инвестиций направлялась на закупку основного капитала, что привело к определенным трудностям на современном этапе: настоятельно необходима его замена или модернизация, а это требует все новых и новых инвестиций и увеличения доли реинвестируемого капитала. Сфера услуг демонстрировала стабильное развитие на всем протяжении 1975-1992 гг., за исключением 1979-1981 гг., когда ее доля в ВВП составляла примерно 48%.

Для инвестора решающий фактор при выборе объекта инвестиций – информация о потенциальной прибыли предприятия. С этой точки зрения полезны будут не только финансово-аналитические расчеты по оценке аннуитетов, способности предприятия погашать краткосрочные обязательства или показатели рыночной стоимости акций, доля собственных средств в совокупных, если речь идет об инвестировании через вторичный рынок, но и отраслевые опции, представляющие такие важные сведения, как доходность на одну денежную единицу, вложенную в основной капитал. Прежде всего это, как отмечалось выше, показатель доходности, с другой стороны, маркетинговый показатель, определяющий величину чистой прибыли, которую нивелирует спрос на выпускаемую продукцию, т.е. сведения не условного характера (чем грешат все математические исследования доходности), а фактического. Данные в табл. 6, относятся к 1991-1992 гг., но позволяют представить уровень прибыли, на которую могут рассчитывать потенциальные инвесторы.

Расчеты показывают, что уровень доходности может существенно колебаться. Так, для инвестиций в производство табачных изделий возможен доход как в 99,92 ег. ф. на вложенный капитал, так и 27,7 ег. ф., как это произошло в 1992 г. Производство пищевых продуктов демонстрирует солидные, увеличивающиеся в 2 раза ежегодно, показатели. Инвестиции в текстильную отрасль малоприбыльны по сравнению с некоторыми другими отраслями из-за насыщения внутреннего рынка. Производство мебели гарантирует устойчивую прибыль, судя по двукратному росту выхода продукции на 1 ег. ф., но обратная тенденция прослеживается по статье пиломатериалов, что свидетельствует о застое в строительной отрасли. Инвестиции в производство изделий из кожи могут принести солидную прибыль и валютные поступления, так как отрасль экспортоориентированная: прибыльность вложений в производство обуви выросла за год в 1,5 раза, а кожгалантереи и меховых изделий в – 1,6 раза.

Успешные проекты могут быть реализованы в химической и металлургической отраслях, машиностроительной отрасли. Доходность при производстве промышленных химикатов увеличивается в год в 2,1 раза, при производстве других химикатов в 4,3 раза, достигая 65,6 ег. ф. на один вложенный, в черной металлургии – с 8,7 до 20,24 ег. ф., в цветной металлургии – с 4,31 до 16,83 ег. ф., что свидетельствует о возросшем потреблении ее продукции при производстве электроники и электротехники. Производство неэлектрических машин приносит прибыль 94,41 ег. ф. в расчете на 1 вложенный ег. ф., для электрических машин – 61,62 ег. ф., увеличивающуюся в 2,3 и в 2,6 раза соответственно. Что касается производства транспортного оборудования, то

оно настолько морально устарело, что не находит сбыта, вследствие чего уменьшаются прибыли и доходы на инвестиции.

Таблица 6

**Стоимостные показатели промышленного производства,
стоимость основного капитала, доходность на единицу
вложенного в основные средства производства капитала ***

Производство	Выход продукции, млн. ег. ф.		Стоимость основного капитала, млн. ег. ф.		Выход продукции в расчете на единицу основного капитала, ег. ф.	
	1991 г.	1992 г.	1991 г.	1992 г.	1991 г.	1992 г.
Продовольствие	9045,3	10593,4	688,3	370,7	13,14	28,58
Напитки	707,1	781,9	28,6	43,3	24,72	18,06
Табачные изделия	1179,1	1374,1	11,8	49,6	99,92	27,70
Текстильная продукция	6407,5	6879,1	280,9	1201,8	22,81	5,72
Мебель	200,6	139,3	12,6	4,5	15,92	30,96
Готовая одежда	687,0	674,2	12,1	160,3	56,78	4,21
Кожгалантерея и меховые изделия	111,1	91,3	14,3	7,5	7,77	12,17
Кожаная обувь	164,9	349,0	5,0	7,2	32,98	48,47
Гиломатериалы	137,4	218,5	1,7	13,4	80,82	16,31
Бумага	1227,5	1248,9	38,8	37,7	31,64	33,13
Издательские услуги	598,6	1022,9	8,6	85,4	69,61	11,98
Промышленные химикаты	2767,6	2402,4	1022,3	415,7	2,71	5,78
Другие химикаты	3375,9	3352,0	221,0	51,1	15,28	65,60
Очищенная нефть	6967,9	8978,3	633,1	704,9	11,01	12,74
Резина	138,9	267,0	1,5	43,3	92,6	6,17
Пластмасса	984,5	893,7	31,5	23,7	31,25	37,71
Стекло и изделия из него	248,3	363,8	35,7	104,5	7	3,48
Другие неметаллические изделия	2428,5	3441,5	643,2	100,9	3,78	34,12
Железо и сталь	2805,6	3104,0	324,3	153,4	8,7	20,24
Неферрумные сплавы	1385,5	1474,6	321,2	87,6	4,31	16,83
Неэлектрические машины	1505,6	1284	37,8	13,6	39,83	94,41
Электрические машины	1780,1	1891,8	77,0	30,7	23,12	61,62
Транспортное оборудование	1825,1	2001,1	72,6	214,7	25,14	9,32
Всего	49001,3	56160,5	4597,1	4114,0	10,66	13,65

* UNIDO. International Yearbook of Industrial Statistics. – С. 260-261

Только в промышленность частными инвесторами было направлено в 1981-1982 гг. 3508 млн. ег. Ф., а в 1991-1992 гг. – уже 32 900 млн. ег. ф. Если на частный сектор промышленности в 1982 г. приходилось 1,9% инвестиций, то в 1991-1992 гг. – 9,5%, а стоимость произведенной продукции в общем объеме промышленных товаров увеличилась с 9,2% (на 920,3 млн. ег. ф. в ценах 1991-1992 гг.) в 1982 г., до 55,4% (12 450 млн. ег. ф.) в 1991-1992 гг.⁴⁹ Увеличение доли участия частных инвестиций в производстве промышленных изделий привело к тому, что в деревообрабатывающей, обувной отраслях, в производстве готовой одежды частный сектор производил 90% продукции.

Эти данные свидетельствуют, что частный капитал – инвестиционная основа не только для предприятий частного сектора, но и для предприятий других форм собственности: за 10 лет частные инвестиции в промышленность увеличились в 9,4 раза, однако только примерно 10% из них поступают на частные производства, а остальные, т.е. львиная доля, идут в государственный, общественный, акционерный, кооперативный секторы, а также направляются на выкуп приватизируемых предприятий.

Что же касается египетской экономики в целом, то она избавилась от явлений, определяющих ценовые диспропорции в отношении привлеченных из-за рубежа средств, однако самое главное новоприобретенное достоинство заключалось в фактическом устранении факторов, «удешевлявших» иностранные инвестиции. Унификация валютного рынка была радикальной мерой в процессе создания благоприятного инвестиционного климата в Египте. Это событие являлось началом принципиально нового этапа в развитии египетской экономики. Собственно коренные рыночные преобразования начались не с декларирования об их начале, а с первого крупного акта ограниченного самоуправления государства из ключевой сферы экономической жизни, которую оно подчинило себе в ходе предыдущего экономического развития. Уменьшение роли государства в определении валютного курса египетского фунта – ключевая веха в политике правительства Х.Мубарака, которое перешло от политики макроэкономической стабилизации к политике структурных преобразований.

Это привело к тому, что Египту удалось избежать снижения экономических показателей на фоне падения производства во многих государствах Юго-Восточной и Восточной Европы, в том числе и в России, на всем протяжении 90-х годов. Примечательно то, что эти государства столкнулись с такой же проблемой, что и египетская экономика (изношенность основных фондов промышленных предприятий), однако Египет предпринял шаги по привлечению средств для решения этой задачи, а правительства постсоциалистических государств решали некоторые частные вопросы экономического регулирования, такие как стабилизация валютного курса, обуздание инфляции, организация фондового рынка, при существовавшей одновременно с этим монополизацией экономики и т.д., оставляя неразрешенными вопросы перестройки производящих структур, переориентации их инвестиционных и инновационных механизмов с бюджетных на рыночные и придания им всех черт современных научно-производственных комплексов.

Восьмидесятые годы в Египте прошли под лозунгами «производственного инфитаха», в ходе которого удалось использовать наличные производственные ресурсы с наиболее возможной интенсивностью, однако львиная доля этих ресурсов была создана принудительно-мобилизационным методом и не имела необходимых инновационных и инвестиционных основ, что и послужило причиной снижения темпов замены морально и технически устаревшего основного капитала. Показатель, подтверждающий этот факт,

– постепенное снижение валовой прибыли и, следовательно, снижение нормы накоплений.

На всем протяжении 90-х годов в Египте пытались, насколько это было возможно, создать условия для активизации частного сектора, предоставить ему возможность вкладывать средства в отечественную экономику, использовать иностранные инвестиции и опыт для нужд экономического развития, для чего и была осуществлена реформа в финансовой сфере, которая, в конечном итоге, была необходима именно египетскому капиталу. Государство не сможет осуществлять дорогостоящие проекты развития и поэтому переходит к новым, более рыночным механизмам их финансирования. Первым шагом, как было представлено выше, были реформы, предпринятые в финансовой сфере, совершенствование налогового кодекса, общая либерализация экономики.

Египет демонстрирует рост производства, в том числе и промышленного, и, судя по всему, долговременный. Так, в 1998 г. рост ВВП составил 5,2% (в 1999-2000 гг. ожидался 6,8%), при одновременном экспорте 11% от ВВП. Текущий бюджетный дефицит составляет 2,3%, капитализация фондового рынка ежегодно увеличивается на 20 млрд. ег. ф., 44% акций принадлежат иностранным вкладчикам, при этом 21% из них обращается за пределами страны⁵⁰. Это позволяет назвать инвестиционный климат благоприятным, а перспективы самого процесса инвестирования определить как обнадеживающие, хотя Египет и регион в целом считаются еще не раскрывшими все свои потенциальные возможности.

Основная проблема, с которой столкнулся Египет, – создание новых, небюджетных механизмов инвестирования, – была успешно решена на основе рыночных методов, а после проведения либерализации финансовой сферы стала решаться на совершенно иной основе, с уравниванием в правах участников рынка, с привлечением новых инвесторов, с переходом в их собственность основного капитала. Обращает на себя внимание постепенность преобразований, которые проводились без рывков и последовательно. МВФ на всем протяжении 80-х годов предлагал Египту планы экономических преобразований, но приняты они были только в начале 90-х годов, когда стали экономически необходимыми и когда факторы финансового рынка страны достигли показателей, позволивших ему успешно конкурировать, хотя бы внутри страны, с иностранными агентами.

Египет будет одной из динамично развивающихся стран Арабского мира в XXI в., а потому сохранит высокую привлекательность для иностранных инвесторов. Условия для этого есть: после начала проведения либерализации в экономической сфере созданы предпосылки для активизации частного сектора и привлечения его инвестиций, прошел стадию становления вторичный рынок ценных бумаг, на котором определились основные факторы, финансово-расчетная система упрощена для нужд частного капитала, обложение налогами получаемых прибылей умеренное, проводится приватизация убыточных предприятий и т. д.

Причина развития – переход от политики макроэкономической стабилизации, которая проводилась в 80-е годы, к политике подлинно рыночных экономических реформ.

¹ IMF. *Al-Azmeh, Arfan*. Experiences of Morocco, Tunisia, Jordan and Egypt with Currency Convertibility. – Currency Convertibility in the Middle East and North Africa. – Wash., 1996. – С. 150.

² Там же, с. 149.

³ <http://www.FT.com-CAPITAL MARKET: Learning to play by the rules>. 2000.

⁴ <http://www.FT.com-FUND MANAGEMENT: The benefits of immunity>. 2000.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ [http://www.FT.com-\(сетевая версия Financial Times\) BROKERAGES: Vol-umes are thinly spread](http://www.FT.com-(сетевая версия Financial Times) BROKERAGES: Vol-umes are thinly spread). 2000.

⁸ <http://www.FT.com-STOCK EXCHANGE: From coffee shop to high-tech sys-tem>. 2000.

⁹ IMF. Egypt beyond Stabilization, toward a Dynamic Market Economy. – Wash., 1998. – С. 61.

¹⁰ Там же, с. 17.

¹¹ Там же, с. 72.

¹² Там же, с. 73.

¹³ Там же, с. 77.

¹⁴ Там же, с. 78.

¹⁵ Там же, с. 80.

¹⁶ Там же, с. 81.

¹⁷ IMF. Government Finance Statistics Yearbook. – Wash., 1997. – С. 130.

¹⁸ UNCTAD. Foreign Direct Investment in Africa. – New York and Geneva, 1999. – С. 21.

¹⁹ IMF. *Mongardim J*. Estimating Egypt. – Equilibrium Real Exchange Rate. – Wash., January 1998. – С. 7.

²⁰ Там же, с. 28.

²¹ Там же, с. 8.

²² Там же, с. 29.

²³ IMF. *Kara, Mustafa and Hieihel, Salam*. Experience with Exchange Controls in the Arab Countries. – Currency Convertibility in the Middle East and North Africa. – Wash., 1996. – С. 59.

²⁴ Там же, с. 53.

²⁵ *Al-Azmeh, Arfan*. Experiences of Morocco, Tunisia, Jordan and Egypt with Currency Convertibility, с. 150.

²⁶ Там же, с. 166.

²⁷ Там же, с. 167.

²⁸ Мировое капиталистическое хозяйство и развивающиеся страны Востока. – М., 1986. – С. 40-43.

²⁹ UNCTAD. Foreign Direct Investment and Development, с. 13.

³⁰ Там же, с. 18.

³¹ Там же, с. 24.

- ³² Там же, с. 26.
- ³³ UN. World Investment Report 1993. Transnational Corporation and Integrated International Production. – N.Y., 1993. – С. 244.
- ³⁴ Там же, с. 248.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, с. 119, 123.
- ³⁷ UNIDO. Egypt. An Enabling Environment for Investment. – Industrial Development Review Series. – L., 1994. – С. 12.
- ³⁸ Там же, с. XII.
- ³⁹ Там же, с. XIV.
- ⁴⁰ Там же, с. 22.
- ⁴¹ <http://www.FT.com-PRIVATISATION>: A testing time. 2000.
- ⁴² UNIDO. Egypt. An Enabling Environment for Investment, с. 23.
- ⁴³ Эш-Шарк эль-Аусат. 07.10.1998.
- ⁴⁴ <http://www.FT.com-PRIVATISATION>.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ UNIDO. Egypt. An Enabling Environment for Investment, с. 28.
- ⁴⁷ UNIDO. International Yearbook of Industrial Statistics. – Vienna, 1997. – С. 34.
- ⁴⁸ UNIDO. Egypt. An Enabling Environment for Investment, с. 49.
- ⁴⁹ Арбауна амман саура юлито альфин уа тисъу ми'атин уа ситт уа хамсин таджриба уатанийя уа каумия мутатауарату эс-сынаати эль-Мысрийа. – Каир, 1993. – С. 33, 34, 38.
- ⁵⁰ <http://www.FT.com-ECONOMIC OVERVIEW>: Not yet on the global stage. 2000.

К ПРОБЛЕМЕ ИСПАНСКИХ АНКЛАВОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Что такое города Сеута и Мелилья? В зависимости от того, к кому будет обращен этот вопрос, разнятся и ответы. Марокканские политики независимо от их окраски обязательно скажут, что это – испанские анклавы, «оккупированные города», пережитки эпохи колониализма. С ними, естественно, вряд ли согласятся сами испанцы. Самое удивительное, что с испанцами, может быть, и про себя, будут солидарны и многие простые марокканцы. Почему?

Сначала небольшая историческая справка. Город Сеута основан в VII в. до н.э. финикийцами. Древнее название – Абила. С 788 г. один из главных центров государства Идрисидов. Главный порт страны на Средиземном море в эпохи Альмохадов (1130-1269) и Меринидов (1244-1420). В 1415 г. захвачен португальцами. С 1580 г. перешел под управление Испании. Площадь города с прилегающими территориями – 20 кв. км. Город Мелилья впервые упоминается в арабских исторических хрониках X в. Захвачен испанцами в 1497 г. с благословения Римского Папы от 1495 г. Только три века спустя, уже в эпоху колониализма, Испании удалось в 1767 г. оформить захват Сеуты и Мелилья в соответствии с нормами международного права того времени. Факт аннексии городов получил подтверждение в другом договоре в 1799 г.

Теперь несколько личных впечатлений. «Отрыв города-анклава от марокканской территории сдерживает его развитие»¹. Именно такой образ города Сеуты, одного из двух испанских анклавов на африканском континенте, преподносит энциклопедический справочник «Африка», выпущенный издательством «Советская энциклопедия» в 1987 г. Однако сомнения в справедливости этой посылки, предлагающей образ умирающего капиталистического города в лучших традициях Идеологического отдела ЦК КПСС, возникают уже при приближении к границе анклава с марокканской стороны. Практически в любое время суток в очереди перед КПП «Баб Себта» стоят сотни машин с марокканскими и европейскими номерами. Их пассажиры – главным образом марокканцы, работающие в странах Европы и следующие транзитом через Сеуту. Параллельно с медленно катящимся потоком машин в направлении границы движется нескончаемая вереница пеших марокканцев – это преимущественно жители северо-марокканской провинции Тетуан. Что же так влечет всех их в Сеуту? Ведь если верить справочнику, должно быть наоборот – бедные жители «уми-

рающего» города должны толпиться по другую сторону границы, чтобы попасть к процветающим соседям.

Ответ на поставленный вопрос прост: поражающая дешевизна товаров и продуктов питания. Это связано со статусом свободной торговой зоны, которой обладает город-порт. Люди посостоятельнее едут сюда из Марокко одеться и отдохнуть. Большинство ходоков проживает в провинции Тетуан. Они обладают правом свободного входа в Сеуту на светлое время суток по марокканскому паспорту. Для большинства из них ежедневная ходка в анклав – единственный способ в условиях царящей на севере королевства безработицы заработать хоть какие-то деньги на жизнь. Дело в том, что «поденщикам» разрешается выносить с собой из Сеуты несколько килограммов груза. Этим пользуются коммерсанты по обе стороны границы.

Схема маленького бизнеса предельно проста. В анклавe весьма строгие законы по отношению к торговцам, продающим продукты с просроченной годностью. Когда срок реализации того или иного товара подходит к концу, владельцам магазинов выгоднее по дешевке уступить его «несунам», нежели попасть под действие штрафных санкций. Ходоки – их нанимают за конкретным товаром на марокканской стороне – выносят заказ из Сеуты, получая за это ежедневно по несколько дирхамов. Всего в двух км от границы находится Фнидек – гигантский марокканский стихийный рынок. Там торгуют всевозможной контрабандой, поставляемой из анклава. На его, а также на прилавках медин (рынков) других городов Марокко и оказывается вынесенный из Сеуты товар.

Город живет торговлей. Марокканцы – основные действующие лица в многочисленных лавках и магазинах города. Но они – подданные Испании и в большинстве своем крайне отрицательно относятся к перспективе перехода анклава под юрисдикцию Марокко. Примечательно, что в Марокко весьма негативно восприняли принятое в начале 1995 г. решение Испании предоставить анклавам статус автономий, так как с этого момента в любой политической дискуссии о будущем городов кроме Рабата и Мадрида должны были участвовать представители анклавов. А они – и «чистокровные» испанцы, и марокканцы по происхождению – все считают себя европейцами и едва ли захотят менять существующее статус-кво.

Аналогичный негативизм к возможной «марокканизации» Сеуты и Мелильи выражали и многие «несуны», с которыми удалось пообщаться автору статьи. Эта объективная реальность, конечно, никак не вписывается в заявления марокканских политиков, весьма далеких от нужд тех, кто ежедневно стоит в очереди на границе. По оценкам ряда наблюдателей, христианская и мусульманская общины анклавов научились сосуществовать друг с другом². В то же время, по оценке независимых наблюдателей, сформированные за последнее время из числа жителей Сеуты и Мелильи марокканского происхождения промарокканские ассоциации и движения не имеют большого влияния в городах³. Во многом это стало результатом проводившейся в последние два десятилетия политики ассимиляции

населения марокканского происхождения. Понятно, что марокканские СМИ представляют дело иначе...

Сдержанно относятся к требованиям марокканцев и в мировом обществе. Как признавала газета «Опиньон», орган правонационалистической партии «Истикляль», призыв премьер-министра Марокко Абдельлатифа Филали «положить конец атипичной и смешной» ситуации вокруг Сеуты и Мелильи, прозвучавший с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 г., не получил «благоприятного отклика, которого ожидали»⁴.

Иначе думают марокканские радикал-националисты. «Марокканская принадлежность Сеуты и Мелильи не вызывает ни малейших сомнений. Сохранение их под режимом оккупации и ограбления представляет собой анахронизм, нарушение норм международного права и исторической законности», – писала, например, «Опиньон»⁵. «Вопрос о Сеуте и Мелилье является наследием колониализма, поскольку речь идет о земле, захваченной силой и украденной у марокканского народа, который хочет вернуть ее дипломатическим и мирным путем», – вторила газета «Рисалят аль-Умма» (партия Конституционный союз)⁶.

От испанского соседства выигрывают не только простые марокканцы. Испанским властям и 75 тыс. жителей Сеуты чрезвычайно выгоден поток марокканских покупателей. Цифра ежегодного торгового оборота двух городов огромна. Она составляет 20 млрд. фр. или примерно 3,5 млрд. долл.⁷ По неофициальным оценочным данным, перепродажа закупленных в двух анклавах товаров прямо или косвенно дает средства к существованию для 1,5-3 млн. жителей северных провинций Марокко. И не только им. Контрабанда из Мелильи идет дальше. Через марокканско-алжирскую границу при том, что она фактически закрыта, по горным тропам, иронично называемым местным населением «тарик аль-вахда» («дорога единства»), она попадает и в соседний Алжир.

Существует финансовый поток, правда, не такой явный, и в обратном направлении. Анклавы вместе с Танжером – основные пункты, через которые в Европу непрерывным потоком идет марокканский каннабис (разновидность индийской конопли), а обратно – нарко- доллары, франки, песеты и пр.

Несмотря на то что в Испании никто не собирается добровольно оставлять анклавы, в Марокко считают Сеуту и Мелилью своими. Пресса то и дело, особенно в периоды осложнения марокканско-испанских отношений, повторяет, что марокканская принадлежность Сеуты и Мелильи не вызывает сомнений. Примечательно, что долгое время в Палате представителей (парламенте) вопросами внешней политики занималась комиссия, полное название которой звучит так – Комиссия по иностранным делам, сотрудничеству, оккупированным зонам и национальной обороне.

Формально марокканским политикам не откажешь в логике. Они считают, что поскольку Рабат поддерживает Мадрид в его претензиях на Гибралтар, значит, он имеет право ожидать взаимности и от испанцев,

владеющих Сеутой и Мелильей уже несколько столетий. Поэтому со времени достижения независимости в 1956 г. Марокко не перестает добиваться восстановления его суверенитета над Сеутой и Мелильей. Однако эта логика не работает. Тем более, что трудно найти какую-либо альтернативу анклавам для жителей северных провинций Марокко. В отличие от политиков-идеалистов последнюю реалью, похоже, очень хорошо осознают некоторые марокканские властные структуры. Они практически ничего не делают, чтобы остановить поток контрабанды, хотя общепризнанно, что она подрывает собственно марокканскую экономику. По марокканским оценкам, контрабандная торговля через Сеуту и Мелилью приводит к потере для экономики страны 15 млрд. дирх. (примерно 1,5 млрд. долл.) в год⁸.

Есть и еще одна причина, по которой Марокко добивается суверенитета над Сеутой и Мелильей. С достижением независимости королевства анклавов как бы разорвали ранее завязанные на них транспортные артерии, что никак не способствует экономическому развитию северных провинций Марокко. Как констатировали участники прошедшего весной 2000 г. в Танжере регионального коллоквиума по обустройству территории, во-первых, «невозможно реализовать никакую политику по развитию Севера без возвращения двух городов», и, во-вторых, «невозможно развивать Север в случае, если статус двух оккупированных городов останется таким, каким он есть в настоящее время»⁹.

Король Марокко Мохаммед VI сразу после восшествия на престол в июле 1999 г. дал недвусмысленно понять, что в отличие от отца, короля Хасана II, он сделает развитие северных провинций одним из приоритетов своей внутренней политики. Подобное стремление понятно. Работу необходимо во что бы то ни стало устранить потенциальный источник внутренней напряженности, каким в любой момент может стать отсталый Риф. Для этого необходимы инвестиции в социально-экономическое развитие региона. А значит, марокканская дипломатия будет активнее добиваться решения проблемы анклавов.

И еще одно соображение. Мохаммед V оставил след в истории Марокко как правитель, приведший страну к независимости. При Хасане II, получившем имя «Объединителя», королевство восстановило свой суверенитет практически над всеми территориями, некогда находившимися под властью марокканских султанов. Что остается сделать на внешнеполитическом «фронте» Мохаммеду VI? Завершить начатый отцом процесс западносахарского урегулирования и, возможно, войти в историю в качестве правителя, решившего проблему анклавов. Поэтому не приходится сомневаться, что Испанию ждет немало сюрпризов со стороны южного соседа.

Со своей стороны Испания просто старается не замечать проблему как таковую. Обе страны связаны многими нитями сотрудничества в разных областях, и в частности Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 1991 г. Прервись они, и будет весьма трудно сказать, кто

от этого пострадает больше. Мадрид никак не отреагировал на сделанное еще в 1987 г. предложение покойного короля Хасана II сформировать смешанную группу экспертов, которым было бы поручено выработать взаимоприемлемое решение проблемы анклавов. Тем самым Испания дала понять, что для нее этой проблемы как бы не существует. По вопросу об анклавах налицо полное единодушие и между двумя основными испанскими политическими партиями – Народной партией (НП) и Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП). «Сеута является частью территории Испании, и это общее мнение, которое мы (НП и ИСРП) разделяем», – указывал в 1994 г. бывший тогда министром иностранных дел Испании небезызвестный Хавьер Солана¹⁰.

Тем не менее, в связи с быстрым демографическим ростом в Марокко давление на анклавы увеличивается – уж слишком много желающих любым путем перебраться из одного королевства в другое, и их число из года в год растет. Ежегодно власти анклавов выдворяют десятки тысяч незаконных иммигрантов из Марокко и других стран, однако грозящая захлестнуть их волна поднимается все выше.

В этих условиях испанцы постарались обеспечить безопасность Сеуты и Мелильи на непредвиденный случай. Когда Испания вступала в Европейский Союз, она добилась, чтобы анклавы получили статус «европейской территории»¹¹. Несколько лет назад города были включены в единое оборонное пространство НАТО. Этот шаг, по данным испанской прессы, был предпринят в связи с принятием Североатлантическим альянсом новой стратегии, которая в качестве одной из угроз стабильности стран блока рассматривает подъем движений политического ислама (исламизма) в Северной Африке.

Как отмечалось в марокканской прессе, Испания «продолжает рассматривать Юг в качестве врага и строит, исходя из этого, свою политику, разрабатывает свою военную стратегию, ведет разведывательную деятельность»¹².

В феврале 1999 г. США и Испания обсудили условия и необходимые меры для обеспечения захода американских боевых кораблей из состава 6-го флота ВМС США в порт Мелильи. Одновременно американская военная делегация изучила на месте возможности порта анклава по приему боевых кораблей различных классов. Первый заход группы американских боевых кораблей в пункт базирования Мелильи состоялся уже шесть месяцев спустя.

Обеспечению безопасности анклавов послужила неоднократная за последние годы переброска туда дополнительных воинских контингентов. Так, в 1998 г. входящие в состав гарнизона Мелильи части и подразделения сухопутных войск получили на вооружение танки «Леопард» и М-60, новые боевые машины пехоты и бронетранспортеры, а также современные артиллерийские системы. В испанский гарнизон были переброшены подразделение боевых вертолетов, новые системы обнаружения и связи.

Испанцы возвели вдоль сухопутных границ городов специальные фортификационные сооружения, которые призваны стать непреодолимым препятствием на пути незаконных иммигрантов. Анклавы регулярно посещают представители высшего командования испанских вооруженных сил с целью проверки боевой готовности находящихся там частей. Испанцы считают такие меры нелишними в условиях, когда у южных соседей периодически раздаются призывы повторить «Зеленый марш» (невооруженный поход 300 тыс. марокканцев в Западную Сахару), на сей раз – на анклавы. Как признавал марокканский журнал «Магриб магазин», «...возможно, поспешный итог пяти веков совместной истории – это последовательная смена больших войн и непродолжительных периодов мира, когда все определялось экономическими и стратегическими интересами вокруг территорий, которые надо было оккупировать, либо освободить»¹³. За пять веков Сеута безуспешно осаждалась войсками марокканских султанов 11 раз. Самая долгая осада – в течение 27 лет – была предпринята при Мулае Исмаиле (1672-1727).

За последнее время возросло и стратегическое значение анклавов в связи с формированием в рамках НАТО субрегионального командования с базированием в Испании и созданием в рамках Западноевропейского союза так называемых Южных евросил (ЕВРОФОР). Обе эти структуры предназначены для действий в случае возникновения кризисных ситуаций на южном берегу Средиземноморья. В этой связи понятно огромное значение двух испанских «островков» в Африке как мест для возможного развертывания этих сил.

Представляется маловероятным, что Мадрид в ближайшей перспективе согласится удовлетворить требования Рабата изменить статус Сеуты и Мелильи, как это он сделал ранее с Тарфаей, Ифни и Западной Сахарой. Причина тому, как представляется, одна. На те территории Испания тратила деньги, из Сеуты и Мелильи она их, образно говоря, качает насосом. В этой связи в Марокко раздаются предложения попробовать изменить ситуацию путем создания близ анклавов «альтернативных» свободных торговых зон. Однако в ответ сами же марокканцы говорят, что этот проект будет дееспособным только в том случае, если из этих зон убрать коррумпированную марокканскую администрацию.

Испанцы думают и над тем, как обеспечить жизнеспособность в первую очередь Сеуты в случае, если Марокко реально начнет бороться с контрабандой и перекроет доступ товарам из анклава. Так, Народная партия еще в 1996 г. разработала программу «Сеута сигло XXI», призванную обеспечить самокупаемость города. В свою очередь Независимая либеральная группа Иесуса Жилия предложила в 1999 г. решить проблему будущего Сеуты путем превращения города в центр VIP-туризма, своего рода аналог Монте-Карло.

За упорством Мадрида видно и еще одно опасение. Получи Марокко Сеуту и Мелилью, не захочет ли оно восстановить еще одну «историческую справедливость», вспомнив о Кордовском Халифате? Тем более, что

демографическая ситуация в Испании и иммиграция с каждым годом увеличивают долю мусульманского населения на полуострове. Действительно, если газета «Опиньон» писала в свое время, что «правительство Испании отказывается признать географическую, историческую, юридическую, административную и религиозную реальность этих двух городов (Сеуты и Мелильи), являющихся неотъемлемой частью Марокко»¹⁴, то кто мешает в соответствующий момент заговорить в подобном духе о некоторых регионах материковой Испании, например, Андалусии? Ведь когда войска королевы Изабеллы Кастильской изгнали «солдат ислама» с Пиренейского полуострова, те поклялись вновь вернуться туда¹⁵. Впрочем, это только опасения. Официальный Рабат неоднократно утверждал, что видит только мирный путь восстановления суверенитета над анклавами.

В августе 1998 г., через несколько месяцев после формирования в Марокко левоцентристского правительства во главе с социалистом Абдеррахманом Юсуфи, Рабат в лице премьера высказался «за решение, позволяющее превратить Сеуту и Мелилью в два финансово-экономических центра, работающих на благо Испании и Марокко». Он предложил, чтобы проживающие в анклавах «испанцы имели двойную национальность, а остальные жители городов – сохранили имеющиеся у них в настоящее время права» при марокканском суверенитете над этими территориями. С учетом сложившихся в королевстве реалий, в условиях которых премьер-социалист меньше всего занимается внешней политикой, трудно сказать, в какой степени сказанное А.Юсуфи соответствовало позиции дворца. Что касается испанцев, то они, возможно, именно по последней причине, просто проигнорировали предложение марокканского премьера.

В январе 2000 г. анклавы посетил глава правительства Испании Хосе Мария Аснар. В Сеуте, в частности, он заявил, что этот город является «испанским» и «неотъемлемой частью будущего Испании». В ответ Рабат в лице официального представителя правительства Халида Алиуа поспешил выразить «удивление» и сожаление в связи с высказываниями Х.М.Аснара. Представитель партии Социалистический союз народных сил (ССНС) назвал их «неподобающими», направленными на сохранение в будущем «анахронизма прежней эпохи». «Марокко хотело бы вновь напомнить о своей законной позиции, касающейся марокканской принадлежности анклавов Сеута, Мелилья и соседних с ними островов, находящихся под испанской оккупацией, а также повторить призыв урегулировать эту проблему», – заявил Х.Алиуа¹⁶.

Буквально через несколько дней в ходе визита в Тунис глава МИД Испании Абель Матутес заявил, что вопрос о Сеуте и Мелилье «не фигурирует ни в одной повестке дня ООН и никогда не звучал в резолюциях этой организации». Он в очередной раз указал, что Сеута и Мелилья – «часть Испании». Ответ Рабата вновь не заставил себя ждать. Марокко выразило «крайнее удивление» высказываниями главы МИД Испании. «Марокко крайне удивлено этими комментариями и не понимает ни наме-

рений, с которыми они сделаны, ни их мотивацию», – заявил представитель по печати Министерства иностранных дел и сотрудничества Марокко. Он подчеркнул, что этим заявлением Рабат вновь напоминает о своих «неотъемлемых правах на эти два города и близлежащие острова, до сих пор находящиеся под испанских господством».

Эти заявления снова показали, что ситуация вокруг анклавов по-прежнему напоминает диалог глухого со слепым, и она едва ли изменится в какую-либо из сторон в обозримом будущем. Для обеих стран любая напряженность между ними из-за анклавов на деле не решит ничего и лишь поставит под угрозу их жизненные интересы, причем в первую очередь марокканские.

¹ Африка: Энциклопедический справочник. – М., Советская Энциклопедия. – 1987. – С. 365.

² El Pais. – Madrid. 07.02.1994.

³ Arabies. – P., 11.1997.

⁴ L'Opinion. Rabat, 04.10.1995.

⁵ L'Opinion. 01.07.1994.

⁶ Рисаят аль-Умма. – Касабланка. 01.07.1994.

⁷ Эхо планеты. ИТАР-ТАСС. – М., 06.1999.

⁸ Demain. – Casablanca. 24.06.2000.

⁹ Там же.

¹⁰ Maghrib arab press. – Rabat, 12.12.1994.

¹¹ Arabies. 11.1997.

¹² Maghreb Magazine. – Paris – Rabat. 01.1996.

¹³ Там же.

¹⁴ L'Opinion. 07.09.1994.

¹⁵ Arabies.

¹⁶ Maghrib arab press. 11.01.2000.

ГИДРОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУРДСКОГО ВОПРОСА

Эпоха глобализации выдвинула на первый план геоэкономические проблемы современных международных и региональных отношений. Геоэкономика, понимаемая как конкуренция между государствами в борьбе за ресурсы и их потоки на мировой и региональной аренах, выявляет фундаментальные геополитические закономерности современного мира¹. По мнению автора термина «геоэкономика» Э.Люттвака, на смену геополитическому конфликту приходит геоэкономический («логикой» которого будет война, а «грамматикой» – экономика), разворачивающийся как на мировом уровне между геоэкономическими полюсами, так и на региональном уровне, внутри каждого полюса, между различными государствами².

В контексте геоэкономического измерения курдского вопроса и его геоэкономического значения, как, впрочем, и всего ближневосточного региона, следует выделить проблему воды и нефтяной фактор – главные причины региональных геоэкономических столкновений и «детонаторы» межгосударственных политических конфликтов. Необходимо отметить, что если в начале XX в. нефть стала одной из основных причин международного раздела Курдистана и включения Южного Курдистана в состав подмандатного Великобритании Ирака, то в последние десятилетия водное измерение региональной геоэкономики стало во многом определять масштабы функционирования курдского вопроса на региональной геополитической арене и курдского фактора* в межгосударствен-

* «Под *курдским вопросом* понимаются: комплекс курдских проблем в странах, разделивших Курдистан; вызовы, порожденные нерешенностью курдской проблемы в каждой из этих стран: возможность использования этих проблем в качестве средства давления или геополитического козыря в межгосударственных отношениях; а также состояние курдского национально-освободительного движения, предоставляющего такие возможности и являющегося фактором международной обстановки.

Курдский вопрос как сложная многосоставная проблема (ее можно обозначить как некую неустойчивую подсистему в системе региональных отношений, включающую состояние курдских проблем и сумму «курдских политик» стран, вовлеченных в курдский вопрос) находит свое выражение в функционирующем курдском факторе.

Под *курдским фактором* (как комплексным понятием) понимаются состояние курдского национально-освободительного движения в лице курдских военно-политических сил, партий и группировок, идеология курдского национализма,

ных отношениях стран региона и внутри каждой из стран, в состав которых входит этногеографический Курдистан.

По мнению специалистов из Лондонского института стратегических исследований, в XXI в. главной причиной войн будет борьба за водные ресурсы³. С этой точкой зрения согласен бывший Генеральный секретарь ООН Б.Гали, считающий, что в XXI в. войны на Ближнем Востоке будут разворачиваться, главным образом, за контроль над водными ресурсами⁴.

Острая проблема воды на Ближнем Востоке, помимо чисто природных причин, усугубляется такими современными процессами, как демографический взрыв, приведший к резкому росту населения и быстрой урбанизации, ускоренная индустриализация и интенсификация сельского хозяйства, продовольственный кризис, амбициозные и экологически неоправданные проекты. Проблема воды, интенсифицирующая и значительно обостряющая существующие конфликты, стала важнейшим фактором социально-экономического развития и общей безопасности, а также одной из главных угроз национальной безопасности стран региона⁵, при этом «быстро интернационализируется, превращаясь в серьезный фактор международной политики в регионе и объект разногласий и противоречий в отношениях между народами»⁶. Новый гидроконфликт на Ближнем и Среднем Востоке получил название «Ближневосточный водный кризис»⁷.

В этих условиях контроль над водными ресурсами предоставляет стратегическое преимущество и используется как политическое оружие, существенно влияя на баланс сил в регионе и являясь одним из важнейших факторов политического торга между странами. Водная проблема – значительный элемент любого современного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке, а «водяное оружие»⁸ занимает важное место в арсенале современных средств давления. Поэтому страны, контролирующие водные ресурсы, получают мощные рычаги воздействия на зависимые в водном отношении государства.

При этом необходимо отметить, что, являясь, по сути, вопросом безопасности и международных отношений, водная проблема имеет ряд особенностей:

- вода – один из важнейших факторов безопасности;
- взаимосвязь между водной зависимостью и безопасностью – абсолютная, особенно, если это касается двух или более антагонистов, соперничающих в вопросе распределения водных ресурсов;
- в качестве вопроса безопасности вода имеет постоянный потенциал для конфликта;

части Курдистана, входящие в состав Турции, Ирана, Ирака и Сирии, и курдский национальный вопрос в этих странах, а также наличие гальванизированного курдского демополитического феномена в курдском геопространстве и за его пределами...» (*Мосаки Н. З.* Некоторые аспекты курдского вопроса (90-е годы XX века). // Проблемы истории и экономики. – М., 2000. – С. 54-55.).

– вода имеет как внутригосударственное, так и международное значение, представляя собой не только стратегический, но и внешнеполитический аспекты;

– стратегическая реальность водной проблемы состоит в том, что в условиях крайней нехватки воды в регионе она стала вопросом, вмещающим в себя немало других аспектов, сквозь призму которых проявляются многие особенности современных международных отношений;

– борьба за водные ресурсы оказывает большое влияние на геополитическую реконфигурацию всего ближневосточного региона.

Особенность ближневосточной гидрогеографии состоит в том, что водные излишки находятся в северной части региона (на востоке Турции, в северных частях Ирана и Ирака – в основном, на территории этнографического Курдистана) и транспортируются на большие расстояния в зоны дефицита воды посредством системы рек и подземных источников. Наглядный пример такого перераспределения водных ресурсов на Ближнем Востоке – речная система Месопотамии: бассейны рек Тигра и Евфрата транспортируют водные ресурсы Центральной и Юго-Восточной Анатолии (этногеографического Северного Курдистана) и северо-востока Месопотамии (Иракский и запад Иранского Курдистана) в аридную зону юга⁹, – вода, «дающая жизнь арабским пустыням». Эта особенность и определяет водный аспект курдского вопроса – проблему распределения водных ресурсов севера региона (Турецкого и частично Иракского Курдистана) на юг – в Сирию и Ирак, – точнее, в политическом и геоэкономическом смысле, жизненную заинтересованность арабских стран в «курдистанской воде» и, исходя из этого, возможность использования Турцией этой воды в качестве геополитического рычага в отношении Сирии и Ирака, применение арабскими странами курдского фактора в геоэкономическом противоборстве с Турцией, что выражается в поддержке курдского национально-освободительного движения в Турции.

Горная зона, протянувшаяся от оз. Ван до Иранского Загроса (т. е. территория Центрального Курдистана), является «пространством наибольшей важности в формировании водного бюджета» всего «околокурдистанского» региона¹⁰. Здесь протекает большое число средних** и мелких постоянных и периодических рек и выпадает наибольшее количество осадков в регионе¹¹.

Однако геоэкономическое значение Курдистана определяется главным образом тем, что здесь также берут начало и протекают две крупнейшие реки Ближнего и Среднего Востока – Тигр и Евфрат – жизненные артерии региона, по течению которых возникли первые мировые цивилизации, культуры и экономики. Сегодня эти реки имеют не менее важное значение для

* Под «околокурдистанским» регионом понимается пространство, включающее территории Турции, Ирана, Ирака и Сирии.

** Из средних рек на территории Курдистана можно выделить Авараш, Аракс, Мунзур, Мурад, Пасин, Хабур, Чах-чах, Большой Заб и Малый Заб.

народов и государств региона, чем на заре человеческой истории, являясь важнейшим геоэкономическим и стратегическим ресурсом развития.

Северный (Турецкий) Курдистан «является вместилищем для гигантских и неосвоенных водных ресурсов... и уже в ближайшем будущем приобретет ценность большую, чем нефть, так как вода (имеющаяся здесь в изобилии) является исключительно дефицитным ресурсом для пятнадцати ближневосточных государств»¹².

Исторической особенностью водопользования Тигра и Евфрата является то, что до 1968 г. ирригацию осуществляли лишь государства, находящиеся в низовьях этих рек (Ирак и Сирия, а до 1950 г. – только Ирак), и только в 70-х годах государство – источник этих рек (Турция) – приступило к освоению и использованию Тигра и Евфрата (см. табл. 1).

Таблица 1

Ирригация земель из Тигра и Евфрата (оценка)*

млн. га – (%)¹³

Период	Ирак	Сирия	Турция	Всего
До 1917 г.	0,58(100)	-	-	0,58(100)
До 1950 г.	1,44(100)	-	-	1,44(100)
1950-1968 гг.	1,15(86)	0,19(14)	-	1,34(100)
1968-1985 гг.	2,88 (92,3)	0,24 (7,7)	?	3,12(100)
1985-1992 гг.	2,6 (88,3)	0,28 (9,5)	0,07 (2,2)	2,95 (100)
2010 г.	4,0 (86,8)	0,32 (6,9)	0,29 (6,3)	4,61 (100)
2020 г.	4,0 (76,9)	0,36 (6,0)	0,8 (16,2)	5,2(100)
2040 г.	4,0 (66,0)	0,39 (6,6)	1,66 (27,4)	5,2(100)

* Turkish Daily News. 17.01.1996.

Возникновение геоэкономического (в данном случае – гидростратегического) конфликтного узла между Турцией, Сирией и Ираком имело основой «подключение» Турции к использованию вод Тигра и Евфрата и, таким образом, уменьшение стока в Сирию и Ирак. Этот конфликт имеет межэтнический (турецко-арабский), межгосударственный (Турция-Сирия, Турция-Ирак, Сирия-Ирак) и внутриэтнический (межарабский – Сирия-Ирак) характер.

Начало использования Турцией речной системы Верхнего Междуречья было обусловлено перманентно существующим в этой стране курдским национальным вопросом, нерешенность которого стала вызовом турецкому государству со времен его основания. Турецкие власти, отрицая наличие курдской проблемы, утверждали, что «проблема Юго-Востока является лишь социально-экономической». Однако, очевидно, что «повышение уровня жизни и создание новых рабочих мест на Юго-Востоке» было нацелено на изменение социоэкономической структуры курдского общества, стимулирование неблагоприятных для «плодородного Курдистана» миграционных процессов и геоэкономическую изоляцию горной части Турецкого Курдистана. Как метко выразилась бывший премьер-министр Турции Тансу Чиллер,

«проблемы этнических курдов и социально-экономические проблемы на Юго-Востоке тесно переплелись между собой»¹³.

Турецкий «Проект Юго-Восточной Анатолии» (GAP)*, осуществляемый с 1980 г.¹⁴, охватывает территорию с размером 73 863 кв. км (юг западной и центральной части Турецкого Курдистана, включающий провинции Адьяман, Диярбакыр, Газиантеп, Мардин, Сиирт, Урфу, Ширнак и Батман), что составляет 9,4% территории всей Турции¹⁵, и представляет собой комплексный план изменения социально-экономического и демографического облика района.

GAP вместе с 495 индивидуальными проектами, по мнению турецких властей, представляет полный интегрированный проект развития в социальном, урбанизационном, инфраструктурном, ирригационном, сельскохозяйственном, индустриальном и экологическом аспектах¹⁶.

Проект Юго-Восточной Анатолии, являющийся, по словам президента Турции Сулеймана Демиреля, «крупнейшим проектом в истории Турецкой Республики», оценивается в 32 млрд. долл. и рассчитан до 2010 г.** По состоянию на 1997 г. было истрачено 12,5 млрд. долл.¹⁷ Анкара называет GAP «будущим всей Турции, а не только Юго-Востока»¹⁸ и заявляет, что этот анатолийский «проект века» возродит «к жизни всю Месопотамию»¹⁹.

GAP предусматривает создание и управление социально-экономической системы этого наиболее плодородного региона – турецкой части Благодатного полумесяца*** – посредством использования речной системы Тигра и Евфрата для модернизации «Юго-Востока»**** (курдского региона), его тесного включения в турецкое экономическое пространство, «умиротворения»²¹ региона и сужения курдской этногеографии.

Проект включает в себя создание 22 плотин, 19 крупных электростанций, составляющих 13 вспомогательных проектов (7 из них на Евфрате, 6 – на Тигре) и увеличение площади орошаемых земель на 1,7 млн. га (1,1 млн. га водами Евфрата, а 0,6 млн. га – Тигра)²¹. Производство электроэнергии достигнет 27 млрд. кВт/ч в год²², из них на плотину

* GAP – аббревиатура турецкого названия Проекта Юго-Восточной Анатолии – Güneydoğu Anadolu Projesi.

** Первоначально предполагалось завершить GAP в 2001 г., однако из-за сложностей с финансированием государственных инвестиций и экономических трудностей Турции, по словам государственного министра Турции Салиха Илдырыма финансирование GAP в нынешнем объеме может растянуть этот процесс на 72 года (см. Turkish Daily News, 06.09.1997). Завершение проекта было намечено на 2006 г., а впоследствии продлено до 2010 г.

*** В целом территория Курдистана занимает около половины площади всего Благодатного полумесяца.

**** Политика модернизации Кемаля Ататюрка была западноанатолийским феноменом, не сумевшим пустить глубокие корни на юго-востоке и востоке страны. (The Christian Science Monitor, 03.04.1995).

Ататюрка, являющуюся «сердцем этого проекта»²³ и одной из крупнейших в мире, приходится 8,9 млрд. кВт/ч в год²⁴. При этом водами этой плотины орошаются 882 тыс. га²⁵. Создана целая сеть искусственных водных бассейнов: Кебан – в районе Элязыга, площадью 675 кв. км (1975 г.); Каракая – район Диярбакыра, площадью 298 кв. км (1987 г.); Ататюрк – район Шанлыурфа, площадью 817 кв. км; Биреджик. Их совокупная вместимость – 98 куб. км.*

Однако смысл Проекта Юго-Восточной Анатолии состоит в *декурдизации* этого региона посредством изменения его этнодемографического облика.

В начале 90-х годов в районе GAP проживало 4,5 млн. человек. В 2000 г., по прогнозам, население этого региона должно было составить 8,6 млн., а в 2010 г. – 13,3 млн. человек: турецкие власти под предлогом самых разных проектов, имеющих целью «модернизацию Юго-Востока», разрушают курдские традиционные поселения (деревни) и насильно переселяют их жителей в другие регионы страны (преимущественно в западную часть Турции)**, а в «регион рек»²⁶ переселяются этнические турки из черноморских районов страны, отличающихся высокой плотностью. Для этого предполагается поднять уровень жизни населения, доходы которого в 4 раза меньше, чем в Западной Турции***.

* Для сравнения можно отметить, что «сирийские водохранилища Табка, Баас и Тишри, и четыре дамбы на Хабуре имеют общие водные накопления в размере 16 куб. км, а иракское водохранилище Хадита – только 11 куб. км (*Фило-ник А.О., Рогожина Н.Г.*, Юго-Западная и Юго-Восточная Азия..., с. 115.).

** Так, например, при строительстве плотины имени Ататюрка было разрушено 116 курдских сел и выселено 55 тыс. человек. (*Le Monde Diplomatique*, 14.10.1993.).

При этом разрушаются древние курдские поселения мирового исторического значения, например, Хасанкейф, являющийся, по мнению известного археолога Дж. Велибейоглы, для региона таким же священным символом, как Иерусалим для Израиля, борьба за который стала «политической битвой». Дамба Илису (см., например, *Von Heike Drillsch. Droht ein Krieg um Wasserrechte? Hermesburgschaften und Ilisu-Staudamm in Turkisch Kurdistan. // Pogrom 204. Dezember 1999. См.: Bulletin de liaison et d'information. Institut Kurde de Paris. – Janvier 2000. – № 178. С. 4.*), строительство которой должно было начаться в 2000 г. через девять лет затопит город, несколько тысяч жителей этого древнего поселения будут вынуждены мигрировать, и изменится топонимика региона (См. *Louis Meixler. Kurds, Turks Battle for Anciest Town. // Associated Press, Hasankeyf, Turkey, 10.10.2000.*).

*** Среднедушевой доход в курдском регионе составляет около 500 долл. в год, в то время как в среднем по Турции – около 2 тыс. долларов. В целом по региону доход в 2010 г. предположительно составит 6,6 млрд. долл., при том, что в 1985 г. он был равен 800 млн. долл., в 1995 г. – 2,2 млрд. долл., а в 2000 и 2005 гг.

Осуществление этого плана имеет целью оторвать курдский этнорегион от Средиземного моря, учитывая при этом преобладание турецкого населения над курдским в присредиземноморской части этнографического Курдистана (особенно в районах Мараша и Газиантепа, где турки составляют чуть меньше 90%²⁷). Наряду с этим не вызывают также сомнений последствия осуществления земельной реформы и ирригации в рамках GAP, где неравномерное распределение земли в интересах крупных землевладельцев и племенных вождей способствует массовому оттоку курдского населения²⁸.

Поэтому курдские ученые и общественные деятели небезосновательно называют Проект Юго-Восточной Анатолии современным инструментом турецкой «завоевательной политики», предполагающей «ассимиляцию» курдского региона и курдского общества²⁹, разрушение его экологической самобытности³⁰.

Эти, внутренние, аспекты водного измерения курдской проблемы тесно связаны с внешними. Более того, водная проблема – одна из важных причин функционирования современного курдского вопроса в качестве курдского фактора и подчинения внутригосударственного измерения курдской проблемы региональной водной проблемой.

В этом контексте небезынтересна точка зрения, согласно которой одной из важнейших причин жесткого отказа турецких властей в предоставлении курдскому региону какой-либо формы самоуправления является контроль и управление водными ресурсами Тигра и Евфрата, посредством Проекта Юго-Восточной Анатолии, точнее – боязнь потери этого контроля³¹. А потеря «стратегических вод Курдистана» лишит Турцию важнейшего геополитического рычага в отношении арабских стран³². По сути, важнейшие внутригосударственные вызовы (являющиеся в то же время общерегиональными), с которыми сталкивается турецкое государство – курдский национальный вопрос и водная проблема – концентрируются на территории Турецкого Курдистана. По справедливому замечанию американского исследователя Г. Барки (Henry Barkey), именно курдский и водный вопросы – главные источники «рисков» Турции в регионе, они «оттягивают» Турцию от Европы на Ближний Восток и будут поглощать ее ресурсы в ближайшем будущем.

Такой же точки зрения придерживается известный турецкий публицист и политолог Мехмет Али Биранд, определяющий курдский и водный вопросы как наиболее критические вызовы, «поджидающие» Турцию на Ближнем Востоке³³. В то же время, эти проблемы усугубляются экономической отсталостью курдского региона и игнорированием национальных прав курдов, создающими обстановку перманентной нестабильности.

Проект Юго-Восточной Анатолии, давая возможность Турции контролировать водные потоки в Сирию и Ирак (чем Турция перманентно поль-

должен будет составить соответственно 3,1 млрд. и 4,7 млрд. (См. Turkish Daily News. 03.03.1997).

зуется в политических целях) и являясь причиной уменьшения стока воды в эти страны*, угрожает амбициозным ирригационным и гидропроектам Сирии и Ирака, связанным с использованием вод бассейнов Тигра и Евфрата. Вместе с тем дефицит воды будет ощущаться и в арабских странах Персидского залива**.

Вследствие того, что единственными оазисами Сирийской пустыни «являются те, которые орошаются источниками и реками, стекающими с... гор Курдистана³⁴», и крупнейшие ирригационные и гидротехнические проекты (например, оз. Асад и плотина Ас-Саура) осуществляются в среднем течении Евфрата, Сирия сильно зависит от турецких проектов в Северном Курдистане³⁵. В то же время планы Сирии по строительству новых плотин, одна из которых должна была повернуть русло р. Тигр, угрожают иракским гидроэлектростанциям.

Таким образом, любой турецкий проект по использованию вод Тигра и Евфрата приводит к разрушению курдских поселений, ухудшает экологическую обстановку в регионе и усиливает напряженность в турецко-сирийско-иракских отношениях. Примечательно, что как раз эти факторы и стали причинами отказа английского правительства от финансирования проекта дамбы на р. Тигр. В марте 2000 г. английский парламент поддержал турецкий проект строительства дамбы на р. Тигр, а представители Торгово-промышленного комитета Великобритании заявили, что готовы вложить в этот проект 200 млн. долл. при условии предварительных консультаций Турции с Сирией и Ираком и экологической надежности и безопасности проекта. При этом английские парламентарии высказали опа-

* При реализации этого проекта сток воды в Сирию уменьшится на 50 %. А с самого начала осуществления Проекта Юго-Восточной Анатолии совокупный сток Евфрата на турецко-сирийской границе уменьшился с 30 куб. км до менее чем 16 куб. км в год. Начиная с середины 70-х годов совокупное уменьшение стока Евфрата в Сирию, вызванное наполнением водных бассейнов и т. д., составило 150 куб. км, т.е. сумму, равную пятилетнему совокупному стоку Евфрата. (The Middle East and North Africa. 1999. Forty-Fifth edition. – L., – 1998. – С. 23.)

** Страны Персидского залива могут пострадать из-за уменьшения Шатт-эль-Араба (См. *Филоник А.О., Розожина Н.Г.*, Юго-Восточная и Юго-Западная Азия..., с. 118-119). Поэтому арабские страны настаивали, чтобы западные государства, включая США, и международные финансовые организации не предоставляли Турции кредиты для осуществления этого проекта.

Необходимо добавить, что арабские страны Персидского залива, не желая попадать в зависимость от турецкой воды, ищут вместе с другими соперниками Турции на региональной арене альтернативные способы получения гидроресурсов. Так, например, Армения предлагает водный проект, предусматривающий продажу воды Катару посредством прокладки трубопровода от р. Аракс по территории Ирана до участка р. Карун, откуда возьмет начало водная коммуникация Иран-Катар. Примечательно, что в этом проекте планирует участвовать и Россия (См. Республика Армения. 03.02.1999).

сения, что главным результатом строительства дамбы будет затопление курдских территорий, что приведет к разрушению курдских деревень и вынудит их жителей переселяться в города, таким образом еще более осложнив социально-этническую и экономическую ситуацию в регионе³⁶. Однако в мае того же года британское правительство под давлением некоторых международных организаций и противников проекта потребовало дополнительных гарантий для финансирования указанного проекта. Британские власти заявили, что Турция, в первую очередь, должна обеспечить соблюдение прав переселенцев, включая компенсацию за утерянное жилье, а также гарантировать экологическую безопасность района и регулировать вопросы возможных спорных ситуаций с Сирией и Ираком³⁷.

«Мания создания объектов для полномасштабного пользования рек и ручьев»³⁸ стала главной причиной дефицита речных ресурсов. Например, когда 13 января 1990 г. турецкие гидротехники для заполнения водохранилища плотины им. Ататюрка на месяц остановили сток Евфрата в Сирию, русло реки от южных границ Турции до искусственного озера Эль-Асад в районе города Алеппо стало полностью сухим. Анкара продемонстрировала свое мощное «водяное оружие». Однако и ранее односторонние действия Турции по использованию водных ресурсов неоднократно были причиной кризисов в отношениях между Турцией, Сирией и Ираком (например, в 1974 и 1981 гг.).

Сирия и Ирак неоднократно обвиняли Турцию в одностороннем незаконном использовании вод Тигра и Евфрата в ущерб их интересам. По их мнению, эти реки являются «международными»³⁹ и использование их вод должно носить правовой характер и регулироваться совместно всеми тремя сторонами. В Дамаске и Багдаде опасаются, что турки в конечном итоге (после завершения Проекта Юго-Восточной Анатолии. – *Н.М.*) «приберут к рукам всю воду» и будут использовать ее в качестве политического рычага для воздействия на них⁴⁰.

Сирия обосновывает свои притязания также историческими аргументами, заявляя, что она имеет права на реки Месопотамии, протекающие на ее территории, «с античных времен». Она настаивает на рассмотрении Тигра и Евфрата в качестве «международных водных путей» и предлагает распределять воду по квотам, определяемым на основе «математической формулы». Со времени начала строительства плотины им. Ататюрка Сирия не раз обвиняла Турцию в нарушении духа добрососедства и причинении значительного ущерба ее сельскому хозяйству, гидроэнергетике и водоснабжению. По ее мнению, главная цель «водной политики» Турции – утверждение политического влияния над соседями.

Идею Турции, выдвинутую премьер-министром Т.Озалом в 1987 г. в Вашингтонском Центре стратегических и международных исследований, о постройке «водовода» или «трубопровода мира» (Peace Pipeline Project) для переброски излишков воды из влажных районов Турецкого Курдистана в засушливые страны Ближнего Востока (Сирию, Иорданию, Израиль и страны Персидского залива) арабские страны небезосновательно рассматривают в контексте «мечты Турции» достичь лидерства в регионе

посредством экономического и политического доминирования, сделав зависимыми эти страны от «турецкой воды». Кроме того, Сирия напоминает, что Турция, постоянно заявляя о дефиците водных ресурсов, предлагает экспортировать воду. Вдобавок к этому Турция планирует проложить по дну Средиземного моря 80-километровый трубопровод к турецкому анклаву на Северном Кипре с возможной последующей продажей воды греческой части Кипра⁴¹.

Так как Сирия не позволяет водам Оронта протекать к плато Амик в провинции Хатай вблизи сирийской границы, Турция «вынуждена» использовать для ирригации района воды рек Джейхан и Сейхан, что ставит под сомнение продажу воды из этих рек в соответствии с «проектом Озала».

«Мини-трубопровод мира», предлагаемый Турцией для продажи 180 млрд. куб. м воды в год из р. Манавгат в Сирию, Иорданию, Израиль и Палестину (в том числе и по дну Средиземного моря в пределах территориальных вод Сирии), также торпедируется Сирией.

Сирия пытается вынести водную проблему на международный уровень, предлагая урегулировать ее с помощью Международного суда и Международной правовой комиссии и Лиги арабских государств.

Отметим, что Сирия «представляет собой слабейшую сторону треугольника, образуемого ею, Турцией и Ираком в долине Тигра и Евфрата»⁴². Примечательно, что Сирия имеет еще два водных конфликта: с Израилем по поводу использования водных ресурсов Голанских высот и с Иорданией – по р. Ярмук⁴³. Соединенные Штаты и Израиль в процессе ближневосточного урегулирования рассматривают и водные ресурсы р. Евфрат. Уступка Турцией Сирии по Евфрату будет способствовать выводу израильских войск с Голанских высот, так как Сирия, получив «надбавку» на Евфрате, станет более уступчивой по отношению к Израилю, жизненно заинтересованному в водных ресурсах Голан, что снимет еще одно препятствие для вывода из этого района израильского воинского контингента. Хотя Турция заявляет, что «турецкая вода» не может быть предметом сделки ближневосточного мирного процесса, с самого начала переговоров по нему США как главное действующее лицо этого процесса неизменно включали в него вопрос Евфрата⁴⁴. При этом Израиль обещает Турции на переговорах с Сирией учитывать ее водные интересы⁴⁵. Таким образом, Сирия имеет три «водных фронта». Однако не исключено, что, несмотря на развивающееся израильско-турецкое сотрудничество в области водных ресурсов и ирригации (вплоть до совместных проектов по созданию так называемой «биржи водных ресурсов», согласно которым воды Тигра и Евфрата будут распределяться между всеми государствами региона, в том числе и Израилем), что вызывает глубокую озабоченность арабов⁴⁶, водные интересы Турции потенциально могут быть принесены в жертву ближневосточному мирному процессу. С другой стороны, страх арабов зависеть от «турецкой» воды может способствовать их примирению с Израилем.

Ирак также заявляет о своих исторических правах на воды Тигра и Евфрата, связывая это с «наследственной ирригацией» («ancestral irrigations»)

Месопотамии из этих рек с древнейших времен. В районе бассейна Евфрата находится около 1,9 млн. га иракских сельскохозяйственных земель. В отношении раздела водных ресурсов Ирак придерживается сходной с Сирией позиции о квотах на потребление воды, определяемой на основе «математической формулы», настаивая на выделении воды Турцией в количестве не менее 700 куб. м/с, вместо нынешних 500 куб м/с*. Такая позиция Багдада объясняется тем, что сооружение плотины Кебан в Турции** и плотины Табка в Сирии значительно уменьшило сток р. Евфрат в Ирак, что стало причиной нехватки воды для ирригации в Среднем и Южном Ираке.

Ирак не раз со времен строительства плотины им. Ататюрка обвинял Турцию в нарушении международного права. Так, в августе 1998 г. иракские власти заявили о возможности предъявления иска Турции, «если Анкара не откажется от планов строительства дамб на главных водных артериях региона, так как это создает дополнительные проблемы для Ирака и Сирии»⁴⁷. По мнению иракского министра ирригации Мохаммеда Диваб аль-Ахмада, продолжение настоящей ирригационной политики Анкары может привести к серьезному водному дисбалансу в регионе. Примечательно, что эти заявления были сделаны в преддверии визита сирийской делегации в Багдад, для обсуждения проблемы «кризиса вокруг Евфрата»⁴⁸.

Турция в свою очередь, ссылаясь на то, что эти крупнейшие реки региона берут начало на ее территории, а также на отсутствие четкого международно-правового статуса этих рек и порядка регулирования потребления воды⁴⁹, настаивает на том, что эти реки являются не международными, а водными путями, пересекающими государственные границы⁵⁰ или трансграничными (transboundary). Исходя из этого, Турция считает, что имеет такие же «права на свои природные ресурсы (имеется в виду вода — *Н.М.*), как и на землю»⁵¹ и будет, насколько это возможно, учитывать интересы Сирии и Ирака (турки рассматривают «оставляемую» арабам воду в качестве «подарка»), при этом ставя во главу угла турецкие интересы.

Турецкие официальные лица постоянно заявляют, что Турция, вопреки расхожему мнению, вовсе не богата водными ресурсами. Так, в среднем на одного человека в год в Турции приходится около 4108 куб. м

* Ирак считает, что 500 куб. м/с воды (среднее количество за месяц), гарантируемые Турцией по Протоколу об использовании реки Евфрат для водно-энергетических систем от 18 июля 1987 г., должны быть пересмотрены по причине наполнения плотины им. Ататюрка, в результате которого указанный протокол потерял силу. Учитывая, что среднегодовой поток вод Евфрата составляет около 1 тыс. куб. м/с, Турция, по мнению Ирака, должна использовать одну треть этого количества, оставляя не менее 700 куб. м/с Сирии и Ираку. Турция настаивает на 350 куб. м/с.

** Плотина Кебан (площадь водохранилища этой плотины в районе Элязыга — 675 кв. км.) и ГЭС сооружены в 1975 г. в месте слияния рек Авараш и Мурад возле г. Кебан, где они образуют бурный поток. Кебанская ГЭС в настоящее время — один из основных источников электроэнергии в Турции.

воды, в Ираке – 6580 куб. м, а в Сирии – 3350 куб. м (данные по состоянию на 1985 г.)⁵², в то время как богатыми считаются страны, в которых на душу населения приходится свыше 8 тыс. куб. м. В Турции подчеркивают, что в отличие от Сирии и Ирака, несмотря на наибольший вклад в водный бюджет бассейна Тигра и Евфрата, Турция претендует на умеренную водную квоту (см. табл. 2 и 3). Непропорционально высокие запросы Сирии и Ирака, по ее мнению – причина значительной разницы между существующим водным потенциалом рек и требуемых этими странами квот – 17,3 млрд. куб. м по Евфрату и 5,8 млрд. куб. м по Тигру.

Таблица 2

**Водный потенциал бассейна р. Евфрата
и требуемые квоты потребления,
млрд. куб. м в год**

Страна	Водный потенциал (%)	Требуемая квота (%)
Турция	31,58 (88,7)	18,42 (35,0)
Сирия	4,00 (11,3)	11,30 (22,0)
Ирак	0,00 (0,0)	23,00 (43,0)
Всего	35,58 (100,0)	52,92 (100,0)

Таблица 3

**Водный потенциал бассейна р. Тигра
и требуемые квоты потребления,
млрд. куб. м в год**

Страна	Водный потенциал (%)	Требуемая квота (%)
Турция	25,24 (51,8)	6,87 (13,0)
Сирия	0,00 (0,0)	2,60 (4,0)
Ирак	23,43 (48,1)	45,00 (83,0)
Всего	48,67 (100,0)	54,47 (100,0)

Турция «для рационального использования водных ресурсов» с 1984 г. неоднократно предлагала Сирии и Ираку «Трехступенчатый план для оптимального и справедливого использования трансграничных водных потоков бассейна Тигра-Евфрата» («Three-Staged Plan for Optimum, Equitable and Reasonable Utilization of the Transboundary Watercourses of the Euphrates-Tigris Basin»), важнейшая особенность которого – рассмотрение Тигра и Евфрата в качестве единой трансграничной системы водных потоков. При этом в случае нехватки для ирригации водных ресурсов Евфрата должны использоваться водные ресурсы Тигра, что является причиной резко отрицательного отношения к этому плану Ирака. Сирия также отвергла этот проект.

Геоэкономическое противоборство в турецко-сирийско-иракском треугольнике по поводу воды наряду с извечным геополитическим соперничеством подтолкнуло эти страны к использованию курдского фактора в каче-

стве одного из козырей. В то же время с 80-х годов вода стала «стратегическим оружием в старом споре между соседями по курдскому вопросу»⁵³.

Поддержка Сирией Партии рабочих Курдистана (ПРК), в немалой степени обусловленная водными противоречиями с Турцией⁵⁴, стала удобным предлогом для оправдания своей «водной стратегии» и демонстрации своего «водяного оружия» Турцией. Так, с конца 80-х годов турецкое правительство, неоднократно обвиняя Сирию в нарушении Протокола о безопасности от 1987 г.^{*}, угрожало последней уменьшением (или даже прекращением) стока р. Евфрат в Сирию, если та не прекратит помощь ПРК⁵⁵. Президент Турции Тургут Озал говорил даже о неизбежности «водных войн»⁵⁶.

В то же время турки не скрывали, что вода – мощный геополитический и геоэкономический инструмент (оружие) в отношении их южных соседей. В Анкаре нередко заявляли: «Если арабы владеют нефтью, то мы владеем водой», и «изменение направления Евфрата, от которого значительно зависит Сирия, к реке Джейхан в Западной Турции поставит ее на колени»⁵⁷. А заявления типа: «Было бы крайне привлекательным использовать воду в качестве оружия, но мы не прибегали к этому, и сирийцы должны знать это»⁵⁸, – перманентно подчеркивали возможность использования «водяного оружия» и фактически были прямой угрозой.

Необходимо отметить, что некоторые исследователи рассматривают конфликт в Турецком Курдистане сугубо в контексте «водной геополитики», что не лишено оснований^{**}.

Рассматривая водную проблему в турецко-сирийско-иракском треугольнике, многие исследователи упускают из виду «другой аспект курдской водной проблемы». Снабжение Ирака водой (и в большей мере электроэнергией) происходит из юго-восточной части Иракского (Южного) Курдистана, контролируемой Патриотическим союзом Курдистана под руководством Джаляля Талабани. В отличие от описанного выше конфликтного узла эта проблема носит локальный (внутригосударственный) характер. Ее можно обозначить как водный аспект курдской проблемы в Ираке.

В Иракском (Южном) Курдистане сосредоточены главные водные ресурсы Ирака. В то же время водный вопрос нередко присутствует в качестве

^{*} Протокол о безопасности от 1987 г. был подписан президентами Хафезом Асадом и Тургут Озалом во время визита последнего в Дамаск и предусматривал борьбу с «террористическими группами», использующими территории одной из этих стран против другой.

^{**} С точки зрения ведущих турецких специалистов в области «водной политики», вода стала одним из важнейших средств давления на Сирию в вопросе прекращения поддержки ПРК и выдворения из этой страны Абдуллы Оджалана. По их мнению, вода, которая в XXI в. будет тем, чем в XX в. была нефть, может также быть использована в качестве политического фактора на Кипре (см.: *Kinzer S. A fierce struggle for water drives all the players in the Kurdish conflict. // International Herald Tribune, 02.03.1999.*).

фактора в многочисленных конфликтных ситуациях. Иракская ирригация полностью зависит от водных потоков речной системы Тигра и Евфрата⁵⁹.

Водный потенциал Ирака составляют главным образом две крупнейшие плотины страны, находящиеся на территории Южного Курдистана.

1. Плотина Дукан высотой в 116 м построена в конце 50-х годов в верхнем течении Малого Заба в горной зоне между Эрбилем и Сулейманией. Площадь водохранилища, обеспечивающего водой 350 тыс. га, составляет 270 кв. км, а емкость 6,8 млрд. куб. м. В 1983 г. для увеличения использования вод плотины иракское правительство предприняло Киркукский ирригационный проект (впоследствии переименован в проект им. Саддама Хусейна) с потенциалом орошения 300 тыс. га. Здесь также построены электростанции, которые дают электроэнергию исключительно на нужды арабских районов Ирака⁶⁰.

2. Плотина Дербендихан сооружена в 1961 г. в верхнем течении р. Диялы (на реках Сирван и Тенджер) к западу от Халабджи (ущелье Дербендихан), ее высота – 135 м; водохранилище площадью в 121 кв. км и емкостью 3,2 млрд. куб. м, орошающее 250 тыс. га⁶¹.

Оба водохранилища с плотинами, находящиеся на территории губернаторства Сулеймания, были сооружены как для защиты от наводнений и орошения плодородных земель, так и для выработки электроэнергии на построенных впоследствии ГЭС, установленная мощность которых составляет 400 тыс. кВт (Дукан) и 240 тыс. кВт (Дербендихан)⁶².

Вода, как и нефть, стала причиной декурдизации и арабизации богатого в ресурсном отношении района. В районы орошаемых земель Курдистана (в основном южная полоса юго-восточной части Иракского Курдистана, районы Киркука, Диялы (Ханекин, Мандали Кифри) и частично Салахеддина), где сосредоточены также крупнейшие месторождения нефти, иракские власти переселяют арабские племена и выселяют курдов. Жизненная необходимость Ирака в южнокурдистанской воде и электроэнергии ориентирует Багдад на применение любых мер для контроля над водными ресурсами. Например, в 1988 г. применение Ираком химического оружия против курдов было продиктовано желанием сдержать Иран, который был на подступах к Дербендихану и Киркуку⁶³, т.е. гидро- и промышленно-энергетическому «сердцу» Ирака.

Багдад время от времени использует водную проблему для расправы над иракскими курдами или угрозы в их отношении. Так, обвиняя «иностранных агентов» (имеются в виду курдские политики) в сокращении потока на двух плотинах (Дербендихан и Дукан) в курдских районах, иракские власти «предупреждают», что не будут «терпеть» подобные действия, являющиеся причиной засухи на территориях, подконтрольных Багдаду⁶⁴.

Исходя из вышеизложенного и учитывая немалый потенциал для перевода конфликта в сотрудничество, в том числе и за счет вопросов иерархически более низких уровней региональных отношений (например, курдского), неудивительно, что лидеры современного курдского национально-освободительного движения (Джалаль Талабани) считают, что «курды будут «жертвами воды» так же, как были «жертвами нефти» в начале века»⁶⁵.

¹ Наш путь. Стратегическая перспектива развития России в XXI веке. – М., 1999. – С. 62.

² См.: *Праздничных А. Н.* Новые технологии нуждаются в новой политике: геоэкономическое измерение конкурентоспособности государств. // Методология и теория международных отношений: Материалы «круглого стола». – М., – С. 40-42.

³ См.: Компас. 27.06.1996. – № 26. – С. 31.

⁴ См.: Kurdistan Report. April 1992. – № 8. – С. 20.

⁵ The Middle East in 1990 's: Hearing before the Subcommittee on Europe and Middle East of the Committee on Foreign Affairs. House representatives, 101 st Congr., 2d sess., Apr. 4. – Wash., 1991 – С. 156. См. также *Хамзин К. 3.* Проблема распределения водных ресурсов между Израилем и соседними государствами. // Ближний Восток и современность. – М., 1997. – Вып. 3. – С. 208.

⁶ *Филоник А.О., Рогожина Н.Г.* Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: Проблемы водных ресурсов (социально-экономическое и политико-экологические аспекты). – М., 1996. – С. 23; см. также: *Филоник А.* Следующая война будет не за землю, а за воду. Дефицит питьевых ресурсов может стать тормозом к урегулированию конфликта. // «Дипкуррьер». – 17.02.2000. – № 3. – С. 4.

Как однажды заявил премьер-министр Израиля Ицхак Рабин: «Даже если мы решим все другие проблемы на Ближнем Востоке, не разрешив должным образом водную, наш регион взорвется». А по словам другого ближневосточного лидера покойного короля Иордании Хусейна, «вода может свергнуть страны региона в войну» (цит. по: *Kinzer S.* A fierce struggle for water drives all the players in the Kurdish conflict. // International Herald Tribune. 02.03.1999).

⁷ Strategic Survey, 1991-1992. // International Institute for Strategic Studies. – L., 1992. – С. 229.

⁸ Там же, с. 220.

⁹ *Beaumont P.* Water resources and their management in the Middle East. II Change and development in the Middle East. Essay in honor of W.B. Fisher. Ed. by John J. Clarke and Howard Bowen-Jones. – N. Y., 1981. – С. 41.

¹⁰ *Blake G., Dewdney J., Mitchell J.* The Cambridge Atlas of the Middle East and North Africa. – Cambridge, 1987. – С. 19.

¹¹ См.: Tubingen Atlas des Vorderen Orient. Herausgegeben vom Sonderforschungsbereich 19 der Universitat Tubingen. Dr. Ludwig Reichert Verlag. – Wiesbaden, 1977. Следует добавить, что в самом Курдистане наибольшее количество осадков выпадает в горных районах Хаккяри и Тунджели (Дерсим) (большей частью в виде снега) и плодородной полосе Дертийол-Мараш-Адияман-Сасун (свыше 1 500 мм в год), а наименьшее – в полосе Сирийский Курдистан-Мосул-Киркук-Ханекин (300-400 мм). В Иранском Курдистане выпадает среднее количество осадков (400-600 мм).

¹² *Филоник А.О., Рогожина Н.Г.*, Юго-Западная и Юго-Восточная Азия. С. 125.

¹³ См.: *Еровченков А.* Госминистр требует создать в Турции министерство по правам человека. // Компас. – 27.07.1994. – № 113. – С. 28.

Весьма примечательно, что сразу же после ареста главы Партии рабочих Курдистана (ПРК) Абдуллы Оджалана премьер-министр Бюлент Эджевит, обвинив ПРК в сохранении депрессивного состояния экономики в регионе, объявил детали нового

плана развития для «Юго-Востока» стоимостью в 90 млн. долл. (См.: Turkey plans development for battered Kurdish area. // International Herald Tribune. 02.03.1999).

¹⁴ «Работа над этим проектом началась в 1961 г. Первоначально он назывался “Нижнеевфратским” и популяризировался как комплекс энергетических и ирригационных сооружений, каковым в узком смысле и являлся. Ныне, однако, GAP рассматривается как интегрированный многоотраслевой проект, призванный осуществить грандиозный переворот не только в экономической, но и в социальной жизни Юго-Востока Турции...» (Ульченко Н.И. Турция: старые и новые подходы к проблемам Юго-Востока. // Ближний Восток и современность. – М., 1997. – Вып. 3. – С. 117.)

¹⁵ Dersimi, Berivana. Proja GAP'e ci ye? // Welat, 28. 02-03.03.1993.

¹⁶ Turkish Daily News. 25.10.1993.

¹⁷ Turkish Daily News. 03.03.1997.

Ежедневные вложения в Проект Юго-Восточной Анатолии составляют 1,7 млн. долл., а всего он поглощает 17-18 % общего объема годовых государственных инвестиций в экономику региона. Примечательно, что сумма, инвестированная в развитие «Юго-Востока» в 1992 г., в 7 раз превышала суммарные налоговые сборы с региона за тот же год. При этом доля региона в общем объеме государственных инвестиций составляет 16 % при населении 9 % от общей численности населения Турции. (См. Ульченко Н.И. Турция: старые и новые подходы к проблемам Юго-Востока. // Ближний Восток и современность. – М., 1997. – Вып. 3. – С. 116.

¹⁸ Turkish Daily News. 9.09.1997.

¹⁹ Еровченков А. Турция. Гидроузел на Евфрате. // Азия и Африка сегодня. – 1995. – № 4. – С. 30.

²⁰ Goux-Baudiment (Fabienne). Le GAP: projet Anatolie du Sud-Est. // Problemes politiques et sociaux. – № 757. – С. 59.

²¹ Chesnot C. Les objectifs cachés du Grand Projet Anatolien. // Le Monde Diplomatique. 14.08.1993. – С. 14.

²² Turkish Daily News. 30.03.1997. Можно добавить, что более половины турецкой электроэнергии вырабатываются за счет гидроресурсов.

²³ Turkish Daily News. 30.05.1996.

²⁴ Плотина имени Ататюрка, построенная в районе г. Адьяман, на притоках Евфрата и в верхнем его течении, высотой в 170 м, мощностью восемь турбин в 2,4 МВт, и одноименное водохранилище (озеро) были введены в действие в июле 1992 г. и обошлись Турции в 4 млрд. долл. (Turkish Daily News. 25.10.1993). Площадь водохранилища плотины имени Ататюрка составляет 817 кв. км.

²⁵ Turkish Daily News. 30.05.1996.

Благодаря этой ирригации в районах (долинах) Шанлыурфы и Харрана в 1996 г. было произведено свыше 300 тыс. т хлопка, что составило около трети всего производства Турции и обеспечило доход в сумме 115 млн. долл. (См.: Turkish Daily News. 03.03.1997).

²⁶ Так Сулейман Демирель называет регион GAP. (См.: Turkish Daily News. 30.05.1996).

²⁷ Абдулла Г.И. Курдистан (Население и административно-территориальное деление). – Стокгольм, 1996. – С. 21.

²⁸ Philip Robins. The overlord state: Turkish policy and the Kurdish issue. // International Affairs. – 69, 4. – 1993. – С. 664. См. Также: The Kurds race for cultural identity. // The Middle East. – October 1989. – № 180. – С. 20.

²⁹ Dersimi, Berivana. Proja GAP'e ci ye? // Welat. 28. – 02-03.04.1993.

³⁰ Kurdistan Report. April 1992. – № 8. – С. 20.

³¹ При этом контроль над водными ресурсами рассматривается Турцией в качестве ключевого элемента «будущей мощи» этого государства. (См.: Kinzer S. A fierce struggle for water drives all the players in the Kurdish conflict. // International Herald Tribune. 02.03.1999.).

³² Olson R. The Kurdish Question and geopolitic and geostrategic changes in the Middle East in the Gulf War. // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies (Vullanova). – 1994. Vol. XVII. – № 4. – 1994. С. 51.

³³ Turkish Daily News. 03.06.1994.

³⁴ Буро П. и Древи Ж. Средиземноморье. – Т. 2. Восточное Средиземноморье. / (Пер. с франц.). – М., 1962. – С. 343.

³⁵ Необходимо добавить, что Евфрат, 1100 км которого из 2800 приходится на территорию Курдистана (самая протяженная река Курдистана), «принадлежащий Сирии средним течением (675 км), обеспечивает сток примерно 80 % совокупных водных ресурсов местных (сирийских. – Н.М.) рек. По течению реки образовалась цепь серповидных озер». (См.: Сирийская Арабская Республика. – М., 1997. – С. 6.

³⁶ Guardian. 10.03.2000.

³⁷ Новый Курдистан. Май 2000, № 4 (27).

³⁸ Sofer, Arnon. Rivers of Fire: The struggle for water in the Middle East. – Tel-Aviv, 1992. – С. 228-229 (цит. По: Пепес Ш. Новый Ближний Восток, с. 159).

³⁹ См.: Компас. 27.06.1996.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. Kinzer S. A fierce struggle for water drives all the players in the Kurdish conflict. // International Herald Tribune. 02.03.1999.

⁴² Пепес Ш. Новый Ближний Восток, с. 157.

⁴³ Хамзин К.З. Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт. – М., 1998. – С. 106-109, 146-149.

⁴⁴ Sariibrahimoğlu, Lale. Demirel intervenes in water issue. // Turkish Daily News. 10.02.2000.

⁴⁵ Selcuk Gultasli. Foreign Ministry: no request to U.S. over Syria. // Turkish Daily News, 04.01.2000.

⁴⁶ Афанасьев В. Турецко-израильский альянс – новая угроза для ближневосточного региона. // «Дружба», № 6, март 1999, с. 19.

⁴⁷ Ирак предупреждает Турцию о недопустимости строительства новых дамб. // Новый Курдистан. – сентябрь 1998. – № 7 (14).

Ирак заявлял также о возможных судебных исках в отношении иностранных фирм, имеющих контракты в Проекте Юго-Восточной Анатолии. Однако подобные заявления являлись в большей мере реакцией на заключенное в очередной раз сепаратное соглашение об «окончательном решении» проблемы распределения вод Евфрата между Сирией и Турцией, вызвавшее беспокойство Багдада по поводу игнорирования иракских «водных интересов» (См.: Iraq muddies

water of Turkey-Syria dam deal; *Brown, John Murray*. Threats over Euphrates project. // *Financial Times*. 10.02.1993).

⁴⁸ Новый Курдистан. – сентябрь 1998. – № 7 (14).

⁴⁹ «Международное право как средство решения и регулирования водных вопросов остается рудиментарным и сравнительно неэффективным по сравнению с соглашениями и договорами...» (См. *The Middle East in 1990's: Hearing before the Subcommittee on Europe and Middle East of the Committee on Foreign Affairs*. – Wash., 1991. – С. 158).

⁵⁰ *Sabah*. 16.03.1996; *Cumhuriyet*. 16.03.1996.

⁵¹ Подобные заявления президента С.Демиреля не раз вызывали открытое недовольство Дамаска и Багдада (См.: *Turkish Daily News*. 06.10.1993).

⁵² При этом необходимо отметить, что соответствующие показатели на 2020 г. прогнозируются на уровне 2304, 2570 и 1211 куб. м (*Филоник А.О., Рогожина Н.Г.* Юго-Западная и Юго-Восточная Азия. С. 44). В то же время, по данным Департамента инвестиций и планирования Главного управления государственных гидравлических работ, на Ирак, Турцию и Сирию приходится соответственно 2110, 1830, 1420 куб. м годной для потребления воды на душу населения.

⁵³ *Shrinking Euphrates raises Turkish-Syrian tension. Scheherazade Daneshkhu and Andrew Gowers see water becoming a weapon in the Kurdish dispute.* // *Financial Times*. 23.10.1989.

См. Также: *Picard, Elizabeth*. Eau et sécurité dans le bassin de l'Euphrate. // *Géopolitique*. – novembre 1993. – 43.

⁵⁴ Небезынтересно, что эскалация конфликта в Турецком Курдистане, по мнению ученых из стамбульского Фонда исследований Ближнего Востока и Балкан (в работе: «Сепаратистский террор: угроза периоду после «холодной войны». ПРК в Турции, июнь 1994.), совпадала с осуществлением турецких гидропроектов. Так было, например, с завершением плотины Биреджик на Евфрате.

Сирия использовала ПРК в качестве «рычага» в своих спорах с Турцией по водной проблеме (См.: *Strategic Survey 1998/1999*. // *Oxf. University Press*. – May 1991. – С. 164).

⁵⁵ Премьер-министр Тургут Озал, выступая на семинаре, организованном вилайетской организацией Партии Отечества в Стамбуле, заявлял: «Мы не имеем намерения сделать плохое кому-нибудь. Если мы задержим на два с половиной года воду (реки Евфрат. – *М.Г.*), то вниз она не потечет, однако мы всех приведем к благоразумию.» (Цит. по: *Гасратян М.О.* курдской проблеме в Турции. // *Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР*. – М., 1988. – № 3 (254). – С. 13).

⁵⁶ *Strategic Survey*. 1991-1992. // *International Institute for Strategic Studies*. – L., 1992. – С. 220.

⁵⁷ *Turkish Daily News*. 05.11.1993.

⁵⁸ *Shrinking Euphrates raises Turkish-Syrian tension. Scheherazade Daneshkhu and Andrew Gowers see water becoming a weapon in the Kurdish dispute.* // *Financial Times*. 23.10.1989.

⁵⁹ *Bowen-Jones, Howard*. Development in the Middle East. // Change and development in the Middle East. Essay in honor of W.B. Fisher. Ed. by John J. Clarke and Howard Bowen-Jones. – N. Y., 1981. – С. 14.

⁶⁰ *Шаси Ш.* Удивительная и прекрасная земля Курдистана. // Дружба. – 1997. – № 1. – С. 13.

⁶¹ *Adnan Koucher*. State and Society, 1999. – С. 240.

⁶² *Шахбазян Г.* На минном поле. // Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 2. – С. 19.

⁶³ Иначе весь центр Ирака – Багдадский регион мог остаться без воды и электроэнергии (См.: *Brogan, Patrick*. World Conflicts. Why and where they are happening. – L., 1992. – С. 284).

⁶⁴ Turkish Daily News. 06.05.1997.

При этом курдская сторона (Джаляль Талабани) не отказывается обсуждать с Багдадом вопросы воды, электроэнергии и плотин при посредничестве ООН и др.

⁶⁵ Компас. 24.08.1994. – С. 27.

Рис. 1. Зоны водных излишков на Ближнем Востоке

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТОКА НИЛА

Международно-правовое регулирование международных рек – важная и чрезвычайно трудная проблема, так как каждая международная река уникальна и характеризуется множеством специальных видов использования. Наиболее яркое выражение разнообразия характера международных рек или международно-речных бассейнов (систем) – река Нил.

На нынешнем этапе развития государств бассейна реки Нил задача установления нового международного правового режима регулирования реки становится все более актуальной. Существующий международно-правовой режим не является эффективным средством развития и оптимального использования водных ресурсов Нила, так как в нем не участвует подавляющее большинство стран бассейна.

Нил, согласно «Регистру международных рек», занимает 3 030 700 кв. км, т.е. одну десятую территории Африканского континента. Непосредственно под Нильским бассейном понимается обширный географический регион, охватывающий 10 государств и определяемый границами водораздела, включая поверхностные и подземные воды, впадающие в водотоки общего значения. На основании комментария к ст. 2 Хельсинкских правил к подземным водам указанного речного бассейна могут быть отнесены только те, которые впадают в главное русло системы, ее притоки и озера. В соответствии со ст. 3 тех же Правил к «государству бассейна» относится такое государство, территория которого включает в себя часть международного речного бассейна¹. Исходя из этого критерия, к государствам бассейна Нила причисляют Египет, Судан, Эфиопию, Эритрею, Бурунди, Руанду, Кению, Уганду, Танзанию и Демократическую Республику Конго (бывший Заир)². Все указанные государства бассейна – развивающиеся аграрные страны, преимущественно со слабо развитыми экономическими структурами. Нил как одна из самых крупных рек мира имеет огромный потенциал развития, на использование которого все принильские государства имеют право, согласно основополагающим принципам современного международного права.

Степень зависимости государств бассейна от доступа к использованию вод Нила различна. Эти государства находятся в разных географических зонах и обладают соответствующими демографическими, климатическими и иными особенностями. Это различие прежде всего выражается в том, что государства нижнего течения (Египет и Судан) используют воды Нила в качестве главного источника ирригации земель и производства

электроэнергии. В последние годы Эфиопия также стремится к использованию вод реки в указанных областях. Другие государства верхнего течения реки заинтересованы в развитии рыболовства, судоходства, а также в использовании энергетических ресурсов Нила. Проблема ирригации так остро перед ними не стоит, поскольку здесь выпадает достаточное количество годовых осадков.

Среди государств региона наиболее уязвимым в плане обеспеченности пресной водой считается Египет, где порядка 90% всего населения проживает в долине Нила, целиком и полностью зависит от вод этой реки. В обозримой перспективе Нил останется одним из важнейших источников, без которого невозможна жизнь египтян, обеспечение устойчивого развития. По оценкам специалистов, ежегодный сброс вод Нила на территории Египта достигает 55-60 млрд. куб. м, тогда как на долю грунтовых вод приходится 3 млрд. куб. м. При этом уровень осадков на северо-западном побережье, где расположена самая дождливая зона страны, колеблется от 20 до 150 мм в год, а в южных регионах осадки могут не выпадать вообще на протяжении нескольких лет кряду. По общемировым стандартам, дождевая вода может выделяться в экономическую категорию при ежегодном уровне осадков не менее 600-700 мм.

«Стаж» использования вод Нила у различных государств бассейна неодинаков. Долина и дельта реки издревле были очагами земледелия в Египте. Нил был также основой экономического благосостояния древней цивилизации Судана – Мероз, Сеннарского государства. Продолжительность же использования реки для различных хозяйственных нужд другими приречными государствами несравненно меньше.

С приходом колонизаторов в бассейн Нила связаны большие изменения, касающиеся распределения прав и обязанностей, определения границ государств региона. Исходя из своей политической стратегии, пользуясь проверенными приемами («разделяй и властвуй»), они создали положение искусственного неравенства среди государств бассейна. Это отразилось, главным образом, в создании Великобританией неравноправного правового режима использования вод Нила. Такой режим был закреплён юридически, путем заключения в начале XX в. ряда договоров, фиксировавших для Египта, а затем и Судана права на использование вод Нила и одновременно налагавших на другие государства бассейна обязанность не проводить мероприятия, которые могли бы изменить сток вод так, что это отразилось бы на положении государств, находящихся в нижнем течении реки.

15 мая 1902 г. Великобритания, представлявшая интересы Египта и Судана, заключила в Аддис-Абебе соглашение, по которому император Эфиопии (Абиссинии) обязывался не возводить каких-либо гидросооружений на Голубом Ниле и на озере Тана или реке Собат, способных воспрепятствовать существующему стоку вод³. Несколько ранее Великобритания (оккупировавшая Египет и намеревавшаяся восстановить свой совместный контроль с Египтом над Суданом) закрепила свои интересы в согла-

шении с правительством Конго от 12 мая 1894 г. и протоколе, подписанном с Италией 15 апреля 1891 г., предопределившим территориальные «контуры» раздела бассейна Нила⁴.

В мае 1929 г. между правительствами Египта и Великобритании (владевшей Угандой и Кенией) было достигнуто соглашение, по которому англичане признавали «естественные и исторические права» Египта на воды Нила. Кроме того, оно предусматривало обязательное предварительное согласие египетской стороны при решении любого вопроса, связанного с режимом водопользования. В результате этого Соглашения, в котором Великобритания выступила от лица Судана, Каир и Хартум договорились о распределении водных ресурсов, по которому большую часть нильской воды получал Египет. Его доля достигала 48 млрд. куб. м, Судана – 4 млрд. куб. м. Вскоре после этого было заключено соглашение Великобритании с Бельгией об использовании вод на границе между Танганьикой и Руанда-Урунди. На основании обмена нотами от 30-31 мая 1949 г. и 16 июля 1952 г. между Египтом и Великобританией было достигнуто соглашение о строительстве в Уганде плотины Овер Фолл. В нем предусматривалось, что последующее использование плотины и электростанции, а также ирригационных сооружений должно осуществляться таким образом, чтобы не причинять ущерба интересам Египта.

Таким образом, государства верхнего течения реки не имели возможности пользоваться водами Нила, несмотря на их фактические потребности. В этом отношении значительную роль сыграло Соглашение 1929 г. Концепция «существующих прав», лежавшая в его основе, была неравноправной и неадекватной доктринальной основой регулирования режима Нила. Эти договоренности сохранили силу после провозглашения независимости Республики Уганда в 1962 г.

Как известно, современное международное право не приняло римскую гражданско-правовую концепцию «приобретенных прав». Применение этой доктрины в области права международных рек представляет собой модификацию доктрины «существующих прав», выдвинутой в начале XX в. швейцарским юристом Хьюбером. Доктрина «приобретенных прав» – односторонняя и не отвечает принципам современного международного права. Поэтому она не могла служить, как считают некоторые юристы, подходящим юридическим базисом для нового Договора об использовании вод Нила между Египтом и Суданом от 8 ноября 1959 г.⁵ Его подписание послужило поворотным пунктом в регулировании международно-правового режима Нила, юридически закрепив исключительные возможности для развития экономики обеих стран. В соответствии с соглашением Хартум признавал право Египта на строительство в районе Асуана высотной плотины и ГЭС, а также использование речной воды для орошения. В свою очередь египтяне обязались уважать права и интересы Судана на р. Нил, в частности согласились на возведение суданцами на Голубом Ниле в районе Россейрос водохранилища. В соглашении устанавливались размеры египетской и суданской квоты на получение воды из Асуанского во-

дохранилища. Для наблюдения и контроля за использованием Соглашения 17 января 1960 г. был образован Постоянный технический комитет в составе представителей двух стран⁶.

Задача договора, как мы видим, носила двусторонний характер и решалась на этой основе. В результате его участники полностью распределили сток Нила между собой – 55,5 млрд. куб. м выделялось Египту и 18,5 млрд. куб. м – Судану. Направление ноты эфиопского правительства еще в 1957 г. по поводу его намерения участвовать в переговорах показывает, что существовала возможность заключения общекосейного договора, который мог бы установить единый международный правовой режим регулирования использования вод Нила. Между тем политические разногласия между странами бассейна, особенно между Египтом и Эфиопией, взяли верх, и в результате этого эфиопская сторона практически не могла подписать договор и в дальнейшем лишалась возможности использовать воды Нила в своих национальных интересах. Хотя в Договоре 1959 г. существует норма, формально закрепляющая признание Египтом и Суданом права других государств бассейна на использование справедливой и разумной доли воды, однако и по сей день не достигнуто соглашения между государствами всего бассейна по вопросу сотрудничества, несмотря на множество шагов, предпринимавшихся в этом направлении. За заключение многостороннего соглашения по Нилу выступал и Судан при правительстве Садика аль-Махди⁷. Неоднократно проводились контакты заинтересованных государств, в том числе между их главами, во время сессии Ассамблеи Организации африканского единства (ОАЕ).

Наличие договоренности по Нилу между двумя основными водопользователями – Египтом и Суданом – предопределило схожесть и особенность их позиции по «нильской проблеме», которая рассматривается ими через призму национальной безопасности. Такой подход стал традиционным для обоих государств, особенно Египта, чьи геополитические интересы оказались прочно завязаны на политическую практику Хартума. Известно, что еще при англичанах последнему отводилось приоритетное место, поскольку считалось, что держава, контролировавшая течение Нила в Судане, неизбежно доминировала и над Египтом. Подобные постулаты и исторический опыт взаимоотношений не могли не сказаться на формировании египетской концепции национальной и экономической безопасности, где южному соседу отводится роль «стратегического тыла». Несмотря на то что 90-е годы характеризуются обострением египетско-суданских отношений, которое усилилось после обвинений Хартума в организации покушения 26 июня 1995 г. на президента Египта Х.Мубарака, осуществленного в ходе саммита ОАЕ в Аддис-Абебе, вопрос международно-правового регулирования стока Нила остается важнейшим пунктом в повестке взаимоотношений двух стран. Об этом, в частности, свидетельствует ход подготовки Египта к встрече министров водных ресурсов стран бассейна Нила в начале марта 1998 г. в Танзании. На состоявшейся в Хартуме египетско-суданской технической комиссии (февраль 1998 г.)

стороны подтвердили свое намерение проводить единую линию на встречах представителей стран бассейна Нила, а также согласовывать планы строительства крупных гидросооружений на основе существующих квот.

Суданское руководство понимает исключительную важность и болезненную чувствительность египтян к нильской теме, прежде всего когда речь заходит об изменении сложившегося статус-кво. Именно поэтому в поисках путей урегулирования политического кризиса с Египтом – ключевой страной региона – суданцы делают акцент на общности стратегических интересов, стараются разыгрывать, как могут, «нильскую карту», но пока без особого успеха.

Одновременно Хартум пытается использовать в своих интересах египетско-эфиопские противоречия. По ряду важнейших региональных проблем позиции Египта и Эфиопии расходятся весьма значительно, а по таким, как перераспределение вод Нила и южносуданское урегулирование (по сути, часть «нильской проблемы»), они выступают как антагонисты. Сразу же заметим, что попытки суданского руководства сыграть на этих противоречиях не дают желаемых результатов, главным образом из-за напряженности отношений с другими государствами бассейна, часть из которых в составе Эфиопии, Уганды, Эритреи, по существу, сформировала в 90-е годы антисуданскую коалицию. Стараясь по возможности оставаться в тени, указанные государства (все вместе и каждое в отдельности) последовательно выступают за ослабление и в конечном счете свержение хартумского руководства, оказание на него давления, с тем чтобы вызвать недовольство населения и армии. Одновременно они в целом поддерживают идею создания на юге Судана полунезависимого или даже самостоятельного христианского государства, которое послужило бы своего рода буфером между ними и Суданом.

Время от времени из Хартума дают осторожно понять, что его подход к «нильской проблеме» не такой уж однозначный, как привыкли считать египтяне, что при сохранении негативной тенденции в двусторонних отношениях с Египтом суданская сторона не будет препятствовать пересмотру Соглашения по Нилу от 1959 г. и подготовке взамен него нового, многостороннего документа. Такие сигналы получают и другие прибрежные государства, расположенные вверх по течению. Это дает им повод надеяться на то, что союз между Египтом и Суданом в вопросе использования нильских вод – явление временное, обусловленное конфликтом Хартума и Аддис-Абебы и финансово-экономическими трудностями Судана.

В своих же официальных заявлениях и на практике Хартум последовательно и неукоснительно придерживается всех пунктов египетско-суданского соглашения о разделе вод Нила от 1959 г., подчеркивает его правовой характер. Для этого, на наш взгляд, есть ряд серьезных оснований. Во-первых, реальное потребление Суданом не превышает уровня 14,5 млрд. куб. м, т.е. 4 млрд. куб. м ежегодно остаются недоиспользованными. Во-вторых, заключение любого нового, по сути, расширительного соглашения с участием всех государств бассейна Нила, вряд ли позволит

увеличить нынешнюю суданскую квоту. Не вызывает сомнений и тот факт, что египтяне никогда добровольно не согласятся пересмотреть свою долю в чью-либо пользу. Напротив, любая попытка, и об этом ясно отдают себе отчет в Хартуме, с его стороны нарушить в одностороннем порядке действующее соглашение будет незамедлительно пресечена Каиром силовым способом.

В предстоящий период правительство О.Башира наметило осуществить планы по строительству на Ниле новых гидросооружений, с тем чтобы до предела использовать свою долю воды. Среди них: увеличение емкости водохранилищ Россейрос и Сеннар, создание каскада гидроэлектростанций в Каджбаре, Хамадабе, Ширине, Соболеке. По оценкам суданских экспертов, завершение работ в районе Россейрос и Сеннар позволит почти полностью осуществлять забор нильской воды в пределах квоты. Что касается планов строительства других гидросооружений, то их потребление будет минимальным, ибо не предусматривает создания длительных запасов воды. В то же время реальных возможностей для реализации всех этих проектов в обозримом будущем не предвидится. Главное препятствие — отсутствие источников финансирования как собственных, так и привлеченных извне. Необъявленная экономическая блокада Судана привела к резкому сокращению притока в страну международной финансовой и гуманитарной помощи.

В свою очередь, Каир не заинтересован в увеличении водозабора Суданом, полном использовании им водной квоты, хотя намеченная программа в области гидроэнергетики и систем орошения не предполагает нарушения условий соглашения. В случае, если суданцы будут способны производить водозабор в полной мере, то это, безусловно, создаст дополнительные проблемы для Египта, который уже привык к нынешнему режиму водопользования. Исходя из этого, можно прогнозировать, что осуществление Хартумом крупных ирригационных проектов будет привносить дополнительные трения между двумя соседними государствами.

Египтяне продолжают внимательно отслеживать развитие ситуации в Судане и водную политику последнего, оставляя в целом без внимания предложения Хартума нормализовать двусторонние отношения перед лицом нависшей угрозы единству и территориальной целостности Судана, эскалации кризисной ситуации на юге страны с дальнейшим развитием обстановки там по «сомалийскому варианту». Судя по всему, Каир не видит в создавшейся ситуации в Судане и вокруг него неотвратимой опасности для своих национальных интересов, полагая, что международная изоляция Хартума и вооруженная деятельность суданской оппозиции по дестабилизации положения в стране никоим образом не отразятся на объемах поступления нильской воды в Египет. Напротив, охвативший Судан политический и финансово-экономический кризис, продолжающиеся военные действия на юге страны на самом деле оказываются выгодны египтянам, так как отвлекают значительные людские, материальные и финансовые ресурсы от осуществления сельскохозяйственных и гидроэнергетиче-

ских проектов. Но при всем при этом мы далеки от мысли, что АРЕ может выпустить развитие ситуации в Судане и вокруг него из-под контроля, позволить необратимым процессам, угрожающим территориальной целостности Судана, а следовательно, беспрепятственному доступу к нильской воде, взять верх.

В последние годы в связи с упомянутыми выше планами осуществления крупных водохозяйственных программ, особенно односторонними действиями Каира по использованию вод Нила в проектах освоения Новой долины и Синая, вопрос перераспределения водных ресурсов Нила вышел за рамки взаимоотношений между Каиром и Хартумом. Зафиксированный, как мы уже отмечали, соглашением раздел квот не устраивает другие страны нильского бассейна, прежде всего Эфиопию, которая взяла на себя роль лидера «обиженных» стран верхнего течения Нила. Эфиопия, на долю которой приходится около 85% всего объема нильской воды, добивается установления фиксированной доли водоресурсов для каждого государства на основе норм международного права и предлагает пересмотреть египетско-суданское соглашение 1959 г. Одновременно Аддис-Абеба развернула широкую пропагандистскую кампанию, направленную прежде всего против Египта, таким образом, чтобы ей отводилось не менее 14 млрд. куб. м. (По другим данным сообщалось о том, что Эфиопия и Уганда потребовали дополнительно 18 млрд. куб. м из установленной сейчас доли Египта и Судана.)

Перед упомянутой выше танзанийской встречей министров водных ресурсов стран бассейна Нила эфиопская печать опубликовала заявление министра иностранных дел Эфиопии Сейума Месфина, в котором он потребовал пересмотра Соглашения 1959 г. между Египтом и Суданом и, в частности, сказал: «Настало время возводить плотины и водохранилища у истока Нила в Эфиопии»⁸. Еще раньше, на встрече ОАЕ, проходившей в феврале 1998 г. в Аддис-Абебе, заместитель главы внешнеполитического ведомства Эфиопии Текеда Алему призвал к отказу от египетско-суданского соглашения, заявив, что такое несправедливое положение не может больше продолжаться, поскольку другим приниженным странам необходима их доля вод реки для удовлетворения потребностей своих народов. В случае отказа Египта эфиопы оставляют за собой право на односторонние действия без согласования с другими прибрежными государствами, особенно если осуществление новых крупных египетских проектов, таких как подача нильской воды на Синай и «Новая долина», приведет к превышению квоты Египта.

Египет жестко стоит на недопустимости договора всех государств бассейна о распределении квот вместо соглашения 1959 г., которое не признает Аддис-Абеба. Египтяне, считая, что позиция Эфиопии создает угрозу их интересам, предлагают урегулировать спорные вопросы на путях взаимовыгодного сотрудничества в области освоения вод Нила. Одновременно они подчеркивают, что Эфиопия может приступить к реализации собственных проектов на истоках этой реки, но непременно должна

получить «добро» от всех при尼льских стран. Однако, заявляя это, Каир, по мнению Аддис-Абебы, по-прежнему принимает меры по блокированию решения ведущих стран-доноров, международных кредитно-финансовых учреждений (МБРР, МАР и т.п.) по финансированию работ на Ниле, которые могли бы повлиять на объем поступающей в Египет воды.

Выдвижение Эфиопией требования подписать новое соглашение о «справедливом разделе» вод Нила не вызывает резко негативной реакции суданского руководства. В Хартуме надеются, что рано или поздно Каир вынужден будет искать его активную поддержку в отстаивании своих «исторических прав» на воды Нила, противодействии эфиопским планам возрождения вопроса о замене Соглашения 1959 г. на новый международный договор. А это, по расчетам суданцев, дает им шансы на смягчение подхода Каира и выход их из политической изоляции в арабском мире. В отношении Аддис-Абебы они стремятся действовать в этом вопросе главным образом методами «закулисной дипломатии». Отсюда постоянное маневрирование, внешняя готовность к политическому диалогу с эфиопским руководством.

Египтяне, вынужденные учитывать современный расклад сил в регионе, активизируют свою деятельность по урегулированию разногласий с Аддис-Абейбой, которые, по сообщениям египетской прессы, являются «острыми». Одновременно они предпринимают усилия, чтобы приглушить критику в связи с началом реализации собственных крупных проектов на Ниле.

Каир не заинтересован допустить конфликтного развития отношений с Эфиопией, что привело бы к большей поляризации сил и дестабилизации обстановки в регионе в целом, а также ограничило бы его влияние и возможности для эффективного воздействия на региональные процессы в будущем. Во многом поэтому египтяне ищут компромисса на двусторонней примирительной комиссии по Сомали, добиваются договоренности о проведении не многосторонних, а двусторонних переговоров о разделе вод Нила, демонстрируют миролюбие в отношении пересмотра существующего соглашения и подготовки взамен него нового. По их мнению, «справедливый раздел» означает прежде всего «наиболее эффективное использование вод Нила государствами его бассейна в соответствии с потребностями каждого из них». Исходя из этого, они выступают за создание механизма коллективного управления Нилом, призванного смягчить остроту проблемы.

В качестве препятствия для запуска серьезных эфиопо-египетских переговоров по нильской проблематике были и остаются культивировавшиеся в течение столетий подозрительность и недоверие Каира к Эфиопии и ее «истинным» планам по использованию вод Нила. Чтобы преодолеть эту больше эмоционально-психологическую по сути, чем реальную оценку, потребуется, по нашему мнению, еще не один год. Однако при любом развитии событий проблема Нила и далее будет оставаться потенциальным источником разногласий в бассейне, прежде всего в «треугольнике Египет-Судан-Эфиопия».

Поиск формулы «справедливого раздела» вод Нила – общего достояния стран бассейна – требует постоянного диалога, проведения двусторонних и многосторонних переговоров, разработки концепции с целью юридического обоснования использования прибрежными государствами вод реки.

Не вызывает сомнения, что основополагающее значение для регулирования отношений, возникающих при использовании международных рек, имеют общепризнанные принципы современного международного права. Принципы международного речного права, как правило, вытекают из них и отражают специфику отношений между государствами по использованию международных внутренних водных путей. Несмотря на то что вопрос о существовании и содержании общих принципов международного речного права, в особенности в области регулирования отношений государств по промышленному и сельскохозяйственному использованию международных рек, решается неоднозначно, мы придерживаемся точки зрения, что такие принципы сложились в целом. Другое дело, точность их формулировок. В пользу наличия общих принципов говорится, в частности, в докладе Конференции ООН по водным ресурсам 1977 г., где отмечалось, что существуют общепринятые принципы, которые применяются даже в отсутствие двусторонних и многосторонних соглашений в отношении использования, освоения и управления разделяемыми водными ресурсами⁹.

К числу основных принципов международного речного права следует отнести: принцип суверенитета прибрежного государства на принадлежащий ему участок международной реки; принцип равенства прибрежных государств в использовании международной реки; принцип сотрудничества прибрежных государств в использовании всего водостока международной реки; принцип разумного совмещения различных видов деятельности государств на международных реках; принцип справедливого использования международных рек при соблюдении общих интересов всех прибрежных государств и специфических интересов каждого из них.

Итак, проблема международно-правового регулирования стока Нила – весьма емкая и многоплановая. Она требует, как свидетельствуют приведенные примеры, решения комплекса политических, дипломатических, экономических, правовых и социально-экологических задач, каждую из которых нельзя откладывать на неопределенное будущее. Их следует решать одновременно.

Особо следует подчеркнуть, что отсутствие единого правового режима в бассейне Нила кроется скорее в политических трениях, а не правовых принципах.

Чтобы избежать трений и не допустить потенциальных конфликтов по поводу использования международных рек, в качестве основного способа урегулирования противоречий предусматриваются непосредственные переговоры между сторонами, в том числе в дипломатическом порядке. Базой их могут служить универсальные принципы международного речного права, сложившиеся в результате длительной практики взаимоотношений в этой

области между государствами различных регионов. Подобный подход, основанный на уважении норм международного права в области речных вод, позволил бы создать в бассейне Нила предпосылки для налаживания взаимного доверия между странами верхнего и нижнего течения реки с целью гармонизации их интересов. В то же время мы далеки от того, чтобы недооценивать сложность продвижения по этому пути или полагать, что этого можно достичь без действенной помощи со стороны ООН, других международных и региональных организаций и фондов, в том числе неправительственных. Подбирая конкретный подход, диктуемый реальной ситуацией вокруг нильских вод, важно во главу угла выдвинуть идею о заинтересованности всех стран бассейна в использовании вод Нила, что само по себе может и должно стать серьезным поводом для «материализации» принципа сотрудничества по формуле «мир в обмен на воду».

Современное понимание принципа сотрудничества прибрежных государств в использовании международных рек означает, что ни одно из них не может отказать другим государствам, расположенным в бассейне международной реки, в заключении соглашений по ее использованию в целях получения электроэнергии, орошения, удовлетворения коммунально-бытовых нужд и т.д. Формы осуществления такого сотрудничества определяются в договорах, заключенных между прибрежными государствами. В них может устанавливаться обязанность соответствующих государств извещать друг друга об опасности чрезвычайных обстоятельств, предоставлять на взаимной основе различную информацию, обмениваться гидротехническими проектами, сотрудничать путем обмена техническими и научными данными, поддерживать реку в состоянии, позволяющем обеспечивать ее рациональное использование, совместно регулировать сток, распределять воду, осуществлять совместное строительство ирригационных сооружений и распределять расходы на их содержание, объединять усилия по строительству плотин, гидроэлектростанций и распределять полученную электроэнергию между собой.

Очевидно, что разумное и рациональное использование вод Нила немыслимо в одностороннем порядке, а возможно лишь в рамках сотрудничества прибрежных государств на много- и двусторонней основе. В этом отношении предстоит проделать огромную работу, чтобы найти взаимовыгодные решения нильской проблемы, прежде всего в «треугольнике Египет-Эфиопия-Судан».

Мы исходим из того, что вопрос распределения водных ресурсов Нила – компетенция расположенных в бассейне государств. Но проблемы, которые могут возникнуть в этой связи, требуют пристального внимания международного сообщества и оказания странам региона действенной помощи в реализации совместных проектов при участии иностранных предпринимателей в рамках единого межрегионального органа управления водными ресурсами Нила. Не исключено привлечение международных и региональных организаций, поскольку они могут содействовать осуществлению целей подобных проектов.

¹ Корбут Л.В., Баскин Ю.А. Международно-правовой режим рек: история и современность. – М., 1987; International Law Association (ILA). Report of the Fifty-second Conference. – Helsinki. London: International Law Association.

² The Nile Valley countries. Continuity and Change. – Khartoum, 1984. – С. 5.

³ Корбут Л.В., Баскин Ю.А. Международно-правовой режим рек, с. 73; League of Nations. Treaty ser. – Vol. I. – С. 103.

⁴ Wondimneh, Tilahun. Egypt's Imperial aspirations over Lake Tana and the Blue Nile. – С. 95.

⁵ Мамун, Мустафа Атта-Эль Манан. Международно-правовые аспекты регулирования режима реки Нил: Дисс. ... канд. юр. наук. – М., 1987. – С. 76.

⁶ Док. ООН ST/LEG/Ser. B/12. – С. 148-149.

⁷ Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право. – М., 1993. – С. 140; Ас-Сияса. Хартум, 23.02.1987.

⁸ Middle East. May 1998. – С. 7.

⁹ Доклад Конференции ООН по водным ресурсам. Док. E/CONF. 70/29, гл. 1, разд. G.H. – С. 63-66.

ИСЛАМИСТЫ У ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУДАНА В 90-х ГОДАХ XX в.

Не будет большим преувеличением сказать, что исламский фундаментализм в Судане представляет собой явление, значение которого начинает, в известной мере, выходить за рамки этого государства. В течение последнего десятилетия во многом благодаря пропагандистским усилиям СМИ отдельных западных стран, а также демонстративно жесткому подходу их правящих кругов к режиму в Судане исламский фундаментализм в этой стране превратился в феномен международной политики.

В 90-х годах Судан стал прочно ассоциироваться на Западе с понятиями «исламский фундаментализм», «религиозный фанатизм», «мусульманский экстремизм», «исламский терроризм» и пр. Такой достаточно упрощенный подход к политико-идеологическим процессам, происходящим в Судане, вызван не только сложностью их познания и оценки. В определенной мере он зависит от экономических интересов западных стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Реализация устремлений Запада в отношении этой стратегически важной арабо-африканской страны приходит в противоречие с проводимой правящими кругами Судана внешней и внутренней политикой.

В то же время нельзя не отметить, что фундаменталистские устремления части мусульманского населения некоторых афро-азиатских стран испытывают на себе прямое или косвенное влияние суданского опыта, пусть даже и в весьма ограниченных масштабах. В этой связи возникает закономерный интерес к особенностям формирования идеологии, эволюции и практической деятельности пришедших к власти в 1989 г. исламских фундаменталистов, которые наряду с армией составляют основу правящего в Судане режима.

Политическая ситуация в Судане и экономическое положение в стране в 90-х годах

30 июня 1989 г. радио Омдурмана объявило о возвращении армии к власти и о «революции национального спасения» под руководством генерала Омара Хасана Ахмеда аль-Башира, который возглавил Совет командования революции национального спасения (СКРНС). Несмотря на то что пришедший к власти новый суданский руководитель симпатизировал исламским фундаменталистам, под давлением общественности, обвинявшей прежнее правительство в экономическом развале и угрозе голода,

генерал отправил под арест всех видных политических деятелей, включая Хасана Абдаллу ат-Тураби. Однако уже вскоре исламистам были предоставлены ответственные посты в правительственных структурах, спецслужбах и армии. Таким образом, придя к власти вместе с очередным в истории Судана военным переворотом, исламские фундаменталисты получили новые, более широкие, чем раньше, возможности для реализации своих идей на практике.

В феврале 1992 г. декретом СКРНС была сформирована Переходная национальная ассамблея, призванная функционировать до избрания постоянного действующего парламента. 16 октября 1993 г. СКРНС принял решение о самороспуске и назначении Омара аль-Башира президентом Судана. В марте 1996 г. в Судане состоялись президентские и парламентские выборы, в ходе которых главой государства снова был избран Омар аль-Башир, а председателем парламента – Хасан ат-Тураби. В то же время руководство Судана продолжало испытывать давление со стороны политических оппонентов – представителей «традиционных» партий и южносуданских сепаратистов. В апреле 1996 г. в Судане произошла попытка смены власти, предпринятая оппозиционными силами во главе с лидером партии «Аль-Умма» Ас-Садыком аль-Махди. В нейтрализации выступления оппозиции на стороне правительства выступил Национальный исламский фронт (НИФ), руководители которого были встревожены возможностью изменения политического режима в Судане. В 1998 г. была принята новая конституция, в разработку текста которой большой вклад внес лично ат-Тураби, являясь специалистом по конституционному праву. Анализ проекта этого документа показывает, что несмотря на исламскую риторику, новая конституция Республики Судан 1998 г. по основным положениям в целом соответствует общепризнанным нормам¹.

С учетом складывавшейся во второй половине 90-х годов внутренней и международной обстановки перед суданскими фундаменталистами во главе с Хасаном ат-Тураби стала задача, с одной стороны, сохранения своих идеологических и политических позиций внутри страны, а с другой – проведения линии на создание своего приемлемого для стран Запада имиджа. В этой связи приоритет был отдан осуществлению экономических преобразований как основы социальной политики. Помимо традиционных для Судана проблем экономической отсталости, значительное влияние на социально-экономическое положение продолжал оказывать демографический фактор. Население страны, согласно оценочным данным на 1997 г., достигало почти 29 млн. человек, а среднегодовой прирост населения в эти годы составлял примерно 2,73%².

Определенное улучшение экономического развития страны стало заметно уже после 1992 г., когда в Судане были предприняты энергичные шаги по реформированию национальной экономики. Их суть сводилась к переходу от жесткой плановой экономики к модели свободного рынка. Вместе с тем в нынешних условиях внутреннего и внешнеполитического положения страны нельзя говорить о снижении роли государства, прежде

всего его бюрократического административного аппарата, в хозяйственной жизни Судана. В конце 90-х годов стала все более заметна линия руководства страны на изыскание прежде всего внутренних ресурсов развития. В частности, планом экономических реформ на 1998 г. предусматривалось «продолжение работы по увеличению экономических мощностей путем проведения комплексной политики в отношении всех секторов национальной экономики в направлении накопления возможно больших ресурсов для программ и проектов развития». Такая политика привела к росту валового национального продукта в среднем на 6,1% по сравнению с 5,5% в 1997 г. Инфляция снизилась и достигла 8,9 % по сравнению с 31,9% в 1997 г. и 114% в 1996 г., что положительно сказалось на стабилизации экономики³.

Позитивное влияние на финансовое положение Судана оказало также содействие ряда арабских стран и некоторых международных организаций. В частности, в 1999 г. были достигнуты следующие договоренности о предоставлении финансовой помощи. 27 июня 1999 г. Исламский банк развития (штаб-квартира в Саудовской Аравии) подписал с Суданом соглашение о выделении кредита на сумму 9,5 млн. долл. для преодоления последствий прошлогоднего наводнения в Судане (всего для преодоления последствий требуется 230 млн. долл.). Всемирная продовольственная организация (ФАО) при ООН заявила, что предоставила продовольствия Судану в мае 1999 г. на 1,5 млн. долл. 19 июля 1999 г. Ливия объявила о списании 300 млн. долларов Судану. 14 июля 1999 г. Международный фонд сельскохозяйственного развития при ООН объявил о выделении Судану кредита в 10,5 млн. долл. на сельскохозяйственный проект, общая сумма которого составляет 23,7 млн. долл. Проект должен обеспечить продовольствием 700 тыс. человек в провинциях Умм Рувбаба и Бара (северный Кордофан). Кредит предоставлен на 40 лет с отсрочкой выплаты на первые 10 лет⁴.

Несмотря на то что суданцы продолжают рассматривать возможность получения иностранных инвестиций в качестве одного из приоритетных источников финансирования, наметилась тенденция более осторожного подхода к взаимодействию с международными финансовыми организациями. Еще в 1956 г. Судан стал членом Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). В 1957 г. в страну была приглашена группа финансовых экспертов из Федерального резервного банка США для оказания помощи в создании Национального банка Судана. Кроме того, при содействии Арабского фонда экономического и социального развития в 70-х годах осуществлялась 10-летняя программа перспективного экономического развития, однако серьезного успеха достигнуто не было. В 1986 г. МВФ объявил Судан неплатежеспособным. Внешний долг Судана в это время составил 11 млрд. долл., а в 1989 г. он был равен 13 млрд. долл.⁵ Согласно сведениям на 30 июня 1997 г., этот показатель существенно возрос и достиг 19,7 млрд. долл. К основным кредиторам Судана относятся: государства-

члены Парижского клуба (28,7% от общей суммы внешнего долга Судана); национальные арабские фонды и фонды сотрудничества (22,2); Всемирный банк и МВФ (14,8); коммерческие банки – (14,7); государства, не являющиеся членами Парижского клуба (13%) и пр.⁶ Учитывая огромную для Судана задолженность, руководство соответствующих министерств и ведомств страны, в первую очередь Национального банка Судана, в последнее время придерживается политики поиска внешних источников финансирования под конкретные проекты в сфере строительства новых производственных мощностей (заводы по переработке сырья), объектов транспорта, а также туризма.

В 90-х годах сельскохозяйственное производство, включая лесоводство и рыбную ловлю, продолжало оставаться основой экономики Судана. Продукция сельского хозяйства достигает более 90% стоимости национального экспорта. Основная техническая культура Судана – длинноволокнистый хлопок, который составляет 80% от выращиваемой в стране этой технической культуры. Остальные площади используются для выращивания сорго, пшеницы, сахарного тростника и арахиса, а также гуммиарабика (камеди), по экспорту которого Судан стоит на первом месте в мире⁷. Собираемые в Судане урожаи подвержены сильному влиянию климатических условий, прежде всего засухи. Это объясняет тот факт, что продовольственная проблема отнесена к разряду вопросов, затрагивающих национальную безопасность страны.

Важным направлением суданского сельского хозяйства являлось животноводство⁸. В 1997 г. доля сельскохозяйственного производства в валовом национальном продукте составила 47,4% (в 1996 г. – 45%). Удельный вес промышленной продукции в ВВП Судана достиг лишь 15% (в 1996 г. – 14,5%). Остальная часть ВВП страны произведена в сфере услуг. При этом следует обратить внимание на то, что ежегодные темпы роста сельскохозяйственного производства в 1997 г. превысили 13% (в 1996 г. – 9,7%), а промышленного производства – 10,6% (в 1996 г. – чуть более 7%)⁹. Значительная часть промышленного производства приходится на частный сектор. Государственный сектор включает в себя ряд сравнительно крупных промышленных предприятий, транспорт.

В промышленности занято 4% самодеятельного населения, ее доля в ВВП – 9%. За первую половину 1999 г. сумма инвестиций в промышленность Судана достигла 26,3 млрд. динар в госсектор и 392,6 млрд. динар в частный сектор¹⁰. Обращающаяся промышленность представлена легкой и пищевой отраслями, главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья: заводами по консервированию овощей и фруктов, кожевенно-обувными предприятиями, хлопчатобумажными и швейными фабриками, сахарными заводами, лесопильными и спичечными фабриками¹¹. Развивается производство цемента, бумаги и картона.

Большое внимание правительство уделяло горнодобывающей промышленности; была налажена добыча железной руды, хрома, марганцевой руды. Перспективной отраслью экономики Судана становится нефте-

добыча. В 1979 г. компания «Шеврон» (США) заявила об открытии нефтяных залежей в центральных районах страны. По данным на август 1997 г., запасы этого сырья оцениваются в 20 млрд. т. В начале 1999 г. завершено строительство подземного нефтепровода протяженностью 1500 км, который соединил суданские месторождения нефти с Порт-Суданом на побережье Красного моря. Реализацией этого проекта занимается созданный в ноябре 1996 г. международный консорциум, в состав которого входят китайская Национальная нефтяная компания (ей принадлежит 40% капитала консорциума), малазийская компания «Петронас» (30%), канадская компания «Стейт Петролеум» (25%) и суданская государственная компания «Судапет» (5%). С 1977 г. функционирует нефтетрубопровод между Порт-Суданом и Хартумом, пропускной способностью 660 тыс. т в год¹². Развитию нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей суданской экономики руководством страны придается особо важное значение. Обеспечение безопасности нефтяных проектов осуществляет специальная Дивизия по защите нефтяных проектов, которая была сформирована из 2500 добровольцев, набранных со всех районов страны¹³. Это связано с тем, что значительная часть трубопровода пролегает в районах, примыкающих к зонам, которые контролируют южносуданские сепаратисты.

Несмотря на сложное международное положение Судана, его бойкот, суданская внешняя торговля ориентирована на ведущие западные страны. До настоящего времени крупнейшими импортерами суданских товаров считаются: страны ЕС (в 1996 г. на их долю пришлось 37% суданского экспорта). Саудовская Аравия (20,6), Япония (5,8), Египет (4,3) и США (3,3%). Среди основных товаров, экспортируемых Суданом, следует выделить хлопок (в 1996 г. суммарный экспорт хлопка в ценовом выражении составил 128,2 млн. долл.), арахис (1,3 млн. долл.), кунжут (141,1 млн. долл.), гуммиарабик (29,5 млн. долл.), сорго (2,6 млн. долл.), скот (81,4 млн. долл.), кожа (28,8 млн. долл.), мясо (28,3 млн. долл.), золото (53,6 млн. долл.), сахар (33,3 млн. долл.). В целом в 1996 г. Судан экспортировал товаров на общую сумму 620,2 млн. долл.¹⁴ Привлечению дополнительных инвестиций и оживлению внешнеторговых связей должна, по мнению руководства страны, послужить первая в стране свободная экономическая зона (СЭЗ), расположенная на побережье Красного моря в провинции Аль-Бахр аль-Ахмар (генеральный директор Суданской компании свободных зон и рынков Мухаммед Аббас Мухаммед Ахмед). На территории СЭЗ проложены шоссейные дороги, построены водоопреснительная станция и электростанция, служебные административные здания и таможенный терминал. Некоторые иностранные инвесторы арендовали помещения еще до открытия СЭЗ¹⁵.

Развитие суданской экономики во второй половине 90-х годов сопровождалось соответствующими изменениями в социальной структуре суданского общества, появлением социальных групп, экономические интересы которых могут стать определяющими для дальнейшего общественно-политического развития Судана. В настоящее время в стране наблю-

дается процесс выдвижения на политическую авансцену представителей нового поколения суданской экономической элиты, стоящих главным образом на позициях политического прагматизма. В основном это дети «исламских разночинцев» – фундаменталистов, пришедших к власти в середине-конце 80-х годов на волне отрицания реакционной, в их понимании, роли традиционного ислама (тарикатов). Это новое поколение, получившее образование в странах Европы и США, активно занимается бизнесом, в основном со странами Запада и ведущими арабскими государствами, и заинтересовано в установлении стабильности в стране¹⁶. Осознавая, что для Судана в сложившихся условиях был бы крайне опасен отказ от уже устоявшейся социально-политической системы, «новые суданцы» предпочитают использовать исламскую модель для продвижения своих интересов. Однако их идеологические установки не сводятся только к использованию исламской риторики для прикрытия экономических и политических целей. Рассматривая исламскую модель развития как наиболее перспективную в социально-экономическом и политическом отношении, новая элита Судана придерживается взглядов сторонников концепции неизбежности глобального кризиса «западной модели развития», который должен последовать за крахом коммунистического атеизма. По их мнению, в рамках противостояния с западной цивилизацией Россия, обладающая мощным интеллектуальным и технологическим потенциалом, выступает как потенциальный союзник располагающих значительными финансовыми средствами нефтедобывающих стран исламского мира.

Трансформация фундаменталистской доктрины суданских исламистов в 90-х годах

Выйдя из-под ареста в начале 1990 г., Хасан Абдалла ат-Тураби вновь включился в активную политическую деятельность по дальнейшему укреплению влияния исламистов. Восстановленный под его руководством Национальный исламский фронт (НИФ) быстро превратился в наиболее влиятельную политическую организацию в стране, оттеснив традиционные политические силы. Высшим органом НИФ была Генеральная ассамблея (Аль-Джамийя аль-амма), состоявшая из 250 депутатов, представляющих все районы Судана. Она избирала Главный консультативный совет (Маджлис аш-шура аль-ам) в количестве 60 членов, который формировал руководящие органы НИФ – политбюро и секретариат¹⁷. В середине 90-х годов НИФ насчитывал приблизительно от 80 тыс. до 100 тыс. членов. Большое значение его руководство придавало работе среди офицерского корпуса. Все члены НИФ проходили общеобразовательную, религиозную и военную подготовку. Фронт имел собственные военизированные и разведывательные структуры, которые подчинялись секретариату, а также подразделение, занимающееся выявлением в зарубежных странах группировок и организаций, проводящих враждебную в отношении к НИФ деятельность. Заграничный аппарат Фронта состоял из официальных представительств и нелегальных ячеек этой организации.

Характеризуя место исламских фундаменталистов в политической системе Судана, следует учитывать, что взаимоотношения между НИФ и руководством Судана во главе с Омаром аль-Баширом складывались во второй половине 90-х годов неоднозначно. С одной стороны, многие активисты, бывшие функционеры и некоторые руководители НИФ занимали или занимают важные посты в органах представительной и исполнительной власти и оказывают доминирующее влияние на формирование внешней и внутренней политики Судана. С другой, – секуляризированная политическая элита и связанные с ней группировки технократической направленности проявляют недовольство влиянием фундаменталистов, которое, по их мнению, не позволяет наладить нормальные отношения с западными странами и с северным соседом – Египтом. Последний, в свою очередь, продолжает обвинять суданских исламистов в поддержке египетских «Братьев-мусульман», недовольных прозападной политикой президента Хосни Мубарака. Однако, несмотря на определенный рост оппозиционных настроений в обществе, суданское правительство во второй половине 90-х годов сумело удержать ситуацию под контролем.

В то же время политическая практика показала, что попытки современных идеологов «исламского возрождения» в Судане самим следовать положениям концепции основателя движения «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банна, выдвигавшего, в частности, требование о роспуске всех существующих партий и «объединении всех сил нации в единую партию» (т.е. движение «Братья-мусульмане» – *К.П.*)¹⁸, не адекватны существующей специфике суданских условий политической деятельности, имеющихся институтов и сложившихся политических традиций. В силу указанных обстоятельств даже наиболее радикально настроенные силы в исламском фундаменталистском движении Судана вынуждены были внести коррективы в свою политическую практику. Так, в середине 90-х годов руководство НИФ изменило условия членства в этой организации, преодолев тем самым существовавший ранее у «Братьев-мусульман» жесткий подход к сохранению «чистоты рядов». Теперь вступить в эту организацию могло племя, дервишеский орден или группа людей, так же как и отдельные лица, даже если они раньше имели какую-либо религиозно-общинную или племенную принадлежность, или же являлись сторонниками политических партий. Главным условием при вступлении в членство стало признание ими приоритета своей лояльности к Национальному исламскому фронту¹⁹.

Суданское руководство в середине 90-х годов пришло к пониманию, что продолжавшееся относительное ухудшение положения страны на международной арене чревато серьезными экономическими последствиями. Поэтому правительство Судана стало прилагать все возможные усилия для создания благоприятного образа своего государства в глазах мировой общественности, прежде всего в целях налаживания экономических связей. Теоретическое обоснование такого курса находит выражение в работах Хасана ат-Тураби, который отмечает, что «самой главной обязанностью современного исламского движения сегодня является его откры-

тость всему миру»²⁰. В частности, рассуждая о проблеме определения роли и места ислама в современных условиях, ат-Тураби развивает мысль о необходимости «обновленного» подхода к реализации фундаменталистской доктрины. Это предполагает, помимо прочего, признание существующего порядка в международных делах, а также поиск основы для достижения взаимопонимания с представителями других конфессий. По его мнению, «реалии современного взаимосвязанного и взаимозависимого мира, основанного на взаимовлиянии и общности судеб наций, народов, групп и движений, делают актуальной для нас необходимость искать и создавать почву для диалога (с Западом. – К.П.). Действительность побуждает нас к пониманию других, их истории, условий их жизни и возможностей, что в свою очередь заставляет стремиться к взаимному сближению и обучению»²¹. Таким образом, прежние акценты ат-Тураби начала 80-х годов на «борьбе религий и культур» смещаются в сторону их мирного сосуществования.

Однако эта эволюция взглядов Хасана ат-Тураби не означает коренного пересмотра прежних позиций, а скорее их адаптацию к новым условиям, как бы в духе известного «нового политического мышления». Во-первых, обращает на себя внимание, что, являясь идеологом «исламского возрождения» и одновременно прагматиком в политических вопросах, Хасан ат-Тураби не может не видеть границ возможностей для такого межконфессионального сосуществования. Поэтому он предлагает пойти по пути «создания прочной основы истинного сотрудничества в понимании природы многих проблем, которые ставит перед нами наша эпоха, осуществления попыток сплочения вокруг общих аспектов в наших правах и обязанностях, а также проведения интеграционной работы таким образом, чтобы не нанести ущерба совместному стратегическому взаимодействию»²². Во-вторых, Хасан ат-Тураби в то же время не скрывает активной миссионерской направленности во внешней политике возглавляемого им суданского фундаменталистского движения. Он считает, что после долгого периода замкнутости сторонникам «традиционного исламского наследия» предстоит культурно обогатить остальной мир, которому они «адресуют свое послание и несут ему свое духовное богатство как непреходящую ценность»²³. Такая постановка вопроса означает не только своеобразный дуализм идеологической концепции Хасана ат-Тураби. Стремление обновить исламскую теорию и практику в полиэтничном и многоконфессиональном Судане в сочетании с попытками проведения независимой внешней политики характеризуют безусловную личную смелость и убежденность суданского лидера.

Во второй половине 90-х годов суданские руководители начали особенно активно демонстрировать свою готовность развивать широкие международные отношения. Во многом это было обусловлено резким ухудшением отношений Судана с западными странами после прихода к власти в Судане исламских фундаменталистов. Правящие круги на Западе, прежде всего США, обвиняли их в поддержке «исламского терроризма» и экспорте

идей исламской революции. При этом суть противоречий между Суданом и западными странами иногда представляется зарубежными политологами (на Западе) либо как продолжение противостояния по оси «Север-Юг», либо как отражение конфликта между христианским и исламским миром, либо же как противодействие процессу распространения норм демократии западного типа в странах Востока. Со своей стороны, некоторые ведущие суданские исследователи также не склонны в полной мере принимать первую половину дуалистичного подхода Хасана ат-Тураби в части «консенсуса» с неисламским миром по главным проблемам современности. Например, Аун аш-Шариф Касим считает, что «это согласие в некоторых областях представителей двух цивилизаций не ликвидирует основного различия между ними, которое делает одну из них – западную – распадающейся цивилизацией индивидуализма, а вторую – исламскую – универсальной интегристской цивилизацией»²⁴. Это различие, по мнению бывшего министра по делам религии Судана, заключается в огромном внутреннем потенциале ислама, который «в современном качестве преодолевает свое традиционное значение и приобретает новую форму для людей и их связей с обществом. В силу гуманизма, возможности объяснения всего сущего, опоры на Создателя ислам стал первой универсальной идеологией, способной не только организовать духовную и общественную жизнь людей, но и воздействовать на существовавшие до него религии»²⁵.

Как представляется, устойчивость влияния суданских исламистов заключается именно в дуализме идеологической доктрины Хасана ат-Тураби, как бы соединяющей западный прагматизм и исламский фундаментализм. С одной стороны, возникнув как религиозно-политическая группировка, суданские фундаменталисты под эгидой Ассоциации «Братья-мусульмане» принимали активное участие в политической жизни страны наряду с другими партиями, боровшимися за голоса электората. Они проводили мощные избирательные кампании, получали депутатские мандаты в представительных органах власти, вступали в правительственные коалиции, блокировались с теми или иными политическими силами – от традиционных партий, основанных на базе дервишеских орденов, до суданских коммунистов – в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры. С другой стороны, выигрышность места «возрожденцев» на политической арене Судана изначально определялась их установками на «антипартийность», которая заключалась в отрицании права на существование партий в «умме» (мусульманской общине). При необходимости это давало им возможность выступать против других партий («европейского типа») как явления, в принципе не соответствующего традиционным исламским представлениям.

После принятия новой конституции в 1998 г. Хасан ат-Тураби значительно укрепил свои позиции в политической системе Судана. В настоящее время он является генеральным секретарем Национального конгресса Судана («Аль-Муатамар аль-ватаний»), который считается правящей партией. Одновременно он возглавляет созданный по новой конституции

парламент – Национальный совет («Аль-Маджлис аль-ватаний»), а также Народную исламскую конференцию («Аль-Муатамар аш-шаабий аль-ислами»), которая представляет собой неправительственную организацию, объединяющую исламские движения и отдельных мусульманских идеологов из разных стран мира. Предполагалось, что очередная сессия этой конференции будет созвана в феврале 1999 г., однако она была отложена по просьбе суданского правительства в соответствии с рекомендациями службы безопасности.

Таким образом, можно констатировать следующее. Став во многом благодаря деятельности самого Хасана ат-Тураби представителями доминирующей в обществе идеологии и находясь практически в положении правящей партии, суданские фундаменталисты пошли на проведение более умеренной политики в рамках своего «исламского призыва». Как показали дальнейшие события, новое поколение исламистов Судана конца 90-х годов стало все больше переходить на позиции «реформизма» и «модернизма», идя по пути прагматичной адаптации норм ислама к «новшествам» современного общества.

Изменения в партийно-политической структуре Судана

Особенно эти изменения стали заметны на фоне начавшейся в конце 90-х годов реформы политических структур. После принятия новой конституции страны и Закона о политических объединениях 1998 г. в рамках проводимой руководством страны политики демократизации начался процесс воссоздания существовавшей ранее многопартийной системы. Уже к концу 1999 г. в Судане действовали 17 зарегистрировавшихся в соответствии с законодательством (из около 26) политических партий²⁶. Часть из них партий представляет собой восстановленные «традиционные» партии («Аль-Умма», Юнионистско-демократическая партия ЮДП), другие (например, Партия исламской общины, Партия свободных демократов, Организация народных конгрессов, Народный союз рабочих сил и др.) образовались недавно. Часть партий («Аль-Умма», ЮДП и другие оказалась расколотой на «зарегистрированные» (т.е. прошедшие регистрацию в соответствии с новым законодательством) и отвергшие сотрудничество с властями (так называемые оппозиционные). Так, Зин аль-Абдин аш-Шариф аль-Хинди – «зарегистрированную» ЮДП в Хартуме, а Осман Али аль-Миргани возглавляет «незарегистрированную» ЮДП со штаб-квартирой в Каире. Именно не лояльные к властям партии составляют костяк политической оппозиции на севере и юге страны, объединенной в рамках Национального демократического альянса (НДА), который выступает за свержение нынешнего правительства. В настоящее время НДА включает в себя: базирующуюся в Эритрее партию «Аль-Умма», которую возглавляет лидер НДА, бывший премьер-министр Ас-Садык аль-Махди; Юнионистско-демократическую партию во главе с Османом Али аль-Миргани со штаб-квартирой в Каире, действующую на юге Народно-освободительную армию Судана (НОАС) во главе с Джоном Гарангом, а также несколько других группировок.

Относительная стабилизация в экономике в конце 90-х годов позволила суданским властям продолжить проведение курса на либерализацию внутриполитической жизни страны. Развернутая Хартумом в начале 1999 г. широкая пропагандистская кампания в пользу достижения национального примирения и прекращения 16-летней гражданской войны вынудила лидеров крупнейших на севере Судана оппозиционных партий продолжить диалог с правительством. В начале мая 1999 г. в Женеве состоялись двухдневные консультации спикера суданского парламента с главой НДА Ас-Садыком аль-Махди. Встреча Ас-Садыка аль-Махди с Хасаном ат-Тураби, к которой позже присоединилась жена лидера исламских фундаменталистов, стала первой между ними со времени, когда возглавляемое лидером «Аль-Уммы» правительство Судана, свергнутое в результате бескровного переворота почти 10 лет назад, бежало из страны в декабре 1996 г. Эта встреча вызвала серьезные опасения и резкую критику со стороны других оппозиционных сил, входящих в НДА. Видимо, чтобы успокоить других членов оппозиции, вскоре после этой встречи генеральный секретарь «Аль-Уммы» Омар Нур ад-Даим сообщил, что в запланированном на 7 июня 1999 г. в Асмаре (Эритрея) съезде НДА примут участие представители всех 15 оппозиционных движений, входящих в альянс. Съезд должен был обсудить принципиальные политические вопросы: отношение между религией и государством, гарантии политической свободы, мирное урегулирование, проблему Юга, права и обязанности граждан Судана, вопросы демократизации, образа правления в стране, ее административного устройства, формы правления (президентская или парламентская)²⁷.

Вторая крупнейшая на севере Судана оппозиционная партия ЮДП весьма настороженно восприняла мирные инициативы Хасана ат-Тураби. По мнению руководства этой партии, предпринятые правительством шаги с целью возродить многопартийную систему, не отвечали его истинным замыслам. «Выборы предназначены для того, чтобы обмануть международное общественное мнение», – заявил на пресс-конференции высокопоставленный функционер ЮДП Сид Ахмед Хусейн, добавив, что «конституция 1998 г. и Закон о политических объединениях, вступивший в силу в январе 1999 г., были призваны оказать содействие группировке ат-Тураби, представленной правящей партией – Национальным конгрессом Судана»²⁸. Кроме того, ЮДП считала, что несмотря на прекращение арестов известных политических деятелей, в стране растет недовольство, вызванное коррупцией. В конце мая ее лидер Осман Али аль-Миргани в составе делегации из 15 человек посетил Ливию, где под эгидой ливийского руководителя Муаммара Каддафи провел переговоры с министром иностранных дел Судана Али Османом Мухаммедом Тахой. М.Каддафи попытался уменьшить разногласия между ЮДП и суданским правительством²⁹. Позднее последовало опровержение о факте встречи министра иностранных дел Судана с оппозицией, однако в прессу просочилась информация о том, что еще 8 мая 1999 г. М.Каддафи провел переговоры по этому же вопросу с главой НДА аль-Махди³⁰.

Наиболее непримиримая оппозиция в лице ЮДП, вероятно, небезосновательно расценила майскую встречу Хасана ат-Тураби с Ас-Садыком аль-Махди как направленную на внесение раскола в НДА. До этого правительство уже успешно использовало дипломатический стиль «один на один» в качестве инструмента для дробления группировок южносуданских сепаратистов. Таким путем, в частности, в апреле 1997 г. было подписано мирное соглашение между правительством и несколькими группировками повстанцев. В настоящее время руководство страны считает, что в процесс национального воссоединения необходимо вовлечь прежде всего Народно-освободительную армию Судана во главе с Джоном Гарангом, которая входит в НДА и с 1983 г. ведет вооруженную борьбу за отделение Юга. Со своей стороны представители НОАС периодически демонстрируют готовность к ведению мирных переговоров с правительством, гарантом которых выступает региональная группа Международная организация по развитию Восточной Африки³¹.

Ситуация в оппозиционном движении на Юге Судана осложняется этническими и межплеменными распрями. Наряду с НОАС на Юге имеются племенные группировки, ориентирующиеся на федеральное правительство и пользующиеся его поддержкой. Их деятельность курируют некоторые высокопоставленные чиновники в законодательных и исполнительных органах власти страны. В частности, помощник президента Судана Рек Мачар, дезертировавший из НОАС в 1996 г., контролирует альянс шести южносуданских проправительственных военных группировок. Однако он считает, что неспособность правительства претворить в жизнь условия мирного соглашения, которое его альянс подписал в апреле 1997 г., затрудняет задачу убедить НОАС сложить оружие. Недавние попытки вождей племени нуэр (часть из которых получает оружие от правительства) и племени динка (оплота НОАС) уладить межплеменной конфликт в богатом нефтью штате Юнити потерпели провал, поскольку война теперь идет не за территорию, не за тот или иной город, а за контроль над нефтяными ресурсами³².

В рамках проводимого Омаром аль-Баширом курса на укрепление своих позиций в создаваемых в стране новых политических структурах используются различные возможности. При непосредственном участии президента Судана в конце мая 1999 г. состоялось возвращение на родину после 14-летнего пребывания в Каире бывшего президента Судана Джаафара Нимейри. Вскоре после приезда в Хартум на родину Дж.Нимейри создал партию Союз народных рабочих сил (Тахалюф кува аш-шааб аль-амиля), которая в своей деятельности ориентируется на идеологию бывшего Суданского социалистического союза – единственной разрешенной партии во времена правления Дж.Нимейри. Бывший президент Судана возглавил коммерческое предприятие «Нимейри девелопмент энд инвестмент компани», которое намерено действовать в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика, водоснабжение, здравоохранение. При фирме создана благотворительная организация. В ближайших планах Дж.Нимейри числится строительство Центра суданских исследований³³. Со своей стороны суданская

оппозиция в лице Ас-Садыка аль-Махди заявила, что Дж.Нимейри квалифицируется ею как «диктатор и преступник, который несет ответственность за 12 тыс. жертв в период своего правления»³⁴.

Политические шаги, предпринятые суданским руководством в течение 1999 г. в направлении достижения диалога с оппозицией, увенчались определенным успехом. 25 ноября 1999 г. в Джибути по инициативе президента этой страны Исмаила Омара Джейли была организована встреча президента Судана Омара аль-Башира и лидера оппозиции Ас-Садыка аль-Махди, на которой были определены принципы осуществления всестороннего политического урегулирования. Соглашение, которое подписали министр иностранных дел Судана Мустафа Осман Исмаил и секретарь партии «Аль-Умма» по вопросам международных отношений Мубарак Абдалла аль-Фадыль, предусматривало, что в целях прекращения гражданской войны и заключения соглашения о справедливом мире конфликтующие стороны берут на себя обязательства придерживаться следующих принципов: патриотизма как основы обеспечения конституционных прав и обязанностей граждан; непредоставления ни одной национальной группе каких-либо привилегий в связи с ее религиозной, культурной или языковой принадлежностью; приверженности международным соглашениям о соблюдении прав человека; признания факта религиозного, культурного и языческого плюрализма в Судане; сохранения федеративного устройства страны, распределения власти между субъектами федерации (штатами и провинциями); обеспечения справедливого участия в управлении на всех уровнях и распределения природных богатств и др.

Кроме того, соглашение в Джибути между правительством и оппозицией предусматривало обязательное участие всех суданских политических сил в сохранении системы демократического плюрализма, обеспечивающий права человека и политические свободы; установление подходящего для Судана демократического строя на основе федерализма, конституционного разделения ветвей власти, распределения полномочий между штатами и провинциями; обеспечение в соответствии с конституцией религиозного и культурного плюрализма в стране, мирного сосуществования между представителями разных вероисповеданий; приверженность поступательному развитию национальной социально-экономической базы, гарантии механизму свободного рынка и социальной справедливости. Реализацию данного соглашения предполагалось завершить в течение четырехлетнего переходного периода, а по его завершении провести референдум – на Юге в границах 1956 г. по вопросу выбора между отделением и добровольным единством на основе федерализма.

Успеху президента на переговорах с оппозицией в значительной мере способствовала демонстрация сплоченности военных и фундаменталистов, объединившихся в рамках «правящей» партии – Национального конгресса Судана (НКС) (Аль-Муатамар аль-ватаний), председателем которого является Омар аль-Башир, а генеральным секретарем – Хасан ат-Тураби. До кризиса в декабре 1999 г. национальный парламент состоял

примерно на две трети из членов НКС. Впервые о создании этой организации было объявлено в 1989 г., незадолго до «революции национального спасения», в ходе которой к власти пришел нынешний режим. После этого НКС наряду с другими партиями был запрещен, но продолжал действовать полулегально. После прохождения необходимых процедур для регистрации в соответствии с новым законодательством 3 февраля 1999 г. состоялся первый официальный съезд НКС. В его работе приняли участие 179 членов-учредителей, которые представляли различные общественно-политические круги Севера и Юга страны³⁵.

Главным событием политической жизни Судана последних лет стал общесуданский съезд НКС, который прошел с 7 по 9 октября 1999 г. в Хартуме и получил название «учредительного». Созыв этого съезда был продиктован необходимостью выработки стратегии и тактики НКС в новых условиях, а также консолидации партийных рядов накануне всеобщих парламентских выборов. Мероприятия проходили на территории земельного участка, приобретенного в собственность НКС у муниципалитета Хартума и освоенного при содействии 11 торговых и промышленных компаний. На съезде присутствовали 8493 делегата из 10 тыс. приглашенных³⁶. Они представляли все основные конфессиональные группы страны: мусульман, христиан (католиков, протестантов и коптов), анимистов и др. По социально-профессиональному признаку среди делегатов съезда значительную группу составили выходцы из средней и мелкой торговой и промышленной буржуазии, представители интеллигенции и армейских кругов.

Широкую поддержку организации и проведению съезда оказали представители нового поколения суданской политической и экономической элиты. Многие из них принимают активное участие в работе руководящих органов НКС. Следует отметить, что программные документы НКС определяют участие национальных предпринимателей следующим образом: «Возникшее в русле проведения общей экономической политики предпринимательское движение выросло как в идейном отношении, внося свой вклад в знания о происхождении, сущности капитала и его воспроизводстве, так и в плане образа жизни, благочестиво используя капитал в интересах общества. На деятельность этого сектора оказывает влияние увеличение членства в партии его представителей. Это создает дух конкуренции в религиозной благотворительности и совершении добрых дел, способствует подъему жизненного уровня общества через рост уровня жизни индивидуума и групп населения. Их участие в партийных делах способствует также установлению братских отношений, атмосфере сотрудничества и взаимного совета. Они вносят свой вклад в разработку планов партии и определение направлений ее политики в сфере экономики, консультируя по вопросам роста производства и повышения производительности труда, использования конъюнктуры на мировом рынке»³⁷.

На форуме присутствовали представители около 40 государств (на день открытия было зарегистрировано прибытие делегаций из 23 стран), главы иностранных дипломатических миссий, аккредитованные в Судане, а

также руководители зарубежных партий и организаций, включая сирийскую БААС, ООП и др. Кроме того, приглашения были направлены главам всех суданских зарегистрированных партий, представители которых также присутствовали на этом форуме³⁸. Следует отметить, что НКС первым из политических партий созвал свой съезд после процедуры регистрации. Его проведению предшествовало более 600 районных партийных конференций, более 150 партконференций в провинциях, 26 – в штатах. Каждый штат был представлен на форуме 300 делегатами. Генеральный секретарь НКС Хасан ат-Тураби лично присутствовал на всех конференциях в штатах³⁹.

Проведение октябрьского съезда НКС осуществлялось на основе «Положения о составе, организации работы и деятельности политических органов Национального конгресса 1998 г.», принятого в соответствии с частью VI Устава НКС⁴⁰ на 3-м пленуме Консультативного комитета («Хейат аш-шура», фактически аналог ЦК) НКС 29 июня 1998 г. Направление делегатов на октябрьский (1999 г.) общесуданский съезд НКС проводилось в соответствии с пропорциями, установленными в указанном «Положении» для членов партии и обычных граждан в соответствии с принципом «справедливой доли»⁴¹. Эти квоты должны были обеспечить равное участие членов партии, сочувствующих и иных граждан в обсуждении наиболее важных вопросов внешней и внутренней политики⁴².

Созыв съезда ознаменовал завершение очередного этапа проводившейся в последние годы Хасаном ат-Тураби политики по созданию новой демократической партийно-политической системы Судана, которая предусматривала переход к принципам «прямой народной демократии». Однако сам НКС в период подготовки к своему съезду не избежал фракционной борьбы. Главным пунктом противоречий стал вопрос о власти в партии и соотношении руководящей роли НКС с полномочиями директивных органов страны. В начале 1999 г. оформилась группировка, получившая название по распространенному ею в январе 1999 г. заявлению – «Меморандум десяти». В нее вошел ряд высокопоставленных функционеров НКС и общественно-политических деятелей страны, в том числе Бахауддин Ханафи (директор Центра стратегических исследований), Нафи Али Нафи (бывший глава суданской службы безопасности), Ибрагим Ахмед Омар (член руководства НКС), Сейид аль-Хатыб (бывший секретарь генсека НКС), Бакр Хасан Салех (советник президента) и др. В своем заявлении члены указанной группировки высказались за то, чтобы президент страны возглавил высшую исполнительную (а не только административную) власть в стране и в партии.

Подготовка к съезду НКС велась в условиях дальнейшего обострения политической борьбы в стране. Это было вызвано тем, что суданские политические партии, активно участвующие в избирательных кампаниях различного уровня, использовали весь арсенал средств и методов предвыборной агитации. Роль традиционных религиозных лидеров – руководителей суфийских орденов за последнее время несколько ослабла, хотя они сохранили свое мощное влияние в сельских районах. Руководству

НКС удалось внести раскол в ряд влиятельных традиционных партий Судана, возникших еще в 40-х годах XX в. и доминировавших в национальных правительствах в периоды «демократизации» политической жизни. В частности, на съезде присутствовали представители официально зарегистрированной партии «Аль-Умма» во главе с Ан-Нур Джадином и отколовшейся от Юнионистско-демократической партии фракции во главе с шерифом тариката Аль-Хиндийя Зин аль-Абдин аль-Хинди. В то же время лидер оппозиционной партии «Аль-Умма» Ас-Садык аль-Махди направил открытое письмо съезду НКС, в котором выразил свое несогласие с позицией, занимаемой руководством Конгресса по наиболее важным проблемам страны, в том числе по проблеме Юга Судана. Особое негодование аль-Махди вызвало заявление руководства НКС о возможном предоставлении независимости вплоть до отделения трем южным провинциям.

Накануне съезда в прессе была развернута дискуссия по вопросам выработки генеральной линии НКС в сфере политики, экономики, международных отношений, местного самоуправления и установления мира на Юге страны. Особое место в дебатах занимала проблема демократизации политической жизни. Выступивший по этому вопросу министр информации и культуры Амин Хасан Омар (член руководства НКС) заявил, что «главной проблемой, с которой сталкивается демократия в Судане, является слабость демократической культуры внутри самих политических партий, их неспособность к дисциплине в рамках партийной демократии». Острая борьба на съезде между представителями различных политических группировок развернулась вокруг вопроса о партийном строительстве и перспективах применения Закона о политических объединениях 1998 г. В частности, Амин Хасан Омар отметил, что этот закон не является чем-то новым в мировой или суданской политической практике. Указывая на действие аналогичных законодательных актов во многих государствах, он отметил схожесть предъявляемых к деятельности политических объединений условий: обязательность национальной принадлежности партий, отсутствие организационной связи с зарубежными филиалами иностранных партий, отказ от финансирования из-за рубежа, неприменение метода насилия или незаконной вооруженной деятельности, а также избрannость руководства снизу демократическим путем. По словам А.Х.Омара, оппозиционный Национальный демократический альянс (Ат-Таджаммуа аль-ватаний ад-димукратый) со своей стороны подготовил проект закона о политических партиях, который учитывает перечисленные условия, но добавляет к ним запрещение создания партий на религиозной основе. В этой связи министр информации и культуры отметил, что положенное в основу Закона понятие «политической принадлежности» – существенно и предполагает создание партий именно на основе политических отношений между их членами, а не лояльности к традиционным лидерам или религиозным общинам⁴³. Глава официально зарегистрированной партии «Аль-Умма» Ан-Нур Джадин в этой связи заявил, что «успех зарегистрированных партий означает успех нового опыта, поскольку этот опыт преодоле-

вает пороки всех других исторических национальных партий, возникших до независимости»⁴⁴.

В дискуссии по проблеме политических партий в Судане приняли участие представители суданской науки. В частности, политолог Исмаил Хадж Муса (член НКС) отметил, что «нынешний эксперимент введения многопартийности является четвертым по счету в истории Судана, а создававшиеся в ходе первых трех попыток объединения не отвечали научному определению «политическая партия»». Главным недостатком создаваемых сегодня в Судане политических организаций он считает отсутствие четкости в определении членства в партии и призывает их к большей поляризации⁴⁵. Принявший участие в продолженных на съезде дебатах заместитель генерального секретаря сирийской Партии арабского социалистического возрождения Абдалла аль-Ахмар поддержал руководство Судана, констатируя, что «оно оставляет открытой дверь для диалога со всеми другими оппозиционными силами»⁴⁶. Со своей стороны, глава провинции Омдурман, член руководства НКС Мухаммед Мохи ад-Дин аль-Джамиаби критиковал поддержку, которой суданская оппозиция пользуется из-за рубежа со стороны сил, осуществляющих вмешательство во внутренние дела Судана. В этой связи он выступил за существование «сильной, но патриотически-настроенной оппозиции». При этом губернатор Омдурмана предложил активизировать движение в пользу национального консенсуса, чтобы оказать влияние на Ас-Садыка аль-Махди и Дж.Гаранга⁴⁷. Дискуссия по указанным вопросам была продолжена в выступлениях делегатов и кулуарах съезда.

На рассмотрение делегатов Национального конгресса был представлен ряд разработанных в ходе подготовки к съезду программных и уставных документов. В качестве программы их вниманию был предложен пакет документов под общим названием «Документы съезда». В политическом разделе рассматривалось все многообразие религиозных и политических отношений, существующих в суданском обществе, определялись основы политики партии по отношению к религии. В международном разделе декларировалась поддержка принципов добрососедства, диалога и добропорядочности. Пожалуй, наибольший интерес вызывает раздел, посвященный социальным вопросам – «Благополучие общества, его праведность, устои и справедливость»⁴⁸. В этом разделе рассматриваются вопросы воспитания индивидуума, роли семьи, отношений между обществом и государством, подчеркивается, что конечной целью партия ставит «растворение» государства в обществе⁴⁹. Делегатам был также предложен на рассмотрение проект изменения уставных документов⁵⁰.

С докладом на съезде выступил председатель НКС, президент Судана Омар аль-Башир, который подчеркнул, что НКС является «политической организацией, созданной в рамках конституции и действующего законодательства, в соответствии с принципом свободной и ответственной конкуренции». Он заявил также, что НКС – «открытое объединение, в которое люди вступают добровольно, без какого-либо принуждения». В своей деятельности Конгресс руководствуется «принципами шариата, пле-

менного права, конституции и законодательства страны». Организационное строительство НКС опирается на широкую базу низовых объединений в штатах страны и в более мелких административно-территориальных единицах Судана. При этом НКС «опирается в первую очередь на молодежь и студенчество, заботясь об их воспитании в духе миролюбия, патриотизма и морали, необходимых для создания здорового поколения, защищая их от эксплуатации и безработицы».

В своем выступлении президент также отметил, что одна из главных задач съезда – долгосрочное и краткосрочное (на четыре последующих года) планирование, отвечающее новым реалиям суданского общества. В этой связи было сказано: «Использование значительных земельных, животных и иных природных ресурсов Судана требует выработки планов, предусматривающих укрепление национальной экономики, рост производства, создание свободного рынка, запрещение монополий, ростовщического процента, мошенничества, поощрение притока инвестиций, а также учитывающих растущие возможности общественного сектора и предпринимательства частных лиц и компаний на условиях свободной и честной конкуренции, открытости для участия братских и дружественных стран в интересах получения национального дохода, подлежащего распределению между гражданами страны».

В международном разделе своего доклада Омар аль-Башир отметил: «Конгресс выступает за обеспечение безопасности страны, ее действительную независимость во внешней политике, за открытость соседним странам и всему миру в достижении высших интересов, взаимный обмен полезными достижениями (не допуская проникновения разлагающего влияния), равноправие и справедливость в международных отношениях, защиту от угнетения и мировой тирании, за создание мирового порядка на основе добрососедства, справедливости и диалога». В этой связи была высказана поддержка «усилиям угнетенных народов и наций, борющихся за освобождение от любого господства и агрессии», в первую очередь Ираку, Ливии, Сирии, Ливану, а также Палестинской национальной автономии⁵¹.

Генеральный секретарь НКС Хасан ат-Тураби в своем выступлении на съезде уделил главное внимание роли мусульманской религии в современном мире. Лейтмотивом его эмоциональной речи стал призыв к обновлению ислама в нынешних условиях, основой которого в Судане должна стать общенациональная идея⁵². В ходе последующей дискуссии на съезде и в кулуарах Хасан ат-Тураби, комментируя присутствие на съезде представителей партий из других стран, стоящих на позициях арабского национализма (БААС, «насеристы» из Йемена и др.), отвергающих идеологию исламского фундаментализма, ответил, что не видит в этом противоречия. НКС, подчеркнул он, открыт для любого позитивного иностранного идейно-политического опыта. По его мнению, проблема консолидации суданского общества требует использования самой широкой идейной и духовной основы. Кроме того, то, что называют «суданским фундаментализмом», на самом деле представляет собой «попытку возвращения к истокам ислама для его адаптации к новше-

ствам современности». Суданцы, – отметил Хасан ат-Тураби, – не занимаются экспортом исламской революции. Для них ислам – это одна из составляющих национальной идеологии, наряду с патриотизмом, принадлежностью к арабскому и африканскому сообществу. В то же время суданцы осуждают любые проявления экстремизма, в том числе религиозного (исламского, христианского и т.п.)... «Религия призывает нас, чтобы мы исповедывали ее в доброжелательном диалоге, чтобы мы на равных взаимодействовали с теми, кто не согласен с нами, и убеждали их работать вместе»⁵³. По мнению Хасана ат-Тураби, ислам как религия большинства населения призван сыграть роль морального заслона на пути распространения в стране таких пороков, как алкоголизм, наркомания, проституция. Комментируя реформу административного управления в Судане, он отметил, что на сегодня в стране создано 26 штатов со своими законодательными органами (маджалис ниябийя), министерствами, губернаторами штатов и министрами. В то же время он подчеркнул: «Религия учит нас, что власть принадлежит только одному Аллаху, а не правителю, капитал принадлежит Аллаху, а не капиталистам, знание принадлежит Аллаху, а не доцентам и поэтому необходимо, чтобы капитал, богатства и власть распределялись справедливо между людьми – такова наша революция, революция для людей»⁵⁴.

В ходе развернувшейся на съезде дискуссии делегаты обсудили позицию своей партии по основным проблемам внутренней политики. В первую очередь речь шла о стабилизации политического положения в стране, решении проблемы Юга, налаживании диалога с оппозицией. В этой связи председатель НКС, президент Судана Омар аль-Башир заявил, что руководство страны приняло решение о предоставлении трем мятежным южным провинциям права на отделение. В частности, в беседе с иностранными корреспондентами он сказал: «Кто хочет, пусть отделяется, – мы никого насильно удерживать не собираемся»⁵⁵. Характерным новым моментом для выступлений суданских лидеров стала увязка деятельности южносуданской оппозиции с проблемой международного терроризма, которая в последнее время приобрела для суданцев особое значение. На съезде НКС отмечалось, что главный источник террористической угрозы – это противоречия, возникающие из-за геополитических устремлений отдельных западных и восточных государств в отношении районов, богатых сырьевыми ресурсами. При этом делегаты особо подчеркивали негативную роль попыток США и их союзников осуществлять свой диктат в отношении других стран. В этой связи делегаты расценили как провокационные попытки США и некоторых их союзников по НАТО обвинить Судан, осуществляющий социально-экономические преобразования с учетом традиционных религиозных ценностей, в поддержке терроризма.

Новый политический кризис в Судане

Наметившаяся после октябрьского (1999 г.) съезда Национального конгресса Судана тенденция к консолидации значительной части политических сил в стране позволила Омару аль-Баширу выступить с очередной

инициативой, направленной на нормализацию отношений с оппозицией. В конце ноября 1999 г. глава государства отдал распоряжение об освобождении всех политических заключенных и прекращении уже ведущихся судебных разбирательств в отношении противников режима. По данным агентства СУНА, на тот период в суданских тюрьмах содержалось восемь политзаключенных и 29 находилось под стражей в ожидании суда. Распоряжение президента страны предусматривало также возвращение конфискованной ранее у лидеров оппозиции собственности, размораживание их банковских счетов, отмену запрета на передвижения⁵⁶. Ранее суданское руководство отрицало наличие в стране политических заключенных. Между тем оппозиционные деятели неоднократно обвиняли власти в проведении политических репрессий и преследовании противников режима. По их утверждениям, с 1989 г., когда в результате переворота власть в Судане перешла в руки Омар аль-Башира, в стране были конфискованы сотни домов, компаний, принадлежащих оппозиционерам, и было арестовано несколько сот человек⁵⁷.

Предпринятые президентом шаги по урегулированию отношений с оппозицией не нашли полной поддержки у исламских фундаменталистов и их лидера Хасана ат-Тураби, имевших свою точку зрения на пути решения проблемы национального примирения. Согласно официальным заявлениям, эти разногласия не носили принципиального характера, а касались методов и тактики действий руководства в отношении оппозиции. На самом деле ситуация, которая стала складываться в политическом руководстве страны в конце 1999 г., оказалась гораздо труднее и драматичнее. Усилившееся после проведения учредительного съезда НКС, подтвердившего курс на демократизацию и многопартийность, давление на суданское руководство со стороны США и некоторых их союзников, обеспокоенных, в том числе, возможностью мирного урегулирования проблемы Юга страны, способствовало новому витку напряженности в правящих кругах Судана. Нараставшие в последние годы противоречия между президентом Судана Омаром аль-Баширом и духовным лидером страны Хасаном ат-Тураби в конце 1999 г. вылились в открытое противостояние.

Главной причиной обострения отношений стал разгоревшийся после съезда конфликт между двумя суданскими руководителями по вопросу дальнейшего развития политической системы страны. В течение 1999 г. Хасан ат-Тураби попытался уменьшить властные полномочия президента путем изменения некоторых статей конституции. В частности, возглавляемый им парламент проголосовал в первом чтении за учреждение нового поста премьер-министра, а также осуществление прямых выборов губернаторов штатов. Одновременно руководящие органы НКС, которые контролировались генсеком, стали осуществлять попытки подмены государственных органов исполнительной власти. В частности, ключевым министрам-членам НКС предписывалось регулярно отчитываться за проделанную работу на своем участке перед руководством партии. В суданское посольство в Каире партийными функционерами было направлено пред-

писание об отзыве посла Судана в АРЕ. Кроме того, Омар аль-Башир отказался играть роль «почетного» председателя правящей партии, не имеющего реальной власти над исполнительными органами НКС. Создавшаяся конфликтная ситуация стала реально угрожать единству партии. Часть руководителей НКС, в частности, Али Осман Мухаммед Таха (заместитель Хасана ат-Тураби в его бытность руководителем НИФ), Гази Салах ад-Дин (министр культуры), Нафи Али Нафи (бывший начальник службы безопасности страны) со своими сторонниками выступили в поддержку президента страны. Для урегулирования конфликта между президентом и генсеком была создана специальная («третьейская») комиссия, которую возглавил председатель Консультативного совета НКС Абдуррахим Али. Однако ее деятельность не привела к существенному улучшению ситуации. Кроме того, президент давно имел претензии к лидеру фундаменталистов в связи с распространением «исламского призыва» за рубежом. По мнению обозревателей, «все эти годы президент старался заставить Хасана ат-Тураби вести себя «потише» и, главное, снизить «международную активность», ставящую Судан в неловкое положение. Временами ему это удавалось, но «религиозный авторитет» постоянно бросал вызов власти президента, и вот терпение Омара аль-Башира лопнуло»⁵⁸. Президент посчитал, что властные амбиции и пропагандистская деятельность спикера парламента зашли слишком далеко.

Назревший политический кризис президент Судана Омар аль-Башир разрешил 12 декабря 1999 г., объявив о введении чрезвычайного положения сроком на три месяца и роспуске парламента. Следует отметить, что роспуск парламента состоялся за несколько дней до окончания его очередной сессии и ухода на каникулы и за два дня до намеченного голосования в парламенте по поправкам к конституции, которые значительно урезали полномочия Омара аль-Башира как главы государства. Президент Судана также приостановил действие некоторых статей конституции, заявив, что дата проведения новых парламентских выборов будет объявлена позже. На следующий день на улицах суданских городов появились военные патрули, войска заняли ключевые объекты в Хартуме и блокировали парламента, не допустив прорывавшихся туда депутатов во главе со спикером.

В заявлениях, следовавших сразу после введения чрезвычайного положения, Омар аль-Башир утверждал, что действует в рамках конституции. В тот же день после встречи с руководством силовых ведомств президент сообщил, что армия и полиция поддерживают его в стремлении установить в стране «законность и порядок». «Корабль, на котором два капитана, идет ко дну», – заявил он представителям местных СМИ. Кроме того, Омар аль-Башир оправдывал свой шаг необходимостью сохранить единство страны перед лицом «внешней опасности и внутренних проблем». Со своей стороны Хасан ат-Тураби охарактеризовал случившееся как военный переворот. Он заявил, что президент «подрывает свободу и политическую систему Судана», и призвал своих сторонников к сопротивлению. Среди противников принятых президентом мер оказались часть

руководства НКС, поддерживавшая Хасана ат-Тураби и несколько министров. По сообщениям местной прессы, пятеро из них, в том числе глава суданского МИДа Мустафа Осман Исмаил, объявили о своем намерении подать в отставку. Со своими критическими в адрес президента комментариями произошедших событий выступил Ас-Садык аль-Махди, который в своем заявлении указал, что действия президента могут привести к новой гражданской войне⁵⁹.

Международная реакция на события в Судане оказалась сдержанной. Омар аль-Башир провел телефонные разговоры с ливийским лидером Муаммаром Каддафи и президентом Египта Хосни Мубараком. После этого египетский министр иностранных дел Амр Муса заявил о поддержке его страной президента и правительства Судана. Собравшиеся 14 декабря 1999 г. в Каире руководители Ливии и Египта обсудили в ходе экстренного совещания ситуацию, сложившуюся в Судане после введения чрезвычайного положения. В ходе встречи М.Каддафи и Х.Мубарак подчеркнули свою приверженность миру и стабильности в Судане, а также указали на необходимость продолжения усилий, направленных на достижение примирения между правительством в Хартуме и оппозиционными суданскими партиями. Спустя два дня делегация высокопоставленных суданских военных во главе с министром обороны Судана Абд ар-Рахман Сир аль-Хатимом прибыла в Каир для встречи с президентом Египта с целью разяснения происходящих в Судане событий⁶⁰.

Закрепляя достигнутый успех, в начале 2000 г. Омар аль-Башир подписал ряд документов по кадровым вопросам. В частности, в соответствии со ст. 132 Конституции 1998 г. и Чрезвычайным декретом № 1 от 1999 г. президент Омар аль-Башир 24 января 2000 г. издал Чрезвычайный декрет № 2 от 2000 г. о назначении губернаторов 25 штатов Судана. Таким образом, он решил одну из главных проблем, послуживших основой конфликта между президентом и парламентом. В тот же день в соответствии со ст. 44 Конституции Судана президент подписал Указ № 5 от 2000 г. о назначении советников Президента Республики Судан (Ахмеда Али аль-Имама – по вопросам оседлости, Абд аль-Басыт Сабдурата – по юридическим и политическим вопросам, бригадного генерала Тайиба Ибрагима Ахмеда Хейра – по вопросам безопасности, Нафи Али Нафи – по вопросам мирного урегулирования). Одновременно президентом был подписан Указ № 6 от 2000 г. (в соответствии со ст. 43 Конституции) о назначении 25 федеральных министров, пятеро из которых – представители суданского генералитета (действующие генералы Бакри Хасан Салех – советник президента и глава администрации президента в ранге министра, Абд ар-Рахман Сир аль-Хатим – министр обороны, Абд ар-Рахим Мухаммед Хусейн – министр внутренних дел, отставные генералы Тиджани Адам Тахир – министр по делам туризма и природной среды, Алсун Манани Макая – министр по делам труда и занятости, Ибрагим Сулейман Хасан – министр авиации). Среди ключевых назначений можно также отметить: главой аппарата Кабинета министров в ранге министра стал Сейид Абдалла Хасан Ахмед,

министром иностранных дел – Мустафа Осман Исмаил, министром юстиции – Али Мухаммед Осман Йас, министром финансов и национальной экономики – Мухаммед Хейр аз-Зубейр, министром по делам федерации – Ахмед Ибрагим Тахир, министром внешней торговли – Мекки Али Баляиль, министром национальной промышленности и инвестиций – Абдель Халим Исмаил аль-Мутаани.

Одновременно Омар аль-Башир предпринял ряд шагов по укреплению своих позиций в НКС. На состоявшемся 24 января 2000 г. пленуме Консультативного совета (ЦК) было принято решение о предоставлении председателю НКС (Омару аль-Баширу) права на осуществление контроля за проведением общей политики НКС, на координацию взаимодействия между органами НКС и государства при одновременном руководстве Комитетом по выборам и контролю НКС. Пленум постановил также, что генеральный секретарь НКС является его официальным представителем Конгресса, имеющим право делать официальные заявления от имени партии. Генсеку также поручается руководить идейной и пропагандистской деятельностью, а также работой с массами. Одновременно он несет ответственность за осуществление контроля над работой Комитета руководства (политбюро) и обеспечение координации между органами партии. Кроме того, он осуществляет ревизионные функции за ведением административных и финансовых дел НКС. Таким образом, декабрьский (1999 г.) политический кризис в Судане окончился укреплением позиций президента страны как на уровне исполнительной власти, так и в партийных структурах.

¹ В соответствии с новым основным законом Судан провозглашается федеративной республикой (ст.2), арабский язык – официальным (ст.3). Во главе государства стоит президент, избираемый всенародным голосованием на пятилетний срок. Обладая высшей властью в государстве, он является верховным главнокомандующим вооруженных сил, полиции, других регулярных частей. Он же назначает членов Кабинета министров (правительство). В случае отсутствия президента его обязанности выполняет первый вице-президент (ст.32-43). Источниками законодательства выступают исламский шариат, высказанное на референдуме совокупное мнение граждан, конституция и племенное право (урф) (ст.65). Законодательная власть принадлежит Национальному собранию, которое вправе отрешить президента от должности в случае его умственной или физической болезни (ст.42 п. «в»). Государство стимулирует развитие национальной экономики путем планирования на основе трудовой деятельности, производства и свободного рынка, запрещая монополии, ростовщичество и мошенничество (ст.8). Конституция (проект) провозглашает равенство всех людей перед судом, равные права и обязанности всех суданцев в общественной жизни. Запрещается дискриминация по признаку расы, пола, конфессиональной принадлежности (ст.21). Любой общине или группе граждан гарантируется право на сохранение своей культуры или языка, или религии (ст.27) [Машруа дустур джумхурият ас-Судан (Проект конституции Республики Судан). – Хар-тум, апрель 1998 (на араб. яз.). – С. 1-9].

² Ат-Такрир аль-истратиджий ас-суданий, 1997 (Суданский стратегический отчет за 1997 г.). – Хартум, 1998 (на араб. яз.). – С.186 (Далее: Ат-Такрир аль-истратиджий...); Population and human resources development in the Sudan. – Iovwa, 1994. – С. 21.

³ Ат-Такрир ас-санавий ли Банк Омдурман аль-ватаний (Годовой отчет Национального банка Омдурмана). – Омдурман, 1998 (на араб. яз.). – С. 10.

⁴ UN Integrated Regional Information Net Work (Internet), 06.07., 14.07.1999; SUNA (Хартум), 19.06, 29.06, 14.07, 1999.

⁵ Population and human resources development in the Sudan, с. 24.

⁶ Ат-Такрир аль-истратиджий, с. 101-102.

⁷ Общая площадь земель, использованных в 1996/97 сельскохозяйственном году под продовольственные и масличные культуры, а также хлопок, составила почти 41,5 млн. федданов (1 федд. = 0,45 га). В 1997/98 сельскохозяйственном году планировалось увеличить посевные площади до 46,6 млн. федд., в том числе продовольственных культур на 11,9% по сравнению с предыдущим годом, масличных культур – на 12,8, хлопка – на 16,3%. В 1997/98 сельскохозяйственном году под различные зерновые культуры было занято 29,4 млн. федд., в том числе под сорго – 17,7 млн. федд., просо – 10,4 млн., пшеницу – 777 тыс., маис – 535 тыс., рис – 8 тыс. федд. Что касается масличных культур, то в том же сезоне засеянные площади составили: арахис – 4,1 млн. федд., кунжут – 4,9 млн., дынное семя – 1,1 млн., хлопок – 498 тыс., подсолнечник – 68 тыс. федд. Кроме того, в стране выращивают злаковые культуры, в том числе: бобы – 120 тыс. федд. (сезон 1997/98 г.), фасоль, чечевица и горох – 30 тыс. (в сумме), чечевицеобразная фасоль – 75 тыс. федд. Наконец, среди сельскохозяйственных культур следует отметить каркаде, под которое в 1997/98 г. было выделено 300 тыс. федд.

Урожай зерновых культур. В 1997/98 г. суммарный урожай зерновых культур составил 4,7 млн. т (1996/97 г. – 5,3 млн. т), в том числе: сорго, главный продовольственный продукт страны – 3,4 млн. т (4,2 млн. т), пшеница – 637 тыс. т (642 тыс. т), просо – 646 тыс. т (440 тыс. т), маис – 52 тыс. т (54 тыс. т), рис – 2 тыс. т (2 тыс. т).

Урожай масличных культур. В том же сельскохозяйственном сезоне 1997/98 г. в Судане были собраны следующие урожаи некоторых масличных культур: арахис – 1,1 млн. т (1996/97 год – 815 тыс. т), кунжут – 339 тыс. т (416 тыс. т).

Урожай злаковых культур. Говоря об урожаях злаковых культур, следует указать, что они почти полностью предназначены для потребления внутри Судана. В 1997/98 сельскохозяйственном году в стране было произведено бобов – 98 тыс. т, фасоли, чечевицы и гороха – 21 тыс. т; а урожай каркаде достиг 9 тыс. т, столько же, сколько было собрано в 1996/97 г. (Ат-Такрир аль-истратиджий, с. 124-127, 400-401).

⁸ Согласно сведениям на 1997 г., в стране насчитывалось 112 млн. голов скота, включая 32 млн. коров, 29,2 млн. овец, 36,7 млн. коз, 2,9 млн. верблюдов, а также 4 млн. лошадей. Кроме того, определенное развитие в стране получило птицеводство (35 млн. кур). Судан располагает выходом к Красному морю и бассейном реки Нил, что обеспечивает страну рыбными запасами (Там же, с.128).

⁹ Там же, с. 87.

¹⁰ Аль-Анба. – Хартум, 06.06.1999.

¹¹ В 1997 г. в стране, в частности, было произведено 360 тыс. т муки, 460 тыс. т сахара, 118 тыс. т растительного масла, почти 13 млн. ящиков (в каждом ящике 24 бутылки) газированной воды, 18 тыс. т тканей, 1300 тыс. т. табачных изделий и т.д. (Ат-Такрир аль-истратиджий, с. 130-131).

¹² Economist. – 1999. – Vol. 350. – № 8108. – С. 43; Гусаров В.И. Социально-экономическое развитие Судана. – М., 1983. – С. 66; Новое время. – 1997. – № 35. – С. 27; Ат-Такрир аль-истратиджий, с. 160-161.

¹³ Аль-Кувват аль-мусалляха. – Хартум, 29.05.1999.

¹⁴ Россия в 90-е годы практически не значилась среди потребителей суданских товаров. Исключение, пожалуй, составил 1995 г., когда на долю России пришлось 5,8% суданского экспорта. Кроме того, в 1997 г. Россия закупила хлопок на 876 тыс. долл. В том же 1997 г. Судан импортировал из России нефтепродукты на 6,332 млн. долл., продукцию химической промышленности – на 8,419 млн. долл., оборудование – на 5 тыс. долл. и транспортные средства – на 23 тыс. долл. (Ат-Такрир аль-истратиджий, с. 133-134, 413, 415, 419).

¹⁵ Аль-Анба. – Хартум, 30.05.1999.

¹⁶ В качестве примера можно указать на старшего сына Хасана ат-Тураби. Ас-Сиддык Хасан Абдалла ат-Тураби высшее образование получил в Судане, затем учился в США и Великобритании, по специальности политолог, экономист. Возглавляет политический отдел Комитета совета НКС. Занимается бизнесом, менеджер по инвестициям в крупные государственные и частные хлопководческие проекты. Контролирует Сельскохозяйственный торговый банк (Масраф мазариа ат-тиджарий), Суданскую компанию связи (Шарикат Судан аль-иттисаль) и др.

¹⁷ В 1995 г. в политбюро НИФ входили: Ясин Омар Иман, Махди Ибрагим Хадж, Мухаммед Осман Махджуб, Ибрагим Абдалла, Али Осман, Мухаммед Юсеф, Мухаммед Дафалла, Махди Ибрагим Амин, Ахмед Мухаммед Мекки, Ахмед Осман Мекки.

¹⁸ См.: Аль-Банна, Хасан. Машакилюна фи дуу ан-низам аль-ислами – маджмuat расайль аль-имам аш-шахид (Наши проблемы в свете исламского строя: Сборник посланий имама-мученика). – [Б.м., б.г.] (на араб. яз.). – С. 373.

¹⁹ Аль-Джихни, Маниа бен Хаммад. Аль-Маусуа аль-муассара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра (Энциклопедия современных конфессий, религиозных школ и партий). – Т. 1. – Эр-Рияд, 1418 х. (на араб. яз.). – С. 237.

²⁰ Ат-Тураби, Хасан Абдалла. Аль-Хивар маа аль-Гарб (Диалог с Западом), Хартум, 1994 (на араб. яз.). – С. 5.

²¹ Там же, с. 4.

²² Там же, с. 5.

²³ Там же, с. 4.

²⁴ Касим, Аун аш-Шариф. Аль-Ислям ва аль-арабийя фи ас-Судан (Ислам и арабизм в Судане). – Бейрут-Хартум, 1989 (на араб. яз.). – С. 139.

²⁵ Там же, с. 37.

²⁶ Юнионистско-демократическая партия (Аль-Хизб аль-иттихадий ад-димукратий), Национальный конгресс Судана (Аль-Муатамар аль-ватаний ас-

суданий), «Братья-мусульмане» (Аль-Ихван аль-муслимун), Объединенный демократический фронт спасения (Джабхат аль-инказ ад-димукратыйя аль-муттахид), Центральное суданское движение (Аль-Харака ас-суданийя аль-марказийя), Конгресс национальной реформы (Муатамар аль-ислах аль-ватаний), Суданский национальный фронт (Аль-Джабха аль-каумиий ас-суданийя), партия «Аль-Умма», Конгресс долины Нила (Муатамар вади ан-Ниль), Свободная суданская национальная партия (Аль-Хизб аль-каумиий ас-суданий аль-хурр), Партия единства долины Нила (Хизб вахдат вади ан-Ниль), Суданская рабочая национально-патриотическая партия (Хизб аль-амаль аль-ватаний аль-каумиий ас-суданий). Национальный исламский фронт (Аль-Джабха аль-каумиий аль-исламиий), Исламская партия «Аль-Умма» (Хизб аль-Умма аль-исламиий), Партия свободных демократов (Хизб ад-димукратыйин аль-ахрар), Организация народных конгрессов (Танзым аль-муа-тамарат аш-шаабийя), Союз народных рабочих сил (Тахалюф кува аш-шааб аль-амиий) [См.: Ан-Нашра аль-яумийя. Аль-Муатамар аль-ватаний. Аль-муатамар аль-каумиий ат-таасисий. (Ежедневный информационный бюллетень работы общенационального учредительного съезда Национального конгресса Судана). Суданское агентство новостей – СУНА. 07.10.1999. – № 1. С. 3 (на араб. яз.). Далее: Ан-Нашра аль-яумийя].

²⁷ Аль-Анба. – Хартум, 26.05.1999.

²⁸ ИТАР-ТАСС. 01.06.1999.

²⁹ Аль-Анба. 30.05.1999.

³⁰ Аль-Айям. – Хартум, 30.05.1999.

³¹ ИТАР-ТАСС. 07.05.1999.

³² ИТАР-ТАСС. 01.06.1999.

³³ ИТАР-ТАСС. 14, 22.05, 17.11.1999 г.

³⁴ Аль-Анба. 26.05.1999.

³⁵ Ан-Нашра аль-яумийя, с. 1-3.

³⁶ Далиль аль-муатамар ат-таасисий (Справочник Учредительного съезда). – Хартум, октябрь 1999. – С.10 (на араб. яз.).

³⁷ Варакат аль-муджтамаа ва салахуку ва афиятуку ва муассасатуку ва адлюку. // Аль-муатамар ат-таасисий аль-амм. Аурак аль-муатамар (Документ: «Благополучие общества, его праведность, устои и справедливость». // Всеобщий учредительный съезд. Документы съезда.). – Хартум, октябрь 1999. – С. 9 (на араб. яз.). (Далее: Варакат аль-муджтамаа ва салахуку).

³⁸ Ан-Нашра аль-яумийя, с. 4.

³⁹ Аль-Айям. 07.10.1999.

⁴⁰ Часть VI Устава НКС гласит: Центральный совет руководства (Аль-Маджлис аль-кяядий аль-марказий) осуществляет разработку положений о квотах представительства, организации работы и деятельности политических органов Национального конгресса на общенациональном уровне, в штатах (вилаят), а советы руководства на местах разрабатывают соответственно аналогичные положения в провинциях (мухафазат), областях (махаллият) и районах (манатык). [Ан-Низам аль-асасий ва ляхат ат-таквин ва аль-амаль ва аль-аджжиза ас-сиясийя, 1998. Аль-муатамар аль-ватаний (Устав и Положение о составе, организации работы и деятельности политических органов Национального конгресса 1998 г.). – Хартум, [б.г.]. – С. 10 (на араб. яз.). (Далее: Ан-Низам аль-асасий)].

⁴¹ Статья 2. «Справедливая доля».

Под «справедливой долей» («ан-нисба аль-адила») на общих конгрессах принимается среднее число между:

а) результатом соотношения численности населения в определенной административно-территориальной единице (АТЕ), которую представляют делегаты ее конгрессов, к численности населения, проживающего в более крупной АТЕ, в вышестоящем конгрессе которой принимают участие указанные делегаты в качестве членов;

б) результатом соотношения между сторонниками НКС в этой АТЕ и числом сторонников в более крупной АТЕ, куда первые делегируются.

Это означает соотношение численности населения и сторонников НКС в штатах Судана, в провинциях – по отношению к штатам, в областях – к провинциям, в районах – к областям.

Например, представительство района (минтака) на Общем местном конгрессе (муатамар махаллий аам) рассчитывается следующим образом:

- представительство района, население которого составляет 10 тыс. человек, соотносится с численностью населения в области, которое насчитывает 100 тыс. человек, что дает при подсчете $100 \text{ тыс.} : 10 \text{ тыс.} = 10\%$;

- число сторонников (мавалин) НКС в районе, которое составляет 6 тыс. человек, соотносится с числом сторонников в области, составляющем 80 тыс. человек – $80 \text{ тыс.} : 6 \text{ тыс.} = 7,5\%$;

- «справедливая доля» представительства составляет среднее число между двумя долями $(10 + 7,5) : 2 = 8,75\%$;

- число участников местного конгресса определяется решением соответствующего консультативного комитета, предположим, 2 тыс. человек;

- таким образом, представительство района на Общем местном конгрессе области составит: $8,75 : 100 \times 2 \text{ тыс.} = 175 \text{ членов}$ (См.: Ан-Низам аль-асасий, с. 10).

⁴² В соответствии с разделом 3 части III указанного «Положения» численность Общенационального генерального конгресса (ОГК) определяется решением Консультативного совета конгресса. Съезд ОГК собирается следующим образом: 60% из числа членов ОГК, делегированных от конгрессов в штатах таким образом, чтобы представительство каждого штата соответствовало «справедливой доле»; 20% – из числа членов ОГК, делегированных от общенациональных функциональных профессиональных конгрессов, следующим образом: социально-культурный конгресс – 4%, экономический конгресс – 4, женский конгресс – 8, молодежно-студенческий – 4; 10% – из числа членов ОГК, делегированных от функциональных и специализированных общенациональных конгрессов следующим образом: конгресс по обороне и безопасности – 3%, конгресс по вопросам юстиции – 3%, конгресс по вопросам общественного управления – 2%; конгресс по международным отношениям – 2%; 10% – из числа членов ОГК, выбранных по списку, который включает наиболее выдающихся общественных деятелей, рекомендованных комитетом Совета Общенационального генерального конгресса, а также всех сторонников НКС из членов Национального совета (парламента), федеральных министерств и руководителей других государственных органов, формирующихся в соответствии с конституцией страны (См.: Ан-Низам аль-асасий, с. 11-12).

⁴³ Ан-Нашра аль-яумийя, с. 6-7.

⁴⁴ Там же, с. 8.

⁴⁵ Там же, с. 11.

⁴⁶ Там же, с. 10.

⁴⁷ Там же, с. 8-9.

⁴⁸ См.: Варакат аль-муджтамаа ва салахуху.

⁴⁹ В разделе «Общие рекомендации» этого документа предлагаются следующие меры:

«защита общества и создание иммунитета от “культурного” нашествия, осуществляемого различными путями и средствами;

поддержка движения за религиозность и благочестие посредством повышения роли религиозного служения и воспитания нации;

внимание национальному строительству и исправление негативных моментов посредством образования, распространения информации, а также протекционизма в отношении множества суданских культур;

укрепление исламского законодательства и разъяснение границ применения шариата».

В разделе «Рекомендации в отношении политической структуры общества» записаны следующие пункты:

«перевод религиозного, расового и культурного разнообразия в стране в позитивное русло в интересах построения сильного и сплоченного общества;

ослабление местнического, общинного и партийного экстремизма, а также племенного сепаратизма через воспитание религиозности и терпимости;

развитие органов народного управления, их выборы через советы;

обеспечение развития дервишеских орденов и проповеди суфизма, борьба с сектантством и самоизоляцией от общества;

установление братских отношений между исламскими группами, направление их на служение интересам религии и общества, напоминание мусульманам и христианам об объединяющих их религиозных основах, призыв к терпимости и диалогу;

восстановление исторической роли мечети как центра общественной деятельности» (Варакат аль-муджтамаа ва салахуху, с. 21-22).

⁵⁰ См.: Ат-Таадилият аля ан-низам аль-асасий ва аль-ляиха. Аль-Муатамар ат-таасисий аль-амм (Изменения к программе и уставу. Всеобщий учредительный съезд Национального конгресса Судана). – Хартум, октябрь 1999 (на араб. яз.).

⁵¹ Аль-Анба. 08.10.1999.

⁵² В частности, Хасан ат-Тураби заявил: «Вероучения достигли предела стагнации и умирают. Они исчерпали свои возможности и не могут больше связывать людей – мусульман, христиан, представителей других божественных религий, а также азиатских и африканских верований. Чем дальше развивается цивилизация, тем больше они отстают, сходят на нет и исчезают. Сегодня в Судане люди освобождаются от груза традиций, которые их обременяли, и опыта, который им навязывался, – они устраняют религию из политики, экономики, науки и искусства. Это – революция, она освобождает общество и объединяет его. Вeroучения разделяются на церкви у христиан, хотя Христос был един, на общины у мусульман, хотя Мухаммед призывал их следовать единым путем. Сегодня в Су-

дане начинается революция среди мусульман, в ходе которой мы преодолеваем влияние суфийских тарикатов. Мы следуем одним путем, а что касается ярой приверженности сектам, то мы заявляем: мы не сунниты и не шииты и не разделены по мазхабам. Это – революция, это – обновление, это освобождение от традиционализма. Здесь, в Судане, сейчас происходит революция против конституции, оставленной нам Великобританией, которая всегда определяла нашу жизнь, за исключением переходных периодов. Сейчас мы освобождаемся от нее и в соответствии с нашими национальными ценностями и нашей волей утверждаем нашу конституцию. Ее не разрабатывали искусники, и она не является монополией учредительного собрания, но стала результатом народного референдума, отражением желания народа устроить свою общественную жизнь. Она впервые написана народом на своем языке, а не переведена с западных языков, как мы видим в арабских и африканских конституциях. Естественно, она учитывает весь опыт двух миров – западного и восточного» (Аль-Анба. 08.10.1999).

⁵³ Аль-Анба. 08.10.1999.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Далее Омар аль-Башир заявил: «Одной из самых больших проблем Судана является вмешательство в его внутренние дела. Известно, что существуют региональные и международные силы, и прежде всего США, которые пытаются использовать проблемы юга Судана для свержения нашего правительства. Мы предпринимаем новые шаги, направленные на достижение мира на юге Судана. Прежде всего мы предоставляем южным суданцам право на самоопределение. Мы предлагаем им либо остаться в рамках федерального Судана, либо отделиться на правах самостоятельного государства. Если бы такие условия были приняты, то не осталось бы никакой основы для продолжения военных действий. Если прекратится иностранное вмешательство в дела Судана, то война будет прекращена в самое ближайшее время» (Независимая газета. – М., 28.10.1999).

⁵⁶ SUNA [Хартум], 25.11.1999.

⁵⁷ ИТАР-ТАСС. 25.11.1999.

⁵⁸ Коммерсантъ Daily. – М., 15.12.1999.

⁵⁹ ИТАР-ТАСС. 13-14.12.1999.

⁶⁰ ИТАР-ТАСС. 14.12.1999; Независимая газета. 17.12.1999.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОСЛЕ РАЗДЕЛА ПАЛЕСТИНЫ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИНТИФАДЫ

Начало кризиса в Палестинском движении сопротивления (ПДС), совпавшее с демонтажем структур Организации освобождения Палестины (ООП) на территории Ливана, создало новые условия для поиска реальной альтернативы предлагавшимся путям урегулирования взаимоотношений с Израилем. Прежде всего это проявилось в усилении исламского влияния в палестинской среде. На оккупированной территории, в большей степени в секторе Газа, но также и на Западном берегу р. Иордан стала отчетливо проявляться устойчивая тенденция к возрастанию религиозных настроений в палестинском обществе. Однако было бы неверным сводить истоки этого процесса только к кризису в ПДС, забывая о деятельности многочисленных групп исламской направленности после раздела Палестины.

Ассоциация «Братья-мусульмане»

Современное организованное исламское движение Палестины во многом обязано деятельности Ассоциации «Братья-мусульмане», которая создала свои ячейки в этом регионе во второй половине 40-х годов XX в. В силу различных причин, включая географическую близость к Египту, «Братья-мусульмане» значительно активнее действовали в секторе Газа, чем и предопределилось наличие здесь более устойчивых религиозных настроений среди палестинского населения по сравнению с Западным берегом р. Иордан, на котором по большей части доминировали светские националисты. Однако следует признать, что в отличие от политиков мусульманские лидеры концентрировали свое внимание на сугубо религиозной деятельности, избегая непосредственного вовлечения в вооруженное противостояние Израилю. Более того, «Братья-мусульмане» в Палестине полагали, что их первейшая задача борьба за формирование подлинно исламского общества путем системного и поэтапного выстраивания основ исламской морали. Тем самым должна была достигаться цель духовной трансформации каждого палестинца, который смог бы идентифицировать себя как частицу мусульманской уммы. По мнению лидеров «Братев-мусульман», только на этом фундаменте можно было начинать борьбу за создание исламского государства, в качестве образца которого брался раннеисламский халифат¹.

Исламская партия освобождения

Вместе с тем заявленная планомерность и постепенность в реализации задач построения исламского государства далеко не всегда находили понимание и поддержку у отдельных деятелей Ассоциации и их сторонников. Примером этого может служить возникновение Исламской партии освобождения (ИПО). Ее основателем стал Таги ад-Дин ан-Набхани (1905-1978). Уроженец деревушки Иджим близ Хайфы, он получил религиозное образование, позволившее ему занять пост кади в шариатском суде Хайфы во времена английского мандата на Палестину. В начале 40-х годов он продолжил образование в Египте, поступив в наиболее престижный среди мусульман каирский университет «Аль-Азхар». В связи с тем, что данный университет был оплотом египетских «Братьев-мусульман», не вызывает удивления тот факт, что ан-Набхани проникся идеями Ассоциации и вступил в ее ряды. В короткий срок, еще до раздела Палестины шейх ан-Набхани стал заметной фигурой в исламской среде. После 1948 г. он вернулся в Палестину, поселившись вначале в Наблусе, а затем переехал в Иерусалим.

Вероятно, став очевидцем раздела своей родины, ан-Набхани не мог мириться с тактикой постепенности, проповедовавшейся «Братьями-мусульманами». В 1950 г. он вышел из рядов Ассоциации, а спустя несколько лет, в 1952-1953 гг. основал Исламскую партию освобождения. ИПО преследовала ту же цель, что и «Братья-мусульмане» – создание исламского государства. Однако между этими двумя организациями существовали глубокие тактические разногласия. Проводя идею исламского халифата, шейх ан-Набхани настаивал на необходимости использования радикальных революционных методов борьбы. Более того, в отличие от идеологов Ассоциации основатель ИПО заявлял, что формирование мусульманского общества – не начало пути к исламскому государству, а венец этой борьбы. По его мнению, задача формирования подлинно мусульманского общества вне рамок существования исламского халифата считается невыполнимой, так как только в условиях исламского режима правления возможно введение шариата – основы жизни правоверной уммы. Исходя из этого, Таги ад-Дин ан-Набхани отводил значительно меньшее место вопросу создания исламских институтов и проповедования ислама.

ИПО сходилась с Ассоциацией «Братья-мусульмане» в том, что палестинская проблема не является центральной или наиболее важной для мусульманского сообщества. Тем не менее, шейх ан-Набхани рассматривал существование Государства Израиль и оккупацию им части Палестины в качестве вызова, брошенного всему мусульманскому миру. Он видел путь решения палестино-израильского конфликта лишь через построение исламского халифата в границах всех арабских стран, но только на основе исламской революции.

Деятельность ИПО ограничивалась преимущественно Иерусалимом и Западным берегом р. Иордан. Однако формально она так и не была легализована. Лидер ИПО дважды предпринимал шаги по ее регистрации в

МВД Иордании, но оба раза он получал отказ. После 1967 г. ИПО фактически прекратила свою политическую деятельность, посчитав невозможным проведение исламской революции в условиях оккупации. Вместе с тем ее структуры формально продолжали сохраняться в подполье, не проводя никаких политических действий. Это состояние «замороженности» продлилось до конца 80-х годов, и только с началом интифады на оккупированных территориях стали появляться листовки, распространяемые немногочисленными сторонниками ИПО. При этом в большинстве случаев эти воззвания печатались за пределами Палестины. Все это доказывает, что ИПО, разбуженная восстанием, так и не смогла восстановить свои утраченные позиции в палестинском обществе².

Политизация ислама на Ближнем Востоке и рост исламского влияния в Палестине

В этот период на всем Ближнем Востоке, включая Западный берег р. Иордан и сектор Газа, был отмечен бурный подъем исламских настроений и, что более важно, четко проявилась устойчивая тенденция к политизации ислама в целом. Мусульманские организации стали усиливать свое влияние не только на повседневную жизнь правоверных, но активно включаться в политическую борьбу в государствах региона. На рубеже 70-80-х годов произошли важные события, влияние которых продолжает сказываться на развитии общественно-политической ситуации в мусульманском мире до настоящего времени. Среди них достаточно вспомнить свержение шахского режима в ходе исламской революции в Иране в 1979 г., вооруженное выступление исламской оппозиции в Сирии в 1979-1982 гг., убийство президента Египта Анвара Садата членами радикальной мусульманской организации в 1981 г., возникновение мощных шиитских военно-политических группировок в Ливане и начало проведения ими вооруженных акций против Израиля в 1983-1984 гг. Бесспорно, что все эти изменения не могли не сказаться на положении внутри мусульманской уммы на оккупированных палестинских территориях.

Именно в эти годы в недрах Ассоциации «Братья-мусульмане» – крупнейшей организации мусульман Западного берега р. Иордан и сектора Газа – стали происходить важные процессы. По некоторым сведениям, в начале 80-х годов только в секторе Газа насчитывалось не менее восьми исламских групп, неразрывно связанных с «Братьями-мусульманами» или вышедших из рядов этой Ассоциации. К этому периоду можно отнести процесс закладывания основ авторитета и влияния шейха Ахмеда Ясина, ставшего популярнейшим духовным лидером мусульман Палестины в годы интифады. В 1973 г. шейх А.Ясин создал и лично возглавил группировку Исламское объединение («Аль-Муджаммаа аль-Исламий»), ставшую крупнейшей организацией среди подобных структур «Братьев-мусульман» и действовавшую в секторе Газа. После его ареста в 1984 г., продлившегося несколько месяцев, Исламское объединение возглавил его сторонник Ибрагим Язури³.

В немалой степени расширению влияния исламских движений и организаций среди населения оккупированной Палестины способствовала деятельность университетов в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан, открытых после 1967 г., а точнее в 1972-1978 гг. Так, исламские группы обладали влиянием среди учащихся университетов, находящихся на Западном берегу (один – в Наблусе, второй – в Хевроне), а также в Исламском университете Газы. Их сторонники доминировали в студенческих советах этих вузов в 80-е годы. Все эти университеты (накануне восстания на оккупированных территориях насчитывалось шесть таких учебных заведений) положили в основу своей деятельности исламские образовательные и воспитательные методики. В них размещались центры распространения религиозной литературы и видеокассет с проповедями видных деятелей мусульманской уммы. Эти центры использовались также для организации диспутов и исламской пропаганды. Кроме того, палестинцы с оккупированных территорий могли получить религиозное образование за пределами Палестины, в том числе в каирском университете «Аль-Азхар». Это обстоятельство давало исламским группам на оккупированных территориях дополнительные возможности для налаживания новых контактов с их зарубежными единомышленниками. Сложившаяся ситуация активно использовалась для создания различных благотворительных фондов, финансируемых представителями богатых арабских стран Персидского залива, которые оказывали разнообразную помощь нуждающимся мусульманам, особенно в многочисленных лагерях беженцев.

Самое примечательное и парадоксальное в этой связи – отношение Израиля к активизации деятельности исламских групп на оккупированных территориях. На протяжении 70-80-х годов, вплоть до начала интифады, израильские власти не только не препятствовали их работе, но и всемерно поддерживали их. Достаточно напомнить об открытии исламских университетов в 70-е годы, разрешении на строительство мечетей в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан, о создании мусульманских школ, клубов и центров, которые со временем превратились в отлаженную инфраструктуру, обеспечивавшую плодотворную деятельность исламских движений и организаций среди палестинцев. При этом израильские власти не скрывали своих планов поставить «исламский заслон» действиям светских националистических фракций ООП (прежде всего движению ФАТХ) на оккупированных территориях, которые рассматривались в качестве главной угрозы безопасности Израиля. Так, в 1979 г. израильские военные власти официально признали палестинскую организацию «Братья-мусульмане» в качестве разрешенной религиозной ассоциации и оказывали ей молчаливую поддержку. Важно отметить, что этот план Израиля принес определенный «положительный» эффект. В частности, палестинские «Братья-мусульмане» длительное время придерживались «позитивного нейтралитета» во взаимоотношениях с израильскими органами власти, делая ставку, главным образом, на гуманитарный аспект своей деятельности. Более того, на рубеже 70-80-х годов в некоторых районах сек-

тора Газа и Западного берега отмечались столкновения между последователями «Братьев-мусульман», поддержанных движением Исламский джихад, и сторонниками ООП, в основном представленными членами движения ФАТХ в зоне оккупации⁴.

Оценка роли ООП исламскими организациями Палестины

Взаимоотношения между палестинскими исламскими организациями и ООП складывались сложно. Так, Исламская партия освобождения всегда отрицательно оценивала деятельность ООП. Лидеры ИПО считали, что действия ООП вносят раскол в мусульманскую умму, так как ее руководство отдает приоритет задачам национальной борьбы в ущерб общечисламским целям⁵. Столь же непримиримую позицию по отношению к светским националистам, прежде всего ООП, занимали и многие другие исламские движения и группы в Палестине. В то же время председатель Исполкома ООП Я.Арафат, вынужденный в первой половине 80-х годов покинуть Бейрут под давлением израильской армии, предпринял попытку заручиться поддержкой исламских группировок. После эвакуации в Триполи на севере Ливана Я.Арафат заключил пакт о «стратегическом сотрудничестве» с местными исламскими движениями и структурами суннитского толка, включая ливанских «Братьев-мусульман», представленных Исламской партией единобожия. Лидер этой суннитской группировки Сайд Шаабан заявлял, что «невозможно решить палестинский вопрос без общих усилий мусульманской уммы». Однако этот маневр руководства ООП не принес ему каких-либо серьезных результатов для налаживания контактов с палестинскими исламскими силами. Более того, вскоре, а точнее в ноябре 1983 г., Я.Арафат и верные ему отряды ООП были вынуждены покинуть Северный Ливан под вооруженным нажимом шиитского движения «Амаль» и отколовшейся от движения ФАТХ оппозиционной фракции под командованием Абу Мусы, усиление которых связывалось с поддержкой, и не только моральной, со стороны Сирии. Постепенно «исламский фактор» превратился для ООП и возглавлявшего ее Я.Арафата в источник большей опасности, чем оппозиционные ему светские палестинские национальные организации, нашедшие союзника и покровителя в лице официального Дамаска⁶.

Движение Исламский джихад

В рядах Ассоциации «Братья-мусульмане», действовавшей на оккупированных территориях, шел процесс дальнейшего размежевания, который привел к появлению на политической арене нового палестинского движения Исламский джихад. В конце 70-х годов один из не очень известных молодых деятелей палестинских «Братьев-мусульман» Фатхи Шикаки прибыл в Египет для изучения медицины. Там его застала весть об исламской революции в Иране. Эти события и последующий иранский опыт преобразования общества оказали на молодого палестинца огромное впечатление. Ф.Шикаки с готовностью взял на вооружение иранскую мо-

дель действия, дополнив ее некоторыми элементами практики египетских радикальных исламских групп. Создаваемое им движение Исламский джихад возникло как объединение политических ячеек, члены которых расходились в теоретических установках с концепцией палестинских «Братьев-мусульман», в частности в вопросе оценки палестинского национализма. Сторонники этого движения сформировали оппозиционную фракцию внутри Ассоциации, а затем вышли из ее рядов, обретя полную организационную самостоятельность от «Братьев-мусульман». Правда, сам основатель Исламского джихада Ф.Шикаки сохранил свое формальное членство в Ассоциации «Братья-мусульмане».

После возвращения в Палестину, в сектор Газа, Ф.Шикаки и его соратники, в числе которых был большой процент выпускников египетских университетов и мусульманских школ, начали активную пропаганду своих идей. В рамках этой работы они создавали собственную инфраструктуру (мечети, школы, клубы), прежде всего и главным образом в секторе Газа. В первой половине 80-х годов деятельность движения сводилась к теоретическим спорам с «Братьями-мусульманами». Несмотря на то, что Ф.Шикаки и его сторонники занимали общую позицию по ряду вопросов с бывшими коллегами по Ассоциации, по отдельным принципиальным вопросам они имели собственное мнение. Как и для «Братьев-мусульман», их целью было создание исламского государства, в котором шариат должен был стать регулятором всех сторон жизни правоверных мусульман. Однако Ф.Шикаки и его последователи кардинально расходились с «Братьями-мусульманами» в вопросе определения средств и методов реализации поставленной цели. В подходе к решению этого вопроса Исламский джихад прочно встал на позиции теории исламской революции. Идеологи движения полагали, что наличие исламского государства в Палестине и его функционирование не являются обязательным условием решения проблемы израильской оккупации этих земель. Более того, они считали, что именно джихад, являясь священной обязанностью каждого мусульманина, станет решающим шагом в направлении формирования исламского государства. Одновременно с этим они выступали последовательными сторонниками уничтожения Государства Израиль. Тем самым движение Исламский джихад встало в оппозицию реформизму палестинских «Братьев-мусульман» и их концепции постепенной трансформации палестинского общества. При этом важно отметить, что Исламский джихад в отличие от «Братьев-мусульман» не отвергал национальный аспект палестинской проблемы, на который делали ставку светские группировки ООП⁷.

Ф.Шикаки и его сторонники не раз демонстрировали приверженность свою идеям радикализма и конфронтационности, которые были характерны для некоторых националистических группировок в составе ООП. Эти симпатии наложили серьезный отпечаток на подход руководства Исламского джихада к организационному построению движения. Изначально оно формировалось как замкнутое сообщество ограниченного числа единомышленников, напоминая модель небольшой подпольной группы. Как уже

отмечалось, движение состоит из малочисленных ячеек, подчиняющихся единому политическому органу. Каждому вновь вступившему в ряды Исламского джихада члену движения присваивается свой индивидуальный номер и дается подпольная кличка. Он обязан поддерживать контакты только с руководителем группы, чем обеспечивается высокая степень конспирации в движении. Также важно заметить, что члены Исламского джихада главным образом рекрутировались из числа палестинской молодежи в израильских тюрьмах.

Выбранная модель построения движения и его деятельности оставляет Исламскому джихаду лишь одну возможность для постоянного поддержания высокого авторитета и влияния в массах – проведение активных и решительных действий. Начиная с середины 80-х годов, Исламский джихад окончательно переходит на нелегальное положение, превратившись в немногочисленную, но воинственную подпольную организацию. При этом нельзя не признать, что активность этого движения в течение двух-трех лет до интифады была столь высокой, что большинство исследователей указывают на важную роль Исламского джихада в мобилизации палестинских масс на оккупированных территориях и подготовке восстания.

Вооруженные акции, проводившиеся членами Исламского джихада накануне и в начале интифады и в основу которых была положена идея принесения себя в жертву ради целей общей борьбы, вызвали значительный резонанс. Они подтолкнули Израиль к карательным ответным действиям против сторонников движения, особенно против его руководящего звена. В марте 1986 г. израильские спецслужбы арестовали лидера Исламского джихада Ф.Шикаки, депортировав его в августе 1988 г. в Ливан. Кроме того, 6 ноября 1987 г. с оккупированных территорий в соседний Ливан был выслан шейх Абд аль-Азиз Ауда, который преподавал в Исламском университета Газы. Израильские власти считали его одним из лидеров движения⁸.

Однако даже ослабленное репрессиями движение Исламский джихад пользовалось широкой поддержкой населения на оккупированных территориях. Оно продолжало борьбу, распространяя листовки, устраивая демонстрации и организовывая забастовки. В то же время члены движения не отказывались от вооруженных методов сопротивления. В период восстания Исламский джихад стремился играть самостоятельную роль в Палестине, демонстрируя свою независимость от Объединенного национального руководства интифадой (ОНР). Тем не менее, оставшиеся на свободе руководители Исламского джихада охотно шли на координацию действий с ОНР. Такой подход лидеров движения к взаимодействию с другими политическими силами Палестины отражал их общую позицию, которая заключалась в том, чтобы искать точки соприкосновения с местными активистами различных группировок ООП, участвующими в интифаде. В то же время они жестко противостояли зарубежному руководству ООП, осевшему в Тунисе. Более того, по некоторым свидетельствам, Исламский джихад сам отказался от места в составе ОНР, отдавая priori-

тет конкретной практике действий и сохранению единства сил, участвовавших в борьбе против Израиля. Примечательно, что, оставаясь в целом соперником светских палестинских организаций, Исламский джихад пошел на активное сотрудничество с ними на начальном этапе восстания. Такая позиция лидеров движения, возможно, станет более объяснимой, если учесть некоторые особенности развития ситуации на оккупированных территориях. Так, согласно некоторым данным, еще в период, предшествовавший началу восстания, отмечалось достаточно тесное сотрудничество молодежных организаций, примыкавших к движениям ФАТХ и Исламский джихад. Более того, в это время структуры, подконтрольные ФАТХ, выделяли финансовые средства и оружие для нужд джихадовцев⁹. Наконец, признанием роли Исламского джихада в оккупированной Израилем зоне может считаться высказывание генерального секретаря Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) Жоржа Хабаши, заявившего: «Я бы хотел выразить свою высокую оценку феномену Исламского джихада в оккупированной Палестине»¹⁰.

ХАМАС: движение исламского сопротивления

В конце 1987 г. на оккупированных территориях начало складываться новое политическое положение. В основном оно характеризовалось тремя главными признаками. Во-первых, осенью в Палестине сложилась классическая революционная ситуация, при которой «верхи», т.е. израильские военные власти, не могли удерживать под своим контролем палестинское население на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа, а «низы», т.е. палестинцы, не хотели сохранения статус-кво и были готовы к самым решительным действиям по его кардинальному изменению. Во-вторых, на фоне высочайшей степени мобилизации народных масс на землях, удерживаемых Израилем силой оружия, крайне вялой и неадекватной действительности оставалась позиция «Братьев-мусульман», оказавшихся перед угрозой окончательной утраты какого-либо влияния в зоне оккупации. В-третьих, репрессии, обрушившиеся на лидеров и сторонников радикальных исламских группировок, прежде всего движения Исламский джихад, создавали уникальный шанс для той части палестинских «Братьев-мусульман», которая осознала опасность для своего дальнейшего существования в качестве массовой организации мусульман в условиях бездеятельности своего руководства, с тем, чтобы занять определенную нишу в общей борьбе палестинского народа против израильской оккупации и выдвинуть себя в авангард сопротивления.

Оказавшись перед лицом выбора, значительная часть «Братьев-мусульман» пошла на кардинальные изменения не только имиджа своей организации, но и ее подхода к своей практической деятельности. Однако эта трансформация была болезненной, так как она привела к расколу внутри Ассоциации. Первые признаки организационных преобразований внутри «Братьев-мусульман» стали проявляться уже в январе 1988 г., т.е. спустя месяц после начала интифады. Еще через месяц появились доку-

ментальные подтверждения того факта, что в Ассоциации произошли существенные процессы, которые привели к формированию ХАМАС (арабская аббревиатура Движения исламского сопротивления) как военного крыла «Братьев-мусульман» на оккупированной территории. Инициаторами и идейными вдохновителями создания этого движения стали молодые и честолюбивые активисты Ассоциации. Их духовным лидером стал популярный в Палестине шейх Ахмед Ясин, основатель и руководитель одной из фракций «Братьев-мусульман» – организации Исламское объединение, а также глава Исламского центра в Газе. Фактически Исламское объединение и стало ядром новой исламской группировки. Впервые аббревиатура движения появилась в листовке, составленной шейхом А.Ясином и датированной 11 февраля 1988 г. Вторым человеком в руководстве движения стал шейх Халиль Каука, который спустя полгода был арестован израильскими военными властями и депортирован с оккупированных территорий. В последующие два года шейх Х.Каука фактически был ведущим зарубежным представителем движения ХАМАС, который отвечал за финансовые поступления в его казну¹¹.

Спустя короткое время рамки военного крыла Ассоциации «Братья-мусульмане» стали узкими для ХАМАС. Оно трансформировалось в самостоятельное политическое движение, которое не только оспаривало пальму первенства среди исламских палестинских групп на оккупированных территориях у организации Исламский джихад, но даже противопоставило себя ООП. Более того, ХАМАС демонстративно дистанцировался от «Братьев-мусульман», которые фактически утратили народную поддержку в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан. Движение исламского сопротивления начало борьбу за право называться легитимным представителем интересов палестинского народа, оспаривая этот статус у ООП. Отстаивая свое право на исполнение этой роли, ХАМАС прибег к аргументации, которая выразительна по своей простоте и закреплена в сознании последователей благодаря известному граффити времен интифады: «Коран – вот единственный законный представитель палестинского народа»¹².

Отойдя от «Братьев-мусульман», лидеры движения ХАМАС были обязаны сформулировать свои идеологические приоритеты и свое понимание тактики и стратегии борьбы палестинского народа. Провозглашенная ими цель по созданию независимого исламского государства практически ничем не отличалась от лозунгов других исламских группировок и организаций, включая Исламский джихад, ИПО или даже Ассоциацию «Братья-мусульмане». Однако и в этом вопросе можно выделить ряд особенных черт, характеризующих идеологическую платформу ХАМАС. Так, теоретики движения ХАМАС категорически отвергли главный принцип идеологической работы «Братьев-мусульман», который заключался в «ре-исламизации» палестинского общества как основы построения исламского государства. Более того, ХАМАС сконцентрировал все внимание на необходимости построения независимого исламского государства на всей территории Палестины, включая ту ее часть, которая была выделена ООН

для образования Государства Израиль. При этом, по мнению идеологов ХАМАС, это новое государственное образование должно стать начальным этапом на пути формирования панисламского государства, которое объединило бы всю мусульманскую умму мира.

Позиция лидеров ХАМАС, нацеленная на отказ от признания права Израиля на существование, и их намерения консолидировать всю территорию Палестины в рамках единого государства обосновывались тем, что Палестина является священной землей, а с религиозно-правовой точки зрения – вакфом. Этот аргумент, по мнению основателей движения ХАМАС, практически и юридически исключает саму возможность разделения территории Палестины или отторжения ее части, а тем более создания на ней какого-либо иного государства, кроме исламского. При этом, правда, провозглашалось, что в новом государстве «все религии смогут сосуществовать в безопасности и спокойствии». Однако делалась одна важная оговорка, которая заключалась в том, что последователи всех этих религий обязаны признать Палестину неотъемлемой частью мусульманского мира.

Все эти положения нашли свое документальное подтверждение в Хартии движения ХАМАС, которая увидела свет в августе 1988 г. Хартия включала 36 статей и представляла собой небольшой буклет объемом 40 страниц. В концентрированном виде содержание этого программного документа движения было выражено в лозунге ХАМАС: «Аллах – это цель, Пророк – это модель, Коран – это конституция, джихад – это путь, а смерть во имя Аллаха – это высшее из устремлений»¹³. Такая формулировка целей и задач движения абсолютно исключает саму вероятность мирного урегулирования палестино-израильского конфликта, так как это противоречит одному из основополагающих принципов движения – джихаду.

Примечательным является отношение движения ХАМАС к ООП и палестинскому национализму в целом. Так, лидеры ХАМАС исходят из того, что арабский национализм, в том числе палестинский, – это ни что иное как «часть мусульманского вероучения». Такой посыл не оставляет сомнений относительно того, что палестинский национализм, по убеждению лидеров ХАМАС, носит второстепенный по сравнению с их исламским движением характер и объясняет те взаимоотношения, которые сложились между религиозным и светским сегментами палестинского сопротивления и отчетливо проявились с самого начала интифады. Это подтверждается также той настойчивостью, с которой руководство ХАМАС предлагало «исламизировать» программу ООП.

Таким образом, движение ХАМАС с момента своего возникновения вступило в жесткое соперничество со светскими палестинскими группировками, оспаривая у них первенство на выражение интересов нации. В отличие от Исламского джихада движение ХАМАС не делало различий между ОНР на оккупированных территориях и руководством ООП в Тунисе. ХАМАС занял равно негативную позицию по отношению к этим руководящим структурам ООП, отказавшись не только от координации действий с ОНР, но даже от контактов с ним. Движение ХАМАС выступило за

свою абсолютно независимую от ОНР линию в восстании и жестко придерживалось ее. Жесткость и последовательность политического курса ХАМАС нашли отклик у многих палестинцев, особенно среди наиболее обездоленной их части в лагерях беженцев, расположенных в секторе Газа. Одновременно с этим было бы ошибочным заявлять, что в первые месяцы интифады действия Движения исламского сопротивления выходили за рамки тактики, проводимой ОНР, в том числе в отношении кампании ненасильственного неповиновения израильским военным властям на оккупированных территориях.

Интифада: соперничество, но не сотрудничество

По израильским оценкам, к началу интифады в секторе Газа насчитывалось не более 2 тыс. фундаменталистов или, что будет более точным, радикально настроенных мусульманских активистов – членов различных организованных групп. Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, в ходе возникшей накануне интифады дискуссии между активистами движения ФАТХ и приверженцами исламского направления в палестинском сопротивлении точку зрения последних разделяли до 30% населения оккупированных территорий¹⁴.

Трудно выяснить, соответствуют ли эти цифры реальности. Однако бесспорно, что исламская альтернатива предыдущему опыту борьбы, которую вели светские национальные палестинские группировки в течение долгих десятилетий, неожиданно быстро нашла отклик у палестинского населения на оккупированных Израилем территориях.

К весне 1988 г. движение Исламский джихад было сильно обескровлено репрессиями и арестами его руководящих кадров. При этих обстоятельствах неминуемо должно было произойти снижение активности движения и падение его популярности. Оказавшись в столь драматичной для себя ситуации, Исламский джихад не отказался от своих принципов, но ему потребовалось несколько месяцев, чтобы полностью восстановить управляемость внутри движения, воссоздать свои частично разгромленные подпольные структуры и возобновить полномасштабное сопротивление израильской оккупации.

Однако образовавшийся вакуум в блоке исламских группировок и организаций, которые вели борьбу в оккупированной Палестине, не остался не заполненным. Сложившееся положение было более чем своевременным для «политического новичка», движения ХАМАС, которое только начало завоевывать популярность и поддержку среди палестинского населения в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан. Оно начало оспаривать первенство у Исламского джихада, хотя и не являвшегося массовым движением, но пользовавшегося симпатиями у большей части палестинского населения, включая не только религиозно настроенных палестинцев, но и сторонников светских националистов. Подтверждением соперничества между движениями ХАМАС и Исламский джихад в начальный период восстания является тот факт, что между ними не прослежива-

лось никакой координации действий, а проводимые ими акции носили разрозненный характер. Вероятно, дополнительным мотивом для их взаимного отторжения было то обстоятельство, что лидеры Исламского джихада не скрывали своей симпатии к шиитскому духовенству в Иране. Учитывая эту позицию, было бы сложным ожидать быстрого налаживания контактов между движением ХАМАС, жестким приверженцем суннизма, и «шиитской фракцией», как иногда называли Исламский джихад его оппоненты на оккупированных территориях. Что же касается реанимированной Исламской партии освобождения, то ее деятельность в процессах, вызванных интифадой, сводилась лишь к незначительному дополнению к пестрой картине сил, участвовавших в восстании. В этой связи ИПО не только не могла бросить вызов набиравшему мощь ХАМАС, но даже не имела шансов соперничать с ослабленным движением Исламский джихад. Все это обеспечило резкое и быстрое восхождение Движения исламского сопротивления к роли лидера среди групп исламского спектра в Палестине. К августу 1988 г. ХАМАС поставил на службу «стихию улицы». Движение исламского сопротивления не только стало доминирующей силой среди исламских движений и организаций в оккупированной Палестине, но и выступило в роли равного конкурента ООП, а также ОНР в борьбе за народную поддержку в зоне оккупации¹⁵.

В первые месяцы после объявления о своем создании, когда шел интенсивный процесс формирования движения, ХАМАС в качестве своей первоочередной задачи ставил подтверждение легитимности своих притязаний на представительство интересов всего палестинского народа. Вероятно, стремление к реализации этой задачи диктовало подчеркнуто жесткий и бескомпромиссный подход лидеров движения ХАМАС к проблеме взаимоотношений с ООП, перераставших порой в открытую враждебность.

Одно из различий между политикой ХАМАС и ОНР на оккупированных Израилем территориях – их позиция относительно участия в восстании палестинских христиан, доля которых среди арабского населения Западного берега р. Иордан и сектора Газа составляла приблизительно 15%. Религиозная риторика лидеров движения ХАМАС и ограничение их обращений только мусульманской аудиторией в первые месяцы восстания вызывали у палестинцев-христиан не только настроенное отношение к этой исламской группировке, но даже определенное отторжение. Тем не менее, следует отметить, что в отличие от других арабских обществ, в которых проблема взаимоотношений между мусульманской и христианской конфессиями носит более напряженный характер, в Палестине христиане играли заметную роль в светских национальных организациях и движениях, оказывающих сопротивление Израилю. Достаточно напомнить, что такие влиятельные фракции ООП, какими являются Народный фронт освобождения Палестины и Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП), возглавляются представителями христианской общины. Кроме того, в руководящих органах движения ФАТХ палестинские христиане также не являются исключением. Вполне естественно, что ОНР,

представляющее интересы ООП на оккупированных территориях, не ограничивало свою работу конфессиональными рамками, налаживая контакты как с мусульманским большинством палестинского народа, так и с христианами Западного берега и сектора Газа.

Такая гибкая позиция ОНР в отношении палестинцев, составляющих религиозные меньшинства, быстро принесла позитивные результаты. Уже 31 января 1988 г. в городах Западного берега р. Иордан, в которых сосредоточено большинство палестинских христиан, включая православных и католиков, прошел первый массовый марш в поддержку действий ОНР. В частности, жители небольшого городка Бейт-Сахур, расположенного в двух километрах от Вифлеема, среди которых христиане составляют 75% общей численности его населения, активно включились в восстание, а в апреле-мае 1989 г. стали одними из инициаторов организованной кампании гражданского неповиновения. На территории муниципалитета Бейт-Сахур создавались комитеты взаимопомощи, а его население отказывалось платить налоги израильскому правительству. Таким образом, христианское население Иерусалима, Вифлеема, Рамаллаха, Бейт-Сахура и других населенных пунктов Палестины, симпатии которого преимущественно принадлежали светским группировкам, прежде всего НФОП, ДФОП и Палестинской компартии, продемонстрировало единство палестинцев на оккупированных территориях в отношении общенациональных целей, которые отстаивало ОНР, олицетворявшее различные светские фракции ООП.

Это свидетельствовало, что палестинские лидеры исламской ориентации и стоящие за ними структуры оказались неспособными преодолеть существовавшие межконфессиональные барьеры и консолидировать палестинское общество. Вероятно, жесткий консерватизм исламской оппозиции, прежде всего движения ХАМАС, который сыграл немаловажную роль в повышении значения «исламского фактора» в ходе интифады, в то же время позволил ОНР и тунисскому руководству ООП продемонстрировать большую перспективность надконфессиональной позиции при отстаивании общенациональных интересов палестинского народа, выступая под лозунгом «Мы все – палестинцы». В любом случае, к середине лета 1988 г. лидеры ООП, осевшие в Тунисе и временно утратившие контроль над ситуацией в оккупированной Израилем Палестине, смогли в целом восстановить управление ходом интифады. Им удалось заметно оттеснить на вторые роли реальных творцов восстания в лице ОНР, которое было представлено местными активистами четырех наиболее значимых и влиятельных фракций ООП. «Компенсацией» должно было стать кооптирование лидеров ОНР в Национальный совет Палестины. В немалой степени этому процессу перехода организационно-управленческих функций на оккупированных территориях от ОНР к центральному руководству ООП в Тунисе содействовали репрессии, обрушенные израильскими военными властями против местных активистов, включая лидеров Объединенного национального руководства восстанием. Таким образом, ООП удалось

подтвердить свою легитимность как представителя палестинского народа, в том числе на оккупированных Израилем территориях¹⁶.

Подводя итог, следует отметить, что неожиданное для многих появление исламских движений и организаций на политической арене на оккупированных палестинских территориях на рубеже 80-90-х годов в действительности оказалось закономерным результатом процессов, начало которым было положено еще в 40-е годы XX в. Несмотря на то, что «исламский фактор» вряд ли может стать доминирующим в политических реалиях современной Палестины, было бы ошибочным принижать его значение. Этот вывод был подтвержден всем ходом событий в период интифады и последующим развитием ситуации в Палестинской Национальной Автономии.

¹ *Al-Jarbawi, Ali*. The Position of Palestinian Islamists on the Palestine-Israel Accord. // *The Muslim World*. – January-April 1994. – Vol. 84. – № 1-2. – С. 128; *Pressberg, Gail*. The Uprising: Causes and Consequences. // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*. – Spring 1988. – Vol. 17. – № 3. – С. 43.

² Подробнее см.: *Commins, David*. Taqi al-Din al-Nabhani and the Islamic Liberation Party. // *The Muslim World*. – July-October 1991. – Vol. 81. – № 3-4. – С. 194-211.

³ *Peretz, Don*. Intifada: The Palestinian Uprising. – Boulder, 1990. – С. 102-103.

⁴ *Kristianasen, Wendy*. Challenge and Counterchallenge: Hamas's Response to Oslo. // *Journal of Palestine Studies. A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*. – Spring 1999. – Vol. 28. – № 3. – С. 20.

⁵ *Al-Jarbawi, Ali*. The Position of Palestinian Islamists on the Palestine-Israel Accord, с. 129.

⁶ *Litvak, Meir*. Inside Versus Outside: The Challenges of the Local Leadership, 1967-1994. // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – N.Y., 1997. – С. 179.

⁷ *Hunter, F. Robert*. The Palestine Uprising. A War by Other Means. – Berkeley, Los Angeles, 1993. – С. 216.

⁸ Там же, с. 75.

⁹ Там же, с. 74.

¹⁰ *Pressberg, Gail*. The Uprising: Causes and Consequences. // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*. – Spring 1988. – Vol. 17. – № 3. – С. 44.

¹¹ *Smith, Charles D*. Palestine and the Arab-Israeli Conflict. – N.Y., 1992. – С. 299.

¹² *Cobban, Helena*. The PLO and the Intifada. // *The Middle East Journal*. – Spring 1990. – Vol. 44. – № 2. – С. 231.

¹³ *Zoughbi, Elias*. Faith, Nonviolence and the Palestinian Struggle. // *Faith and Intifada: Palestinian Christian Voices*. – Maryknoll, 1992. – С. 105.

¹⁴ *Peretz, Don*. Intifada: The Palestinian Uprising, с. 106.

¹⁵ *Hunter, F. Robert*. The Palestine Uprising, с. 117.

¹⁶ *Bickerton, Ian J., Klausner C.L.* A Concise History of the Arab-Israeli Conflict. – Upper Saddle River, 1998. – С. 231.

**ГДЕ ЖЕ ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА?
(О ходе палестино-израильских переговоров
об «окончательном» урегулировании)**

Палестино-израильские переговоры, палестино-израильские встречи на высоком уровне, палестино-израильский саммит с присутствием и при непосредственном участии американского президента... Еще каких-нибудь 10 лет назад сообщения о подобных событиях воспринимались бы как «историческая фантастика». Но времена, к счастью, изменились. Не только арабо-израильские переговоры, но и палестино-израильские контакты и беседы на высшем уровне воспринимаются в арабском мире, в общем, довольно спокойно. Без былой нервной аллергии. Конечно, и среди израильтян, и среди палестинцев есть, безусловно, люди, находящиеся под наркотическим дурманом националистических, шовинистических идей; было бы странно, если бы такие настроения выветрились мгновенно, ведь они укоренились и культивировались десятилетиями. Но все же «крот истории», о котором писал К.Маркс, роет в правильном направлении.

Общеизвестно, что ни у евреев, ни у арабов нет исключительных, только им присущих и принадлежащих прав на создание своего государства в Палестине, с еврейской или арабской этнодоминантой. Сложности во взаимоотношениях, возникшие не вчера, острейшие противоречия между арабами и евреями, борьба между ними, не раз доходившая до широких военных конфликтов в Палестине, чем отмечен, по сути дела, весь XX в., – это противоречие и борьба арабского и еврейского национализмов, претендующих – фактически с равной степенью обоснованности – на Палестину как на «землю предков». Разрешить эти острейшие противоречия можно только на путях сосуществования, взаимного учета интересов, причем длительность, деликатность и сложность нахождения взаимоприемлемой «формулы мира» всегда находились и находятся вплоть до настоящего времени в прямой зависимости от того, сколь успешными будут обоюдные усилия по преодолению десятилетиями накапливавшихся взаимных, далеко не всегда справедливых, обвинений, подозрений, болезненного груза исторической памяти, где навсегда зафиксированы десятки тысяч жертв с обеих сторон.

Каждый араб и каждый еврей должны, наконец, осознать элементарную истину – в кровавых арабо-еврейских столкновениях не может быть победителей и побежденных. Столь желанный и арабам, и евреям мир может быть найден только за столом переговоров – честных, конструктив-

ных, свободных от пустой, «рассчитанной на публику», риторики и «вспышкопускательства», пусть (и даже наверняка) болезненных, длительных и «вязких». Видеть в прошлом и настоящем крайне обостренных отношений еврейского и арабского национализмов только новые поводы для разжигания страстей и причины для новых конфронтаций – значит заранее отказывать своим детям и внукам в будущем, обрекать живые силы народов на взаимное уничтожение.

Мир в конце концов должен восторжествовать на земле Палестины, но это будет мир сильных, взаимно уважающих друг друга соперников-партнеров. Соревнование между ними возможно не в сфере накопления оружия для взаимного уничтожения, не во взаимных обвинениях в нежелании жить в мире, зачастую повторяющихся с точностью «до наоборот», а в действиях по превращению общей родины – Палестины – в подлинный очаг мира.

Для разблокирования конфликтной ситуации в арабо-израильских (палестино-израильских) отношениях необходим конструктивный, равноправный диалог сторон, вовлеченных в конфликт. Только в атмосфере продуктивного диалога можно существенно уменьшить масштабы существующих разногласий, найти надежные способы и средства обеспечения взаимной безопасности. Не желать понять эти элементарные истины, руководствоваться в своей деятельности узкими, эгоистичными националистическими предрассудками, к тому же отягощенными религиозными догмами, – значит вполне сознательно перекрывать все возможные пути ликвидации сохраняющейся опасной напряженности в ближневосточном регионе, цепляться за устаревшие и давно изжившие себя стереотипы и представления, которые складывались до того, как на Ближнем Востоке возникли независимые государства и у арабов, и у евреев.

С момента начала официальных палестино-израильских контактов, которые с палестинской стороны монополизировала наиболее влиятельная и сильная организация – арафатовский ФАТХ, перед всеми палестинскими организациями встал вопрос о допустимости и законности, с точки зрения палестинских национальных интересов, прямых переговоров с израильскими официальными представителями – на дву- или многосторонней основе, конфиденциальных или открытых. Израильское руководство тоже длительное время не соглашалось на переговоры с палестинцами, не находя для них другого определения, кроме как «безответственные террористы».

Отсутствие единого мнения о потенциальных возможностях, характере и уровне палестино-израильских переговоров, о промежуточных и конечных целях таких переговоров длительное время мешали и палестинским, и израильским руководителям. И те, и другие обоснованно опасались сильной внутренней оппозиции курсу на проведение палестино-израильских переговоров; более того, такие переговоры казались несовместимыми как с политическими концепциями палестинского национального движения, так и с сионистскими догмами, возведенными в ранг государственной политики Израиля. Такие «разброд и шатания» отражали, на

наш взгляд, отсутствие достаточно ясных идеологических ориентиров и у израильского руководства, и у лидеров палестинского национального движения. Ведь нельзя же считать такими, с позволения сказать, ориентирами необходимость «уничтожения сионистского образования», т. е. Израиля, или «трансфер» (в данном случае – насильственное выселение) палестинцев со всех территорий, оказавшихся после «шестидневной войны» 1967 г. под военным и административным контролем Израиля.

С позиции сегодняшнего дня следует признать, что и для палестинских лидеров, и для руководства Израиля прямые палестино-израильские переговоры по всему спектру двусторонних отношений стали ведущим императивом в результате интифады – широкого палестинского восстания на оккупированных Израилем палестинских землях. Интифада в конечном итоге привела к уходу с политической арены правого националиста И.Шамира, длительное время игравшего ведущую роль среди израильских «ястребов», она способствовала победе Партии труда на выборах 1992 г. в Кнессет, ускорила и перевела в конструктивное русло поиски «формулы сосуществования» израильтян и арабов. Уже только в этом ее большое историческое значение.

Американская администрация, претендующая на роль единственного «беспристрастного посредника» в арабо-израильских (палестино-израильских) переговорах, долгое время считала, что ответы на пять ключевых вопросов о существовании позиций сторон в конфликте смогут дать практически достаточно полную картину перспектив решения арабо-израильского конфликта: «Готовы ли арабы пойти на переговоры, в результате которых они не получат назад оккупируемые Израилем территории? Нет. Проблема территорий достаточна для того, чтобы удовлетворить справедливые требования? Да. Удовлетворятся ли израильтяне в ходе возможных переговоров меньшим, чем полный мир? Нет. Меры по нормализации отношений достаточны ли для удовлетворения требований (взаимной) безопасности? Да. Нужен ли арабам и израильтянам некий переходный период перед тем, как будет достигнуто полное соглашение, основанное на принципе «земля в обмен на мир»? Да¹.

В указанном перечне была подчеркнута обойдена необходимость конструктивного решения палестинской проблемы: признавая решающую значимость этой проблемы во всем комплексе вопросов ближневосточного урегулирования и настаивая на том, что ее решение может быть найдено исключительно в ходе прямых арабо-израильских переговоров, американская администрация, в полном соответствии с обструкционистской позицией Израиля в отношении ООП, долгое время вообще отрицала ее право представлять палестинцев на таких переговорах.

Постепенно идея палестино-израильских переговоров на уровне официально назначенных представителей переходила в практическую плоскость. После известного заявления короля Иордании, ныне покойного Хусейна от 31 июля 1988 г., в котором он отказался от намерения представлять палестинцев на переговорах с Израилем или на мирной конференции

по Ближнему Востоку, израильская Партия труда, до июня 1992 г. находившаяся в оппозиции, внесла изменения в свою политическую платформу: если раньше в этом документе говорилось о необходимости переговоров Израиля с иордано-палестинским государством, то в обновленном варианте программы говорилось о возможности ведения переговоров с палестинскими представителями, даже назначенными ООП, при соблюдении двух условий – признания Израилем и отказа от террористических методов действий.

В известном «плане Шульца» основной упор делался на важности переговоров Израиля с его арабскими соседями и палестинцами на базе резолюций Совета Безопасности ООН 242 и 338. Так называемые 10 пунктов Мубарака отражали не только точку зрения их автора, президента Египта, но и совпадали с мнением умеренного крыла ООП. Американская сторона ошибочно считала, что в результате длительных переговоров с египтянами ей удалось добиться согласия палестинцев на переговоры с Израилем на «сбалансированных» условиях, но упрямство, откровенный антипалестинский иммобилизм главы израильского кабинета Шамира постоянно путали карты вашингтонской администрации.

В начале 90-х годов сложилось практически общее понимание, что важнейший аспект ближневосточного урегулирования – палестинская проблема, что ее справедливое решение в увязке с проблемой гарантирования безопасных и признанных границ Израиля с арабскими соседями откроет путь к миру на Ближнем Востоке. В качестве первостепенной цели ставилось достижение палестино-израильской договоренности о взаимном признании, что создало бы необходимые условия для позитивных сдвигов по вопросам договоренностей (и их соответствующего международно-правового оформления) Израиля с Иорданией, Сирией и Ливаном. Поэтому соглашаясь на двусторонние переговоры по сугубо конфиденциальному каналу («Осло – 1»), проарафатовское крыло ООП и новое руководство Израиля надеялись на осуществление своих следующих целей:

- палестинцы не рассчитывали на получение какой-либо помощи извне, но полагая, что американская сторона будет продолжать давление на Израиль в вопросах урегулирования, поскольку смягчение напряженности на Ближнем Востоке входило в долгосрочные планы американских администраций и Буша, и сменившего его Клинтона, стремились добиться в ходе закрытых от посторонних глаз и ушей переговоров не только соглашения по «общим рамкам» урегулирования (палестино-израильского), но и согласия Израиля на какую-либо форму автономии для оккупированных территорий, что могло бы стать шагом на пути к реализации планов создания и оформления палестинской государственности;

- израильтяне, следовавшие формуле «земля в обмен на мир», полагали, что любой конкретный результат палестино-израильских конфиденциальных переговоров, став достоянием гласности, приведет к расколу палестинского движения, постепенному угасанию интифады, изоляции крайних радикалов и экстремистов в среде палестинцев на оккупированных палестинских территориях и в диаспоре, что неизбежно снизит напря-

женность в палестино-израильских отношениях и даст возможность Израилю вести дело к такой форме палестинской государственности, которая его устроит. Так родилась взаимоприемлемая формула «Газа и Иерихон – сначала!».

Изолированность палестино-израильских конфиденциальных переговоров в Осло от внимания международных СМИ способствовала их успешному завершению. «Стороны прямо, с глазу на глаз обсуждали свои проблемы, а не ораторствовали напоказ», – писал впоследствии Ш.Перес, один из «конструкторов» этих переговоров².

Учитывая бесперспективность палестино-израильских переговоров в рамках мирной конференции по Ближнему Востоку, палестинское руководство пришло к выводу, что контакты по конфиденциальному каналу должны привести в конечном итоге к выработке некой декларации принципов палестино-израильских отношений. Подготовленная внутренняя «ориентировка» для палестинской делегации включала в себя следующие положения.

1. Цель – достижение справедливого, прочного и всеобъемлющего урегулирования посредством прямых переговоров на основе резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Палестино-израильские переговоры будут проходить по фазам, которые являются составной частью всего процесса.

2. Сфера полномочий палестинской администрации в переходный период включает палестинские территории, оккупированные в 1967 г. Договоренность по обсуждению вопросов о выводе некоторых районов из-под административной юрисдикции должна быть достигнута на переговорах с условием, что не будет нарушений резолюций 242 и 338 и норм международного права.

3. Палестинская администрация переходного периода осуществляет все полномочия, которые будут ей переданы в соответствии с достигнутым соглашением (с учетом мер по пересмотру действующих законов).

4. Временная администрация избирается путем проведения всеобщих свободных и прямых выборов, в которых участвует все палестинское население Западного берега, включая Иерусалим, и Сектора Газа, в соответствии с переписью от 4 июня 1967 г.

5. Наблюдение за процессом выборов и передачи власти будут осуществлять представители международного сообщества в соответствии с договоренностью.

6. Для обсуждения рабочих проблем и разрешения спорных вопросов будет создана двусторонняя комиссия (от временной палестинской администрации и израильского правительства).

7. В случае, когда комиссия по решению споров не сможет найти решения того или иного вопроса, она передает его на рассмотрение арбитражной комиссии, которая формируется из представителей государств-спонсоров (т. е. России и США, сопредседателей мирной конференции по Ближнему Востоку. – *Е.П.*), а также Египта, Иордании и ООН. В арбитражную комиссию также

назначается по одному представителю от переходной администрации и Израиля или других сторон в соответствии с договоренностью.

8. Проблемы безопасности в их стратегическом и перспективном понимании, связанные с воплощением идеи мирного сосуществования, будут рассмотрены в свете наличия доброй воли у всех сторон и в духе искреннего стремления к выяснению взаимных интересов, чтобы наполнить понятие «безопасность» позитивным смыслом, обязывающим всех содействовать ее обеспечению.

9. Стороны приступают к обсуждению окончательного статуса через два года с момента начала переходного периода или раньше, в зависимости от договоренности, но в любом случае не позднее, чем в начале третьего года переходного периода.

10. При отсутствии препятствий к осуществлению соглашения об окончательном статусе, начинается неофициальное изучение возможности создания конфедерации (палестино-иорданской. – *Е.П.*) с целью нахождения наилучших путей и средств обеспечения стабильности и мира в регионе³.

Несмотря на исключительно конфиденциальный характер документа (о его существовании знали два-три человека из руководства ООП, а также три-четыре будущих палестинских участника переговоров с израильтянами по секретному каналу), обращает на себя внимание его умелая сбалансированность. Конечно, и левые, и правые в палестинском национальном движении могли подвергнуть его критике, если бы документ стал им известен, но взвешенность формулировок документа давала основание предполагать, что он послужит серьезной базой совместной декларации о принципах палестино-израильских отношений. Так в действительности и случилось.

Кстати, следует отметить, что идея конфиденциальных, скрытых от посторонних, даже дружественных, глаз и ушей палестино-израильских переговоров родилась не на пустом месте, она постоянно «вита в воздухе», израильская пресса иногда писала о желательности проведения секретного палестино-израильского или сирийско-израильского саммита «в Завидове, Кунцево или в другом аналогичном месте». Но ни палестинцы, ни израильтяне не могли выступить с инициативой проведения таких конфиденциальных переговоров из опасения быть сразу же обвиненными своими же соплеменниками в «сговоре», «измене», «отступлении от принципиальной позиции» и т.п. Не могли выступить с таким предложением и сопредседатели мирной конференции по Ближнему Востоку (МКБВ) – Россия и США, поскольку другие ее участники непременно заподозрили бы в подобном предложении неизбежный подвох и попытались бы сорвать проведение этих переговоров, для чего было бы достаточно только информировать мировую общественность, что такие контакты имеют место.

Постепенно израильская общественность – если не вся, то большая ее часть – стала отдавать себе отчет, что только сосуществование палестинцев и израильтян, основанное на мирных, должным образом оформленных и гарантированных отношениях, должно явиться искомым, приемлемым и реальным будущим для Палестины, что выход из тупика может быть найден в случае, если начнутся прямые, лучше конфиденциальные, полнокровные палестино-израильские переговоры, причем палестинскую

сторону на таких переговорах должны будут представлять или непосредственно авторитетные функционеры ООП, или лица, тесно связанные с руководством ООП, действующие в тесном контакте с ним и выражающие его точку зрения.

Аналогичные процессы имели место и среди палестинских лидеров, хотя согласие на участие в МКБВ или достижение договоренности о конфиденциальных контактах с израильской стороной для руководства ООП было не столь мучительным делом, как для руководства Израиля, которое, несмотря на внешне демонстрируемую открытость, в действительности было серьезно «зажато» устаревшими и вредными стереотипами. При этом израильские власти и многие израильские СМИ постоянно ссылались на «необходимость соблюдения преемственности» в израильской внешней и особенно ближневосточной политике.

Характеризуя значение победы Партии труда на июньских (1992 г.) парламентских выборах, Ш.Перес писал: «Если бы израильская общественность не решила в июне 1992 г. сменить политику “топтанья на месте” на политику “преодоления трудностей”, не возникло бы никакой реальной возможности осуществить тот резкий поворот во внешней политике, который сегодня стал основой взаимного признания между Израилем и ООП»⁴.

Весьма характерно и высказывание Абу Мазена: «В ситуации вокруг палестинской проблемы произошли важные позитивные сдвиги. Их смысл заключается в том, что палестинцы обрели большую самостоятельность и стали более удаленными от политических и географических факторов влияния... Если бы обстановка не изменилась к лучшему, мы бы не осмелились провести наш эксперимент и подписать соглашение... Пребывание вдали от ближневосточного региона позволило нам взглянуть свежим взглядом на весь комплекс внутренних и внешних проблем»⁵.

Однако следует заметить, что стороны не обольщались фактом подписания Декларации принципов; торжественная церемония такого подписания состоялась в Вашингтоне 13 сентября 1993 г. Американская печать указывала в этой связи: «Чтобы достичь нынешнего рубежа, от израильского руководства во главе с премьер-министром И.Рабином и министром иностранных дел Ш.Пересом и от внутреннего круга палестинцев вокруг председателя (Исполкома) ООП Я.Арафата потребовались мужество, широкое видение и тонкость. В еще большей мере эти качества понадобятся для того, чтобы превратить договоренность, достигнутую на секретной стадии переговоров в Норвегии, в подлинный мир на Ближнем Востоке»⁶.

Прошедшие с момента подписания Декларации принципов годы, во время которых продолжались с различной степенью интенсивности палестино-израильские разноуровневые переговоры по широкому спектру двусторонних отношений, давали основание верить, что обе стороны, несмотря на стоящие перед ними внутренние трудности, активное и открытое противодействие нормализации палестино-израильских отношений, исходящее от правонационалистических, экстремистских кругов внутри палестинского движения и от влиятельных сил внутри Израиля, проявляли намерение

дальше идти по пути расширения палестинского самоопределения. Даже бывший израильский премьер-министр Б.Нетаньяху, как правило, демонстрировавший бескомпромиссность и неуступчивость в вопросах палестино-израильских отношений, считал необходимым время от времени делать примирительные заявления и конкретные, пусть не слишком последовательные, шаги в сторону палестино-израильской нормализации.

23 сентября 1995 г. делегациям Израиля и Палестины удалось завершить переговоры и парафировать договор о проведении в жизнь второй стадии договоренностей, достигнутых по конфиденциальному каналу «Осло – 2», посвященных отводу израильских войск и проблеме выборов на оккупированных территориях. Сам договор был подписан несколько позднее, на официальной церемонии в Вашингтоне.

Договор, с большим скрипом ратифицированный израильским Кнесетом созыва 1992 г. (за ратификацию был подан 61 голос, против – 59), не удовлетворил ни палестинцев, ни израильтян: палестинцев потому, что вывод израильских войск в соответствии с положениями договора растягивался на многие месяцы, а израильские поселенцы не попадали под палестинскую юрисдикцию и, следовательно, становились неподсудными палестинским судам; израильтян потому, что их не устраивал переход к более современной системе контроля над палестинскими территориями, потому, что израильские поселенцы не намеревались подчиняться предписаниям палестинских автономных властей.

Наиболее трудной, затяжной и особенно «вязкой» оказалась, как и ожидалось, заключительная стадия палестино-израильских переговоров, когда речь пошла о постоянном международно-правовом статусе арабских земель, пока еще находящихся под израильским военным и административным контролем, а также о судьбе Восточного Иерусалима.

Заключительная стадия палестино-израильских переговоров протекала на фоне углублявшегося в сознании израильской общественности и руководства мнения о том, что если Израиль согласится с тем, что на Западном берегу и в Газе в конечном итоге возникнет независимое палестинское государство, то такое решение будет вполне оправданным, поскольку, в конце концов, оно окажется в интересах Израиля.

Жесткость и бескомпромиссность, неумение, а чаще просто нежелание отойти от узкой политической зашоренности постоянно демонстрируют ретрограды в Израиле и «ура-революционеры» среди палестинцев. И те, и другие не могут понять элементарной истины – Палестина и Израиль «обречены» на существование бок о бок, и оно может быть только мирным. Однако остается фактом, что позиция проарафатовского крыла ООП не отражала мнения всех палестинцев в отношении Декларации принципов. Старший палестинский представитель на МКБВ Хейдар Абд эль-Шафи сделал весьма характерное заявление, что его делегация «была бы счастлива», если на всепалестинском форуме (референдуме) будет положительно решен вопрос о продолжении переговоров с израильтянами и о возможном содержании палестинской позиции на этих переговорах.

Психологически верным было наблюдение, сделанное популярным комментатором израильского телевидения Эхудом Яари: «Нынешние переговоры идут между сторонами, каждая из которых считает себя, с одной стороны, победившей, но с другой, одновременно, – и побежденной... Мы побеждены не на поле боя, не силой оружия, – мы побеждены в том смысле, что рухнули некоторые из основных предположений, на которых всегда основывалась израильская политика. Они рухнули, обанкротились и, на мой взгляд, никогда уже не будут воскрешены. Мы победили в том смысле, что арабский мир осознал, что никогда не победит нас на поле боя. Мы победили в том смысле, что существование Государства Израиль сегодня признано – если не эмоционально, не исторически, то политически признано арабскими руководителями, включая наших непосредственных соседей, палестинцев... Мы побеждены в том, что впервые за всю историю вынуждены признать палестинцев в качестве стороны в мирном процессе. Целуемся мы с ООП через чадру или напрямую – это уже несущественно. Куда важнее, что в Израиле произошло кардинальное событие: мы признали, что не можем победить палестинцев. Мы не можем вытолкнуть их отсюда, мы не можем их поглотить... И левые, и правые в Израиле осознали, что мы исчерпали наши возможности добиться своих целей в войне. Но что не менее важно – противник тоже осознал, что он не может достичь своих целей. В результате возникло общее понимание необходимости какого-то взаимного соглашения»⁷.

В изменениях, которые происходят в менталитете израильтян в отношении палестинцев, в отношении мирного переговорного процесса, просматривается важный момент – понимание растущим большинством израильтян, что их государство – это ближневосточное государство, что Израиль – это не Европа, не Америка. Осознание этого момента израильским общественным мнением – одно из неперенных условий установления подлинного, длительного и гарантированного мира на Ближнем Востоке. Преодолеть накапливавшиеся десятилетиями и уже изжившие себя стереотипы, найти «формулу мира» в отношениях с недавним смертельным врагом, построить качественно новые межгосударственные отношения – только такой путь оправдан в отношениях между ближневосточными государствами, только такой путь ведет к подлинному, долгосрочному и справедливому миру в ближневосточном регионе.

Другими словами, «материальная» нормализация палестино-израильских отношений непременно должна быть дополнена и подкреплена нормализацией «духовной», спиритуалистической, только в этом случае она будет по-настоящему прочной и надежной, об этом говорит весь многоцветный опыт межгосударственных отношений XX в. «В силу особенностей местной географии, равно как и бушевавших здесь войн и их последствий, палестинская проблема кажется практически неразрешимой, – пишет ветеран политических битв Израиля Ш.Перес. – Я выражаю категорическое несогласие с подобной точкой зрения, ибо она ведет не к созидательным усилиям, а к бездействию, создавая препятствия на пути прогресса. Но чем

труднее решение, тем сильнее желание найти его. Вместо того, чтобы поддаваться отчаянию, нам следует напрячь интеллект, максимально используя свои творческие возможности, и стремиться к преодолению как воображаемых преград, так и реально существующих сложностей»⁸.

Как и всегда, проблема палестино-израильского урегулирования имеет отзвук в деятельности ряда политических партий Израиля, многие из которых, несмотря на свою малочисленность, подчас излишне «громко» кричат о предательстве премьер-министром Израиля Э.Бараком и его единомышленниками «жизненных национальных интересов» и угрожают отказом от поддержки правительства в Кнессете, что вполне может привести к утрате десятка голосов парламентариев, обеспечивающих правительству хрупкое равновесие его сторонников и противников с некоторым перевесом для первых.

Достигнутое под серьезным американским нажимом согласие Барака прибыть в Кэмп-Дэвид для переговоров с Арафатом и с участием Клинтона о достижении «окончательного соглашения» с палестинцами вызвало недовольство некоторых религиозных партий. Так председатель партии ШАС Ишай потребовал от Барака еще до отъезда на саммит в Вашингтон (куда глава правительства, по его словам, был готов отправиться, даже если будет опираться на поддержку только четверти депутатов Кнессета) определить «красную линию» возможных уступок палестинцам.

Президент Клинтон был, видимо, под влиянием неких ностальгических соображений, когда предлагал Кэмп-Дэвид для проведения палестино-израильского саммита со своим участием, памятуя о том, что именно в Кэмп-Дэвиде президенту-демократу Картеру в 1978 г. удалось добиться от Садата и Бегина достаточно далеко идущей египетско-израильской договоренности. Кэмп-Дэвидский саммит имел место в июле 2000 г., он продолжался почти две недели, причем Клинтон даже задержал на один день свой отъезд на Окинаву, где в эти дни собирались главы стран-членов «восьмерки».

Утечка информации с тройственной встречи была небольшой и часто «направленной». Американские официальные лица отмечали доброжелательную атмосферу на переговорах. Значительно более сдержанными были комментарии, исходившие от палестинской и израильской делегаций. Как и предсказывали накануне встречи политические наблюдатели, препятствиями на пути достижения всеобъемлющего «заключительного соглашения» были следующие проблемы: статус Иерусалима, определение окончательных границ палестинского государства и проблема возвращения палестинских беженцев. До самого последнего дня было неясно, каким же будет финал трехсторонней встречи. Оказалось, что она закончилась практически впустую. В воскресенье 6 августа 2000 г. представители Палестины и Израиля пришли к общему соглашению о том, что в связи с сохраняющимися разногласиями сторон время новой встречи в верхах по проблемам палестино-израильского урегулирования еще не настало. 1 августа Арафат заявил, что к переговорам необходимо подключить Россию как коспонсора переговорного процесса на Ближнем Во-

стоке. Буквально накануне прибытия Арафата в Москву с двухдневным рабочим визитом госсекретарь США М.Олбрайт обратилась к российскому министру иностранных дел И.Иванову с просьбой оказать Вашингтону помощь в возобновлении прерванных мирных переговоров между израильским и палестинским руководством.

В рамках своих международных контактов после неудачи переговоров в Кэмп-Дэвиде Арафат посетил Москву, где провел насыщенные и весьма плодотворные переговоры с В.Путиным и И.Ивановым. В ходе этой встречи Арафат согласился с точкой зрения российской стороны о нежелательности связывать провозглашение в одностороннем порядке образования независимого палестинского государства с какими-то, пусть и важными датами. Такое объявление, намеченное первоначально на 13 сентября (седьмая годовщина подписания палестино-израильской Декларации принципов), было отложено, что создало благоприятные условия для возобновления палестино-израильских переговоров, в которых должен принять участие и официальный представитель России в качестве «специального представителя президента России по ближневосточному урегулированию». На этот весьма ответственный и новый в практике отечественной дипломатии пост был назначен В.Средин. Его задача, как он сам заявил об этом в ходе визита на Ближний Восток в конце августа, – попытаться сблизить позиции Израиля и палестинцев на заключительной стадии переговоров об окончательном урегулировании. Возобновление участия России в ближневосточном, в частности в палестино-израильском, переговорном процессе приветствовалось руководством Палестинской автономии. Так палестинский министр по делам парламента Мабиль Амр заявил, что палестинское руководство весьма заинтересовано в участии Москвы в палестино-израильском урегулировании и верит в объективность подхода России к решению проблем ближневосточного региона.

Последние события, связанные с палестино-израильскими переговорами, внушают определенный оптимизм. Выраженная Арафатом и Бараком готовность продолжать их в конструктивном ключе дает основание надеяться на решающий сдвиг на пути достижения окончательной палестино-израильской договоренности на основе соблюдения принципа, за который всегда выступала российская сторона, – справедливость для всех.

¹ Congressional Record – Extensions of Remarks. – 1988. – June 21. – С. Е 2080

² *Перес, Шимон*. Новый Ближний Восток. / Пер. с англ. – М., 1994. – С. 37.

³ *Абу Мазен (Махмуд Аббас)*. Путь в Осло. / Пер. с араб. – М., 1996. – С. 158-159.

⁴ *Перес, Шимон*. Новый Ближний Восток, с. 19.

⁵ *Абу Мазен (Махмуд Аббас)*. Путь в Осло, с. 151-152.

⁶ The New York Times. 14.09.1993.

⁷ Двадцать два: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. – 1992. – № 83. – С. 149-150.

⁹ *Перес, Шимон*. Новый Ближний Восток, с. 194.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСЛАМА В АРАБСКИХ СТРАНАХ

80-е годы XX в. были отмечены новым, небывалым всплеском религиозных настроений, углублением духовной исламизации общества, оказывающей все возрастающее воздействие на политическое положение в отдельных странах и в регионе в целом. Новая волна исламизации арабского общества имеет ряд глубинных причин: экономических – относительное ухудшение материального положения, углубление пропасти между бедными и богатыми, быстрый численный рост неимущих слоев, живущих ниже официальной черты бедности; социальных – распад традиционного общества, рост маргинальных слоев, неграмотность и др.; политических – неразвитость или отсутствие государственных механизмов, регулирующих социальные и политические конфликты, неурегулированность ближневосточного конфликта; идеологических – крах социалистической системы, неспособность многих правящих режимов выработать понятные и притягательные для масс доктрины или идеологические установки и др. Определенным импульсом усиления исламского фактора стало и утверждение исламского режима в Иране в 1979 г.

Поэтому один из серьезных факторов, влияющих на развитие современного конституционализма в арабских странах, – юридическое закрепление ислама в основном законе страны. Это тем более важно отметить, поскольку исторически и традиционно религиозный фактор и выстроенные на нем общественно-политические и государственно-правовые отношения представляли собой важнейший компонент, определяющий внутреннюю и внешнюю политику большинства арабских стран. До настоящего времени ислам остается одной из политико-идеологических основ большинства арабских государств, которая, с одной стороны, способствует стабилизации политических режимов, а с другой, – порождает специфические противоречия во многих областях общественно-политической жизни. Коран и законы шариата определяют правовые нормы, они в большей или меньшей степени являются составными частями многих конституционных актов и положений в арабских странах. Специальные разделы мусульманского права регулируют семейно-брачные отношения, гражданское право, процессуальные правила, и эти традиционные нормы так же, как и влияние религии на жизнь и поведение мусульманина, не могут не учитываться светским законодательством. Это – традиционно-историческая сторона проблемы. Но опыт и практика независимого развития арабских стран,

особенно в последние годы, придали религиозному фактору новое значение, сделав его одним из важных компонентов внутривнутриполитического развития, превратив его в активного участника политического процесса. Все это, естественно, сказалось и на характере изменений конституций арабских стран, многие из которых стали более исламизированными.

На протяжении веков из догм религиозных писаний, исторического и политического опыта различных групп арабского общества сложилось твердое убеждение, что ислам должен отождествляться прежде всего с государством, единством государства и религии как основы единства арабской нации, как гарантии идентичности мусульман. В ходе национально-освободительной борьбы и завоевания политической независимости исламский фактор для большинства арабских стран сыграл одну из ведущих ролей. Уже в первых конституциях важнейшим элементом религиозного наследия явилось стремление законодателей закрепить ислам как первооснову общества и государства, а все конституции провозгласили верность традициям ислама.

Традиционная исламская политическая концепция исходит из того, что задачей верховной власти мусульманского государства считается сохранение и защита исламской веры, а также шариата, заключающего в себе религиозную догматику, практические нормы и исламскую этику.

Классический пример такой модели – государство Саудовская Аравия, где ислам – это не только государственная религия, но основной закон государства, определяющий основы государственного и общественно-экономического строя, всю систему государственных органов, порядок их образования и деятельности, а также обязанности подданных. Властные светские и религиозные структуры в этом государстве практически совмещены либо очень тесно переплетены. Так, ст. 1 принятого в 1992 г. положения «Основы системы власти» гласит: «Королевство Саудовская Аравия – суверенное арабское государство. Его религия – ислам, Конституция – книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка». В этом документе содержится категорическое предписание исповедовать ислам и фактически не допускается распространение никакой другой религии. Исключительное положение шариата в королевстве предусмотрено ст. 48 «Основ системы власти», которая гласит: «Суды обязаны применять нормы исламского шариата при рассмотрении ими дел в соответствии с Кораном и сунной, а также законами, декретированными правителем на основе Корана и сунны».

Действенный рычаг принуждения населения к исполнению ваххабитских постулатов – так называемые комитеты дозволения добра и воспреещения зла, которые действуют практически во всех населенных пунктах королевства, основываясь на конституционной норме, согласно которой «государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама» (ст. 23 «Основ системы власти»).

Следует отметить, что исламская составляющая арабских стран, особенно всех монархий Персидского залива, не ограничивается пределами

государственных институтов, а проявляется и в том, что власти содействуют закреплению исламской морали, культуры, этики в массовом сознании и поведении. Причем такая обязанность государства предусмотрена конституциями этих стран. Исламское самосознание культивируется прежде всего в семейной ячейке и общеобразовательных структурах. Так, ст. 9 «Основ системы власти» Саудовской Аравии гласит: «Основой саудовского общества является семья. Ее члены должны воспитываться на основе исламской веры, прежде всего – преданности и повиновения Всевышнему Аллаху и Его Пророку, уважать законы и выполнять их, любить и ценить свое Отечество и его славную историю». Эта статья вводит безальтернативную жесткую норму, обязывая семью строить свою жизнь на основе исключительно исламской веры. Столь же императивный характер носит статья, касающаяся вопросов образования в королевстве: «Цель обучения – привить подрастающему поколению принципы исламской веры».

Важнейшей составляющей частью общественного сознания и государства исламский фактор является и во всех остальных монархиях Персидского залива, хотя здесь он не носит столь категоричного характера, как в Саудовской Аравии. Ислам в этих странах также провозглашается государственной религией, однако ст. 35 конституции Кувейта предусматривает «полную свободу вероисповедания». Статья 17 конституции Омана 1996 г. устанавливает равенство всех граждан перед законом, при этом запрещается дискриминация по принципам «происхождения, языка, цвета кожи, религии, социального статуса», а ст. 28 предусматривает свободу осуществления религиозных верований «в соответствии с установившимися традициями при условии соблюдения общественного порядка и признанных норм поведения».

Статья 22 конституции Бахрейна гласит: «Государство гарантирует неприкосновенность веры, свободу изъявления религиозных чувств, неприкосновенность мест отправления культов, а также свободу соблюдения религиозных ритуалов и участия в религиозных процессиях и собраниях в соответствии с существующими в стране обычаями», а ст. 18 провозглашает, что «все люди в равной степени пользуются уважением, и все граждане равны перед законом в вопросах, касающихся их предусмотренных законом прав и обязанностей, без какой-либо дискриминации по признакам расы, происхождения, языка, религии или убеждений». При этом использование средств правовой защиты – одно из публичных прав, гарантируемых конституцией Бахрейна всем гражданам. Судебная власть в Бахрейне, являющаяся одной из трех государственных властей, оговаривается в ст. 101-103 конституции, согласно которым служба в судебных органах рассматривается в качестве почетной деятельности; безупречное функционирование судебной системы, а также честность и беспристрастность судей лежит в основе правления и является гарантией защиты прав и свобод, и судьи не подчиняются никаким другим органам власти. Закон Бахрейна гарантирует независимость судей и предусматривает гарантии, касающиеся отправления правосудия, в процессе осуществления которого не допускается никако-

го вмешательства. Закон регулирует публичное преследование, определяет правовые функции религиозных старейшин, полномочных издавать фетвы (постановления по вопросам, касающимся исламских законов), промульгирование законов, представительство государства в судебной системе и определяет лиц, осуществляющих эти функции.

Закон также регулирует деятельность адвокатов. Конституция гласит, что судебные слушания должны быть открытыми и могут проводиться при закрытых дверях лишь в исключительных случаях, оговоренных законом. Декрет-закон № 13 от 1971 г., касающийся организации судебной системы, предусматривает независимость судей и определяет порядок их назначения и иммунитет. Бахрейн принял также Гражданско-процессуальный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс. Согласно положениям этих кодексов, все бахрейнцы и иностранцы имеют право обращаться в суды с целью восстановления прав. Они не предусматривают никаких различий между бахрейнцами и лицами других национальностей в том, что касается обращения и процедурных вопросов.

В законе предусмотрены три уровня судов: суды первой инстанции (нижестоящие и вышестоящие суды и суды, занимающиеся вопросами правоприменения), вышестоящие гражданские апелляционные суды и Кассационный суд. Суды подразделяются на две категории: гражданские суды, компетентные рассматривать гражданские и уголовные дела, и шариатские суды, принимающие решения по вопросам, касающимся личного статуса. Шариатские суды, имеющие отделения по делам суннитов и джафаритов, компетентны рассматривать дела, касающиеся брака, развода, наследования, попечительства над детьми и т.д. Суды принимают решения по вопросам, касающимся личного статуса, в соответствии с нормами той исламской правовой школы, к которой принадлежит истец, что согласуется с закрепленным в конституции принципом свободы религии. Споры между мусульманами рассматриваются шариатскими судами, а споры между представителями других религий – гражданскими судами.

В статьях конституций монархий Персидского залива, касающихся семьи и общества, в отличие от Саудовской Аравии, отсутствуют императивные предписания исповедовать ислам. В основном в конституциях этих стран содержится единая формулировка: «Семья – основа общества, ее опора – религия». Так, ст. 5 конституции Бахрейна гласит: «Семья, сплоченность которой достигается благодаря религии, нормам морали и патриотизму, является основной ячейкой общества. Закон обеспечивает защиту семьи, содействует упрочению семейных связей и ценностей, а также обеспечивает защиту матери и ребенка. Закон также создает условия для благополучия подрастающего поколения, защиты его от эксплуатации и предотвращает возникновение ситуаций, когда дети остаются без присмотра, что неблагоприятно сказывается на их физическом и нравственном развитии. Государство обязано уделять особое внимание физическому, нравственному и умственному развитию молодежи». В ст. 7 Временной конституции Катара также говорится, что «религия служит опорой се-

мы». А конституция Омана не содержит конкретных религиозных предписаний в отношении семьи, говорится только об усилиях государства по защите «правовой структуры семьи, усилении ее внутренних связей и традиционных ценностей» (ст. 12).

Ничего не говорится и о религиозном характере обучения в конституциях Кувейта, ОАЭ и Омана, однако факт признания ислама государственной религией предполагает включение в учебные программы исламоведения. Исламский характер обучения сохраняется в качестве нормы в конституциях Бахрейна и Катара. Статья 7 конституции Бахрейна предусматривает «исламское воспитание» на всех этапах и во всех видах образования; ст. 8 конституции Катара предусматривает воспитание «гордости исламо-арабским наследием». Конституция Омана закрепляет за образованием только следующие основные цели: «поднимать и развивать общий культурный уровень граждан, обеспечивать научное мышление, дух равенства, способствовать выполнению социально-экономических планов развития общества и воспитывать здоровое в моральном и физическом отношении поколение» (ст. 13). Предписания об исламском характере воспитания и образования реализуются через правительственные структуры – министерства просвещения и образования.

Что касается шариата, то конституции Кувейта (ст. 2), Бахрейна (ст. 2), ОАЭ (ст. 7), Омана (ст. 2) декларируют, что это «главный», «фундаментальный» источник законодательства, что означает возможность существования и других источников. Следует отметить, что в этих странах государство регулирует деятельность исламских учреждений через существующие министерства вакуфов и исламских дел.

Одно из проявлений действия религиозного фактора в арабских монархиях – запрет деятельности политических партий, подрывающих единство мусульманской общины (уммы).

Конституционное регулирование ислама в основных законах других арабских стран также происходит по нескольким направлениям. Прежде всего, все конституции арабских стран провозглашают ислам государственной религией. Исключение составляет Ливан, где насчитывается в настоящее время 17 основных религиозных общин, а главными религиями считаются ислам и христианство. Довольно осторожная формулировка содержится и в конституции Судана 1998 г., согласно которой «Государство Судан является страной расовой и культурной гармонии и религиозной терпимости. Ислам является религией большинства населения, а христианство и традиционные религии имеют большое распространение» (ст. 1).

Многие арабские конституции связывают религиозный принцип с правовым статусом личности. Например, в конституции Туниса 1991 г. государство гарантирует гражданам «свободу совести и отправление религиозных обрядов при условии ненарушения публичного порядка». Такие же статьи существуют и в конституциях Сирии (ст. 35), Египта (ст. 46), Ливии (ст. 2), Ирака (ст. 25) и др. Статья 24 конституции Судана гласит: «Каждый имеет

право на свободу совести и право демонстрировать и распространять свою религию или веру в обучении, на службе или повседневной жизни. Никто не может быть принужден верить в учение, в которое он не верит или выполнять ритуалы, которые он добровольно не принимает. Это право должно осуществляться таким образом, чтобы не нанести вред общественному порядку или чувствам других, и в соответствии с законом».

При этом в некоторых арабских странах конституционные положения, в том числе и в отношении вопросов вероисповедания, дополняются статьями Уголовного кодекса и других законов. Например, согласно положениям ст. 307 Уголовного кодекса Сирии, любое действие или письменное, или устное заявление, которое имеет своей целью или своими последствиями разжигание религиозной или расовой вражды или ненависти среди различных общин и слоев общества, квалифицируется как преступление, наказуемое лишением свободы сроком от шести месяцев до двух лет, а также штрафом в размере до 200 фунтов и лишением права занимать государственные должности и быть избранным.

В некоторых странах (Марокко, Ливия, Иордания, Египет и др.) до настоящего времени действуют правовые нормы мусульманского законодательства, а основным источником права считается Коран. Многие конституции прямо подчеркивают, что законодательство страны должно базироваться на принципах ислама. «Ислам является государственной религией, а исламская правовая система представляет собой главный источник законодательства», – говорится в конституции Йемена 1991 г. (ст. 2). В статье 55 конституции Судана устанавливаются следующие источники законодательства: «Исламское право и консенсус, выраженный нацией в ходе референдума, Конституция и обычай».

Конституция Египта 1971 г. исходит из признания особой роли ислама в общественном развитии. Следование законам шариата – не только религиозная и моральная, но и правовая обязанность граждан-мусульман. Ислам – государственная религия, принципы мусульманского права – главный источник законодательства (ст. 2), определенные государственные структуры (Консультативный совет) строятся с учетом исламских традиций. Некоторые формулировки конституции отражают господствующее в Египте исламское правосознание. Так, говорится о праве граждан обращаться к властям, но не от имени какой-либо неорганизованной группы, а только лично, о координации обязанностей женщины по отношению к семье и обществу, не нарушая норм шариата, и т.д. Несмотря на то что политические права представлены в конституции Египта в полном объеме, тем не менее, имеются оговорки, что их использование должно соответствовать моральным принципам. На основе закона 1980 г. о защите ценностей от порока руководящие должности запрещается занимать лицам, отрицающим «божественные законы» (т.е. заповеди Аллаха).

В Ливии ислам провозглашается государственной религией, основой законодательства считается шариат. В «Декларации об установлении власти народа», принятой в 1977 г., в ст. 2 провозглашается, что «Свя-

щенный Коран является Конституцией Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии». Здесь следует отметить, что религиозный фактор всегда играл традиционно важную роль в деятельности ливийского государственного механизма. Ливийский монарх был главой ордена сенуситов (примерно 30% ливийских мусульман – приверженцы учения ордена сенуситов). В период монархии многие улемы получили важные посты в провинциальных правительствах и органах правосудия. Пришедшее к власти в 1969 г. руководство страны во главе с М.Каддафи при формировании системы государственных органов особый акцент также делало на их исламском характере. В «Зеленой книге» М.Каддафи сказано: «Религия, включающая обычай, есть утверждение естественного закона. Законы, не базирующиеся на религии и обычае, специально создаются человеком против человека и в силу этого неправомерны, поскольку они не основываются на естественном источнике – обычае и религии». Ислам в Ливии (как и во многих других арабских республиках) служил связующим звеном между самыми различными группами населения (городского, сельского, кочевого, оседлого). В условиях отсталого общества, при размытости классовых границ обращение к исламу использовалось ливийскими руководителями как средство сплочения ливийцев. Поэтому мусульманский принцип «шурá» (принцип совещания, консультации) объявляется М.Каддафи «основой деятельности народных конгрессов».

Конституция Мавритании 1991 г. провозглашает ислам «религией народа и государства» (ст. 5), а само государство характеризует как «подлинно демократическую и социальную исламскую республику». В преамбуле конституции Алжира 1996 г. подчеркиваются исторические ценности ислама и его неотъемлемая связь с национально-освободительной борьбой алжирского народа. Алжир провозглашается «землей ислама», а ст. 9 конституции прямо запрещает в государственных учреждениях практику, «противоречащую исламской морали». Что касается Судана, то ст. 18, закрепляющая принципы религии, предписывает мусульманам, работающим в государственных и общественных органах и организациях, уважать и защищать «принципы Корана, а все остальные люди должны защищать религиозные принципы и отражать их в своей повседневной деятельности при выполнении своих обязанностей в сфере экономики, политики, социальной и культурной жизни страны для достижения принципов социальной справедливости и спасения в царстве Бога».

Одно из важнейших направлений закрепления ислама в основных законах государств – это его декларирование в качестве основы деятельности высших органов государственной власти и управления страны. В первую очередь, это относится к важнейшему институту всей государственной системы – главе государства (монарху или президенту), для которого условием для занятия поста главы государства, по мусульманской теории, является его мусульманское вероисповедание. Это требование шариата закрепляют почти все конституции арабских государств. Исключение составляет конституция Ливана, где действие государственного

механизма усложняется существующей в этой стране конфессиональной системой, связанной с необычайно пестрым религиозным составом населения. Крупнейшие общины страны составляют марониты (арабы-католики), а также православные, сунниты, шииты, друзы, греко-католики. В арабских странах было несколько примеров организации органов власти на конфессиональной основе. Например, в Сирии и Ираке до 50-х годов в палату депутатов избиралось определенное число представителей от различных религиозных общин. В Ираке шесть мест резервировалось за христианами. В Сирии, согласно избирательному закону 1949 г., в палату депутатов избиралось 86 мусульман, 15 христиан, один иудей и шесть представителей бедуинских племен. Но классический образец сохранения конфессиональной системы, которая действует до сих пор, – Ливан.

Общие принципы построения государственной системы Ливана были сформулированы еще в период французского мандата. Тогда по переписи населения, которая проводилась в 1932 г., христиане составляли большую часть населения, примерно 52%, а мусульмане – 48%. Поскольку христианская часть преобладала, а между Францией и ливанскими христианами (в особенности маронитами) исторически сложились более тесные отношения, держава-мандатарий стремилась создать привилегии именно для этой части населения, чтобы в дальнейшем сохранить возможность своего влияния на Ливан, его внутреннюю и внешнюю политику. Ливанские христиане, в большинстве своем представители крупной буржуазии, со своей стороны поддерживали конфессиональный принцип построения государства, опасаясь влияния Сирии, Иордании и других мусульманских стран этого района. Они считали конфессиональную основу ливанского государства своеобразной гарантией безопасности своих интересов. Конфессиональный принцип закреплен как в ливанской конституции 1926 г. (ст. 95 предусматривает, что должно быть обеспечено «справедливое» представительство общин в правительственном и государственном аппарате), так и в Национальном пакте 1943 г. (устном «джентльменском» соглашении между первым президентом республики Бишаром аль-Хури, христианином-маронитом по вероисповеданию, и ее первым премьер-министром Риядом Сольхом, мусульманином-суннитом), ставшем на практике неписаной частью конституции Ливана. Согласно этому, была утверждена определенная пропорция представительства в государственном аппарате от различных религиозных общин. Наиболее важный пост президента, обладающего широкими конституционными полномочиями, отдавался крупной христианской общине – маронитам, пост премьер-министра – суннитам, председателя парламента – шиитам, посты заместителей премьер-министра и председателя парламента – православным. Соответствующее соотношение было установлено для представительства религиозных общин в парламенте, правительстве, министерствах и ведомствах. (Ливанский ученый Риск даже ввел специальный термин для характеристики государственного строя этой страны – «конфессиональный парламентаризм»).

Необходимость принадлежности к мусульманской вере главы государства в других арабских странах исламские юристы обуславливают тем, что последнему принадлежит право принятия окончательных властных решений, которые должны соответствовать догмам ислама. Это требование не может быть выполнено, по их мнению, иноверцем в силу отсутствия у него соответствующего внутреннего убеждения.

Конституции Сирии (ст. 2), Мавритании (ст. 23), Алжира (ст. 73), Туниса (ст. 40) и других стран в качестве обязательного требования к кандидату на пост президента декларируют необходимость быть мусульманином. Кроме того, обязательное условие при вступлении в должность главы государства – принесение официальной присяги «во имя Аллаха Всемогущего и Милосердного» добросовестно исполнять свои обязанности, защищать конституцию, гарантировать права и свободы граждан и т.д. Официальный текст присяги, как правило, закрепляется специальной статьей конституции.

Что касается всех других высших государственных постов, то их занятие, согласно мусульманской доктрине, не обуславливается религиозным цензом. Известно, что еще в период халифата посты везиров и губернаторов предоставлялись и немусульманам. Однако современное законодательство в ряде случаев отходит от этой практики. Обычно и члены правительства большинства стран также должны приносить присягу, аналогичную президентской, но уже перед главой государства. Так, ст. 59 конституции Ирака 1990 г. прямо предусматривает принесение обязательной присяги «во имя Аллаха» не только президентом и вице-президентом, но и всеми членами кабинета министров. Такую же присягу приносят председатель Совета министров, его заместитель, министры и их заместители, согласно конституции Сирии (ст. 116). Депутаты Национального собрания Египта (ст. 90), приступая к исполнению своих обязанностей, также приносят следующую присягу: «Клянусь Всемогущим Аллахом, что буду честно охранять целостность Родины и защищать республиканский строй, заботиться об интересах народа, уважать Конституцию и закон».

При наличии сверхмощного института главы государства во всех арабских странах, фактически определяющего все направление политико-государственного развития страны и полное подчинение ему правительства и других высших государственных органов, становится бесспорным, что конституционное закрепление принадлежности главы государства исламской религии прямо определяет и подчинение ему всех подконтрольных органов власти.

Еще один важнейший способ конституционного закрепления статуса ислама – это принцип установления конституциями многих арабских государств (в том числе и республик) специальных консультативно-согласительных органов (обычно при главе государства), сформированных исключительно на традиционных принципах ислама. В самом названии этот орган характеризуется как «исламский». Так, конституция Алжира (ст. 171) предусматривает создание Высшего исламского совета при президенте республики в обязанности которого входит: «способствовать и поощрять

развитие иджихада; высказывать свое мнение по вопросам, переданным ему на рассмотрение президентом, с точки зрения их соответствия религиозным предписаниям; представлять президенту регулярный отчет о своей деятельности». Высший исламский совет в Алжире состоит из пятнадцати членов, а его председатель назначается президентом (ст. 172).

Консультативный совет с аналогичными функциями действует и в Египте.

Конституция Мавритании 1991 г. также устанавливает в качестве важнейшего консультативного органа при президенте страны Высший исламский совет в составе пяти членов, персонально назначаемых президентом. Совет, который проводит свои заседания по требованию президента, обязан сформулировать свое мнение по любым вопросам, запрашиваемым президентом. При этом значение Высшего исламского совета более весомо по сравнению даже с Экономическим и Социальным советами и другими консультативными органами при президенте.

В большинстве арабских стран действуют шариатские суды. Прежде всего это, конечно, касается монархий Персидского залива, где сфера деятельности этих судов охватывает всю сферу личного и семейного права, напрямую вытекающего из основополагающих источников ислама, хотя в настоящее время можно говорить о том, что в таких странах, как Катар, Бахрейн, ОАЭ и Оман, наблюдается тенденция к складыванию дуалистической системы, состоящей из шариатских и светских судов. Например, в Катаре, помимо исламского религиозного суда, рассматривающего дела, связанные с личным статусом граждан, существуют и муниципальные суды, к ведению которых относится довольно широкий круг правонарушений и преступлений. Наряду с шариатскими судами прочно утвердились гражданские суды и на Бахрейне. В 1993 г. Федеральный высший суд ОАЭ принял решение относительно того, что наказания, предписываемые шариатским судом, не должны применяться к немусульманам, которые подпадают под юрисдикцию гражданского и уголовного кодексов.

Суды в Сирии по вопросам личного статуса, рассматривающие вопросы брака и семьи, наследования, опеки, правоспособности, содержания детей и т.д., подразделяются на шариатские суды, суд для друзов, а также специальные суды для представителей немусульманских общин – католиков, протестантов, православных и последователей иудаизма. Все эти судебные органы применяют правовые нормы, принятые в соответствующей религиозной общине.

Еще одно важнейшее направление конституционного регулирования ислама – своеобразное закрепление системы прав и свобод граждан, основанных на главных постулатах государственной религии. Прежде всего это касается принципа равенства граждан. Конституции арабских стран в разделах, касающихся основных прав и обязанностей граждан, декларируют право любого гражданина государства на участие в политической, экономической, культурной и религиозной жизни государства. Один из

важнейших принципов конституционно-правового статуса личности – принцип равенства, который в контексте арабских конституций занимает ведущее место и толкуется прежде всего как равенство граждан перед законом. Декларируется, что граждане равны в своих публичных правах и обязанностях. Между ними не должно быть дискриминации по признакам пола, цвета кожи, этнического происхождения, языка, рода занятий, социального положения или религии (ст. 27 конституции Йемена). Некоторые конституции уточняют, что граждане равны в гражданских и политических правах, равно как и обязанностях без каких-либо различий (ст. 7 конституции Ливана), а конституция Мавритании даже в преамбуле декларирует право граждан на равенство. Конституция Иордании более сдержанно декларирует равенство иорданцев перед законом. Говорится (ст. 6), что не должно быть дискриминации относительно их прав и обязанностей по основаниям пола, языка или религии. Конституция Кувейта также несколько ограниченно трактует принцип равенства, не распространяя его только на граждан, а декларирует, что «все люди равны в своем человеческом достоинстве, а также в публичных правах и обязанностях перед законом без дискриминации по признакам расы, происхождения, языка или религии» (ст. 29). Конституция Сирии подчеркивает принцип равенства перед законом для граждан. Они равны в своих правах и обязанностях, и при этом государство обеспечивает для них принцип равных возможностей. Этот же принцип (равных возможностей) гарантируется для всех граждан в соответствии с законом и конституцией Ирака (ст. 19).

Однако признание особой роли ислама в общественном развитии накладывает определенную специфику на международные стандарты равноправия, в результате чего на практике наблюдается определенный отход от этих позиций, особенно это касается положения женщины. При бракоразводных процессах используется мусульманское законодательство. Так, развод считается состоявшимся, если муж трижды повторит формулу «инта талак» – «ты разведена», и суд в таком случае оформляет акт развода. Дети, как правило, остаются с отцом, если он сам не пожелает отдать их матери. Женщина может требовать развода только в том случае, если муж не может «выполнять свои супружеские обязанности». В эту формулировку включается также отказ или невозможность содержать жену.

Здесь следует отметить, что поистине флагманская роль в делеощрения прав женщин в арабских странах принадлежит Тунису. Сразу после провозглашения независимости в 1956 г. был принят Кодекс законов о личном статусе, который, в частности, упразднил полигамию, запретил принудительные браки, установил судебную процедуру развода и положил конец практике одностороннего расторжения брака. Был проведен пересмотр целого ряда законодательных положений, касающихся прав женщин, в интересах обеспечения большего равенства между мужчинами и женщинами и для усиления роли и влияния женщины в тунисском обществе. Было создано Министерство по делам женщин и семьи. Кроме того, были приняты конкретные меры, в частности, в целях организации школь-

ного обучения для женщин, и в 1991 г. был сформирован отдельный правительственный орган – Центр научных исследований, документации и информации в интересах женщин (ЦНИДИЖ). По данным этой организации, в нынешнем составе правительства насчитывается четыре женщины-министра; имеется также три женщины-посла и 21 женщина-депутат. В 1991 г. в Тунисе был создан еще один важный орган, призванный защищать и гарантировать права человека на национальном уровне – Высший комитет по правам человека и основным свободам, который является консультативным органом при президенте страны. Этот комитет, члены которого назначаются президентским указом, оказывает содействие президенту, предоставляя ему, в частности, свои заключения по вопросам прав человека и проводя исследования в данной области. Этот орган может также принимать жалобы частных лиц в отношении нарушений в области прав человека. А в октябре 1997 г. было создано специальное министерство, занимающееся исключительно правами человека, проблемами коммуникаций и связями с парламентом.

Значительным влиянием религии на конституции арабских стран объясняется и то большое значение, которое эти конституции придают семье и религиозному воспитанию. Конституция Ливии (ст. 3), Египта (ст. 9) и других стран провозглашают семью ячейкой общества, которая базируется на «религии, морали и патриотизме». А ст. 11 конституции Египта гарантирует женщине «сочетание ее обязанностей в семье с общественным трудом, рассматривая ее равной мужчине в политической, социальной, культурной и экономической сферах в соответствии с нормами мусульманского права». Статья 19 провозглашает религиозное воспитание «главным предметом в программах государственного образования».

А само образование предусматривает создание систем различных школ, общеобразовательных и культурных учреждений. При этом государство обязано проявлять особую заботу о молодежи, обеспечивая ей «религиозное, умственное и физическое образование и создавая соответствующие условия для развития ее способностей во всех областях общественной жизни» (ст. 37 конституции Йемена 1991 г.).

Таким образом, совершенно очевидно, что в арабских странах правовая регламентация ислама поднята на конституционный уровень, т.е. ему придан статус одного из важнейших конституционных принципов. И хотя различные конституции в неодинаковой степени закрепляют этот принцип, тем не менее, сам факт довольно объемного конституционного закрепления ислама прямо оказывает самое серьезное воздействие на политико-правовой статус личности, систему государственных органов, положение главы государства и других представителей высших органов власти и государственного аппарата. В силу своего конституционного и фактического положения ислам продолжает оказывать решающее воздействие на всю систему образования и воспитания, а также на семейные отношения и на положение женщины в обществе.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН
В ОТНОШЕНИИ ИРАКА**

Режим экономических санкций, установленный Советом Безопасности ООН в отношении Ирака, сохраняется уже в течение 10 лет. За это время он практически не изменился, а вопрос о его отмене стал одним из наиболее острых вопросов современной международной жизни.

Санкции в отношении Ирака представляют собой своеобразный «водораздел» в практике применения ст. 41 Устава ООН. До кризиса в Персидском заливе 1990-1991 гг. Совет Безопасности применял экономические санкции только в 1966 и 1968 гг. против Южной Родезии и в 1977 г. против ЮАР. А после установления санкционного режима в отношении Ирака случаи обращения СБ к использованию принудительных мер невоенного характера участились – ст. 41 применялась в отношении Югославии, Сомали, Ливии, Гаити, Анголы, Руанды, Либерии, Судана и Сьерра-Леоне. Особенность экономических санкций против Ирака – их всеобъемлющий характер.

В настоящее время достаточно отчетливо прослеживается тенденция все более частого применения принудительных мер невоенного характера по главе VII Устава. Интерес к ним в будущем, очевидно, возрастает, поскольку они рассматриваются как достаточно эффективное средство воздействия на государства. При условии их осуществления в строгом соответствии с нормами международного права они могут оптимальным образом служить целям поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Однако, как показывает практика, в ходе применения принудительных мер происходят различные отклонения от предписаний Устава, наблюдаются явные несоответствия между декларируемыми целями санкций и действиями, предпринимаемыми отдельными государствами в рамках санкционного режима.

Для более правильного понимания затронутой в статье проблематики необходимо уже в самом начале сделать несколько замечаний, делающих позицию автора более ясной. Дело в том, что в самом Уставе ООН отсутствует понятие санкций. Речь в Уставе (гл. VII) идет о принудительных мерах, имеющих четко определенное назначение, – они применяются для обеспечения выполнения решений СБ, касающихся поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Многие юристы склонны отождествлять принудительные меры по гл. VII Устава и международные санкции. Между тем эти понятия не являются идентичными. Принудительные меры не должны быть обязательно санкциями. Послед-

ние всегда ассоциируются с ответственностью, они применяются в ответ на противоправные действия (деликты). Характерным для них является то, что они применяются после того, как определенное государство нарушит лежащее на нем международно-правовое обязательство или норму международного права, и являются ответом на это нарушение. В этом смысле санкциями нельзя назвать, например, превентивные или обеспечительные меры. С другой стороны, меры, предпринимаемые СБ в случае совершения каким-либо государством акта агрессии, будут носить ярко выраженный характер санкций (здесь следует заметить, что действия Ирака в отношении Кувейта ни в одной из резолюций СБ не были прямо названы агрессией). Поэтому, строго говоря, меры, применяемые к Ираку в настоящее время под предлогом угрозы миру, исходящей якобы от иракского оружия массового поражения, после того как Ирак вывел свои войска из Кувейта и признал политическую независимость последнего, не могут применяться как санкции. Это особенно важно потому, что санкции несут в себе значительную «штрафную составляющую» и предполагают более суровый режим, нежели меры превентивного характера.

Оформление режима санкций и механизм их осуществления

К концу сентября 1990 г. резолюциями 661, 665 и 670 Совета Безопасности ООН в целом был оформлен режим экономических санкций в отношении Ирака. Он был распространен не только на торговые, но и на финансовые потоки. Запреты также касались воздушных сообщений. Это, с учетом «гуманитарной оговорки», позволяет характеризовать санкции против Ирака как всеобъемлющие. По общему признанию, подобные меры – один из наиболее жестких механизмов воздействия на поведение государства-делинквента.

Следующим шагом СБ стало принятие резолюции 678. В преамбуле этой резолюции было отмечено, что, несмотря на все усилия ООН, Ирак отказывается выполнить требования резолюции 660 и последующих резолюций, проявляя грубое неуважение к Совету Безопасности. Предоставив Ираку в качестве паузы доброй воли последнюю возможность полностью выполнить соответствующие резолюции, СБ уполномочил государства – члены ООН, сотрудничающие с правительством Кувейта, если Ирак на 15 января 1991 г. или до этой даты не выполнит требования СБ, использовать все необходимые средства, чтобы восстановить суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость Кувейта¹.

Ирак не выполнил требований Совета Безопасности, и 16 января 1991 г. войска коалиции во главе с США начали наступательные военные действия, которые продолжались до 28 февраля. В результате этой непродолжительной войны Ирак был вынужден оставить Кувейт и принять на себя обязательство выполнять резолюцию 660 и все другие относящиеся к нему резолюции. По вопросам о ходе военной операции, ее международной легитимности и последствиях существует обширная литература². Это, однако, выходит за рамки рассматриваемых в статье вопросов. Здесь можно лишь отметить следующее. Тот факт, что Совет Безопасности действовал достаточно быстро,

принимая резолюции 665 и 678, в то время как ему, возможно, следовало бы дожидаться, пока экономические санкции, установленные резолюцией 661, окажут свое воздействие на Ирак, не стоит расценивать как свидетельство «особой приверженности» СБ силовому разрешению кризиса. Последовательность событий в случае с Ираком и Кувейтом наглядно демонстрирует, что СБ не раз давал Ираку возможность исправить ситуацию и прекратить агрессивные действия в отношении Кувейта, перед тем как принять очередное решение о применении мер, предусмотренных гл. VII Устава. При этом каждое такое решение принималось только тогда, когда было совершенно ясно, что Ирак не намерен подчиниться требованиям СБ.

После окончания военной операции экономические санкции были сохранены, при этом условием их смягчения или отмены стало выполнение Ираком целого ряда новых требований СБ, связанных с послекризисным урегулированием, в том числе в сфере разоружения.

В то же время в резолюции 687 от 3 апреля 1991 г., определившей основы послекризисного урегулирования, была установлена новая категория исключенных из-под действия режима санкций товаров, а именно тех, которые направлены на удовлетворение основных гражданских потребностей населения Ирака и не входят в список уже имеющихся исключений (продукты питания и медикаменты).

Особым образом в резолюции (пункт 24) был оформлен запрет на продажу Ираку вооружения и военных материалов всех видов, запасных частей и компонентов военного оборудования и средств их производства, а также на предоставление персонала или материалов для служб подготовки кадров или технического обслуживания, связанных с проектированием, разработкой, производством, использованием и поддержанием в исправном состоянии указанных средств.

Совет Безопасности в пункте 21 раздела «F» резолюции 687 постановил, что пересмотр запретов, установленных резолюциями 661, 665 и 670, должен осуществляться каждые 60 дней в свете политики и практики правительства Ирака, включая выполнение всех соответствующих резолюций СБ, для определения того, следует ли уменьшить или снять упомянутые запреты³.

Двойственный характер санкций

В случае с Ираком в рамках одних и тех же действий слились две основные функции санкций: правосстановительная и штрафная. Санкции одновременно стали средством обеспечения выполнения Ираком требований Совета Безопасности и формой ответственности этого государства по международному праву, которая в свою очередь, как отмечает В.А.Василенко, может приводить к ограничению международной правосубъектности агрессивного государства, например, к временному ограничению его суверенитета⁴. При этом принцип соразмерности репрессалий не распространяется на санкции, которые, по существу, могут представлять собой форму наказания субъекта, совершившего международное преступление. Наличие в данном случае у ответственности штрафной

функции не противоречит одному из основных принципов международного права – принципу суверенного равенства государств. «Напротив, – пишет Ю.А.Решетов, – заложенная в самой основе института ответственности идея возложения на государство-правонарушителя негативных последствий и лишений является гарантией поддержания международного правопорядка и нормальных отношений государств в соответствии с принципами и нормами международного права»⁵.

В то же время такая «штрафная составляющая» санкций во многом усложняет принятие решений, касающихся определения судьбы конкретного санкционного режима. Это отчетливо проявилось в случае с Ираком.

Участие государств в осуществлении санкций

Меры, указанные в ст. 41 Устава, предпринимаются государствами по решению Совета Безопасности, действующего от имени всех членов ООН (п. 1 ст. 24 Устава), и обязательны для них (ст. 25). Резолюции СБ о применении принудительных мер носят, безусловно, характер решений, а не рекомендаций. Общеизвестно, что в условиях угрозы миру или его нарушения СБ должен быть не «органом пожеланий», а «органом действий»⁶. Как заметили Л.Гудрич и Э.Хамбро, «основной принцип положений Устава ООН, относящихся к безопасности, отличающий его от Устава Лиги Наций, был бы сведен к нулю, если бы после того, как Совет Безопасности вынес решение о применении мер, не связанных с использованием вооруженных сил, членам Организации была оставлена свобода действий в отношении того, выполнять им эти меры или нет»⁷. Очевидно, что международные санкции могут быть эффективны только при условии, что все государства добросовестно принимают участие в их осуществлении.

Согласно п. 1 ст. 48 Устава, «действия, которые требуются для выполнения решений Совета Безопасности в целях поддержания международного мира и безопасности, предпринимаются всеми Членами Организации или некоторыми из них, в зависимости от того, как это определит Совет Безопасности». В п. 5 резолюции 661 СБ призвал все государства, в том числе государства, не являющиеся членами ООН, действовать в строгом соответствии с этой резолюцией, несмотря на какие бы то ни было контракты или лицензии, заключенные или предоставленные до ее принятия.

При участии государств в осуществлении санкций особую значимость приобретает ст. 103 Устава ООН, в соответствии с которой обязательства государств по Уставу имеют преимущественную силу по сравнению с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению.

Комитет Совета Безопасности по санкциям: состав и компетенция

Принудительные меры, предусмотренные в гл. VII Устава, осуществляются под руководством Совета Безопасности. Руководящая роль этого органа в данном случае выражается в том, что он координирует действия

государств и контролирует их эффективность. Для выполнения этих функций СБ в соответствии со ст. 29 Устава может учреждать такие вспомогательные органы, какие сочтет необходимыми.

В случае с Ираком таким вспомогательным органом СБ стал Комитет по санкциям, сформированный согласно п. 6 резолюции 661 в составе всех членов СБ.

Задачи, возложенные на Комитет, были определены следующим образом:

1) рассматривать доклады о ходе осуществления резолюции 661, которые предоставляются Генеральным секретарем;

2) запрашивать от всех государств дальнейшую информацию относительно предпринятых ими действий, касающихся эффективного осуществления положений резолюции 661.

Ясно, что Комитет не является органом, отвечающим за принятие мер, предписанных СБ. Такая ответственность ложится в первую очередь на сами государства.

В ходе осуществления санкций круг задач, стоящих перед Комитетом, существенно расширился. Соответственно расширились и полномочия Комитета, необходимые для реализации принимаемых СБ резолюций. Так, помимо упомянутых выше, на Комитет были возложены следующие задачи:

- постоянно следить за положением с продовольствием в Ираке с целью определения того, возникли ли гуманитарные обстоятельства, о которых идет речь в резолюции 661 (резолюция 666 от 13 сентября 1990 г.)⁸;

- изучать просьбы о помощи, поступающие от государств в соответствии со ст. 50 Устава ООН (резолюция 669 от 24 сентября 1990 г.)⁹;

- контролировать финансовые операции, осуществляемые в рамках гуманитарных программ (резолюция 687 от 3 апреля 1991 г.)¹⁰.

Особую группу полномочий Комитета составляют полномочия, связанные с экспортом из Ирака нефти и нефтепродуктов для закупки товаров гуманитарного характера.

Программа «Нефть в обмен на продовольствие» и гуманитарная программа ООН в Ираке

Иракская сторона еще в августе 1990 г. обратилась к Совету Безопасности с просьбой разрешить Ираку экспорт нефти в количествах, необходимых для обеспечения элементарных нужд населения страны в медикаментах и продуктах питания. Тарик Азиз в своем письме Генеральному секретарю ООН от 13 августа 1990 г. задается вопросом: «Каким образом иракцы смогут приобретать продовольствие и медикаменты, когда они отрезаны от своего основного ресурса – нефти?»¹¹.

В Ираке 10-17 марта 1991 г. находилась миссия, возглавляемая заместителем Генерального секретаря ООН Мартти Ахтисаари. Задачей миссии, в состав которой вошли представители Секретариата ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, УВКБ, ФАО и ВОЗ, было выяснение гуманитарных потребностей иракского населения. В докладе Генеральному секретарю от

20 марта 1991 г. М.Ахтисаари охарактеризовал ситуацию в Ираке как «близкую к катастрофе», прогнозируя ее дальнейшее ухудшение¹².

Пытаясь разрешить проблему финансирования гуманитарных программ (а с самого начала предполагалось, что такое финансирование будет осуществлять сам Ирак), СБ принял резолюции 706 от 15 августа и 712 от 19 сентября 1991 г.

В резолюции 706 СБ уполномочил государства разрешать в течение шести месяцев со дня ее принятия импорт нефти и нефтепродуктов, произведенных в Ираке, в объеме, не превышающем 1,6 млрд. долл., для закупки Ираком продуктов питания, медикаментов и товаров, направленных на удовлетворение основных гражданских потребностей населения. При этом должны были быть соблюдены следующие условия:

1) согласие Комитета по санкциям на каждую закупку с предварительным его уведомлением со стороны соответствующего государства;

2) прямое перечисление покупателем в соответствующем государстве полной суммы платежа по каждой закупке на целевой счет, специально открытый ООН и находящийся под управлением Генерального секретаря;

3) утверждение Советом Безопасности после получения доклада Генерального секретаря схемы закупок продуктов питания, медикаментов, а также поставок для удовлетворения насущных потребностей гражданского населения;

4) контроль со стороны ООН с целью обеспечить справедливое распределение соответствующих товаров и удовлетворение гуманитарных потребностей во всех районах Ирака и среди всех слоев гражданского населения этой страны.

Кроме того, в резолюции было предусмотрено, что часть полученных в результате экспорта нефти и нефтепродуктов средств будет использована для покрытия расходов ООН в связи с осуществлением гуманитарной деятельности в Ираке, а выраженная в процентах доля стоимости экспортируемых из Ирака нефти и нефтепродуктов подлежит перечислению в специально учрежденный Компенсационный фонд¹³. В соответствии с рекомендациями Генерального секретаря Совет Безопасности установил, что такая доля не должна превышать 30% (об этом ниже)¹⁴.

В резолюции 712 СБ подтвердил положения резолюции 706 и предусмотрел возможность пересмотра упомянутой выше суммы на основе текущей оценки нужд и потребностей иракского населения. Важным следует также признать постановление СБ о том, что на нефть и нефтепродукты, подпадающие под действие резолюции 706, до тех пор, пока они находятся во владении Ирака, должен распространяться иммунитет от судебного вмешательства, и они не подлежат никакой форме наложения ареста или исполнительного производства. Все государства должны предпринимать действия, которые могут быть необходимы в соответствии с их национальным правом для обеспечения такой защиты¹⁵.

Ирак отказался выполнять резолюции 706 и 712, заявив, что он выполнил все обязательства, необходимые для отмены эмбарго, а установленный СБ режим экспорта нефти и нефтепродуктов – нарушение суверенитета Ирака над его природными ресурсами¹⁶. Схему, основополагающие идеи которой были разработаны еще в 1991 г. в резолюциях 706 и 712, Ирак принял только в мае 1996 г., когда был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ООН и правительством Ирака относительно осуществления резолюции 986 СБ от 14 апреля 1995 г. Сама резолюция содержит пересмотренную формулу «Нефть в обмен на продовольствие», а ее принятие вполне можно рассматривать как шаг в сторону смягчения нефтяного эмбарго.

Совет Безопасности предоставил государствам, несмотря на запреты, установленные в резолюции 661, право импортировать нефть и нефтепродукты иракского происхождения, а также осуществлять финансовые и иные необходимые операции, непосредственно связанные с импортом, в количестве, достаточном для получения Ираком суммы, не превышающей 1 млрд. долл. в период продолжительностью 90 дней. При этом был установлен 180-дневный срок действия резолюции с возможностью его продления. Условия, при выполнении которых разрешался импорт нефти и нефтепродуктов из Ирака, практически идентичны тем, что были установлены в резолюциях 706 и 712¹⁷. Они детализированы в Меморандуме, цель которого, как указано в самом документе, – эффективное осуществление резолюции 986. Очевидно, что согласие иракской стороны на участие в реализации положений этой резолюции объясняется не тем, что в Ираке стали по-иному оценивать сущность программы «Нефть в обмен на продовольствие». Этот шаг, скорее, был продиктован тем крайне тяжелым положением, в котором страна оказалась в результате последовательного применения в отношении нее всеобъемлющих экономических санкций в течение более чем пяти лет. Интересно, что и в резолюции 986, и в Меморандуме о взаимопонимании особым образом выделены пункты о том, что ничто в них не может истолковываться как посягательство на суверенитет Ирака. Однако при всей благовидности целей, провозглашенных в резолюции 986, ее содержание вполне можно истолковать как использование стечения тяжелых обстоятельств, в которых (хотя и по собственной вине) оказался Ирак. Эта формула, конечно же, более характерна для частного права, где сделка, совершенная вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для одной из сторон условиях, расценивается как кабальная и может быть признана судом недействительной со всеми вытекающими из этого последствиями.

Предметом особого внимания со стороны ООН при осуществлении программы «Нефть в обмен на продовольствие» стало обеспечение справедливого распределения среди иракского населения гуманитарных товаров, закупаемых на средства, полученные от продажи нефти и нефтепродуктов. Этому вопросу посвящены разделы II, VI и VII Меморандума о взаимопонимании. В нем предусмотрено, что правительство Ирака готовит

план распределения, подробно описывающий процедуры, которых должны придерживаться компетентные иракские власти при выполнении ими соответствующих задач. Такой план включает разбитый на категории перечень товаров и предметов снабжения, которые Ирак намерен закупить и импортировать в течение шести месяцев. План распределения представляется для утверждения Генеральному секретарю ООН. Если последний сочтет, что этот план обеспечивает справедливое распределение гуманитарных товаров в Ираке, он сообщает об этом правительству Ирака и направляет копию плана Комитету по санкциям в качестве информации. После вступления плана в действие каждая из сторон может предлагать другой стороне для рассмотрения то или иное изменение к этому плану, если она считает, что такая корректировка улучшит справедливое распределение гуманитарных товаров и обеспеченность ими населения. Распределение гуманитарных товаров осуществляет в соответствии с утвержденным планом правительство Ирака, которое обязано информировать персонал ООН, занимающийся наблюдением, о ходе выполнения плана и о конкретных осуществляемых правительственными учреждениями мероприятиях.

Таким образом, был установлен двойной контроль над справедливым распределением гуманитарных товаров в Ираке – предварительный на стадии утверждения плана распределения и текущий на стадии его выполнения. При этом персоналу ООН, использующему в своей работе всю доступную информацию, были предоставлены в связи с выполнением соответствующих функций неограниченная свобода передвижения, доступ к необходимым документам¹⁸. Кроме того, персонал ООН и специализированных учреждений, работающий в Ираке в связи с осуществлением гуманитарной программы, пользуется привилегиями и иммунитетами, применимыми к ним согласно Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г. и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 г. Это особенно важно в свете того, что программа «Нефть в обмен на продовольствие» в трех северных провинциях Ирака (Эрбиль, Дахук и Сулеймания) осуществляется силами ООН. Для более четкой координации деятельности, в которой участвуют многие специализированные учреждения и неправительственные организации, в октябре 1997 г. было создано Управление иракской программы ООН.

Предусматриваемая в резолюции 986 возможность продления ее действия на последующие периоды была реализована на практике. Совет Безопасности принял целый ряд резолюций (1111 от 4 июня 1997 г., 1143 от 4 декабря 1997 г., 1153 от 20 февраля 1998 г., 1175 от 19 июня 1998 г. и др.) в ходе осуществления программы «Нефть в обмен на продовольствие». При этом можно было наблюдать увеличение допустимой суммы закупок государствами иракской нефти, а также появление дополнительных разрешений. В частности, резолюция 1153 предусматривает выделение со спецсчета средств для совершения хаджа иракскими паломниками, а в резолюции 1175 содержится разрешение на экспорт в Ирак оборудо-

вания и запчастей, необходимых для увеличения добычи нефти и ее транспортировки (ранее в резолюции 986 Ираку было разрешено закупать детали и оборудование, необходимые для безопасной эксплуатации системы трубопровода Киркук-Юмурталык на его территории). В резолюции 1210 от 24 ноября 1998 г. был установлен общий максимум закупок государствами нефти и нефтепродуктов иракского происхождения на сумму 5,256 млрд. долл. на новый 180-дневный период.

Одна из основных проблем, стоящих на пути успешного осуществления программы «Нефть в обмен на продовольствие», – изменение конъюнктуры цен на мировом нефтяном рынке. Так, на фоне падения цен на нефть наблюдалось резкое сокращение доходов Ирака от реализации нефти и нефтепродуктов при одновременном увеличении объемов добычи. Необходимо учитывать, что нынешнее состояние нефтедобывающих мощностей и инфраструктуры в Ираке ограничивает объемы добычи, которые может освоить Ирак. В этой связи пришлось в экстренном порядке вносить изменения в план распределения гуманитарных товаров. Кроме того, 4 октября 1999 г. СБ принял резолюцию 1266, позволяющую Ираку в текущей фазе программы «Нефть в обмен на продовольствие» продать дополнительное количество нефти на сумму 3,040 млрд. долл. (общая сумма таким образом возросла до 8,296 млрд. долл.). Сейчас, когда цены на нефть значительно выросли, Ирак может использовать это в своих интересах. В резолюции 1281 от 10 декабря 1999 г. СБ продлил действие резолюции 986 на новый 180-дневный период.

Впрочем, анализ ситуации показывает, что никакого сколько-нибудь значительного движения в сторону обеспечения продовольственной безопасности иракского населения, минимального необходимого количества лекарств, а тем более преодоления поистине разрушительного воздействия санкций на иракское общество не может быть достигнуто до тех пор, пока режим санкций остается в силе. Резолюция 986 и последующие резолюции Совета Безопасности, принятые в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие», не дают адекватного решения сложившихся проблем.

Процедуры, принятые в деятельности Комитета по санкциям

В Комитете по санкциям были выработаны две процедуры выдачи разрешений на поставки товаров в Ирак – «путем уведомления» и «без возражений». Те товары, которые резолюция 661 (1990 г.) разрешала к ввозу в Ирак, т.е. медикаменты и продукты питания при гуманитарных обстоятельствах, требуют лишь уведомления. После принятия резолюции 687 (1991 г.), определившей основы посткризисного урегулирования, а также общие и конкретные обязательства Ирака, при исполнении которых возможна отмена установленных в отношении него запретов, появилась новая категория товаров, изъятых из-под действия санкционного режима – это товары, удовлетворяющие основные гражданские потребности иракского населения. Товары этой категории разрешаются к закупке и ввозу

только в том случае, если не возражает ни один из членов Комитета, решения которого в соответствии с Временным порядком его работы принимаются на основе консенсуса. Возражения некоторых членов Комитета выдвигались и выдвигаются на том основании, что ввоз тех или иных товаров не вызван гуманитарными обстоятельствами или что они не предназначены для гражданского потребления. В условиях, когда возражение какого-либо члена Комитета может блокировать разрешение на поставку, обоснованность выдвигаемых возражений всякий раз подлежит доказыванию. Особые сложности связаны с «товарами двойного назначения», т.е. с товарами, использование которых возможно не только в гражданской, но и военной сфере¹⁹. Чтобы обеспечить соблюдение запретов, связанных с ввозом таких товаров и оборудования, в резолюции 715 от 11 октября 1991 г. СБ предусмотрел создание специального механизма экспортно-импортного контроля²⁰. Такой механизм, предполагающий совместную деятельность Комитета по санкциям, спецкомиссии по разоружению Ирака (UNSCOM) и МАГАТЭ и активное участие государств, был разработан и утвержден в конце 1995 – начале 1996 гг., когда шла подготовка к началу реализации положений резолюции 986²¹.

Комитет при осуществлении своих функций может обращаться за содействием не только к государствам, не являющимся членами СБ, но и к организациям и отдельным физическим лицам, которые в свою очередь должны представлять Комитету соответствующую информацию.

О ходе своей работы Комитет в соответствии с резолюцией 661 докладывает СБ, сопровождая свои доклады замечаниями и рекомендациями. На основании этих докладов СБ решает вопрос о том, следует ли смягчить или отменить установленные запреты.

Место Генерального секретаря ООН в механизме осуществления санкций

На протяжении всей истории «иракского вопроса» можно наблюдать возрастающую активность Генерального секретаря ООН в сотрудничестве с Советом Безопасности. Как главное административное должностное лицо организации он может в пределах своих полномочий играть довольно-таки активную роль в разрешении тех или иных конфликтных ситуаций.

В случае с Ираком и Кувейтом СБ, опираясь на ст. 98 Устава, поручал Генеральному секретарю выполнение разнообразных и ответственных задач. Вот некоторые из них (в части, касающейся осуществления санкций):

1) предоставлять Комитету по санкциям на регулярной основе доклады о ходе осуществления резолюции 661;

2) запрашивать на постоянной основе у соответствующих учреждений ООН и других гуманитарных учреждений, а также из всех иных источников информацию о наличии продовольствия в Ираке, которая затем направляется Комитету по санкциям для определения того, возникли ли гуманитарные обстоятельства;

3) осуществлять управление целевым счетом, открытым в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие»;

4) содействовать поставке в Ирак гуманитарных товаров и их справедливому распределению среди иракского населения.

Кроме того, Генеральный секретарь ООН по просьбе СБ занимался разработкой предложений о конкретных способах и механизмах осуществления тех или иных положений соответствующих резолюций СБ. Интерес представляет доклад Генерального секретаря, подготовленный в соответствии с п. 26 раздела «F» резолюции 687. Он содержит предложения, разработанные Генеральным секретарем в сотрудничестве с правительствами государств и направленные на всестороннюю международную имплементацию положений резолюции 687 о запрете на поставки Ираку вооружения и военных материалов всех видов. Согласно этому документу, такая имплементация должна осуществляться на трех уровнях: государствами, международными организациями и путем межправительственного сотрудничества. Координация конкретных мероприятий и контроль над их эффективностью осуществляется Комитетом по санкциям, – органом, наблюдающим за исполнением указанных запретов и предписаний в соответствии с мандатом, предоставленным ему в резолюциях 661, 665 и 670²². Руководящие принципы осуществления военного эмбарго, предложенные Генеральным секретарем, были утверждены резолюцией 700 СБ от 17 июня 1991 г.²³

Соблюдение режима санкций

Как утверждает бывший Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали, согласно 18 докладам, представленным Комитетом по санкциям Совету Безопасности до конца 1995 г., в Комитет не поступала информация о нарушении режима санкций со стороны каких-либо государств или субъектов в пределах их национальной юрисдикции²⁴. Однако в последнее время участились сообщения о случаях задержания в Персидском заливе судов, перевозящих контрабандный груз в нарушение режима санкций, в том числе продукты питания без маркировки с печатью ООН. Так, в июле 1998 г. было задержано индийское судно, следовавшее из Ирака в ОАЭ, а в октябре 1999 г. три крупных судна, принадлежащих частным лицам в ОАЭ и загружавшихся в иракском порту Басра, были препровождены в один из кувейтских портов²⁵. Кроме того, есть серьезные основания полагать, что контрабандная иракская нефть, т.е. вывозимая вне рамок программы «Нефть в обмен на продовольствие», в значительных количествах поступает в Иорданию, с которой у Ирака наиболее тесные отношения и которая сталкивается с серьезными трудностями в результате применения в отношении Ирака экономических санкций.

Ежегодно проверке на предмет соблюдения установленных запретов подвергается значительное число судов, следующих в Ирак и из него. Такая проверка осуществляется, согласно резолюции 665, государствами, сотрудничающими с правительством Кувейта и по его просьбе направившими в район Персидского залива свои военно-морские силы. Фактически

патрулирование осуществляется главным образом силами США, военное присутствие которых в Заливе очень значительно.

Как уже отмечалось, в резолюции 665 предусмотрена координация действий по ее исполнению с использованием по мере необходимости механизмов Военно-Штабного Комитета (ВШК), однако данное положение не было реализовано на практике. Этот вспомогательный орган, формально существующий в рамках СБ, вопреки Уставу, не принял сколько-нибудь заметного участия в осуществлении принудительных мер, предусмотренных гл. VII Устава. При всей значимости функций, выполнение которых возложено на ВШК, его деятельность фактически заморожена. Как заметил В.Сафрончук, США всегда возражали против какой-либо роли ВШК в операциях ООН по поддержанию международного мира и безопасности на том основании, что «это усложнит проведение таких операций, если не сделает их вовсе невозможными из-за права вето постоянных членов Совета Безопасности»²⁶. Только 29 октября 1990 г. по инициативе советской стороны в Нью-Йорке было проведено заседание неофициальной рабочей группы ВШК на высоком уровне с участием представителей военного руководства Франции, США и СССР. На нем состоялось обсуждение положения и возможных вариантов развития событий в регионе Персидского залива, был затронут вопрос о результативности принимаемых в соответствии с резолюциями СБ мер. И было лишь высказано мнение (советской стороной) о целесообразности изучения в рабочем органе ВШК вопроса об организационных мероприятиях, чтобы этот орган мог действовать как механизм для подготовки и координации принудительных акций в точном соответствии с положениями Устава ООН²⁷. Выступая на пленарном заседании 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Э.А.Шеварднадзе высказался по этому поводу: «Если бы должным образом действовал Военно-Штабной Комитет, были заключены соответствующие соглашения Совета с постоянными членами, решены другие организационные вопросы противодействия угрозам миру, то не потребовалось бы сейчас отдельным государствам действовать в одностороннем порядке. Ведь как бы ни оправданны были такие действия, они вызывают неоднозначную реакцию, создают сложные для самих же этих государств ситуации и не для всех могут быть приемлемы»²⁸.

Недавний скандал с танкером «Волгонефть-147» носит несомненно политический характер. Он в очередной раз подтверждает, что нельзя признать полностью обоснованной с международно-правовой точки зрения такую практику, когда определенному государству или группе государств, действия которых не находятся под контролем СБ, предоставлены полномочия применять принуждение к предполагаемым нарушителям (даже если это делается для эффективного осуществления санкций).

Реализация ст. 50 Устава ООН в ходе осуществления экономических санкций против Ирака

Постановка проблемы. В условиях тесных экономических взаимосвязей, характерных для современного мира, последовательное применение в отношении какого-либо государства всеобъемлющих экономических санкций неизбежно влечет за собой неблагоприятные последствия для государств, непосредственно осуществляющих предписанные Советом Безопасности меры. Масштаб таких неблагоприятных последствий для различных государств разный. Совершенно ясно, что могут быть государства, которые вовсе не испытывают на себе негативного влияния полного перерыва экономических отношений с определенным государством. Равным образом, могут быть и такие государства, для которых точное и неукоснительное соблюдение режима санкций в отношении государства, являющегося их основным или одним из основных экономических партнеров, означает если не экономический крах, то возникновение крайне тяжелой экономической ситуации. В этом смысле санкции представляют собой обоюдоострое оружие; они наносят урон не только государству, к которому применяются, но и государствам, их применяющим.

Такая ситуация предусмотрена в Уставе ООН, ст. 50 которого содержит следующую формулировку: «Если Советом Безопасности принимаются превентивные или принудительные меры против какого-либо государства, всякое другое государство, независимо от того, состоит ли оно Членом Организации, перед которым встанут специальные экономические проблемы, возникшие из проведения вышеупомянутых мер, имеет право консультироваться с Советом Безопасности на предмет разрешения таких проблем». Таким образом, общее правовое решение, предусмотренное Уставом для подобных случаев, заключается в предоставлении государствам права в каждом конкретном случае консультироваться с СБ, очевидно, с расчетом на то, что последним будут предприняты адекватные действия. Важно, что такое право предоставляется и государствам, не являющимся членами организации, но принимающим участие в осуществлении санкций по просьбе СБ, исходящего из того, что такое участие способствует повышению эффективности санкций. Статья 2 Устава, содержащая принципы, в соответствии с которыми действуют ООН и ее члены, в п. 5 устанавливает обязанность государств-членов ООН оказывать организации всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с Уставом, и воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера. Далее, в п. 6 этой же статьи читаем: «Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности». На основании этих положений СБ в своих резолюциях, касающихся экономических санкций, неоднократно обращался к государствам, не являющимся членами ООН, с призывом действовать в строгом соответствии с положениями этих резолюций (применительно к Ираку такой призыв содержится в п. 5 резолюции 661).

Основная проблема, возникающая в связи с рассматриваемым вопросом, заключается главным образом в том, что при наличии общего указания, содержащегося в ст. 50 Устава, до настоящего времени практически не разработаны конкретные механизмы разрешения тех, если говорить на языке Устава, «специальных экономических проблем», которые возникают в результате проведения государствами мероприятий, связанных с осуществлением принудительных мер по гл. VII Устава. Это обусловлено не только тем, что каждый конкретный случай сугубо специфичен, но и тем, что достаточно сложно предусмотреть реальные и адекватные способы, которые могли бы облегчить участь государств, испытывающих особые трудности в связи с тем, что они как субъекты международного права заявляют о решимости придерживаться своих международных обязательств и в действительности придерживаются их.

Реализация ст. 50 в случае с Ираком и Кувейтом. В случае с Ираком и Кувейтом в достаточно короткий срок с момента принятия резолюции 661 в Совет Безопасности с просьбой о помощи в соответствии со ст. 50 Устава обратилось значительное число государств. По свидетельству Б.Бутроса-Гали, оно достигло 21: Бангладеш, Болгария, Вьетнам, Джибути, Индия, Иордания, Йемен, Ливан, Мавритания, Пакистан, Польша, Румыния, Сейшельские острова, Сирия, Судан, Тунис, Уругвай, Филиппины, Чехословакия, Шри-Ланка и Югославия²⁹. Общими для всех перечисленных государств были прямые убытки по контрактам и в связи с замораживанием иракских и кувейтских авуаров, декапитализацией находящихся в Ираке и Кувейте предприятий и их имущества, а также косвенные убытки, связанные, в частности, с необходимостью импорта нефти из других мест в условиях резкого скачка цен на нее. Кроме того, одним из негативных последствий установления режима санкций стало приостановление иракских платежей в счет погашения внешней задолженности, которая по отношению к некоторым государствам достигала весьма значительных размеров. На это обстоятельство, например, ссылалась Польша, которая в своем меморандуме для Комитета по санкциям от 20 сентября 1990 г. в качестве предварительной оценки своих потерь от участия в осуществлении санкций назвала сумму 2,4 млрд. долл. При этом Польша выразила свою тревогу относительно возможных для нее социальных и политических последствий кризиса. По мнению руководителей этой страны, потери Польши следовало рассматривать в контексте драматического экономического и социального положения, в котором она оказалась в связи с осуществлением широкомасштабной программы радикальных реформ в обществе и государстве. Интересно, что в своем меморандуме Польша выразила надежду на частичное списание ее внешнего долга³⁰.

В особой ситуации оказалась Иордания, у которой с Ираком существовали давние и тесные торгово-экономические отношения. Кроме того, после принятия Советом Безопасности резолюции 661 из Ирака в Иорданию устремилось большое число беженцев. В рабочем документе Комитета по санкциям от 28 августа 1990 г. отмечен особенный характер трудностей, с которыми

столкнулась Иордания в результате ее решения о полном и всестороннем соблюдении положений резолюции СБ о санкциях в отношении Ирака. В этом документе содержится ряд рекомендаций Комитета Совету Безопасности:

- призвать все государства безотлагательно оказать Иордании техническую, финансовую и материальную помощь;
- обратиться к Генеральному секретарю с просьбой об объявлении сбора взносов и учреждения фонда для их аккумуляции и распределения;
- обратиться с просьбой к ООН, а также к соответствующим организациям и программам, включая ЭКОСОС, ПРООН, Всемирный Банк, МВФ и все специализированные учреждения, периодически рассматривать вопрос об оказании экономической помощи Иордании³¹.

Опираясь на рекомендации Комитета, СБ обратился к Генеральному секретарю с просьбой незамедлительно ознакомиться с проблемами Иордании. С этой целью с 10 по 15 октября 1990 г. в Иордании находился специальный представитель Генерального секретаря ООН³².

На фоне возросшего числа просьб о помощи в соответствии с положениями ст. 50 Устава 24 сентября 1990 г. СБ принял резолюцию 669, в которой возложил на Комитет по санкциям задачу по изучению таких просьб и представлению рекомендаций председателю СБ для соответствующих действий³³.

В декабре 1990 г. Комитет по санкциям принял решение, в котором содержался призыв к международному сообществу оказать техническую, финансовую и материальную помощь каждому из государств, обратившихся с просьбой о помощи. Решение было направлено СБ, который передал его на исполнение Генеральному секретарю. В указанном документе не было конкретизировано, какую именно техническую, финансовую и материальную помощь следует оказывать государствам³⁴.

Как явствует из совместного меморандума, направленного 22 марта 1991 г. 21 государством председателю СБ, их проблемы только усугубились, а призывы, обращенные к международному сообществу, не вызвали должной реакции³⁵. Это и не удивительно: отношениям, существующим на международной арене, в малой степени присущ альтруистический характер. Вряд ли можно рассчитывать на то, что государства, находящиеся в относительно более благополучном положении, смогут предложить пострадавшим государствам помощь, достаточную для решения структурных проблем, носящих к тому же долгосрочный характер. Можно предположить возможность предоставления относительно эффективной помощи на региональном уровне. Однако, как показывает практика, от участия в осуществлении санкций страдают в основном развивающиеся государства, окруженные, как правило, государствами, которые сами сталкиваются со значительными трудностями и имеют серьезные внутренние проблемы.

Более предпочтительным решением могло бы оказаться создание организационных механизмов, активными участниками которых стали бы сами пострадавшие государства и которые имели бы положительный экономический смысл. В этом отношении интерес представляет предложение

о создании системы взаимной поддержки государств, сталкивающихся со специальными экономическими проблемами, вызванными участием в осуществлении санкций.

Такая система могла бы состоять из нескольких компонентов:

1) создание новых рынков для реализации товаров и услуг пострадавших государств;

2) выработка последовательной методологии оценки «издержек», связанных с участием в санкциях;

3) передача на рассмотрение Совета Безопасности компенсационных мер двустороннего и регионального характера;

4) разработка норм и процедур, касающихся создания резервов, из которых удовлетворялись бы претензии государств о возмещении убытков, вызванных участием в осуществлении санкций Совета Безопасности;

5) создание механизма для рассмотрения указанных претензий³⁶.

Здесь следует добавить, что рынки могли бы также создаваться и для приобретения государствами товаров и услуг, условия приобретения которых стали значительно менее выгодными в результате утраты торгового партнера, ставшего объектом экономических санкций; в том, что касается методологии подсчета издержек, необходимо предусмотреть различия, существующие между частичными и всеобъемлющими санкциями.

В случае с Ираком и Кувейтом Комитет по санкциям, к сожалению, не уделял должного внимания проблемам, связанным с более детальной реализацией ст. 50 Устава, после использования соответствующими государствами права на обращение за консультацией в СБ. Этот орган сосредоточил свою деятельность в сфере контроля за соблюдением режима санкций и осуществления программы «Нефть в обмен на продовольствие».

Большие надежды возлагались на специализированные учреждения, которые при направляющей роли Экономического и Социального совета ООН могли бы внести значительный вклад в смягчение последствий экономических санкций для государств, участвующих в их осуществлении и страдающих от этого в наибольшей мере. Такой вклад специализированных учреждений предполагается самой направленностью их деятельности и характером стоящих перед ними задач. Однако специализированные учреждения ООН не проявили заметной активности в решении именно этой проблемы, и в этом смысле можно говорить о недостаточном развитии в настоящее время деятельности специализированных учреждений в деле содействия ООН в области поддержания международного мира и безопасности.

В заключение необходимо отметить, что актуальность затронутой проблемы в условиях все более частого обращения СБ к экономическим санкциям как механизму, способному обеспечить выполнение его резолюций, будет неуклонно возрастать.

Санкции и вопросы компенсации ущерба, причиненного в результате иракского вторжения в Кувейт

и последовавших за ним военных действий в регионе Персидского залива

К проблемам, затронутым в предыдущем разделе, тесно примыкает вопрос о компенсации в условиях санкционного режима ущерба, причиненного государствам, их организациям и гражданам в результате иракского вторжения в Кувейт и последовавших за ним военных действий в регионе Персидского залива.

Совет Безопасности неоднократно подчеркивал ответственность Ирака по международному праву за любые прямые потери и ущерб, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов, причиненные иностранным государствам, физическим и юридическим лицам в результате незаконного вторжения в Кувейт и его оккупации (резолюции 674, 686, 687).

Режим экономических санкций, установленный в отношении государства-делинквента и несущий в себе элемент наказания в контексте ответственности государства по международному праву, не исключает его обязанности возместить причиненный ущерб. Напротив, санкционный режим усугубляет то положение, в котором оказывается государство-нарушитель в связи с необходимостью нести материальную ответственность за свои действия. Это справедливо и в отношении Ирака: война в Заливе практически полностью разрушила экономический потенциал страны, санкции сдерживают ее развитие, наконец, Ирак обязан выполнять свои финансовые обязательства, связанные с обслуживанием и погашением внешнего долга. Именно поэтому на пути практической реализации достаточно подробно и хорошо разработанных планов компенсации встал ряд трудно-разрешимых проблем. Эти планы действительно были хорошо разработаны: здесь со стороны ООН была проявлена намного более значительная активность по сравнению с действиями, направленными на решение проблем государств, обратившихся к СБ с просьбами о помощи в соответствии со ст. 50 Устава.

В п. 18 раздела «Е» резолюции 687 от 3 апреля 1991 г. было предусмотрено создание фонда для выплаты компенсаций и учреждение комиссии для управления этим фондом. Генеральному секретарю было поручено в 30-дневный срок после принятия этой резолюции разработать и представить в СБ рекомендации по созданию такого фонда и в отношении программы осуществления компенсационных выплат, включая следующее:

- управление фондом;
- механизмы определения соответствующего уровня выплат Ирака в фонд;
- меры по обеспечению выплат в фонд;
- процедура, на основе которой будут распределяться средства и удовлетворяться претензии;
- процедуры оценки ущерба, составления перечня претензий и проверки их обоснованности, а также урегулирования спорных претензий³⁷.

Доклад Генерального секретаря о проделанной работе с соответствующими рекомендациями был представлен СБ точно в срок, 2 мая 1991 г. Некоторые положения этого доклада привлекают особое внимание.

Во-первых, специально подчеркивается, что Компенсационная комиссия – политический, а не судебный орган. При том, что основная деятельность Комиссии предполагает проверку поступающих от государств претензий, установление их обоснованности, оценку причиненного ущерба и разрешение связанных с этим споров, она осуществляет только квазисудебные функции.

Во-вторых, особо затронут вопрос о том, будут ли претензии о возмещении ущерба в соответствии с процедурами Комиссии носить исключительный характер. Это имеет практическую значимость в свете возможного возникновения ситуаций, когда претензии предъявляются и на международном (в Комиссии), и на местном (в национальных судах) уровнях.

В-третьих, предусматривается (в полном соответствии с положениями международного права), что выплаты производятся исключительно государствам, которые в свою очередь обеспечивают их надлежащее распределение между индивидуальными заявителями – юридическими и физическими лицами.

Наконец, в докладе содержится указание на то, что расходы, связанные с деятельностью Комиссии, подлежат возмещению из самого Фонда. При этом Генеральный секретарь признал, что до появления в Фонде достаточных средств пройдет значительное время, и Комиссия неизбежно столкнется с проблемой финансирования³⁸.

На основании рекомендаций Генерального секретаря СБ 20 мая 1991 г. принял резолюцию 692 об учреждении Фонда и Компенсационной комиссии ООН для осуществления выплат по претензиям о возмещении ущерба, причиненного неправомерными действиями Ирака. Во главе Комиссии был поставлен Совет управляющих, состоящий из представителей 15 государств – членов СБ. В своей деятельности Совет управляющих опирается на комиссаров-специалистов в области права, финансов, бухгалтерского учета, страхования, оценки ущерба, причиненного окружающей среде, и других специалистов, действующих в личном качестве и назначаемых Генеральным секретарем³⁹. Что касается решений Совета управляющих, они принимаются на основе большинства в девять голосов любых членов Совета, за исключением решений, касающихся мер по обеспечению поступления в Фонд иракских платежей, которые принимаются на основе консенсуса.

После того, как были оформлены организационные рамки функционирования Компенсационной комиссии, она приступила к деятельности по детальной разработке конкретных процедур рассмотрения претензий в контексте общего направления, заданного Генеральным секретарем в его докладе СБ от 2 мая 1991 г. Оценивая активность, проявленную Советом управляющих в указанной сфере, и значительное количество решений, принятых при этом, следует учитывать тот факт, что Компенсационная комиссия стала вспомогательным органом СБ, ответственным за выпол-

нение беспрецедентной по своему масштабу программы компенсации в рамках ООН: на рассмотрении Комиссии оказалось более 2,6 млн. претензий на сумму, превышающую 160 млрд. долл.(!)⁴⁰

Консолидированные претензии, представленные государствами от своего собственного имени, а также от имени их граждан и организаций, в соответствии с рекомендациями Генерального секретаря были разбиты на различные категории:

1) категория «А» – претензии, связанные с вынужденным отъездом из Ирака и Кувейта;

2) категория «В» – претензии, связанные с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти;

3) категория «С» – индивидуальные претензии о возмещении ущерба на сумму до 100 тыс. долл.;

4) категория «D» – индивидуальные претензии о возмещении ущерба на сумму свыше 100 тыс. долл.;

5) категория «Е» – претензии юридических лиц;

6) категория «F» – претензии государств и транснациональных корпораций.

Кроме того, Комиссия получила 1,24 млн. претензий египетских рабочих, представленных в консолидированной форме Центральным банком Египта⁴¹. Приведенные выше категории отражают не только различный характер и основания претензий, но и приоритет претензий физических лиц перед претензиями компаний и государств с точки зрения очередности удовлетворения. Для претензий, относящихся к категориям «А» и «В», в своем самом первом решении Комиссия установила «простые и ускоренные процедуры», в том числе относительно доказывания факта причинения ущерба⁴². В связи с тем, что претензии физических и юридических лиц должны были представляться соответствующими государствами, в особой ситуации оказались палестинские беженцы и другие лица, не имеющие возможности заявить о своих требованиях таким образом.

Было найдено довольно интересное правовое решение – ответственность за представление претензий от имени таких лиц была возложена на международные организации (главным образом такое представительство осуществляла Программа развития ООН).

С другой стороны, для Совета управляющих было важно обеспечить действительное поступление средств конкретным заявителям, требования которых были удовлетворены. В решении № 18 от 24 марта 1994 г. Совет управляющих среди прочего обратился к государствам с просьбой осуществлять распределение средств, представленных компенсационным фондом, в шестимесячный срок с момента их получения и предоставлять Совету информацию о мерах, предпринятых государствами в целях такого распределения⁴³.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что деятельность Компенсационной комиссии в части, касающейся претензий по категориям «А» и «В», практически завершена. В настоящее время основной объем работы Комиссии сосредоточен в сфере рассмотрения и принятия решений по

оставшимся четырем категориям претензий. Эти претензии связаны со значительным ущербом и предусматривают крупные суммы возмещения. В отношении таких претензий с учетом их характера установлены более сложные и строгие процедуры, предполагается, что правительство Ирака должно принимать активное участие в процессе рассмотрения претензий по существу. Так, согласно ст. 36 Временных правил, касающихся процедуры рассмотрения претензий (утверждены решением № 10 Совета управляющих от 26 июня 1992 г.), комиссары приглашают Ирак делать ответные заявления в письменной форме и присутствовать на устных слушаниях⁴⁴. Здесь можно заметить, что анализ некоторых положений, содержащихся в упомянутых Правилах, позволяет характеризовать Компенсационную комиссию как юрисдикционный орган, хотя везде подчеркивается квазисудебный характер ее функций. Именно на это обстоятельство ссылается иракская сторона в обоснование своей критики в адрес деятельности Комиссии. По мнению иракцев, СБ превысил свои полномочия, когда не ограничился констатацией ответственности Ирака по международному праву в принципе и пошел дальше, определив конкретные меры, касающиеся компенсаций, и учредив специальный орган, ответственный за выполнение этих мер.

Иракская сторона считает, что резолюцией 692 СБ учредил политический орган, который уполномочен принимать решения по правовым вопросам, тем самым подменяя Компенсационной комиссией существующие юрисдикционные органы, в частности Международный суд. Резолюция была принята в соответствии с гл. VII Устава ООН в контексте ответственности СБ за поддержание международного мира и безопасности, между тем полномочия СБ по этой главе Устава не распространяются на вопросы компенсаций. Ссылаясь на практику самого СБ, иракцы указывают на то, что подобные вопросы решаются самими заинтересованными сторонами, а в случае возникновения спора – по соглашению между ними с использованием предусмотренных для таких случаев процедур в надлежащих международных органах⁴⁵. Здесь, к сожалению, нет места для подробного рассмотрения этого интересного и, как представляется, непростого вопроса. Можно лишь заметить, что использование предлагаемых иракцами процедур в противоположность централизованному возмещению причиненного ущерба через вспомогательный орган СБ если бы не сделало такую компенсацию невозможной, то в значительной степени осложнило бы ее. Очевидно, нужно принимать во внимание и тот факт, что ущерб был причинен в особо крупных размерах и стал следствием грубейших нарушений международного права со стороны Ирака – вооруженного вторжения в Кувейт и его оккупации.

Первой серьезной проблемой, ставшей на пути реализации компенсационных планов, стала проблема, на которую указывал Генеральный секретарь в докладе СБ от 2 мая 1991 г., а именно невозможность обеспечить поступление иракских платежей в Фонд и отсутствие средств для финансирования деятельности Компенсационной комиссии.

Правительство Ирака в начале 1992 г. обратилось к СБ с просьбой о введении, по меньшей мере, пятилетнего моратория на платежи в Фонд, чтобы получить возможность удовлетворить элементарные потребности иракского населения в условиях санкционного режима. Совет Безопасности избрал другой путь – разрешить Ираку экспортировать установленное количество нефти и нефтепродуктов под международным контролем и направлять часть средств, полученных от экспорта, на закупку гуманитарных товаров и в Компенсационный фонд (резолюции 706 и 712). Такая схема, получившая впоследствии название «Нефть в обмен на продовольствие», была принята Ираком только в 1996 г. Частичное решение проблемы было представлено в резолюции 778 СБ от 2 октября 1992 г. В ней СБ постановил, что все государства, у которых имеются иракские средства, являющиеся поступлениями от продажи иракской нефти или нефтепродуктов и выплаченные покупателем или от его имени 6 августа 1990 г. и позднее, должны обеспечить перечисление этих средств (или эквивалентных сумм) как можно скорее на целевой депозитный счет, открытый Генеральным секретарем. Кроме того, государства, у которых имелись иракские нефть и нефтепродукты, должны были продать их, а поступления от продажи также перечислить на целевой счет⁴⁶.

Еще 15 августа 1991 г. СБ, опираясь на рекомендации Генерального секретаря, в резолюции 705 постановил, что общая сумма ежегодных платежей Ирака в Компенсационный фонд не должна превышать 30% стоимости его годового экспорта нефти и нефтепродуктов⁴⁷.

Правительство Ирака с самого начала утверждало, что 30-процентные отчисления в Компенсационный фонд являются несправедливыми, и регулярно вплоть до настоящего времени обращается к СБ с просьбой о пересмотре установленной процентной доли. Согласно резолюции 705 компенсационные выплаты Ирака не должны превышать 30% стоимости ежегодно экспортируемых в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» нефти и нефтепродуктов. Это означает, что уровень выплат может быть ниже, однако фактически взимается максимально установленная процентная доля. Такая практика позволяет иракцам говорить не о программе «Нефть в обмен на продовольствие», а о программе «Нефть в обмен на компенсационные выплаты». Если она будет продолжена, утверждают в Ираке, это «послужит причиной обнищания иракского народа, причем наказанными окажутся не только нынешние поколения, которые сильно пострадали от длительного применения санкций и иностранной военной агрессии, но и будущие поколения»⁴⁸.

Ирак оказался в порочном круге. Совершенно ясно, что в условиях санкционного режима осуществление компенсационных планов представляет собой трудноразрешимую проблему. А выполнение Ираком, помимо прочего, обязательств по возмещению причиненного ущерба как раз и является одним из условий смягчения санкций или их отмены. Нельзя также не согласиться с иракской стороной в том, что 30-процентные отчисления (а они списываются с целевого счета в Компенса-

ционный фонд в бесспорном порядке) в сложившихся условиях действительно чрезмерны. Эти средства, несомненно, могли бы быть использованы на облегчение того бедственного положения, в котором оказалось иракское население в результате применения санкций.

В заключение стоит упомянуть о проблеме возврата кувейтской собственности, захваченной во время оккупации Кувейта. Согласно п. 15 раздела «D» резолюции 687, Генеральный секретарь ООН должен был докладывать СБ о шагах, предпринятых для того, чтобы соответствующая собственность была возвращена законным владельцам.

Правительство Кувейта обозначило четыре приоритетных вида имущества, подлежащего возврату: золото, банкноты и другие средства денежного обращения; гражданские самолеты, двигатели и запасные части к ним; музейные экспонаты и собственность Национальной библиотеки. Позже к этому списку была добавлена собственность Кувейтского информационного агентства.

Фактическое возвращение собственности началось 5 августа 1991 г., когда Кувейту были переданы 3216 золотых слитков весом в 12,5 кг. К началу сентября все золото, монеты и банкноты были возвращены Кувейту. 10-24 сентября Национальной библиотеке Кувейта были переданы 120 тыс. книг и рукописей, а 14 сентября – 7 октября были возвращены экспонаты Национального музея⁴⁹.

Тем не менее, по данным кувейтской стороны, большая часть собственности, главным образом военное снаряжение и имущество частных лиц, до сих пор находится в Ираке, часть ее продана контрабандным путем в третьи страны.

Санкции и права человека

Постановка проблемы. Один из наиболее острых и противоречивых вопросов современного международного права – это вопрос, каким образом влияют экономические санкции на соблюдение прав человека в государстве, ставшем объектом санкций. У этого вопроса есть и обратная сторона: в какой мере нарушение прав человека в каком-либо государстве может служить основанием для применения к нему принудительных мер по гл. VII Устава ООН, в частности экономических санкций?

Здесь главным образом рассматривается первый вопрос. Во многих отношениях он имеет чисто этическую окраску. Представляется, однако, что при анализе международно-правовых проблем вполне уместно использование моральных и этических критериев. Само становление и развитие международного права в значительной мере связано с закреплением в нем общечеловеческих ценностей и моральных принципов. Нельзя не согласиться с Ю.А.Решетовым и в том, что ничто не способствует общему развитию человечества по восходящей линии в такой мере, как приращенность принципам и нормам международного права⁵⁰.

Принцип всеобщего уважения прав человека прочно закрепился в качестве императивной нормы общего международного права (*jus cogens*).

Если следовать определению, содержащемуся в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., такая норма «принимается и признается международным сообществом в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»⁵¹. Права человека не являются застывшей, раз и навсегда оформившейся категорией. Концепции прав человека и их нормативное закрепление развиваются по мере развития представлений о должном положении в этой сфере с учетом реальных возможностей общества его особенностей. Так, в настоящее время речь идет уже о «третьем поколении» прав, включающем право на развитие. Между тем существует уже сложившаяся система международных стандартов в области прав человека, на которые должно ориентироваться все международное сообщество.

В то же время принцип уважения прав человека представляет собой один из основных принципов современного международного права, для которых, как известно, характерны неделимость и равенство: они взаимно связаны, каждый из них должен рассматриваться в контексте других, ни один из них не является приоритетным по сравнению с другими. Это особенно важно в свете попыток оправдать применение силы против того или иного государства под предлогом защиты прав человека. Здесь возникает еще один сложный вопрос: как сочетаются принцип защиты прав человека и, с точки зрения воздействия на права человека, исключение из принципа неприменения силы и угрозы силой в случае обращения СБ к принудительным мерам в контексте системы коллективной безопасности? Ясно, что оба затрагиваемых вопроса выводят нас на другой широко обсуждаемый в настоящее время принципиальный вопрос о примате прав человека над обязательствами государств по Уставу ООН.

Соблюдение прав человека в условиях санкционного режима. В случае применения в отношении государства экономических санкций для оценки их воздействия на права человека необходимо проводить четкое различие между частичными и всеобъемлющими санкциями. Совершенно понятно, что последние влекут за собой куда более тяжелые последствия для населения по сравнению, например, с перерывом воздушных сообщений или эмбарго на поставки оружия. Кроме того, следует учитывать состояние экономики государства, ставшего объектом санкций, и ее особенности. Чем меньше для экономики страны характерна автаркия, тем более разрушительное воздействие оказывается на ее население. Бывшему Генеральному секретарю ООН Б.Бутросу-Гали принадлежат слова: «По общему признанию, санкции являются жестким инструментом. Их применение поднимает этический вопрос о том, являются ли страдания, причиняемые уязвимым группам в стране, ставшей объектом санкций, законным средством давления на политических руководителей, на поведение которых вряд ли повлияет тяжелое положение, к которому привели непредвиденные или нежелательные последствия. Они могут осложнить деятельность гуманитарных учреждений, лишая их возможности осуществлять поставки опреде-

ленных категорий товаров или вынуждая их проходить через изнурительный процесс соблюдения процедур, предусмотренных для получения необходимых изъятий»⁵². Всеобъемлющие экономические санкции неизбежно вступают в противоречие с целями развития страны, ставшей их объектом, не говоря уже о третьих странах, сталкивающихся со значительными экономическими трудностями в связи с участием в осуществлении санкций. Это, между прочим, также может представлять угрозу миру и безопасности.

Действительно, когда к государствам применяются принудительные меры по гл. VII Устава ООН, возникает несоответствие глубинного характера, которое заключается в том, что фактически в конечном счете всегда страдают простые люди, на них тяжелым бременем ложатся последствия необдуманных политических решений и ошибок руководства.

В условиях экономических санкций всеобъемлющего характера, особенно продолжительных, как это имеет место в случае с Ираком, основной ущерб причиняется элементарным правам человека, в первую очередь праву на жизнь, и правам, связанным с нормальным человеческим существованием. Речь идет не о сложных гражданских и политических правах и тем более не о социальных и экономических – речь идет о том, что в условиях всеобъемлющих санкций государство не может обеспечить своим гражданам достаточного количества продуктов питания, лекарств, элементарных средств к существованию.

Государства, являющиеся основными действующими лицами на международной арене, и международное сообщество в целом не могут не предвидеть подобных последствий применения санкций и должны прилагать усилия с тем, чтобы по возможности облегчить тяжелое положение, в котором оказывается население страны – объекта санкций. В случае с Ираком такая попытка воплотилась в программе «Нефть в обмен на продовольствие», которая описана выше. Здесь стоит еще раз повторить, что эта программа не является «панацеей от всех бед», она может предложить лишь частичное решение гуманитарных проблем Ирака.

С резкой критикой в адрес затянувшихся санкций в отношении Ирака выступают разного рода неправительственные организации, группы активистов, в том числе международные. В качестве примера можно привести опыт так называемой Организации международного прогресса (IPO), периодически выступающей с призывами о снятии санкций с Ирака⁵³.

Особый интерес в связи с этим представляет позиция австрийского профессора Ганса Кехлера, выраженная в его работе «Политика санкций ООН и международное право»⁵⁴. Он не просто критикует санкции, но и пытается обосновать, что в новых условиях, когда существуют развитые концепции прав человека, меры, предусмотренные Уставом ООН, могут быть оспорены с точки зрения их международно-правовой легитимности, а сама система коллективной безопасности с центральным местом в ней СБ, где все решают «великие державы», представляет собой нечто иное как реликт старой системы международного права, которая предопределялась концепцией силы. Интересное и парадоксальное соображение,

особенно на фоне попыток со стороны некоторых государств выступать в международных отношениях с позиций силы, осуществляя при этом планы, в которых СБ фигурирует далеко не на первом месте.

Австрийский профессор начинает свою критику с рассмотрения этических аспектов санкций в противовес чисто утилитарным подходам. Он полагает, что экономические санкции представляют собой форму коллективного наказания и не соответствуют принципу индивидуальной ответственности. Наказание людей, не ответственных за политические решения, по его мнению, сродни актам терроризма. Цель подобных действий – повлиять на правительство путем причинения лишений и страданий населению, что аморально *per se*. Применительно к санкциям Г.Кехлер упоминает о так называемой доктрине двойного эффекта, которая разработана для того, чтобы объяснить этические вопросы, возникающие в ситуациях, когда законная цель может быть достигнута лишь путем причинения вреда другим лицам. Здесь в качестве такой цели выступает поддержание или восстановление международного мира и безопасности, а способом достижения цели становится причинение страданий целому народу. Из этого, помимо прочего, следует также тот факт, что санкции «могут приводить к результатам, идущим вразрез с самой их целью, порождая вызванное патриотическими чувствами негативное отношение к международному сообществу в лице Организации Объединенных Наций, объединяя население на поддержку руководителей, поведение которых санкции как раз и призваны изменить»⁵⁵.

Г.Кехлер высказывает также ряд соображений, касающихся нормативной стороны вопроса. По его мнению, применение всеобъемлющих экономических санкций, которые делают невозможным нормальное осуществление прав человека, недопустимо. Нельзя, чтобы СБ обладал такой широтой усмотрения, чтобы принимать решения, ведущие к ограничению прав человека, нарушая тем самым предписания Устава. Нельзя, чтобы этот орган в его сегодняшнем виде, да и вообще любой политический орган ставил себя выше общеобязательных норм международного права.

Применение всеобъемлющих санкций, считает австрийский профессор, противоречит целому ряду международных договоров в области прав человека. В частности, он указывает на ст. 25 (1) Всеобщей декларации прав человека, согласно которой «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход... который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...»⁵⁶. Далее, впрочем, он вынужден признать, что в упомянутых документах содержатся оговорки, которые не позволяют применять их к случаям обращения СБ к мерам для поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Так, ст. 29 (3) Всеобщей декларации гласит: «Осуществление... прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций»⁵⁷. С учетом п. 1 ст. 1 Устава ООН и отсутствия прямого указания в ст. 2 Устава на принцип уважения прав человека можно сделать вывод о «нормативном приоритете» решений СБ при осуществлении ответствен-

ности, возложенной на него ст. 24 Устава, даже в вопросе прав человека. Кроме того, ст. 103 Устава устанавливает приоритет обязательств государств по Уставу по отношению к иным их обязательствам в соответствии с международным правом. Отмечая это, Г.Кехлер высказывается в том смысле, что указанные оговорки не отражают должного положения вещей в данной сфере, они – проявление критикуемой им системы коллективной безопасности в том виде, в каком она закреплена в Уставе ООН.

Профессор Г.Кехлер пытается также применить к экономическим санкциям нормы международного гуманитарного права. Он признает, что в строгом смысле они неприменимы к мерам, предпринимаемым СБ по гл. VII Устава, но пытается обосновать их применение тем, что санкции фактически представляют собой средство ведения войны. В связи с этим Г.Кехлер упоминает ст. 54 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, согласно которой «запрещается использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны», ссылаясь на оговорку Мартенса. По его мнению, то, что применимо в случае вооруженного конфликта, тем более должно применяться к осуществлению принудительных мер экономического характера (по аналогии), в противном случае ведение войны отвечало бы более высоким критериям справедливости и гуманности по сравнению с применением экономических санкций. Это умозаключение носит, как представляется, сомнительный характер, но в то же время позволяет сделать вывод о весьма негативном отношении профессора к всеобъемлющим экономическим санкциям⁵⁸.

С Кехлером нельзя не согласиться, что желательно по возможности избегать обращения к всеобъемлющим санкциям как наиболее жесткому механизму обеспечения решений СБ. В случае же их применения необходимо следить, чтобы они сами не поставили население страны-объекта в катастрофическое положение, как это случилось с Ираком. В особенности это касается слабозащищенных групп населения – детей, женщин и престарелых.

Вместе с тем совершенно очевидно, что острее его критики направлено на нормативную систему международного права в целом и концепцию коллективной безопасности, в частности. Разумеется, такая критика не только допустима, но и во многом полезна – современное международное право не представляет собой совершенную, окончательно сложившуюся и застывшую систему. Однако всегда стоит следить, чтобы такая критика не приобрела характер *reductio ad absurdum*.

В настоящее время не приходится говорить о примате прав человека в качестве общепризнанной нормы международного права, которая служила бы критерием международно-правовой легитимности действий, предпринимаемых государствами или их группами. Известный нам принцип всеобщего уважения прав человека адресован государствам, которые должны стремиться к тому, чтобы в пределах своей национальной юрисдикции обеспечивать последовательное претворение в жизнь существующих международных стандартов в области прав человека. Речь пока не идет о том, чтобы придать этому принципу характер *jus super cogente*.

Проблемы, на которые указывает профессор Г.Кехлер, могут быть решены в рамках существующих механизмов, в том числе путем их адаптации к новым идеям и реалиям международной жизни.

Нарушение прав человека как основание применения принудительных мер по главе VII Устава ООН. В случае с Ираком вопрос о возможности применения принудительных мер по главе VII Устава к государству, нарушающему права человека, не носит чисто теоретического характера. США часто ссылаются на грубые и массовые нарушения прав человека в Ираке как на основание, не позволяющее говорить о смягчении или отмене санкций. Правительство Ирака, заявляя о том, что санкции нарушают права человека, всякий раз оказывается в неоднозначном положении, поскольку подобные заявления приводят, как правило, к ответной волне обвинений в адрес иракского правительства в том, что оно само грубо нарушает права человека.

В марте 1991 г., сразу по окончании военной операции «Буря в пустыне», Комиссия ООН по правам человека назначила двух специальных докладчиков: одного для расследования грубых и массовых нарушений прав человека со стороны вооруженных сил Ирака во время оккупации Кувейта и другого для тщательного изучения нарушения прав человека со стороны иракских властей в самом Ираке. Комиссия была обеспокоена тем, что в Ираке после его поражения в войне участились случаи применения репрессивных мер к тем, кто проявлял недовольство режимом. В особенности это затронуло меньшинства курдов на севере Ирака и шиитов на юге.

Внутренние конфликты в послевоенном Ираке спровоцировали огромный поток беженцев. По официальной информации ООН, за три недели (март-апрель 1991 г.) более 400 тыс. иракцев переместились к границе с Турцией, а к середине мая приблизительно 1,5 млн. человек (!) нашли убежище в восточной приграничной части Ирака и в Иране. За исключением 70 тыс. шиитов из южных районов, подавляющее большинство составили курды⁵⁹. Совет Безопасности в резолюции 688 от 5 апреля 1991 г. осудил проводимые иракскими властями репрессии в отношении гражданского населения в различных частях Ирака, главным образом в районах, заселенных курдами. Совет Безопасности отметил, что последствия этих репрессий угрожают международному миру и безопасности, и потребовал от Ирака прекратить подобные действия и незамедлительно предоставить международным гуманитарным организациям доступ ко всем нуждающимся в помощи в различных частях страны, а также обеспечить все необходимые для оказания такой помощи средства⁶⁰.

Как следует из докладов, представляемых на регулярной основе Комиссии ООН по правам человека спецдокладчиком по Ираку, с достоверностью установлено наличие в Ираке серьезных нарушений прав человека гражданского и политического, экономического, социального и культурного характера. В частности, нарушается право на свободу и личную неприкосновенность, имеют место произвольные аресты и задержания, применяются пытки, суд не является независимым, серьезно ограничены права на свобо-

ду перемещения и выбора места жительства, свободу мысли, совести и религии, свободу мирных собраний и ассоциаций, проводится дискриминация по признаку принадлежности к национальным меньшинствам.

По утверждению спецдокладчика, главная причина такого положения – характер и структура политической власти в Ираке. В частности, указывается на концентрацию огромных властных полномочий, осуществляемых бесконтрольно небольшой группой лиц во главе с президентом Саддамом Хусейном, который одновременно является премьер-министром, председателем Совета революционного командования и главой Регионального руководства партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения)⁶¹. Аналогичное мнение высказывается в ежегодных докладах о ситуации в области прав человека, подготавливаемых Государственным департаментом США⁶².

К настоящему времени сложилось достаточно четкое представление о том, что массовые и грубые нарушения прав человека исключают ссылку на принцип невмешательства во внутренние дела государств. Практика СБ свидетельствует, что этот орган ООН рассматривает случаи массового и грубого нарушения прав человека в том или ином государстве в качестве угрозы миру и безопасности. Применяя в таких случаях меры, предусмотренные гл. VII Устава ООН, СБ действует в полном соответствии с п. 7 ст. 2 Устава. Впрочем, всякий раз возникает вопрос: является ли адекватным способом разрешения проблемы использование силы?

Массовое и грубое нарушение прав человека, проистекающее из общей политической и правовой ситуации в государстве и свидетельствующее о том, что государство игнорирует свои обязательства уважать права человека, означает нарушение принципа уважения прав человека этим государством. Это, однако, ни в коей мере не может служить оправданием односторонних действий другого государства или группы государств под прикрытием концепции «гуманитарной интервенции». Сейчас, когда предпринимаются попытки возродить эту концепцию, необходимо четко осознавать опасность ее универсализации. Силловые меры в отношении тех или иных государств в нормативной системе современного международного права могут обладать международно-правовой легитимностью только в том случае, когда они применяются в соответствии с Уставом ООН с санкции СБ и под его строгим контролем.

В этом контексте следует затронуть вопрос об установлении в Ираке так называемых бесполетных зон, которые предусматривают запрет на совершение иракской гражданской и военной авиацией полетов к северу от 36-й параллели и к югу от 33-й. Нарушение этого режима предполагает возможность применения силы против воздушного судна-нарушителя. Контроль за соблюдением режима осуществляет главным образом авиация США и Великобритании.

В качестве правового обоснования установления таких зон США ссылаются на уже упомянутую резолюцию 688 СБ и указывают на необходимость защиты гражданского населения Ирака, в первую очередь курдов

(на севере) и шиитов (на юге), от притеснений со стороны иракского режима. Кроме того, как заявляют американцы, зоны были необходимы для нормального осуществления гуманитарных операций в связи с возросшим потоком беженцев. Между тем анализ резолюции 688 не позволяет говорить о возможности силовых акций для ее осуществления. Совет Безопасности не уполномочивал ни одно из государств предпринимать меры для принудительного исполнения резолюции 688, тем более в форме установления «бесполетных зон». Это даже не подразумевалось. Напротив, подобные предписания противоречили бы целям самой резолюции и вообще целям, которые преследует СБ в посткризисном урегулировании в регионе. В преамбуле резолюции подтверждается приверженность государств-членов ООН принципам уважения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости Ирака, в то время как действия США в «бесполетных зонах» под предлогом защиты гражданского населения являются прямым нарушением этих принципов.

Установление «бесполетных зон» на севере и юге Ирака представляет собой одностороннюю и произвольную акцию США, оно не санкционировано СБ – единственным органом, который может принимать решения о применении силы с целью поддержания международного мира и безопасности. Такой позиции придерживаются Россия и Китай. Франция в 1996 г. приостановила свое участие в действиях, не обоснованных с точки зрения международного права. Ирак справедливо считает, что в соответствии с Уставом ООН он может использовать право на самооборону против «продолжающегося агрессивного акта» со стороны США и Великобритании, которые своими односторонними действиями подрывают международный правопорядок, дискредитируют ООН и ослабляют позиции современного международного права⁶³.

Вопрос об отмене санкций

Цели применения принудительных мер в соответствии с Уставом ООН. В гл. VII Устава не содержится положений о том, когда и на каком основании принимается решение о прекращении применения принудительных мер по ст. 41 и 42. Очевидно, косвенным указанием на это служит сама цель применения таких мер. Логика здесь такова: то или иное действие прекращается по достижении цели, с которой это действие предпринималось.

Как следует из ст. 49, Совет Безопасности принимает решения о применении мер по гл. VII для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такая формулировка обозначает скорее общие рамки предпринимаемого СБ действия. Поддержание или восстановление международного мира и безопасности – это, несомненно, цель. Но она, кажется, слишком широко обозначена для того, чтобы служить непосредственным критерием при принятии решения о прекращении принуждения.

В ст. 41 Устава о принудительных мерах невоенного характера есть указание на то, что эти меры применяются для осуществления решений СБ, касающихся поддержания или восстановления международного мира

и безопасности. Такая конкретизация общей цели очень полезна, поскольку позволяет сделать вывод: если решение СБ полностью выполнено, он должен прекратить принуждение. «С точки зрения международного общения принуждение должно прекратиться, если нарушенное право восстановлено или дано удовлетворение. Борьба для борьбы немыслима и преступна», – эти слова Ф.Ф.Мартенса звучат как нельзя более актуально⁶⁴.

Определяющее значение при этом имеют те цели, которые сформулированы непосредственно в резолюциях, касающихся того или иного спора или ситуации. Их достижение служит сигналом для СБ о том, что он должен принять соответствующее решение. Именно «должен», а не «может» – СБ не действует произвольно, он обязан строго следовать Уставу ООН как международно-правовому документу, которым СБ от имени международного сообщества предоставлены полномочия, сопряженные с огромной ответственностью. В этом смысле и цели, которые определяет СБ в резолюциях о применении санкций, должны находиться в пределах общей цели, обозначенной как в п. 1 ст. 1, так и в ст. 39 Устава. Пункт 1 ст. 1 важен для рассматриваемого вопроса еще и потому, что в нем содержится указание на то, что при поддержании международного мира и безопасности ООН принимает «эффективные коллективные меры» и действует «в согласии с принципами справедливости и международного права».

Требования к Ираку в сфере разоружения. Из преамбулы резолюции 661 СБ и прямого указания, содержащегося в п. 2 этой резолюции, следует, что СБ принимал ее для обеспечения выполнения Ираком резолюции 660, стремясь к тому, чтобы положить конец вторжению Ирака в Кувейт и его оккупации и восстановить суверенитет, независимость и территориальную целостность Кувейта. Ни в резолюции 661, ни в последующих резолюциях, касающихся режима санкций и принятых до начала военной операции по освобождению Кувейта, не содержится никаких положений о критериях смягчения, приостановления или отмены санкций. Есть лишь указание на то, что Комитет по санкциям периодически рассматривает представляемые Генеральным секретарем доклады о ходе осуществления санкций. Не сказано, что это делается для принятия решения о том, следует ли смягчить или отменить санкции.

После поражения в войне Ирак был вынужден согласиться полностью выполнить резолюции СБ, касающиеся ситуации в отношениях между Ираком и Кувейтом⁶⁵. 27 февраля 1991 г. постоянный представитель Ирака при ООН проинформировал СБ о выводе иракских вооруженных сил из Кувейта⁶⁶. Заявив о своей готовности к выполнению требований СБ, иракская сторона выразила надежду на то, что будет принята резолюция об официальном прекращении огня и СБ в ближайшее время объявит, что основание для принятия резолюций 661, 665 и 670 перестало существовать (суверенитет и независимость Кувейта восстановлены), и, следовательно, отменит режим санкций, установленный этими резолюциями⁶⁷.

Однако СБ занял другую позицию. Он посчитал, что нельзя ограничиваться достигнутым. Вывода иракских войск из Кувейта и согласия Ирака на выполнение соответствующих резолюций оказалось недостаточно. Была провозглашена цель создания условий, которые лишили бы Ирак возможности угрожать миру и безопасности в будущем.

Как следует из преамбулы резолюции 687 от 3 апреля 1991 года, в которой Ираку были предъявлены новые требования, Совет Безопасности был обеспокоен следующими фактами.

Во-первых, это заявления Ирака с угрозой применить оружие в нарушение его обязательств по Протоколу о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанному в Женеве 17 июня 1925 г., а также применение им ранее химического оружия.

Во-вторых, это применение Ираком баллистических ракет для неспровоцированных нападений.

В-третьих, это имеющиеся в распоряжении ряда государств сведения о том, что у Ирака есть ядерная программа, для которой он пытался приобрести материалы, вопреки своим обязательствам по Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г.

Опираясь на информацию о наличии в Ираке оружия массового поражения и о программах его развития, Совет Безопасности указал на существование угрозы международному миру и безопасности со стороны Ирака и вынес решение о том, что санкции могут быть отменены лишь при условии разоружения Ирака и прекращения им деятельности, связанной с разработкой и развитием оружия массового поражения.

Были выдвинуты и другие существенные требования (например, в области компенсации причиненного ущерба, возврата кувейтской собственности, освобождения пленных кувейтцев), однако требование о разоружении стало основным, именно от его выполнения напрямую зависит пересмотр режима санкций. Во многом из-за недостаточно удовлетворительного (по мнению США и Великобритании) состояния дел в этой области СБ, регулярно рассматривающий ход выполнения Ираком резолюции 687 и других резолюций, не принимает соответствующего позитивного решения.

Как представляется, позиция СБ здесь неоспорима. Логичным был бы пересмотр режима санкций, поскольку требования, в обеспечение которых он установлен, были фактически выполнены. Но действие санкционного режима в практически неизменном виде было продлено и уже на другом основании – под предлогом угрозы миру и безопасности, исходящей от иракского оружия массового поражения. Возникает вопрос: насколько оправдано сохранение всеобъемлющих экономических санкций для целей разоружения? Вряд ли необходимы всеобъемлющие экономические санкции и для того, чтобы обеспечить устранение последствий иракской агрессии против Кувейта.

Конкретные требования к Ираку в области разоружения сформулированы в разделе «С» резолюции 687. В ней предусматривается уничтожение, демонтаж или обезвреживание под международным контролем:

а) всего химического и биологического оружия, относящихся к нему подсистем и связанных с работами по развитию такого оружия научно-исследовательских, опытно-конструкторских, обслуживающих объектов и производственных мощностей;

б) всех баллистических ракет с дальностью свыше 150 км и относящихся к ним основных частей и объектов по ремонту и производству.

Жесткими и детальными были требования к Ираку в части, касающейся его предполагаемой деятельности по созданию ядерного потенциала.

В соответствии с резолюцией Ирак должен был представить Генеральному секретарю в 15-дневный срок с момента ее принятия заявление с указанием расположения, количества и типов всех средств, материалов и объектов, связанных с производством, транспортировкой и хранением иракского оружия массового поражения, и дать согласие на проведение в срочном порядке соответствующих инспекций. В связи с тем, что Ирак не выполнил это требование в срок, Совет Безопасности 15 августа 1991 г. принял резолюцию 707, в которой расценил невыполнение Ираком обязательств по разделу «С» резолюции 687 как ее «существенное нарушение» и вновь потребовал выполнения этих обязательств. Но речь уже не шла о простом представлении заявления – резолюция 707 содержит требование представить «без дальнейшей задержки всеобъемлющую, окончательную и полную⁸⁸ информацию», касающуюся иракского оружия массового поражения⁸⁸. Понятно, что введение таких критериев в отношении весьма специфичной информации не только не способствовало определению того, выполнил ли Ирак соответствующее обязательство, но во многом усложнило задачу такого определения, открыв дорогу субъективным оценкам.

Ссылки на невыполнение именно этого обязательства долгое время фигурировали в докладах исполнительного председателя Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака (UNSCOM), придавая им в целом негативное звучание. Здесь уместно обратиться к деятельности Спецкомиссии, поскольку именно на основании докладов ее исполнительного председателя Совет Безопасности судил о ходе выполнения Ираком обязательств по разоружению и принимал решения, касающиеся режима санкций.

Материалы, связанные с деятельностью Спецкомиссии, весьма обширны и могли бы стать предметом отдельного исследования. Ниже представлены наблюдения самого общего характера в объеме, необходимом для более полного понимания трудностей, стоящих на пути практической реализации требований о разоружении Ирака, а следовательно, и на пути к отмене санкций.

Специальная комиссия ООН (UNSCOM) была создана для осуществления международного контроля над выполнением Ираком резолюции 687 в части, касающейся химического и биологического оружия. На Спецкомиссию также была возложена обязанность оказывать содействие инспекторам МАГАТЭ, контролирующим выполнение Ираком резолюции 687 в части,

касающейся ядерного оружия. Члены Спецкомиссии, в том числе представители государств – постоянных членов СБ, были назначены Генеральным секретарем по поручению СБ. Комиссию возглавил шведский дипломат Рольф Экеус, которого 1 июля 1997 г. сменил Ричард Батлер (Австралия).

Для выполнения поставленной перед Спецкомиссией задачи она (помимо содействия инспекторам МАГАТЭ) осуществляла деятельность в трех взаимосвязанных сферах:

- 1) проведение непосредственных инспекций объектов с целью сбора информации, необходимой, чтобы иметь представление о средствах и возможностях Ирака в области создания и использования оружия массового поражения;

- 2) уничтожение, демонтаж и обезвреживание всего обнаруженного химического и биологического оружия, всех запасов его компонентов, всех относящихся к ним подсистем и связанных с работами по развитию такого оружия научно-исследовательских, опытно-конструкторских, обслуживающих объектов и производственных мощностей;

- 3) осуществление наблюдения и контроля над выполнением Ираком обязательств не использовать, не разрабатывать и не приобретать какие бы то ни было средства и материалы, имеющие отношение к химическому и биологическому оружию.

За время своего функционирования Спецкомиссия провела значительное число инспекций. Согласно ее информации и сообщениям МАГАТЭ, Ирак всячески пытался помешать инспекторам в выполнении стоящих перед ними задач. Отчеты о выполнении своих обязательств Багдад представлял с большим опозданием, в нарушение установленных сроков и после неоднократных напоминаний со стороны СБ. Иракские власти упорно отрицали, что в Ираке ведутся какие-либо запрещенные работы в военной сфере и признавали это только под напором неопровержимых улик. Имели место попытки ввести Спецкомиссию в заблуждение и скрыть от инспекторов МАГАТЭ ядерные объекты и материалы. Так, в сентябре 1991 г. иракские власти в течение четырех дней задерживали группу инспекторов МАГАТЭ недалеко от подозреваемого объекта около Багдада. При этом у них силой были изъяты собранные ими материалы. Ситуация была разрешена только после того, как председатель Совета Безопасности сделал от имени СБ заявление с требованием немедленно освободить инспекторов и вернуть им изъятые у них документы⁶⁹.

Ирак неоднократно заявлял, что он прекратит сотрудничество со Спецкомиссией, если не будет определен срок отмены санкций. Ирак также требовал более сбалансированного представительства международного инспекторов, среди которых преобладали англичане и американцы.

Обострение отношений между Спецкомиссией и иракским правительством началось еще в 1996 г. Всякий раз в ответ на решение властей ограничить доступ инспекторов к тем или иным объектам СБ принимал резолюцию, осуждающую такое решение. Требование всесторонне со-

трудничать со Спецкомиссией содержится в резолюциях 1060 (1996 г.), 1115 (1997 г.), 1134 (1997 г.), 1154 (1998 г.). Всякий раз подобное решение иракцев создавало кризисную ситуацию, сопровождаемую заявлениями США о готовности применить вооруженную силу, чтобы принудить Ирак выполнить требования СБ.

В феврале 1998 г. военной акции удалось избежать в самый последний момент. Тогда Генеральный секретарь ООН посетил Багдад и получил от иракского правительства обещание возобновить сотрудничество со Спецкомиссией. Был подписан Меморандум о взаимопонимании между ООН и Ираком, который СБ одобрил в резолюции 1154 от 2 марта 1998 г.⁷⁰ Совет Безопасности предупредил Ирак о том, что непредоставление им незамедлительного, безусловного и неограниченного доступа к соответствующим объектам будет иметь самые тяжелые последствия.

Россия, Китай, Франция и некоторые другие государства подчеркнули, что резолюцию 1154 не следует рассматривать как автоматическое разрешение применить силу против Ирака. А вот по мнению делегаций США и Великобритании, в таком разрешении вообще нет необходимости. Они склонны расценивать невыполнение Ираком обязательств по резолюции 687 в части, касающейся разоружения, как существенное нарушение условий прекращения огня, которое дает само по себе право на возобновление военных действий по резолюции 687 от 29 ноября 1990 г., не требующее дополнительного разрешения со стороны СБ.⁷¹ Такая позиция представляется весьма спорной. Действия в обход СБ и односторонние акции в подобных делах недопустимы. В то же время это не избавляет иракское правительство от ответственности за решения, создающие международную напряженность.

Текущее положение дел и перспективы пересмотра режима санкций. После ракетно-бомбовых ударов по объектам в Ираке, предпринятых группировкой ВМС/ВВС США и Великобритании 17-20 декабря 1998 г. (операция «Desert Fox») и в значительной мере спровоцированных негативным докладом исполнительного председателя Спецкомиссии, стали активно выдвигаться идеи о переходе на систему мониторинга в Ираке и отказе от инспекционной формы контроля. Спецкомиссия скомпрометировала себя и продемонстрировала свою неспособность объективно осуществлять возложенные на нее функции.

Появилась информация о том, что Спецкомиссия под руководством Ричарда Батлера занималась шпионажем в пользу США. Все это стало основанием для требований России, поддержанных Китаем и Францией, об отставке самого Р.Батлера, роспуске Спецкомиссии и создании нового, более эффективного органа.

В результате СБ учредил Комиссию по мониторингу, проверке и инспекциям (UNMOVIC), к которой перешли в целом функции бывшей Спецкомиссии. Предполагается, что в своей деятельности вновь созданная комиссия сосредоточит свои основные усилия в сфере мониторинга, т.е. займется наблюдением за тем, как Ирак выполняет обязательства не исполь-

зовать, не разрабатывать и не приобретать запрещенные средства и материалы. С точки зрения перспектив смягчения или отмены санкционного режима создание этого органа не несет в себе ничего принципиально нового.

В этом отношении показательны высказывание государственного секретаря США М.Олбрайт о том, что даже в случае разоружения Ирака санкции не будут сняты до тех пор, пока Саддам Хусейн находится у власти⁷². Подобные заявления противоречат положениям резолюций СБ и подрывают основы деятельности по разоружению Ирака. Такая позиция наглядно демонстрирует, что США (а вслед за ними и Великобритания) пытаются использовать санкции, являющиеся по своему назначению инструментом для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, в политических целях. Известно, что американцы поощряют деятельность различных групп и организаций, направленную на свержение режима Саддама Хусейна. Из средства обеспечения выполнения резолюций СБ санкции превратились в средство оказания постоянного давления на Ирак.

Если подходить к ответственности государства по международному праву, руководствуясь критерием эффективности, то существуют все основания усомниться в том, что экономические санкции, уже 10 лет приносящие страдания иракскому народу, отвечают этому критерию. Более того, санкции и военные угрозы привели скорее к обратному результату – они усилили позиции иракского правительства и лично Саддама Хусейна, в то время как Ирак по-прежнему остается изолированным от международного сообщества.

Россия, Франция и Китай в качестве постоянных членов СБ ООН неоднократно поднимали вопрос о пересмотре режима санкций, возможности их полной или частичной отмены, выработке практического механизма, в рамках которого было бы возможно постепенное смягчение санкций соразмерно выполненным Ираком обязательствам. Такая позиция была поддержана Лигой арабских государств и другими международными организациями, в том числе неправительственными, но столкнулась с противодействием со стороны США и Великобритании, которые блокируют принятие соответствующего позитивного решения в СБ. Тем самым эти государства, в первую очередь США, подрывают авторитет международного права, принципы международного согласия и вызывают недоверие и критическое отношение к себе, действуя на международной арене произвольно и избирательно, с применением двойных стандартов.

* * *

Опыт деятельности ООН со всей убедительностью демонстрирует острую актуальность вопроса о применении принудительных мер для поддержания международного мира и безопасности. Необходимость глубокого изучения теоретических и практических проблем, связанных с осуществлением положений гл. VII Устава ООН, очевидна. При анализе этих проблем с позиций международного права могут быть сделаны выводы, имеющие несомненную практическую ценность.

Одно из достоинств, которыми обладают принудительные меры невоенного характера, к коим относятся и экономические санкции, – это возможность гибкого реагирования на поведение государства-объекта. Совет Безопасности имеет возможность в зависимости от ситуации ужесточать, смягчать или иным образом модифицировать применяемые меры. В случае с Ираком эта возможность, во многом из-за позиции США и Великобритании, практически не была реализована. Нельзя забывать, что СБ – политический орган, а это иногда мешает принятию конструктивных, отвечающих объективным требованиям решений.

Всякий раз при анализе санкций следует различать их декларируемые и подразумеваемые цели. Различие в подразумеваемых целях вызывает разногласия в отношении критериев успеха санкций и условий их отмены. Это проявилось особенно наглядно, когда Ирак признал суверенитет и независимость Кувейта: Россия настаивала, как минимум, на смягчении санкций, в то время как США требовали их сохранения в полном объеме. Упомянутые критерии в значительной степени политизированы, пока нет объективных критериев, позволяющих оценить эффективность средств экономического давления на различные политические режимы и экономические системы. В тоже время следует придерживаться такого понимания, согласно которому непосредственной целью применения СБ принудительных мер является не восстановление уважения к международно-правовым обязательствам, а восстановление или поддержание международного мира и безопасности.

Применительно к санкциям против Ирака представляется возможным сделать несколько замечаний общего характера, которые вполне справедливы и по отношению к другим случаям применения СБ мер по ст. 41 Устава ООН.

В значительной степени санкции в отношении Ирака стали результатом импульсивных политических решений, призванных продемонстрировать негативное отношение к известным событиям. Санкции не планировались в деталях, с учетом возможных негативных последствий как для населения Ирака, так и для государств, участвующих в их осуществлении. Между тем любое решение о применении санкций должно опираться на тщательную подготовку, которая позволила бы избежать по крайней мере явных ошибок и просчетов. Совет Безопасности несет ответственность не только за поддержание международного мира и безопасности, но и за оптимальную работу механизмов, используемых для этого, а также за минимизацию побочных эффектов.

В случаях применения экономических санкций необходим учет неравномерного распределения бремени участия в их осуществлении между членами международного сообщества. Сложность оказания государствам реальной помощи по ст. 50 Устава не означает, что эту проблему вообще не нужно решать. Справедливости ради стоит отметить, что в случае с Ираком некоторые государства оценили ущерб такими суммами, что сразу лишили СБ возможности перевести обсуждение вопроса в практическую плоскость.

Санкции могут иметь успех только тогда, когда четко определены условия их отмены или модификации. Государство-объект должно иметь конкретные стимулы для изменения своего поведения. При этом цели применения санкций не должны формулироваться слишком широко, так как это может затруднить оценку их эффективности.

Масштабы санкций должны соответствовать их целям. В этом смысле санкции против государства-агрессора должны отличаться от санкций в отношении государства, ситуация в котором угрожает международному миру и безопасности. Необходимо максимально снижать воздействие санкций на простое население и обеспечивать их более направленное, избирательное действие. По возможности, следует избегать обращения к режиму всеобъемлющих экономических санкций, вступающему в противоречие с процессом развития.

Кроме того, необходимо четко разграничивать принудительные меры, предусмотренные ст. 41 Устава ООН, и международные санкции, несущие в себе элемент наказания в контексте ответственности государств по международному праву (как уже подчеркивалось, принудительные меры по гл. VII Устава не всегда носят характер санкций). Смещение их приводит к разного рода неточностям, значительным теоретическим и практическим проблемам, в целом негативно отражается на международной практике в области поддержания и восстановления международного мира и безопасности.

Экономические санкции в том виде, в каком они в настоящее время понимаются и, соответственно, реализуются, должны быть точно определены на нормативном уровне, чтобы избежать их произвольной трактовки и попыток использования в политических целях.

В вопросах, касающихся санкций, центральное место должно принадлежать СБ. Приоритетом является обеспечение строгого соблюдения предписаний Устава ООН и иных международно-правовых норм при осуществлении принудительных мер против нарушителей международного мира и безопасности. Это особенно важно в свете участвовавших в последнее время попыток со стороны некоторых государств исказить Устав ООН, обойти СБ в вопросах, входящих в его компетенцию, создать такие механизмы осуществления санкций, которые служили бы узконациональным интересам этих государств. Подобные попытки должны быть решительно отвергнуты.

В связи с этим, как представляется, России как постоянному члену СБ ООН необходимо четко и последовательно заявлять о своей твердой позиции в отношении той ситуации, которая сложилась вокруг Ирака, опираясь при этом на международное право, которое может и должно служить гарантом того, что на международной арене не будут предприниматься произвольные и односторонние действия в вопросах, представляющих интерес для всего международного сообщества.

¹ S/RES/665 (1990), 29 November 1990 – The United Nations and the Iraq – Kuwait Conflict. – С. 178.

² См., например: *Егорин А.З.* Кризис в Персидском заливе и его влияние на ближневосточную обстановку. – М., 1994; *Война в Персидском заливе и международное право.* // Советское государство и право. – 1992. – № 1.; *Рогов С.М.* Война в Персидском заливе: Некоторые предварительные итоги и уроки. // США: экономика, политика, идеология. – 1991. – № 8.; *Friedman, Norman.* Desert Victory: the War for Kuwait. – Anapolis, 1991; *Taylor P., Groom A.* The UN and Gulf War 1990-1991. L. – 1991.

³ S/RES/687 (1991), 3 April 1991 – The United Nations and the Iraq – Kuwait Conflict... – С. 193-198.

⁴ *Василенко В.А.* Ответственность государства за международные правонарушения. – Киев, 1976. – С. 215; см. также: *Колосов Ю.М.* Ответственность в международном праве. – М., 1975. – С. 131.

⁵ *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983. – С. 148.

⁶ *Kelsen H.* The law of the United Nations. – L., 1951. – С. 724; см. Также: *Bentwich M. and Martin A.* A Commentary on the Charter of the United Nations. – L., 1951. – С. 89.

⁷ *Goodrich L. and Hambro E.* Charter of the United Nations: Commentary and Documents. – Boston, 1946. – С. 161.

⁸ S/RES/666 (1990), 13 September 1990. – The United Nations and the Iraq-Kuwait, Conflict. – С. 172-173.

⁹ S/RES/669 (1990), 24 September 1990 – The United Nations and the-Iraq – Kuwait Conflict. – С. 174.

¹⁰ S/RES/687 (1991), 3 April 1991. – The United Nations and the Iraq – Kuwait Conflict. – С. 193-198.

¹¹ S/21503, 13 August 1990 (Annex). Letter dated 13 August 1990 from the Deputy Prime Minister and Minister for Foreign Affairs of Iraq addressed to the Secretary – General. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 170-171.

¹² S/22366, 20 March 1991 (Annex). Report to the Secretary-General on humanitarian needs in Kuwait and Iraq in the immediate post-crisis environment by a mission to the area led by Mr. Martti Ahtisaari, Under Secretary-General for Administration and Management dated 20 March 1991. The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. С. 186-188.

¹³ S/RES/706 (1991), 15 August 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 285-286.

¹⁴ S/RES/705 (1991), 15 August 1990. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 284.

¹⁵ S/RES/712 (1991), 19 September 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 308-309.

¹⁶ S/23514, 25 January 1992. Report to the Secretary-General on humanitarian needs in Kuwait and Iraq in the immediate post-crisis environment by a mission to the area led by Mr. Martti Ahtisaari, Under Secretary-General for Administration and Management dated 20 March 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 186-188.

¹⁷ S/RES/986 (1995), 14 April 1995. The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. С. 754-756.

¹⁸ S/1996/356, 20 Мая 1996. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Организации Объединенных Наций и правительством Ирака относительно осуществления резолюции 986 (1995) Совета Безопасности.

¹⁹ Сафрончук В. Дипломатическая история «Бури в пустыне». – Международная жизнь. – 1996. – № 10. – С. 30.

²⁰ S/RES/715 (1991), 11 October 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 339.

²¹ S/1995/1017, 7 December 1995 (Annex I). Provisions for the mechanism for export/import monitoring under paragraph 7 of Security Council resolution 715 (1991) of 11 October 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 804-808.

²² S/22660, 2 June 1991. Report of the Secretary-General proposing guidelines and mechanisms for full implementation of the arms embargo and related sanctions against Iraq. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 260-264.

²³ S/RES/700 (1991), 17 June 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 268.

²⁴ The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 108-109.

²⁵ По материалам ИТАР-ТАСС от 6 октября 1999 г.

²⁶ Сафрончук В. Дипломатическая история «Бури в пустыне». – Международная жизнь. – 1996. № 10. – С. 31.

²⁷ Вестник МИД СССР. 23(81). 15 декабря 1990. – С. 35-36.

²⁸ Вестник МИД СССР. 20(78). 31 октября 1990. – С. 10.

²⁹ The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 20.

³⁰ Меморандум от 20 сентября 1990 года Правительства Республики Польша для Комитета, учрежденного резолюцией 661 (1990) Совета Безопасности о ситуации в отношениях между Ираком и Кувейтом, о потерях Польши в результате осуществления экономических санкций в отношении Ирака.

³¹ S/AC.25/1990/WP/1, 28 августа 1990 года. Элементы рабочего документа по вопросу о рекомендациях, которые выносятся Комитетом Совета Безопасности, учрежденным резолюцией 661 (1990), Совету Безопасности в случаях, касающихся просьб об оказании помощи в соответствии со статьей 50 Устава ООН.

³² The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 20.

³³ S/RES/669 (1990), 24 September 1990. – The United Nations and the Iraq – Kuwait Conflict. – С. 174.

³⁴ The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 109.

³⁵ Там же, с. 109-110.

³⁶ Boudreau, Donald G. UN Sanctions Burden Sharing: Article 50 of the UN Charter and Assistance to Third World States. // Diplomacy & Statecraft. – Issue 9.1 (1998).

³⁷ S/RES/687 (1991), 3 April 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 193-198.

³⁸ S/22559, 2 May 1991. Report of the Secretary – General regarding creation of a United Nations Compensation Fund and Compensation Commission. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 240-245.

³⁹ S/RES/692 (1991), 20 May 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 255.

⁴⁰ The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 5.

⁴¹ Там же, 69-70.

⁴² S/AC.26/1991/1, 2 August 1991. Decision 1 taken by the Governing Council of the United Nations Compensation Commission: Criteria for expedited processing of urgent claims. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 281-283.

⁴³ A/AC.26/Dec. 18 (1994), 24 March 1994. Decision 18 taken by the Governing Council of the United Nations Compensation Commission: Distribution of payments and transparency. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 629-630.

⁴⁴ S/AC 26/1992/10, 26 June 1992. Decision 10 taken by the Governing Council of the United Nations Compensation Commission: Criteria for expedited processing of urgent claims. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 459-467.

⁴⁵ Резолюции Совета Безопасности, касающиеся экономического эмбарго против Ирака/Юридический документ, подготовленный иракскими специалистами по международному праву (1992); см. также: S/22643, 28 May 1991 (Annex). Letter dated 27 May 1991 from the Minister for Foreign Affairs of Iraq addressed to the President of the Security Council. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 256-258.

⁴⁶ S/RES/778 (1992), 2 October 1992. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 478-480.

⁴⁷ S/RES/705 (1991), 15 August 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 284.

⁴⁸ S/1999/500. Письмо министра иностранных дел Ирака Генеральному Секретарю ООН от 29 апреля 1999 г.

⁴⁹ Сафрончук В. Дипломатическая история «Бури в пустыне», с. 134; см. также: S/1994/243, 2 March 1994. Report of the Secretary-General on the Return of Kuwaiti Property Seized by Iraq – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – С. 624-627.

⁵⁰ Решетов Ю.А. В защиту международного права. // Московский журнал международного права. – 1998. – № 2. – С. 16.

⁵¹ Действующее международное право: Сборник документов в трех томах. – М., 1996. – Том I. – С. 359-360.

⁵² Бутрос-Гали. Б. Повестка дня для мира. – Нью-Йорк, 1995. – С. 43.

⁵³ Appeal against sanctions addressed to the United Nations Commission on Human Rights. Geneva, 15 August 1996.

⁵⁴ Koehler, Hans. The United Nations Sanctions Policy and International Law. Kuala Lumpur, 1995.

⁵⁵ Бутрос-Гали Б. Повестка дня для мира, с. 43.

⁵⁶ Всеобщая декларация прав человека. Декларация прав и свобод человека и гражданина. – М., 1993. С. 12.

⁵⁷ Там же, с. 14.

⁵⁸ См. также: Geoffrey Leslie Simons. Imposing Economic Sanctions: Legal Remedy or Genocidal Tool? – L., 1999.

⁵⁹ The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. С. 57.

⁶⁰ S/RES/688(1991), 5 April 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – C. 199.

⁶¹ E/CN.4/1995/56, 15 February 1995. Report on the situation of human rights in Iraq, submitted by Max van der Stoep, Special Rapporteur of the Commission on Human Rights.

⁶² U.S. Department of State: Iraq Report on Human Rights Practice for 1996 (Released by Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, January 30, 1997).

⁶³ Letter dated 15 January 1999 from the Permanent Representative of Iraq to the United Nations addressed to the President of the Security Council.

⁶⁴ *Мартене Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. – С.-Пб., 1905, Т. 2. – С. 484.

⁶⁵ S/22274, 27 February 1991. – The United Nations and the Iraq – Kuwait Conflict. – C. 181.

⁶⁶ S/22275, 27 February 1991 (Annex). Letter dated 28 February (Baghdad time) from the Deputy Prime Minister and Minister for Foreign Affairs of Iraq addressed to the President of the Security Council. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – C. 182.

⁶⁷ S/22320, 3 March 1991 (Annex). Letter dated 3 March 1991 from the Deputy Prime Minister and Minister for Foreign Affairs of Iraq addressed to the President of the Security Council. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – C. 183-184.

⁶⁸ S/RES/707 (1991), 15 August 1991. – The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict. – C. 287-288.

⁶⁹ *Сафрончук В.* Дипломатическая история «Бури в пустыне», с. 132.

⁷⁰ S/1998/166, 23 February, 1998. Memorandum of Understanding between the United Nations and Iraq.

⁷¹ *Wedgwood, Ruth.* The Inforcement of Security Council Resolution 687: the Threat of Force Against Iraq's Weapons of Mass Destruction. // *American Journal of International Law.* – 1998. – № 4. – Vol. 92. – C. 724-728.

⁷² *Ritter, Scott.* Endgame: Solving the Iraq Problem – once and for all. – N.-Y., 1999. – C. 156.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО КАПИТАЛА В АРАБСКИХ СТРАНАХ

Либеральные экономические реформы в России, в особенности обильный характер массовой приватизации, в относительно короткие сроки полностью изменили облик субъектов внешнеэкономических связей. Начиная со второй половины 90-х годов негосударственный капитал в различных его формах выдвинулся на первые роли в реализации внешнеэкономических целей и задач российской экономики. Анализ основных макроэкономических показателей, характеризующих состояние внешней торговли, партнерских связей России с зарубежными странами в этот период позволяет позитивно оценить отдельные важные аспекты, направления хозяйственной деятельности российского капитала за рубежом: в 90-е годы сохраняется значительный объем внешнеторгового оборота страны (порядка 125 – 130 млрд. долл.), внушительным представляется положительное сальдо внешней торговли (20 – 25 млрд. долл.).

Однако за общей оценкой скрываются упущения и сравнительно невысокая эффективность «работы» на отдельных важных направлениях складывающейся в 90-е годы модели внешнеэкономических связей страны, в которой ключевая роль принадлежит, если отвлечься от некоторых частных, предпринимательскому, негосударственному капиталу.

Последнее справедливо в отношении деятельности российских негосударственных экономических структур в странах Ближнего Востока и Северной Африки – традиционно важного делового партнера России. При этом, избегая крайностей, следует отметить, что нередко российские аналитики не вполне корректно проецируют прошлые масштабы сотрудничества с их искусственно гипертрофированной военной компонентой на его современный этап, в результате чего сравнения выглядят явно не в пользу периода 90-х годов. С такими оценками, естественно, согласиться нельзя. И, тем не менее, вряд ли можно признать нынешнее состояние российско-арабского делового партнерства удовлетворительным.

Основание для подобного вывода дают прежде всего важнейшие показатели состояния российско-арабской торговли, масштабы заключенных контрактов, объемы сотрудничества в сфере услуг, темпы продвижения партнерского сотрудничества в последнее десятилетие по важнейшим его направлениям и т.п. Несмотря на позитивные подвижки второй половины 90-х годов, к 2000 г. не преодолен резкий спад в объемах взаимной торговли с наиболее приоритетными для РФ арабскими государствами –

Египтом, Алжиром, Сирией и некоторыми другими. Во многом это предопределяет невысокий уровень торгово-экономического партнерства со странами Ближнего Востока и Северной Африки в целом. В частности, с крупнейшим деловым партнером – Египтом – объем торгового оборота в 1997-1999 гг. составлял в среднем 470 млн. долл., что более чем в 2 раза ниже предкризисного периода конца 80-х – начала 90-х годов.

До ослабления международных экономических санкций в конце 90-х годов почти на нулевой отметке была торговля с такими крупнейшими в прошлом партнерами России, как Ливия и Ирак. С Алжиром этот показатель в 1998 г. составил всего лишь 120 млн. долл. (0,5% внешней торговли этой страны). Частично свернуто сотрудничество и сократились российские позиции в целом ряде арабских стран в традиционных областях – нефтегазовой сфере, металлургии, сооружении объектов инфраструктуры, подготовке специалистов разного профиля и уровня и т.д.

В период существования СССР «ахиллесовой пятой» внешней торговли страны был низкий объем экспорта продукции обрабатывающей промышленности, в нем доминировали такие статьи, как сырье, энергоносители. И в прошлом, и в настоящее время доля продукции обрабатывающих отраслей РФ в экспорте в арабские страны заметно выше, чем в среднем по российской внешней торговле. Однако доля сырьевых товаров и здесь чрезмерно высока, а возможности российского несырьевого экспорта (прежде всего продукции машиностроения, но в особенности передовых технологий) используются явно недостаточно, если принять во внимание реальный потенциал российской экономики и потребности многомиллиардного рынка арабских стран. Об этих возможностях, в частности, достаточно убедительно свидетельствует следующее: в развитии энергетики – одну из многих (традиционных) областей российско-арабского сотрудничества – арабы за последнее десятилетие инвестировали огромные средства – порядка 500 млрд. долл. На ближайшую перспективу имеющиеся прогнозы показывают сохранение высоких темпов наращивания новых энергетических мощностей в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Однако российское участие, как и в 90-е годы, может вновь оказаться более чем скромным, если не будут извлечены необходимые уроки из сотрудничества периода 90-х годов.

Причины сложившегося в первой половине в 90-х годов положения известны. Это – прежде всего игнорирование в прошлом таких развитых форм делового бизнеса, как взаимные инвестиции, которые по своей природе придают стабильность и динамизм развитию внешнеэкономических связей партнеров. Как хорошо известно, в период существования СССР именно идеологические шоры препятствовали взаимным инвестициям, вокруг которых, как свидетельствует мировая практика, и складывается весь современный комплекс партнерских деловых связей. Плоды такой, мягко говоря, недальновидной политики и пожинают российская и арабская стороны в сфере экономического сотрудничества. Наряду с этим российские и арабские партнеры оказались не готовыми к переходу на новые

условия расчетов, принятые в мировой практике. Потребовалось достаточно продолжительное время, чтобы российские и арабские компании и фирмы адаптировались к ним. На масштабах и формах сотрудничества негативно сказались экономический кризис в России, произошедший в ходе коллапса прежней административно-командной хозяйственной системы, усиление ориентации на экономические связи с промышленно развитыми странами. В ряду негативных факторов следует отметить также неурегулированность внушительного долга ряда арабских государств – крупных в прошлом торгово-экономических партнеров России, международные экономические санкции в отношении отдельных арабских стран, сокращение в 80-90-е годы доходов экспортеров энергоносителей в результате продолжительного падения цен на них на мировом рынке. Ощутимое влияние оказывает и невысокий инвестиционный рейтинг как России, так и стран, расположенных в регионе Ближнего Востока. Он во многом формируется под влиянием неустойчивости внутривнутриполитического положения, различного рода конфликтов, чрезмерного вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Собственно, и российские, и арабские партнеры стремились в 90-е годы преодолеть тот неблагоприятный фон, который препятствовал росту делового сотрудничества. Поэтому представляется целесообразным оценить масштабы сдвигов, происшедших к концу десятилетия в результате усилий как российской, так и арабской сторон, старавшихся преодолеть застой и кризисное состояние торгово-экономического сотрудничества.

К настоящему времени сохраняет свое значение вопрос о погашении внушительного долга СССР, унаследованного Россией, рядом приоритетных партнеров Советского Союза – Сирией, Ливией, Алжиром и Ираком. Однако его блокирующее влияние серьезно ослаблено в результате позитивных сдвигов в решении этой проблемы, достигнутых в ходе переговоров и консультаций в последние годы.

С Египтом долговая проблема урегулирована в полном объеме, что уже позитивно сказалось на развитии сотрудничества между АРЕ и РФ. В Алжире российская сторона имеет возможность получать в счет долга товары национального производства. Действующие там с недавних пор российские коммерческие структуры пытаются извлечь из этого определенную пользу, однако их возможности ограничены сравнительно узкой номенклатурой алжирских товаров, пользующихся спросом на мировом, и в частности на российском рынках.

Затянувшийся экономический кризис в России, в том числе финансовые потрясения 90-х годов, происходящий передел собственности, в целом не устоявшиеся формы и направления деятельности негосударственного капитала, другие негативные факторы в хозяйственной жизни продолжают оказывать тормозящее влияние на весь комплекс внешнеэкономической деятельности коммерческих структур на ближневосточном направлении. Именно эти факторы – основная причина того, что российский капитал продолжает ориентироваться не столько на формирование

устойчивых и разносторонних партнерских связей и достижение долгосрочных целей, в том числе с помощью расширения инвестиционной деятельности (через создание совместных предприятий и т.п.), сколько на краткосрочные сделки – торговые операции и финансовые спекуляции, обеспечивающие возврат капитала и получение прибылей в наиболее короткие сроки. Сказывается и относительно невысокий инвестиционный рейтинг стран, в основном со сверхзататизированной и потому мало привлекательной для частного бизнеса экономикой, расположенных к тому же в одном из наиболее нестабильных регионов мира. Показательно, что в 1998 г. в Марокко – стране со значительным экономическим потенциалом и длительными партнерскими связями с Россией – действовало всего лишь пять совместных предприятий с российским участием, а общий объем выполненных ими работ составлял порядка 1,5 млн. долл. При этом Россия вышла на второе место после Евросоюза по объему импорта марокканских цитрусовых. Это говорит о значительных предпосылках для успешного ведения совместного бизнеса.

В конце 1999 – начале 2000 гг. улучшение конъюнктуры мирового рынка энергоносителей позволило укрепить экономическое положение и повысить платежеспособность арабских стран – экспортеров углеводородов, которые в течение всего десятилетия испытывали серьезные финансово-экономические трудности, что также расширило их возможности как в области решения долговой проблемы, так и обеспечения необходимых для партнерства и развития хозяйственных ресурсов. Однако не исключено, что эффект от этих позитивных подвижек будет непродолжительным, да и проявился он лишь в самое последнее время.

Активизация роли ЕС и США на экономическом пространстве региона в 90-е годы в условиях «ухода» России привела к тому, что ими частично заняты ниши, прежде бывшие российскими – в металлургической промышленности, сооружении объектов инфраструктуры и т.д. Причем данный процесс продолжает развиваться. Из стран-членов ЕС и США по различным каналам на реализацию проектов экономического развития в государствах региона в виде инвестиций, кредитов и помощи поступают финансовые ресурсы, многократно превышающие объем российско-арабского экономического сотрудничества. В 90-е годы происходит динамичное «освоение» экономического пространства североафриканских стран капиталом промышленно развитых в рамках курса на полномасштабное обновление партнерских связей с арабскими странами, провозглашенного в последнее десятилетие. И хотя оно не блокирует российско-арабское сотрудничество (в принципе, это и невозможно), тем не менее, является дополнительным осложняющим фактором и ставит новые проблемы перед российскими структурами, стремящимися обосноваться в этом регионе.

Ощутимые положительные результаты достигнуты в формировании обновленной в соответствии с реалиями 90-х годов юридической базы, необходимой для развития торгово-экономического сотрудничества РФ с

арабскими странами. Процесс становления структур и институтов, служащих поддержке российско-арабского торгово-экономического сотрудничества, идет в последние годы с ускорением. Однако здесь все еще немало нерешенных проблем, а главное, наработка практического опыта ими, как показывает опыт, займет достаточно протяженную полосу времени.

С отдельными странами обновление правовых основ делового партнерства находится лишь в начальной стадии. В частности, первое заседание Смешанной российско-алжирской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству состоялось только в начале 2000 г. Поэтому такие принятые на ней основополагающие правовые документы, как конвенция о юридической взаимопомощи в решении хозяйственных и иных спорных вопросов, соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, об избежании двойного налогообложения должны еще пройти стадию практической апробации и вероятной корректировки.

На деятельности российских негосударственных коммерческих структур в регионе негативно сказались международные экономические санкции, применяемые на протяжении 90-х годов против Ирака и Ливии, а также гражданская война в Алжире. Эти факторы, по сути, блокировали возможное развертывание деятельности российских частных, негосударственных структур в этих странах, существенно, в силу известных обстоятельств, снизив их активность на ближневосточном направлении в целом.

Таким образом, логично сделать вывод о том, что со второй половины 90-х годов по настоящее время происходит процесс формирования лишь общих, более благоприятных, чем ранее, условий для деятельности российского негосударственного капитала, о чем свидетельствуют более чем скромные ее результаты на 2000 г.

Тем не менее, негосударственный российский капитал со второй половины 90-х годов расширяет свою деятельность в большинстве стран Арабского Востока. Его наибольшая активность отмечается в Египте, Марокко, Сирии, а также в ОАЭ и Кувейте. В Тунисе, Ливане и Йемене его деятельность имеет ограниченные масштабы и не отвечает имеющимся там возможностям. В отдельных странах, в Судане, например, попытки наладить партнерство с местными частными структурами не дали пока ощутимого положительного результата.

Однако деятельность российских частных, негосударственных экономических структур на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вступившая лишь в начальную свою фазу главным образом во второй половине – конце 90-х годов, постепенно активизируется при опоре на высокую степень заинтересованности как России, так и ее традиционных партнеров в регионе в восстановлении прежнего объема сотрудничества (скорректированного с учетом новых реалий) и придании ему новых форм и более широких рамок.

Деятельность российского капитала в Египте к 2000 г. оказалась более успешной, чем в других арабских странах. Это связано с целым рядом

обстоятельств и прежде всего с тем, что Египет раньше других решил проблему долга и быстрее (в ходе визита президента Х.Мубарака в сентябре 1997 г.) подписал с РФ ряд основополагающих документов, открывающих дополнительные возможности для российских партнеров, в том числе: о научно-техническом сотрудничестве, о взаимной защите и поощрении инвестиций, избежании двойного налогообложения, правовой помощи по гражданским и коммерческим делам, Протокол первого заседания совместной российско-египетской Комиссии по торговле, экономическому и научно-техническому сотрудничеству (которое состоялось в Москве накануне визита египетского президента). Эти документы, а также договоренности о снижении уровня таможенных пошлин во взаимной торговле в основном создали необходимые предпосылки для активизации деятельности российского негосударственного капитала в Египте.

В конце 90-х годов продолжалась работа над возможными проектами двустороннего российско-египетского сотрудничества. Они охватывают такие сферы, как черная и цветная металлургия, цементная промышленность, производство стекла, электроэнергетика, химическое производство и горная добыча. Значительный интерес египетская сторона проявила к привлечению российских компаний и структур к реализации проекта «Новая долина» по освоению около 900 тыс. га земель в Западной пустыне, рассчитанного на вложение нескольких миллиардов долларов. В свою очередь, египтяне заявили о готовности рассмотреть возможности инвестирования своего капитала в широкий круг российских отраслей.

Один из проектов совместного российско-египетского предпринимательства – договоренность российской компании «Авиастар» и египетской «Сирокко Аэроспейс интернейшнл» о совместном финансировании производства 200 самолетов ТУ-204 и создании совместной лизинговой компании по их эксплуатации. Этот контракт, являющийся одним из самых крупных совместных проектов российских негосударственных структур с участием зарубежного капитала, во многом показателен в смысле реальных возможностей российских структур на Ближнем Востоке и в Северной Африке в области коммерческой реализации современных российских технологий, энергетики, сооружения инфраструктурных объектов, черной и цветной металлургии, машиностроения, освоения месторождений нефти и газа и в других областях. В конце 90-х годов Египту уже поставлено несколько единиц этой авиатехники.

В целом не исключено, что именно широкомасштабные предложения египетской стороны о совместных инвестициях в различные отрасли российской экономики на данном этапе создадут базу для совместной деятельности частных предпринимательских структур с опорой на российское экономическое пространство (при ее последующем продолжении на египетском пространстве).

Негосударственный российский капитал со второй половины 90-х годов расширяет свою деятельность в Египте и других арабских странах по линии весьма перспективного сотрудничества между регионами и крупны-

ми городами. В частности, на египетском направлении установились прямые контакты, оформленные соответствующими соглашениями и договоренностями между коммерческими структурами АРЕ и Московского региона, Нижегородской области и Татарстана при поддержке местных властей о сотрудничестве в реализации совместных проектов, заключены контракты по поставкам.

Те российские структуры, которые «наработали» солидный объем коммерческих сделок на арабских рынках (как правило, это крупные промышленные объединения, длительное время ориентирующиеся на экспорт значительной части своей продукции, а также российские регионы), имеют возможность открыть свои представительства, работающие в тесном взаимодействии с торгпредствами РФ в странах региона. Как показывает опыт, представительства таких известных крупных российских структур, как «Камаз», «Тракторозэкспорт», «ЛОМО», «Ладаэкспорт», «Авиаэкспорт» и других, функционируют достаточно эффективно, хотя объемы проводимых ими операций показывают, что их потенциал далеко не исчерпан.

Однако малый и средний бизнес, не имеющий необходимых ресурсов для открытия своих отделений и представительств за рубежом, лишен возможности прямого выхода на ближневосточных партнеров. Те же структуры, которые, как показывает мировая практика, призваны взять на себя решение этой задачи, пока либо не сложились в эффективный и действенный механизм, либо находятся в стадии становления. Это – одна из главных причин, почему российский предпринимательский капитал на Ближнем Востоке и в Северной Африке не приобрел до сих пор массового характера в отличие от фирм и компаний промышленно развитых стран.

Как важный положительный сдвиг последних лет следует отметить ускорение формирования тех структур, которые осуществляют поддержку партнерских связей в рыночной среде и без которых их развитие просто невозможно. В частности, наметился процесс специализации российских банков на ближневосточном направлении. Так, «Межкомбанк» установил корреспондентские отношения с семью египетскими банками (Национальный, Каирский банк, Банк Миср, Египетско-английский и др.), подписал соглашения о взаимном признании гарантий, что существенно облегчает финансирование торговых операций, открывает возможности для участия российских компаний в торгах, получение гарантий надлежащего исполнения контрактов. Однако финансовая поддержка торгово-экономических российско-арабских связей со стороны банков пока лишь разворачивается и не может компенсировать явно недостаточный уровень государственной поддержки в области кредитования и по линии централизованных поставок различного технологического оборудования.

Определенный прогресс наблюдается по части формирования сети транспортных компаний, призванных обеспечить двусторонние торгово-экономические связи. В частности, в конце 90-х годов организуется прямая судоходная линия между Россией и Египтом с использованием судов

типа «река-море». Это должно позволить связать как морские, так и внутренние речные порты (Волго-Донского и Каспийского бассейнов), что очень важно для установления прямых партнерских связей между арабскими портами и транспортной сетью субъектов Российской Федерации.

Наконец, наблюдаются сдвиги в такой ключевой области, как создание структуры, призванной обеспечить страхование от коммерческих рисков во внешнеэкономической деятельности. В частности, российская страховая компания «Ингосстрах» налаживает партнерские связи с Египетской компанией по гарантиям экспортных кредитов.

Анализ деятельности российских фирм и организаций свидетельствует о том, что, если по линии крупных негосударственных и полугосударственных компаний и структур (с участием государства) сотрудничество развивается более или менее стабильно (в значительной мере благодаря государственной поддержке и наработанным в прошлом партнерским связям и опыту), то малый и средний бизнес пока находится в состоянии «раскачки». Между тем ему принадлежит исключительно важная, а в ряде аспектов – ключевая роль во всем комплексе обеспечения российских экономических интересов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Прежде всего речь идет о придании торгово-экономическим партнерским связям стабильности и необходимой динамичности в развитии, а также большей оперативности в освоении всего многообразия тех ниш, которые имеются на экономическом пространстве региона. Исключительное значение имеет обеспечение средним и малым бизнесом необходимой «критической массы» партнерских связей, на основе которых вырастает весь современный комплекс сотрудничества, достигается стабильность в работе всех вовлеченных в этот процесс институтов и структур поддержки. Массовый малый и средний бизнес позволяет добиться необходимой в деловой жизни политической, общественной, рекламной и иной поддержки. В особенности это относится (с учетом всего круга обстоятельств) к среднему бизнесу, для которого характерны наибольшая устойчивость и оперативность в решении хозяйственных задач.

Налаживание партнерских связей по линии негосударственного бизнеса осуществляется в различных, в целом хорошо зарекомендовавших себя формах – участие российских и арабских фирм и компаний в многочисленных, ставших традиционными ярмарках, бизнес-семинарах, выставках, организуемых в столицах и регионах, международных тендерах и т.п. Однако их результаты все еще оставляют желать лучшего. Новые субъекты делового сотрудничества порой слабо знают реалии хозяйственной жизни как на Арабском Востоке, так и в России, сказывается отсутствие у многих из них необходимого опыта. Это продемонстрировали в целом полезные бизнес-семинары (бизнес-недели), организованные в России и в арабских странах, в частности в Египте и Алжире. Объемы заключенных в ходе их работы контрактов пока довольно скромны, а порой и просто незначительны, тендеры нередко заканчиваются проигрышем российских участников. Показательно и то, что нередко российские коммер-

ческие структуры все еще вынуждены опираться на деятельность посредников из промышленно развитых стран.

Помимо ранее упомянутых причин, следует назвать и недостаточную проработку потенциальных соглашений (контрактов) на предварительной стадии, незавершенность процесса формирования тех современных структур, которые призваны обеспечить высокопрофессиональную поддержку бизнес-контактов.

Пока явно недостаточно участие (прежде всего финансовое) в поддержке ключевых структур, в особенности осуществляющих исследовательские, координирующие и другие (сопутствующие) функции, со стороны крупных коммерческих структур как российских, так и арабских, прямо заинтересованных в стабильном и долгосрочном характере своего присутствия в регионе. Российские эксперты справедливо отмечают, что без профессионально, с учетом особенностей хозяйственного пространства ближневосточных стран скоординированной работы в области рекламы, маркетинговых исследований, подбора надежных, солидных партнеров, посредников из арабских стран полномасштабное освоение их рынков вряд ли возможно. Эта оценка тем более актуальна в условиях растущей конкуренции со стороны промышленно развитых стран, подготовки арабских стран к вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО), роста интеграционных связей с Евросоюзом и т.д. Наметившиеся изменения торгово-экономического пространства стран Ближнего Востока и Северной Африки уже в ближайшей перспективе существенно повлияют на их внешнеэкономические ориентиры и могут вновь отбросить назад весь комплекс российско-арабского экономического партнерства, который пока так и не завершил процесса адаптации к новым реалиям.

Достижение устойчивого серьезного прогресса в преодолении спада в российско-арабских торгово-экономических связях в значительной мере зависит от быстреешего преодоления «узких мест» в системе координации всей суммы партнерских двусторонних связей, которую призваны в условиях рыночных отношений осуществлять ключевые структуры в этой области, главным образом двусторонние торгово-промышленные палаты (российско-египетская и т.п.), ведущие свою работу повседневно, а не от случая к случаю. Создание подобной структуры (в сфере российско-египетских деловых связей формируется Совет делового сотрудничества, учредительные документы о создании которого переданы египетской стороне в начале 1999 г.) может заметно ускорить развитие двусторонних торгово-экономических связей, если как российская, так и египетская сторона творчески учтут не только собственный, но и мировой опыт, и не бюрократизируют ее деятельность, найдут формы усиления коммерческих основ (и это необходимо особо подчеркнуть) ее работы. Важным принципом деятельности ключевых структур должно стать постоянное саморазвитие, самосовершенствование, точным индикатором которого является динамика объема операций и эффективности их работы.

**СТРАТЕГИЯ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН – ВЕДУЩИХ АРАВИЙСКИХ
НЕФТЕЭКСПОРТЕРОВ**

(на примере Королевства Саудовская Аравия и Государства Кувейт).

По оценкам большинства исследователей, в XXI веке понятие ОПЕК будет все больше ассоциироваться с географическим понятием Ближний Восток. Действительно, за время с энергетического кризиса и нефтяных «шоков» 70-х годов доля Ближнего Востока в мировых запасах существенно повысилась, как и его роль в качестве узлового региона для мирового нефтеснабжения по концентрации нефтяных запасов: 55,25% мировых доказанных запасов на конец 1975 г., 56,14% – 1985, 64,85% – 1995 г. В то же время доли в мировых запасах Северной Америки, Европы, бывшего СССР, Африки, Азии и Австралии за тот же период снизились: Северная Америка, соответственно, 8,55%, 13,06% и 8,52%; Европа – 4,29%, 4,00% и 1,74%; бывший СССР -12,06%, 8,60% и 5,61%; Африка – 9,76%, 8,00% и 7,19%; Азия и Австралия – 6,21%, 5,26% и 4,34%. Лишь доля Южной Америки в мировых запасах также увеличилась, как и доля Ближнего Востока, но на значительно меньшую величину: 3,88%, 4,93% и 7,76% [1, с. 35].

Стратегия нефтяной политики таких стран – «нефтяных гигантов» как расположенные на Аравийском полуострове Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Государство Кувейт представляет особый интерес вследствие их существенной роли как обладателей огромной части мировых запасов наиболее ценной по ее характеристикам нефти и вытекающего из этого факта в большой степени определяющего характера шагов данных государств в качестве ведущих экспортеров этого стратегически важного вида топлива и членов ОПЕК. По данным на начало 1998 г. доказанные запасы нефти трех нефтеэкспортирующих монархий Аравии (так называемых «закрывающих поставщиков» в ОПЕК) – КСА, Кувейта и ОАЭ оцениваются в 61700 млн. т – почти 62 миллиарда тонн «черного золота», они контролируют 98% нефтяных ресурсов Аравии, 57% нефтяных ресурсов ОПЕК и 43,8% мировых. Саудовская Аравия – самый крупный в мире резервуар нефти – контролирует 35,8 млрд. т, или 39,09% нефтяных запасов Ближнего Востока, 33% ОПЕК и 25,2% мировых. Доказанные запасы нефти Кувейта – 13,3 млрд. т или 9,3% мировых запасов, доказанные запасы нефти ОАЭ составляют 12,7 млрд. т, или 9% мировых; т.е. эти два небольших аравийских государства владеют 18,3% мировых запасов [2, стр. 4-5].

Нефтяная политика монархий Персидского залива обуславливается прежде всего ролью Саудовской Аравии, которая, по распространенному

мнению, держит в руках ключи от нефтяной политики ОПЕК. КСА рассматривается как «гегемон» (т.е. лидер) нефтяной политики ОПЕК, так как чем больше доля страны в добыче и на мировом рынке нефти, тем более сильное влияние эта страна способна оказывать на формирование тенденций, складывающихся на рынке. Среди стран Аравии вторым по политическому влиянию нефтеэкспортирующим государством выступает Государство Кувейт, которое раньше других стран-членов ССАГПЗ приступило к осуществлению национальной программы экономической модернизации и проводило активный внешнеполитический и интеграционный курс, однако Кувейт вместе с другими странами ССАГПЗ в целом признает лидерство КСА.

КСА, Кувейт, также как и примыкающие к ним ОАЭ, а также другие обладающие далеко не столь значительными запасами нефти монархии Персидского залива составили консервативную группировку нефтеэкспортирующих государств, которая выступала с позиций поддержания достаточно умеренных цен на нефть и меньше других арабских и исламских стран склонялась к каким-либо жестким действиям по отношению к развитым странам-нефтеимпортерам. В настоящее время такая линия представляется достаточно продуманной, поскольку таким образом эти государства стремились закрепить за экспортируемой ими нефтью стабильную долю рынка на долгосрочный период, не создавать импульсов усиливающих в странах – импортерах мероприятия по переходу к другим источникам энергии. Отмечая, что «ОПЕК – это Саудовская Аравия» Директор Оксфордского института энергетических исследований Р.Мабро подчеркивал: «понятие лидерства это ключ к пониманию позиции Саудовской Аравии в долгосрочных интересах старающейся не давать ценам опускаться слишком низко или подниматься слишком высоко» и что, «считать целью Саудовской Аравии игру с ценами без учета состояния рынка и императивов, возлагаемых на Саудовскую Аравию ее местом – это значит совершенно не понимать положение дел» [см.: 3, стр. 62-63].

Однако, нельзя не учесть, что таким странам как Саудовская Аравия и Кувейт проводить столь сбалансированную политику в сфере нефти было все же намного легче, чем ряду других арабских и мусульманских нефтедобывающих стран. Причина такого положения в том, что в 60-е – 90-е годы относительная величина нефтяных резервов с низкими издержками разработки рассматриваемых аравийских монархий в сравнении с численностью населения являлась очень высокой, монархиям было гораздо проще идти на поддержание большего объема предложения нефти при более низких ценах или наоборот, сокращать добычу: общая масса дохода и его накапливаемые излишки позволяли амортизировать проблемы хозяйственного и социального развития. Если же касаться стран часто пытавшихся предпринять «радикальные» шаги в области нефтяной политики, такие как Ирак и другие, то с объективной точки зрения этим странам было намного труднее и сокращать добычу, и идти на понижение цен под давлением факторов численности населения, крайне сложного характера социально-экономических и социально-политических проблем развития.

После вытеснения международных нефтяных монополий из нефтяной промышленности арабских и других развивающихся стран в 60-х – 70-х годах и распространения национального контроля на сферу добычи и экспорта нефти первостепенную роль в отстаивании долгосрочных интересов развивающихся стран – нефтеэкспортеров конечно приобрели экономические рычаги. Группа «умеренных» или «консервативных» нефтеэкспортеров ядром которой выступают ведомые Саудовской Аравией нефтяные монархии стала оказывать и по-видимому будет и в дальнейшем оказывать на формирование нефтяной политики ОПЕК влияние, которое трудно переоценить.

В прошедшие годы исследователями проблем нефтяного рынка был предложен ряд теорий или моделей объясняющих формирование стратегии нефтяной политики стран – умеренных нефтеэкспортеров, принимающих во внимание гегемонию или лидерство КСА в нефтяной политике ОПЕК и развивающихся стран в целом. Данные теории не могли не учитывать необходимость анализа как экономических, так и собственно политических факторов в формировании нефтяной политики стран – экспортеров нефти. Одна из исследователей этой проблематики С.Стрэндж отмечает, например, что эти вопросы находятся в области находящейся на стыке экономической и политической наук и из-за этого требуют применения смешанного политико-экономического подхода. «То, что необходимо... это некоторая аналитическая основа касающаяся влияния государств на рынок различных источников энергии, и, одновременно, сочетающаяся с фактором влияния рынка на политику и политические шаги, экономическое развитие и экономическую безопасность государств» [4, с. 191]. По-видимому, справедливым выступает и следующее утверждение одного из исследователей, Дермота Гэйтли, автора работы «Стратегия ОПЕК в отношении принятия решений в области установления цен и объемов производства» и ряда других публикаций, о том, что «Только посредством сочетания политического и экономического анализа возможно достичь наиболее ясного понимания подлинной природы мира международной нефти, поскольку нефтяная экономика влияет на нефтяную политику, и наоборот, нефтяная политика влияет на нефтяную экономику» [1, с. 6].

Среди основных из моделей нефтяной политики стран - нефтеэкспортеров ОПЕК как наиболее распространенные в принципе можно выделить теорию ценового лидерства в рамках ОПЕК, теорию картеля и модель, обосновываемую с точки зрения теории игр.

Согласно модели ценового лидерства, такой ценовой лидер как Саудовская Аравия должен обладать властью, позволяющей ему влиять на цены на нефть, выступая в качестве замыкающего поставщика и действуя независимо от остальных членов ОПЕК.

Согласно модели ОПЕК как картеля, все члены ОПЕК координируют объемы производства между собой, и реально представляют собой картель. В качестве организации – монополиста все производители будут снижать объемы производства с целью увеличить цены на нефть и свои прибыли.

Согласно модели на базе теории игр производители будут заключать между собой соглашения по сокращению объемов производства нефти, направленные на повышение цен, но будут периодически вновь возвращаться за стол переговоров, поскольку каждая страна – производитель стремится выторговать для себя такие индивидуальные квоты производства (т.е. добычи) нефти, которые позволяют максимизировать ее доходы. При этом каждая нефтедобывающая страна будет осуществлять такую стратегию, которая бы позволила получить преимущества по сравнению со всеми другими производителями.

Вместе с тем, ввиду ограниченности отмеченных моделей при объяснении относительно низкой интенсивности добычи стран ОПЕК, а также невозможности для ряда стран – экспортеров быстро сократить добычу нефти в тех случаях, когда нужно предотвращать резкий спад цен, возникла еще одна теория, достаточно полно описывающая политику производителей ОПЕК и близких по структуре к ОПЕК и дополняющая перечисленные до этого модели. Это теория, рассматривающая производителей в качестве экономических агентов или хозяйственных субъектов отличающихся большей или меньшей расположенностью к риску при принятии решений (теория нерасположенности к риску). Теория нерасположенности к риску обосновывалась в работах таких экономистов, как Дж.А. Кохенбергер, М.Фридман, Л.Дж. Сэйвэдж [5. стр. 902]. Дело в том, что несмотря на то, что добыча нефти основных экспортеров ОПЕК никоим образом не является нерентабельной, она покрывает издержки и создает прибыль, страны – основные производители и экспортеры нефти не прилагали существенных усилий для наращивания объемов добычи и экспорта нефти. Это можно наблюдать если рассматривать один из важнейших показателей степени интенсивности разработки минеральных ресурсов – показатель отношения резервов к добыче в расчете по количеству лет, на которые нефтяных ресурсов стран – производителей должно хватить при текущем объеме добычи. Сопоставление отмеченного показателя по странам осуществляющим добычу нефти с учетом величины их запасов свидетельствует об очень своеобразном состоянии нефтяной сферы участников ОПЕК, а также и Мексики. У многих крупных нефтедобывающих стран ОПЕК отношение резервов к добыче длительное время находилось на крайне высоком уровне, в сравнении со странами – производителями вне ОПЕК. Это 140 лет в КСА, 300 в Кувейте, 120 в ОАЭ, 57 в Иране, 86 в Ираке, 60 в Мексике в 1986 г. и лишь 7,6 в США, 12,7 в Канаде, 9,5 в Великобритании в том же 1986 г. А в 1996 г. – 90 в КСА, 142 в Кувейте, 137 в ОАЭ, 69 в Иране, 47 в Мексике и лишь 9,4 в США, 7,3 в Канаде, 4,7 в Великобритании [там же].

Теория нерасположенности к риску исходит из предположения о нежелании стран – производителей потерять будущие доходы вследствие обширной преждевременной разработки жидкого топлива в настоящем (падение цен из-за чрезмерно больших объемов поставок, снижение рентабельности добычи из-за ухудшения геологической структуры залежей, особенно когда выработка приближается к 50% и т.п.).

Другим важным аспектом теории нерасположенности к риску является невозможность для ряда стран имеющих более сложные экономические и социальные условия развития, достаточно большое население (в сравнении с монархиями Персидского залива) пойти на сокращение добычи, когда она уже развернута. Это представляет немалый внутренний политический риск, кроме того, более сложные финансовые условия развития ведут к острой чувствительности текущих убытков вызываемых консервацией мощностей. Подобные аспекты во многом касаются провала задачи проведения слаженной политики ОПЕК в первой половине 1980-х, когда последнее из отмеченного характерно проявилось в поведении стран-нефтеэкспортеров относимых к «радикальной» группе.

Исходя из основных моделей нефтяной политики ОПЕК и других развивающихся стран-нефтеэкспортеров, можно следующим образом сказать о прошедших этапах развития ситуации на мировом рынке нефти. В период до 1982 г. КСА практически обладало возможностями чистого ценового лидера и могло эффективно влиять на цены на нефть, добываясь их повышения за счет поддержания добычи на низком уровне, ниже своих производственных мощностей. Поэтому не существовало соглашений по квотам, а были лишь соглашения о согласовании устанавливаемых цен. В качестве ценового лидера – монополиста КСА было заинтересовано в поддержании высоких цен, однако не настолько высоких, чтобы это дало сильный толчок внедрению альтернативных нефти источников энергии и снижению энергоемкости. (Однако эти меры были осуществлены странами-импортерами нефти в достаточно большом объеме, что впоследствии привело к снижению спроса на нефть). Другие же страны, прежде всего входящие в ОПЕК, не наращивали их добывающие мощности ввиду давления на них совокупности экономических и политических рисков.

После 1982 г. оказалось, что состояние рынка с учетом добычи вне ОПЕК привело к утрате Саудовской Аравией чистого монопольного ценового лидерства. Вместе с тем, КСА попрежнему было способно в немалой степени осуществлять функции ценового лидера, воздействуя на рынок поставками саудовской нефти по устанавливаемым КСА ценам и принуждая других экспортеров ОПЕК вступать в переговоры по квотам добычи. Однако страны ОПЕК не смогли проявить должной политической воли и достигнуть работоспособной позиции по квотам, возлагая миссию по снижению добычи практически только на Саудовскую Аравию. Поведение участников ОПЕК в тот период напоминало модель теории игр, когда каждый из них пытался выторговать для себя наиболее выгодные условия.

Однако наиболее важной причиной, лежащей в основе провала ОПЕК как организации в принятии решительных согласованных мер, вероятнее всего выступило давление политических рисков. Политические риски, прежде всего внутреннего характера, не позволяли отдельным странам – членам ОПЕК и их органам ответственным за организацию добычи нефти пойти на снижение их доходов, сокращая набранную инерцию добычи. Опасность понесения немедленных убытков и потерь из-за со-

крашения объемов экспортируемой нефти оказывалась сильнее необходимости предприятия слаженных усилий для воздействия на рынок.

Так, например, перед очередной конференцией ОПЕК декабря 1982 г. ситуация была такова, что на рынке не имелось достаточного спроса для производимых ОПЕК 18,5 млн. барр. в день (или мбд.) сырой нефти, с учетом того, что производители вне ОПЕК за период высоких цен серьезно нарастили мощности добычи и ничто не могло остановить инерцию роста их производства. Выторговывание разными членами ОПЕК более высоких квот привело к общей добыче ОПЕК в 23,5 мбд. Иран потребовал для себя квоту в 3,2 мбд. и настаивал на сокращении добычи КСА до менее 5 мбд., обосновывая свои требования историческим уровнем добычи, размером запасов нефти Ирана, величиной населения, уровнем экономико-социальных нужд. Венесуэла выступала за ее национальную квоту в «по меньшей мере 2,1 мбд.», Ливия не – ниже 1,3 мбд., Ирак требовал для себя квоту не ниже иранской или «исторически сложившуюся» в 10% производства ОПЕК, а ОАЭ – квоту в 1,35 мбд. Поэтому было принято лишь декларативное заявление о необходимости придерживаться общего уровня добычи в 18,5 мбд. [6, с. 310; 7, с. 607].

Одно из ключевых лиц в ОПЕК того времени, министр нефти КСА шейх Ахмед Заки Яиани характеризовал период тех лет следующим образом: «Это полный провал. Абсолютно откровенно, я не вижу благоприятного будущего. Мы ожидаем, что через несколько дней цена на нефть Северного моря упадет на 2-3 доллара. И это станет началом цепной реакции... Мы потеряли терпение по отношению к тем членам ОПЕК которые предпочли свои краткосрочные корыстные интересы политике интересов ОПЕК и даже своих же долгосрочных интересов» [8, с. 262].

Надо понимать, что более дальновидная линия Саудовской Аравии очень сильно ограничивалась политическими рисками и угрозами и нефтяная политика саудовских деятелей была вынуждена состоять из постоянного поиска политических компромиссов и балансов. Эта угроза не выступала чисто внешнеполитической проблемой, так как КСА всегда балансировало между традиционализмом и модернизмом и внутри КСА были силы занимавшие радикальные позиции, в т.ч. и по нефтяным проблемам. Сходное положение было и в Государстве Кувейт, поскольку были прецеденты когда Кувейт, обычно отличавшийся сбалансированностью политики, поддерживал «радикалов» в их требованиях повышения цен на нефть. Это обстоятельство, однако, свидетельствует о крайне непростом характере процесса координации действий стран – экспортеров нефти, лишний раз подтверждающий в том числе и силу влияния на него политического фактора.

В конечном итоге саудовцам пришлось отказаться от бремени замыкающего поставщика и идти на риск перепроизводства нефти, для того, чтобы сохранить свою долю на рынке нефти и свое влияние на этот рынок. Посредством этого им также удалось заставить других производителей ОПЕК следовать более конструктивной линии поведения. За недостатком политических рычагов КСА «наказывало» их экономически, так как

дешевая саудовская нефть делала их производство нерентабельным. Однако в период спада цен ОПЕК была вынуждена лишь следовать за тенденцией рынка, фиксируя сложившуюся ситуацию.

Все это по существу подтвердило, что ОПЕК не является картелем в обычном смысле слова и участники этого специфического картеля шли на тесную координацию действий именно под влиянием давления экономических рисков, когда выявляется угроза больших потерь в будущем. Вместе с тем, развитие рынка в 80-90-е годы и воздействие на него КСА вместе с другими членами ССАГПЗ проявило свидетельство того, что состояние рынка и соотношение спроса и предложения в конечном, долгосрочном плане обуславливается прежде всего развитием мировой экономики, динамикой ее потребностей в нефти. Эта общая тенденция задает границы, в которых могут действовать как организация ОПЕК, так и Международное Энергетическое Агентство, объединившее потребителей из развитых стран. Различные исследователи, осуществлявшие анализ рынка нефти в последние годы, не могли не учитывать эту важнейшую экономическую предпосылку его эволюции (см., напр., 9).

Однако, когда члены ОПЕК обдуманно следуют отмеченным тенденциям, то они в состоянии ускорить или замедлить их развитие. Особенно благоприятно для нефтеэкспортеров это проявляется в периоды существенных сдвигов в сторону возрастания энергопотребления. Данные аспекты характерны во второй половине 90-х годов, когда в 1997 – начале 1998 г. воздействие макроэкономических факторов, включая кризис в Юго-Восточной Азии (ЮВА), необычайно теплую зиму 1997 – 1998 гг. и т.д., на фоне превышения квот привело к достижению ценами на нефть самой низшей за весь период с 1980 г. точки 10 долл. за баррель. Угроза полного обвала цен и крупных хозяйственных потерь естественным образом заставила нефтеэкспортеров сплотиться и откликнуться на заявления саудовцев о необходимости снижать добычу. При этом КСА отказывалось делать это в одностороннем порядке [10, стр. 7].

Примечательно, что с инициативой заключения пакта о снижении добычи после предварительных переговоров с КСА и Венесуэлой выступила не входящая в ОПЕК Мексика. После подписания этого пакта в Эр-Рияде (сокращение добычи основных нефтеэкспортеров на 1,725 мбд.) скоординированность действий продуцентов нефти выразилась во все новых достаточно слаженных акциях. В частности, в марте 1999 г. экспортерам нефти удалось не только принять решение о сокращении добычи нефти с 28 до 24 мбд., но и достаточно строго выполнять его в дальнейшем. Как отмечают эксперты, «твердость ОПЕКовцев привела к тому, что с ними единым фронтом выступили экспортеры нефти, не входящие в эту организацию, такие как Норвегия или Мексика». Однако надо отметить, что без давления угроз огромных хозяйственных потерь этого бы не было (Норвегии, например, еще до этих соглашений пришлось срочно урезать планы развития нефтяной отрасли). В конечном итоге именно два раунда совместных сокращений нефтедобычи 1998 года и третье ее сокращение в марте

1999 г. проведенное во взаимодействии с нефтедобывающими странами не входящими в ОПЕК, Норвегией, Мексикой, Оманом и Россией привели к перелому ситуации и началу оживления рынка нефти [см., напр., 11, стр. 5].

С марта до конца 1999 года мировые цены на нефть испытали серьезную тенденцию к повышению, увеличившись втрое, наблюдались частые перебои со снабжением нефтью и топливом для транспорта в США и странах Европы, вновь возросла роль по сути каждого движения в политике государств-членов ОПЕК, в которой особое место принадлежит так называемым «нефтяным гигантам» Персидского залива, прежде всего Королевству Саудовская Аравия, а также Кувейту и ОАЭ. Хотя нужно осознавать, что конец 90-х годов отличается, как в частности предсказывал А.З.Ямани, сильным проявлением ограниченности потенциала рентабельных разработок нефти вне ОПЕК и особенно Ближнего Востока, а также серьезным исчерпанием потенциала энергосбережения. Поэтому такие факторы как финансово – экономический кризис в ЮВА в сочетании с колебаниями климата могли вести к падению цен на нефть, но после неизбежного восстановления хозяйственного роста в перенесших кризис странах в мире стала ощущаться нехватка нефти и нефтепродуктов.

Ввиду отмеченного можно сделать вывод о том, что ведомые КСА монархии Персидского залива (прежде всего обладатели крупных нефтяных резервов – Кувейт, а также ОАЭ) представляют крайне важный центр формирования нефтяной политики ОПЕК. Данный центр нефтяной политики, руководствуясь хозяйственными и политическими императивами составляющих его стран, может усиливать свое влияние и продвигать более выгодные для него принципы участия в системе мирового хозяйства прежде всего в те периоды, когда параметры развития мирового хозяйства и энергетики обусловленные обозначенными выше факторами приводят к фазе повышения значения снабжения первичными источниками энергии, и в их числе прежде всего нефтью, как стратегическим видом топлива и источником энергии.

Политика таких «нефтяных гигантов» как КСА и государство Кувейт заключающаяся в наполнении рынка значительными объемами аравийской нефти имеет своей стратегической целью закрепление обширной доли рынка за нефтяной продукцией аравийских монархий, но при по возможности наиболее высоком среднем уровне цен на нефть; решение задач осуществления планов и программ хозяйственного развития за счет нефтяных доходов, сплочение большинства нефтедобывающих государств вокруг нефтяной политики инспирируемой Саудовской Аравией в консенсусе с другими членами ССАГПЗ.

Однако с экономической точки зрения более глубокая подоплека нефтяной политики рассматриваемых нефтедобывающих государств Аравии заключается в максимально возможном сдерживании слишком обширной преждевременной разработки жидкого топлива во избежание потерь будущих выгод. На нынешнем этапе развития мирового хозяйства, когда реальная ограниченность разработки нефти вне Ближнего Востока

сочетается с ухудшением потенциала энергосбережения, велика вероятность усиления в аравийской нефтяной политике акцента на сдерживание добычи и поставок.

В заключении нельзя не отметить еще один важный момент, который касается противоречий между разными арабскими и мусульманскими странами – экспортерами нефти, вообще между «консервативными» и «радикальными» нефтеэкспортерами. Безусловно, что успех их общей нефтяной политики может быть действенным только при условии тесной координации между ними. Представители Кувейта, например, признают, что «...у государств -экспортеров нефти существуют и прямо противоположные интересы». Они подчеркивают: «Такое столкновение интересов может быть преодолено путем диалога с ОПЕК или с Организацией арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК), то есть в рамках, приемлемых для этих государств и могущих создать необходимое равновесие их интересов и интересов всех арабских государств и государств-импортеров и потребителей нефти» [см. 12, глава 4, & 2].

Очевиден и факт того, что страны-нефтеэкспортеры вынуждены объединяться вокруг политики Саудовской Аравии, проводящей наиболее взвешенную политику в нефтяной сфере и объединяющей «консервативных» нефтеэкспортеров. С другой стороны, при улучшении ситуации с ценами взаимодействие «радикальных» нефтеэкспортеров с «консервативными» очень часто размывалось, а вместе с этим взаимодействием утрачивалась и эффективность проведения в жизнь интересов нефтеэкспортеров в целом. Но и КСА не откликалось на такие предложения Ирака и других стран как предложение о необходимости организации совместного маркетинга нефтяной продукции и т.д. Хотя монархии Залива оказывали обширную финансовую помощь другим арабским и исламским странам, чьи позиции в период проведения монархиями политики стабилизации цен на умеренном уровне были намного менее выгодными, чем у самих монархий, это ставило «радикальных» нефтеэкспортеров в позицию зависимости и несамостоятельности. Такие проблемы в немалой степени подтолкнули Ирак к нападению на Кувейт, а в целом можно сказать, что в нефтяной политике аравийских стран всегда будет присутствовать собственная политическая составляющая, формирующаяся под воздействием различных арабо-исламских политических воззрений, включая и взгляды на взаимоотношения монархий с развитыми странами – импортерами нефти и использование ими нефтяного фактора в развитии, взгляды на использование нефти как основного природного богатства региона Ближнего Востока. В XXI веке эффективность нефтяной политики ведущих аравийских нефтеэкспортеров и эффективность нефтяной политики развивающихся стран-нефтеэкспортеров в целом будет по-видимому поставлена в серьезную зависимость от их взаимодействия, от того, насколько стратегия аравийских стран сможет сочетаться с интересами других экспортеров. Перед экспортерами нефти ОПЕК и других развивающихся стран встает много проблем связанных с либерализацией мирового хо-

зайства, с налогообложением импорта нефти, с выдвигаемыми развитыми государствами предложениями об ужесточении экологических налогов. На эти вызовы времени развивающиеся страны-нефтеэкспортеры должны искать и вырабатывать скоординированные ответы.

1. D.H. Claes. The Politics of Oil – Producer Cooperation. Oslo, 1998.
2. BP Amoco Statistical Review of World Energy 1997. L, 1997.
3. R. Mabro. OPEC's Future Pricing Role May be at Stake. // OPEC and the World Oil Market: The Genesis of the 1986 Price Crisis. Oxford, 1986, pp. 57-66.
4. S. Strange. States and Markets. L., 1988.
5. D.B. Reynolds. Modelling OPEC Behavior: Theories of Risk Aversion for Oil Producer Decisions. // Energy Policy. Guildford, Dec. 1999, № 15, pp. 901-913,
6. P. Terzian. OPEC: The Inside Story. L., 1985.
7. J. Evans. OPEC and the World Energy Market: a Comprehensive Reference Guide. Essex, 1990.
8. J. Robinson. Yamani. The Inside Story. L., 1988.
9. D. Yergin. The Prize (The Epic Quest for Oil, Money and Power). New York, 1994.
10. Cover Story: OPEC. Mixed-up Markets Put Nerves on Edge. // Middle East Economic Digest (MEED). L, Sept. 2000, № 38, pp. 6-7.
11. Economic Growth in Asia and the Effect of OPEC/non-OPEC Co-operation. // OPEC Bulletin. August 2000, № 8, pp. 4-7.
12. Kuwait: Statehood and Boundaries. Kuwait, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Аль-Амри Саид Сальман БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	3
Аль-Амри Саид Сальман США: ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ	19
В.М.Ахмедов СИРИЯ: АКТИВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ	25
С.Э.Бабкин О ПОЛОЖЕНИИ ВО ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ АМАЗИГ	30
А.М.Бескодаров МИРОВОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ИРАНСКИЙ ГАЗ: СТРАНОВОЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	39
С.В.Бондаренко НЕФТЕГАЗОВАЯ ОТРАСЛЬ АЛЖИРА И ЕГИПТА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	50
А.Б.Борисов ВОЙНА В ЧЕЧНЕ И ИСЛАМСКИЙ МИР	61
Б.Н.Гашев КОНФЕРЕНЦИЯ СТРАН КОМЕСА В КАИРЕ	70
С.М.Гасратян, Ю.В.Агавельян ОТНОШЕНИЯ ИЗРАИЛЯ С ЛИВАНОМ — РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	83
В.И.Гусаров ЮГО-ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ ВЕКА	99
М.П.Гучанин ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 80- И 90-Е ГОДЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ И ИНТЕРЕСОВ	115
Л.П.Зудина ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ АЛЖИРА	134
Т.А.Карасова ТИПОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ ИЗРАИЛЬСКИХ ПАРТИЙ И БЛОКОВ	144
М.Е.Касторный ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ И ЧАСТНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ В ЕГИПТЕ	162

В.В.Куделев	
К ПРОБЛЕМЕ ИСПАНСКИХ АНКЛАВОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ	188
Н.З.Мосаки	
ГИДРОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУРДСКОГО ВОПРОСА	196
Э.Х.Нильский	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТОКА НИЛА	215
К.И.Поляков	
ИСЛАМИСТЫ У ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СУДАНА В 90-х ГОДАХ XX в.	226
К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОСЛЕ РАЗДЕЛА ПАЛЕСТИНЫ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИНТИФАДЫ	255
Е.Д.Пырлин	
ГДЕ ЖЕ ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА? (О ходе палестино-израильских переговоров об «окончательном» урегулировании)	269
М.А.Сапронова	
КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСЛАМА В АРАБСКИХ СТРАНАХ	280
А.В.Смирнов	
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН В ОТНОШЕНИИ ИРАКА	292
А.А.Ткаченко	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО КАПИТАЛА В АРАБСКИХ СТРАНАХ	333
ХАМАМДЕХ МУХАММАД	
СТРАТЕГИЯ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН – ВЕДУЩИХ АРАВИЙСКИХ НЕФТЕЭКСПОРТЕРОВ (на примере Королевства Саудовская Аравия и Государства Кувейт)	342

CONTENTS

AL-AMRI SAID SALMAN	
THE MIDDLE EAST: PROBLEMS OF SECURITY AND FUTURE PERSPECTIVES FOR REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION	3
AL-AMRI SAID SALMAN	
USA: COMMON INTERESTS IN THE SPHERE OF SECURITY IN THE PERSIAN GULF	19
V.AHMEDOV	
SYRIA: MORE DYNAMIC FOR ECONOMIC TIES AND INTERESTS OF RUSSIA	25
S.BABKIN	
ON THE SITUATION IN THE WORLD CONGRESS OF AMZIG	30
A.BESKODAROV	
WORLD ENERGY. IRANIAN GAS: COUNTRY, REGIONAL AND GLOBAL PROFILES	39
S.BONDARENKO	
OIL AND GAS INDUSTRY IN ALGERIA AND EGYPT AT THE EDGE OF TWO CENTURIES	50
A.BORISOV	
WAR IN CHECHNYA AND ISLAMIC WORLD	61
B.GASHEV	
KOMECA CONFERENCE IN CAIRO	70
S.GASRATIAN, JU.AGAVELIAN	
ISRAEL AND LEBANON: RELIGIOUS AND POLITICAL PROBLEMS	83
V.GUSAROV	
THE SOUTH-EAST MEDITERRANEAN: ECONOMIC ACHIEVEMENTS OF THE CENTURY	99
M.GUCHANIN	
TURKISH-AMERICAN ECONOMIC COOPERATION IN THE 80'S AND 90'S: TRANSFORMATION OF GOALS AND INTERESTS	115
L.ZUDINA	
FOREIGN CAPITAL IN OIL AND GAS SECTORS OF ALGERIA	134
T.KARASOVA	
TYPOLOGY OF MAIN ISRAELI PARTIES AND BLOCKS	144
M.KASTORNI	
INVESTMENT CLIMATE AND PRIVATE INVESTMENTS IN EGYPT	162

V.KUDELEV	
ON THE PROBLEM OF SPANISH ENCLAVES IN NORTHERN AFRICA	188
N.MOSAKY	
HYDROSTRATEGICAL PROFILE OF KURDISH QUESTION	196
E.NILSKY	
SOME ASPECTS OF REGULATION OF THE NILE FLOW	215
K.POLJAKOV	
ISLAMISTS AT POWER: SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT IN THE SUDAN IN THE 90'S	226
K.POLJAKOV, A.HASYANOV	
ISLAMIC ORGANIZATIONS ACTIVITY AFTER THE DIVISION OF PALESTINE AND DURING THE INITIAL PERIOD OF INTIFADA	255
E.PYRLIN	
WHERE IS WAY OUT FROM THE LABYRINTH? (On the Palestinian-Israeli talks on the "final" settlement)	269
M.SAPRONOVA	
CONSTITUTIONAL REGLEMENTATION OF ISLAM IN THE ARAB COUNTRIES	280
A.SMIRNOV	
INTERNATIONAL LOW ASPECTS OF UN ECONOMIC SANCTIONS AGAINST IRAQ	292
A.TKACHENKO	
RUSSIAN ENTREPRENEUR'S CAPITAL IN THE ARAB COUNTRIES	333
HAMAMDEH MUHAMMAD	
STRATEGY OF OIL POLICY IN LEADING ARABIAN OIL EXPORTERS (THE CASE OF SAUDI ARABIA AND KUWAIT)	342

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
55. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
59. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
60. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
66. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of es-
says). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic
Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov,
L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)

42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The Middle East: Problems of regional Security" № 9, (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
56. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian** and **A.Tkachenko**
59. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
60. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Poljakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
66. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**